

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1967

В. В. Пименов

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В РАЗВИТИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Проблемы развития народной культуры охватывают весьма широкий круг вопросов, которые в конкретном виде ставятся и решаются многими специальными науками — этнографией, литературоведением, фольклористикой, искусствоведением, археологией, историей культуры и другими. Успехи этих наук за пятьдесят лет Советской власти несомненны, накопленные ими материалы огромны, а результаты исследований весьма внушительны. Интенсивность развития этих наук выражается также в заметном усилении внимания исследователей к разработке теоретико-методологических аспектов в названных областях знания². Больше того, интерес к теории все чаще не замыкается лишь в рамках «своей» науки, а приводит к постановке и обсуждению ряда общих проблем.

Многогранный интерес к исследованию закономерностей эволюции народной культуры станет вполне понятен и выступит рельефнее, если принять во внимание тот несомненный факт, что в течение текущего столетия, а особенно за последние десятилетия, мы воочию можем наблюдать процесс резкого возрастания объема, расширения сферы, а также подъема уровня культуры во всем мире, но прежде всего за счет необычайной быстроты качественного и количественного роста культуры в социалистических государствах и развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с тем работа в области теории (а не только истории) культуры теперь определяется не одними лишь собственными задачами и нуждами культуроведческих наук, но и мощным влиянием смежных наук, среди которых важнейшая роль по справедливости должна быть отведена советской марксистско-ленинской социологии, вступившей за последние десять лет в полосу, с одной стороны, активного проведения эмпирических исследований, а с другой стороны, успешно разрабатывающей ряд важных теоретико-методологических положений. Мы, в частности, имеем в виду выдвинутую нашими социологами концепцию «теории среднего ранга» или «среднего уровня» (в марксистско-ленинской социологии, как известно, данная концепция коренным образом отличается от того, что охватывается этим понятием в буржуазной эмпирической социологии)³, с появлением которой становится возможным яснее наметить перспективы теоретической работы в области развития культуры и строже определить ее границы. Но и опираясь на уже теперь выполнен-

¹ В данной статье рассматривается тот слой культуры, который иногда называют «нижним» (это слово употребляется в значении «лежащий в основе», «фундаментальный»); он является одним из основных объектов изучения этнографии.

² См., напр., сб. «Вопросы методологии литературоведения», М.—Л., 1966.

³ Г. М. Андреева, Методологическая роль теории на разных этапах социального исследования, «Вопросы философии», 1964, № 7, стр. 22—24.

ные исследования и накопленные данные⁴, можно сделать некоторые заключения, приближающие нас к формулировке ряда законов и теорий, относящихся к сфере культуры и быта народов.

Определяя возможные подходы к изучению этих законов и теории следует прежде всего учесть, что культура, как явление одновременное историческое и географическое, должна исследоваться в двух аспектах — диахроническом и синхроническом, историческом и территориальном.

* * *

Нам думается, что уже теперь, вероятно, могут быть описаны существенные стороны закона традиции (преемственности) и модернизации (обновления) народной культуры с учетом не только количественных но и качественных сторон ее развития и изменения. В решении этого вопроса мы можем опереться на определенный опыт, накопленный этнографией, историей культуры и искусства и социологией. Как известно, мысль об исторической преемственности в процессе прогрессивного развития культуры возникла в новое время. В достаточно отчетливом виде ее формулировал И. Г. Гердер⁵. Та же мысль, равно как и другая чрезвычайно важная идея — о том, что создателем и носителем культурных ценностей является народ, широкие трудящиеся массы, — постепенно прокладывала себе дорогу в трудах прогрессивных историков, этнографов и искусствоведов. Однако на подлинно научную историко-материалистическую основу проблема преемственности и обновления культуры могла быть поставлена только благодаря трудам основоположников марксизма-ленинизма.

Особенно важны в этой связи мысли В. И. Ленина, высказанные им в известных работах дореволюционного периода о развитии русской культуры и по национальному вопросу, а также в его статьях, речах и заметках (1918—1923 гг.) о культурной революции, культурном наследстве и Пролеткульте⁶. В нашей философской, социологической и этнографической литературе эти мысли давно и оживленно комментируются⁷. В литературоведении постановка этой проблемы приобретает вид соотношения традиции и новаторства в творчестве писателей, а в фольклористике — освещения роли традиции и индивидуального вклада носителей фольклора в развитие устного поэтического творчества⁸.

Как видим, эта проблема очень широкая и имеющая первостепенное теоретико-методологическое значение для всей исторической науки, в особенности для ее культуроведческих разделов. Историческую преемственность в развитии культуры справедливо считают «одной из важней-

⁴ Автор, будучи этнографом, естественно, в первую очередь основывается на этнографическом материале.

⁵ А. В. Гулыга, Проблемы культуры в философии Гердера, «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3, стр. 135 и сл.

⁶ Сб. «Ленин о культуре и искусстве», М., 1956.

⁷ См., напр.: Г. Г. Карпов, О советской культуре и культурной революции в СССР, М., 1954; «Коммунизм и культура. Закономерности формирования и развития новой культуры», М., 1966; И. С. Смирнов, Ленин и советская культура, М., 1960 (Приведена подробная библиография); С. П. Толстов, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1949, № 1; Л. П. Потапов, Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу, «Сов. этнография», 1960, № 2.

⁸ Из новейших трудов по этому вопросу см.: В. Е. Гусев, О коллективности в фольклоре, «Русский фольклор (Специфика фольклорных жанров)», X, М.—Л., 1966. Приведена весьма полная библиография.

ших черт... объективной закономерности общественного развития»⁹. Этот вывод основывается на указании Маркса, писавшего: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему предшествующими поколениями»¹⁰. Ф. Энгельс назвал традицию силой инерции в истории¹¹. Понять «механизм» этой закономерности можно, по-видимому, лишь исходя из того известного марксистского положения, что человеческому обществу присуща способность производить несколько больше того, что оно потребляет, и таким способом накапливать результаты прежнего труда. Всякий последующий труд неизбежно связан с использованием предыдущего, материализованного в вещах или удержанного в мыслях, то есть в достижениях культуры. Таким образом, в моменте преемственности, удержания и освоения прежде выработанных культурных ценностей следует видеть одну из важных сторон названного закона.

Факт преемственности в развитии культуры подтверждается всей совокупностью имеющихся научных данных, в частности данными этнографии. Так называемый собственно этнографический материал (то есть факты, полученные путем непосредственного прямого наблюдения) обладает, как известно всякому этнографу, одной любопытнейшей особенностью: он неоднозначен, неоднопланов, он, так сказать, многослоен. Действительно, он дает нам, с одной стороны, сведения для суждения о фактах и явлениях, синхронных самому моменту наблюдения; с другой стороны, исследуя его, мы можем говорить о свойствах и качествах каждого данного объекта применительно ко времени его возникновения; в-третьих, в этом материале могут содержаться (и обычно содержатся) такие элементы, которые старше самого объекта и отражают давние, а подчас весьма древние реалии.

Возьмем для примера севернорусский крестьянский дом, скажем, построенный в начале 1930-х гг. Само собой понятно, что этот дом есть факт современной материальной культуры, и, поскольку таких домов еще и теперь много, он должен рассматриваться как один из элементов, в какой-то мере определяющих ее нынешний облик. Вместе с тем ни у кого не возникает сомнения в правомерности видеть в этом доме один из типов жилища, характерных для 1930-х гг. Кроме того, обычно не трудно бывает выяснить, что этот дом имеет немало таких черт и особенностей, которые были типичны для жилища данного района еще в дореволюционную эпоху (например, расположение жилых и части хозяйственных построек в едином строительном комплексе, трехраздельная планировка помещений и т. п.). Наконец, в этом доме не трудно отыскать такие конструктивные и иные особенности (например, срубный характер постройки, способы рубки и пр.), которые могут относиться ко временам седой архаики.

Подобные примеры практически бесчисленны. Они могут относиться как к области материальной, так и духовной культуры или народного быта. Мысль об устойчивости и преемственности народного быта находит также поддержку и со стороны социальной психологии¹². Не подлежит сомнению, что введенный в науку этнографами-эволюционистами так называемый метод пережитков имеет в основе действие закона

⁹ Э. А. Баллер, Проблема преемственности в развитии культуры. «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5, стр. 14.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. 3, стр. 44—45.

¹¹ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 318.

¹² Д. Б. Парыгин, Социальная психология как наука, Л., 1965, стр. 176.

традиции. Больше того, лишь действие этого закона, мы думаем, вообще позволяет проследживать пути этнического развития и формирования культуры народов.

Вместе с тем, подчеркивая элементы традиции, наследования, преемственности в развитии народной культуры, мы оттеняем только одну из сторон закона. Его другая сторона, кстати сказать, этнографически гораздо хуже изученная, может быть описана с помощью терминов «новаторство», «модернизация», «обновление», «прогрессивное изменение». Сущность преемственности как необходимого условия развития культуры состоит... в неразрывном органическом единстве, с одной стороны, наследования, использования накопленных прежними поколениями культурных ценностей, т. е. традиции, а с другой — критического анализа и творческой переработки этих культурных ценностей, т. е. новаторства»¹³. Развитие культуры не может питаться одними традициями, это грозило бы ему остановкой. Оно нуждается в отрицании, в вытеснении, в изживании устаревших традиций, старых форм культуры и в замене их другими, более отвечающими новым, современным условиям. Таким образом, диалектика развития народной культуры осуществляется как вечная борьба установившихся, унаследованных от прошлого и сохраненных элементов, что можно было бы назвать властью традиции, с тем новым, что нарождается в культуре, что составляет ее хронологически «верхний» слой и что можно было бы назвать властью обновления. В этом следует видеть другую важную сторону закона традиции и обновления культуры.

Сказанным, однако, проблема не исчерпывается. Дело в том, как понимается соотношение между традиционным и новым, каков его характер, идет ли речь лишь о количественном росте культуры или же признается также момент ее качественного развития. Ведь вопрос о традиции и обновлении в тех или иных формах обсуждается и в буржуазной этнографии и социологии, но там он часто решается метафизически: факт поступательного развития отрицается, понятие «развитие» подменяется понятием «изменение», а это последнее понимается лишь как плавное, непрерывное и чисто количественное. Так, известный французский буржуазный социолог Р. Арон, признавая, что человеческая история содержит в себе момент сбережения и накопления определенных результатов социальной деятельности для жизни последующих поколений, утверждает вместе с тем, что это такая деятельность, результаты которой имеют только количественный характер¹⁴. Крупный американский этнограф М. Херсковиц, говоря об изменениях в культуре, также сводит их к чисто количественному усложнению, что уже было подвергнуто критике в нашей литературе¹⁵.

Однако смысл постановки этого вопроса не сводится к теоретическому признанию качественных сдвигов в развитии культуры и критике суждений буржуазных ученых. Теоретически всякому марксисту ясно, что в своем прогрессивном развитии культура любого народа и во все времена не только растет количественно и, так сказать, увеличивается в объеме, но и испытывает перерывы постепенности, изменяется качественно. История культуры изобилует примерами, подтверждающими и иллюстрирующими это положение. Возникновение искусства в эпоху

¹³ Э. А. Баллер, Указ. раб., стр. 15.

¹⁴ См.: R. Aron, *Dix-huit leçons sur la société industrielle*, Paris, 1962, стр. 77; С. Ф. Черненко, Проблема общественного прогресса в социологии Раймона Арона, Сб. «Современный капитализм и буржуазная социология», М., 1965, стр. 159—160.

¹⁵ Ю. П. Аверкиева, Современные тенденции в развитии этнографии США. В сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 18.

палеолита, рождение письменности и отпочкование литературы от фольклора в период перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, сложение центров ремесла и торговли — городов, явившихся новыми типами поселений в раннерабовладельческую эпоху и на заре феодализма, появление книгопечатания и современных средств передачи и хранения информации в новое время — все это и многое другое суть легко (при нынешнем уровне науки) выделяемые узловые моменты истории культуры, которые с полным правом могут быть определены как качественные изменения.

Основные трудности не в этом. Они встают тогда, когда мы ставим перед собой задачу проследить качественные перемены в развитии не отдельных, пусть даже важнейших, элементов культуры, а национальной культуры в целом. Буржуазные социологи и этнографы также ставят перед собой эти вопросы, но они их по большей части решают, оставаясь на почве исторического идеализма. Вот образчик решения, предложенный Питиримом Сорокиным: «Я считаю, что в рамках одной и той же культуры созидательная сила появляется сперва в религии и в других сферах нематериальной культуры (государственная деятельность, литература) и лишь позднее эта сила получает развитие в науке, технике и еще позднее в бизнесе»¹⁶. Вряд ли надо подчеркивать, что такое решение неприемлемо для этнографа-марксиста; всякий этнограф-марксист увидит в нем не только попытку объяснить развитие культуры из самой культуры, преимущественно развитием ее духовной стороны, отвлекаясь от ее социальной природы, но и совершенно искаженную картину самого исторического процесса.

Советские этнографы ставят вопросы развития культуры, имея в качестве основы и исходного пункта своих рассуждений исторический материализм. При такой постановке вопроса недопустимо отвлекаться от классовой структуры общества, от факта воздействий классовых интересов на развитие культуры любого народа, любой этнической общности, разделенной на антагонистические классы. Как действует в этих условиях закон традиции и обновления культуры? Где пролегла эта качественная грань, по одну сторону которой лежит, скажем, культура русских, грузин, карел, чехов или болгар буржуазной эпохи, а по другую — их социалистическая культура? Нам думается, что обычно даваемый на эти вопросы ответ, что в общем и целом эта грань соответствует тем рубежам в истории самого общества, которые разделяют последовательно сменяющие друг друга социально-экономические формации, что ведущий класс нации наследует из прежней культуры то, что отвечает его интересам, — такой ответ — при всей его бесспорности — не может полностью удовлетворить исследователей, пытающихся проследивать конкретные пути развития национальных культур.

И здесь прежде всего следует принять во внимание, что понятие «качественный скачок» вовсе не обязательно трактовать как мгновенную акцию: переход из одного качественного состояния в другое может быть более или менее длительным, может иметь протяженность во времени. Недаром В. И. Ленин вскоре после Октябрьской революции указал на необходимость культурной революции, которую он понимал как длительный и многоступенчатый процесс¹⁷. Следует далее принять в расчёт и то чрезвычайно важное обстоятельство, подчас упускаемое из виду

¹⁶ P. Sorokin, *Social Philosophies of an Age of Crisis*, Boston, 1951, стр. 313; критическую оценку этого взгляда см.: Ю. Н. Семенов, *Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии*, М., 1965, стр. 99.

¹⁷ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 45, стр. 376—377.

нашими теоретиками, что классовые различия в культуре в разной мере, с разной степенью остроты проявляются в разных сферах культуры — в сфере духовной культуры и в сфере материальной¹⁸ В. И. Ленин, говоря о «двух культурах», конечно, в первую очередь имел в виду область духовной культуры, область идеологии.

Но и духовная культура народа, наиболее чуткая ко всем социальным, классовым движениям, наиболее прямо их отражающая, не меняется под их воздействием целиком, без остатка, подобно тому, как меняется в процессе революции политическая организация общества, а развивается вслед за ними, сохраняя в своем составе — в силу действия закона традиции — многое из того, что создано и накоплено в прошлом. Если бы это было не так, то невозможно было бы объяснить ни сохранение после Октября многих фольклорных жанров, ни бытование в советскую эпоху традиционной свадебной обрядности, ни живучести, — несмотря на систематическую и весьма острую идейную борьбу — религиозных верований и т. п.

Что же касается вопроса о материальной культуре, то и он очень не прост, и его анализ должен отличаться строгостью и корректностью. Приведем примеры. Так, можно и должно говорить о классовых различиях в одежде, скажем, восточнославянских народов в начале текущего столетия, но следует при этом учитывать, что комплексы одежды отдельных слоев крестьянства, пролетариата, буржуазии и дворянства рисуются нам как вполне различные лишь в том случае, если мы специально выделяем их как типы (чаще всего в музейных экспозициях), но что в реальном бытовании эти комплексы всегда отличались подвижностью, изменчивостью, множеством переходных форм¹⁹. Точно то же относится к народной пище и утвари. Так, далее, совершенно ясно, что деревня феодальной Руси является крестьянским поселением, усадьба XIX в. — помещичьим, а хутор XX столетия — кулацким, что окраины больших городов заселены рабочими, а их центры — буржуазией, однако классовая «чистота» этих разных по происхождению типов поселений очень относительна, а появление каждого последующего типа не отменяет существования предыдущих.

Наконец, и это больше всего касается развития народной культуры, в особенности материальной, в советскую социалистическую эпоху, качественные изменения в культуре, как показывает опыт этнографии, имеют не сплошной, не фронтальный характер, а скорее, принимают вид одновременных движений, неодинаковых по темпу и различных по интенсивности. Мы полагаем, что совершенно прав М. М. Розенталь, который, освещая вопрос о качественных изменениях социалистического общества, писал, что «развитие складывается из цепи «мелких скачков», которые изменяют старое качество не сразу, не целиком, а частями; возникновение каждого элемента нового качества и представляет собой такой «мелкий скачок», переход, подготовленный, разумеется, соответствующими количественными изменениями...»²⁰. Данные этнографии подтверждают эти мысли. Так, исчезновение у северных великорусов,

¹⁸ Весьма характерно, что в некоторых общих теоретических работах проблемам развития материальной культуры уделено непропорционально мало места (см., например, Г. Г. Карпов, Указ. раб.), в других (напр., в коллективной монографии «Коммунизм и культура») — эти вопросы вообще оставлены за пределами рассмотрения.

¹⁹ Мы сейчас оставляем в стороне важный вопрос о внешних заимствованиях (например, западноевропейских), быстрее и охотнее усваиваемых господствующими классами. Заметим лишь, что многие из них (хотя далеко не все) постепенно (в силу торжествующего действия традиции и недостаточных экономических возможностей) усваиваются и трудящимися классами.

²⁰ М. М. Розенталь, Ленин и диалектика, М., 1963, стр. 505.

карел, вепсов и других народов традиционного крестьянского комплекса одежды и замена его современными типами городского костюма совершались раньше, чем изменяются типы поселений или жилищ, а изменения в типе мужской одежды у тех же народов произошли раньше, чем в женской (могут быть, конечно, приведены и обратные примеры); утварь и внутреннее убранство жилища относятся, без сомнения, к числу наиболее подвижных элементов культуры, а мотивы орнамента или погребальный обряд отличаются известной консервативностью.

Из сказанного, таким образом, видно, что еще одна существенная черта закона традиции и обновления состоит в том, что развитие культуры включает в себя качественные сдвиги; они, однако, охватывают не сразу всю культуру того или иного народа, а более или менее растянуты во времени, реализуясь в серии «мелких скачков».

* * *

До сих пор речь шла об общем законе традиции (преемственности) и модернизации (обновления) культуры. Рассматривая вопрос в общем плане, определяя некоторые черты закона, мы по необходимости должны были отвлечься от его конкретных проявлений, в которых он только и может реализоваться, равно как и от некоторых терминологических тонкостей, связанных с употреблением слова «традиция». Покуда обсуждался общий закон, слово «традиция» употреблялось нами в его первоначальном значении (от лат. *traditio* — передача, предание), очень близком, хотя и не вполне тождественном, русскому «преемственность». Но стоит только приняться за обсуждение конкретных проявлений закона, как этот второстепенный терминологический вопрос выдвигается на первый план в качестве важного и животрепещущего.

И действительно: слово «традиция» (или чаще во множественном числе «традиции») прочно вошло в наш литературный, политический, научный и бытовой лексикон. Оно — неприметно для нас — употребляется в разных смыслах, в различных значениях, оформляя неодинаковые понятия. Один смысл тот, о котором сказано выше, близкий к понятию преемственности, наследования. Другой — тоже родственный, но все же отличный, более узкий, чем «преемственность», сближающийся с понятиями «обычай», «социальная привычка». Как много разных оттенков приобретает слово «традиция», видно уже из краткого перечня сочетаний, в которых оно встречается в литературе и живой речи. Это и общественные, революционные, боевые, трудовые, национальные традиции; это и культурные, литературные, идейные, архитектурные, фольклорные, религиозные традиции; это и бытовые, семейные, обрядовые и прочие традиции. Мы в праве говорить о положительных традициях (традиции коллективизма и т. п.), об отрицательных традициях, которые нередко называют пережитками (традиция употребления алкоголя во всех важных и торжественных случаях жизни), а также о таких традициях, о которых можно сказать, что они не приносят видимой пользы, но и вреда от них нет. Итак, слово «традиция» неоднозначно, и его употребление должно сопровождаться оговоркой, уточняющей вкладываемой в него смысл.

Вопрос о традициях как частных проявлениях общего закона преемственности и обновления (в том числе в аспекте рассмотрения определенных закономерностей в развитии культуры) для этнографии также очень важен и интересен. Мы, этнографы, чаще всего ограничиваемся конкретным изучением тех или иных народных, культурно-бытовых традиций, их возникновения, роста, угасания и возрождения, но, к сожалению, недостаточно размышляем об их общих и отличительных чертах.

Автору во всяком случае не приходилось встречать в этнографической литературе работ, специально обсуждающих понятие «традиция», в которых делалась бы попытка дать его определение и соответствующее истолкование.

Между тем в смежных с этнографией науках — в дескриптивной этике, социологии, социальной психологии — за последнее время по этим проблемам высказано несколько новых мыслей, которые, полагая, должны найти живой отклик со стороны этнографов. Специалисты подходят к проблеме традиций с разных точек зрения, оттеняя те или иные стороны этого явления и понятия. Социологи и ученые, работающие в области социальной психологии, говоря о традициях, видят в них в первую очередь специфические формы коллективного сознания²¹. Вместе с тем традиции рассматриваются в этике как формы общественной дисциплины²². Далее, в социальной психологии традицию трактуют как проявление доминирующего общественного мнения прошлого²³. Кроме того, традиции — особенно в генетическом плане — называют социальными привычками и, наконец, видят в них исторически сложившиеся, устойчивые и наиболее обобщенные нормы и принципы общественных отношений людей, передаваемые из поколения в поколение и охраняемые силой общественного мнения²⁴.

Все эти определения в одинаковой степени возможны и приемлемы. Но с точки зрения этнографии принципиально важно подчеркнуть момент устойчивости всяких, в особенности культурно-бытовых традиций, их преемственность и инерцию в системе объективных общественных отношений. Этнографы чаще и ближе, чем кто-либо другой, в полевой практике сталкиваются с подобными фактами и наблюдают их. Примеров тому сколько угодно. Укажем лишь на один, относящийся к области производственного быта карельских лесорубов.

В 1920-е гг. лесорубы работали по преимуществу топором и двуручной поперечной пилой. Попытка на рубеже 1920-х и 1930-х гг. внедрить более производительные инструменты (лучковые пилы) натолкнулась на столь ощутимую силу привычки, традиции, что потребовалось несколько лет для того, чтобы их преодолеть. В послевоенные годы — в конце 1940-х и середине 1950-х гг. эта же история дважды повторилась в связи с внедрением электрических и бензомоторных пил.

Устойчивость культурных традиций иной раз оказывается необычайно прочной, настолько прочной, что, казалось бы, уже подточенные временем и дискредитированные в глазах общественного мнения институты по прошествии некоторого периода «вдруг» становятся способными к регенерации и полнокровному функционированию. Великорусский свадебный обряд в 1920-е и начале 1930-х гг. во многих областях Европейской части СССР (как в русских районах, так и в местностях, населенных другими народами, воспринявшими этот обряд, например, карелами, вепсами, коми и другими) был вытеснен из живого быта весьма упрощенными «советскими» формами заключения брака. Традиционный обряд воспринимался — даже в крестьянской среде — как несовременный, архаичный, символизирующий серость прежнего деревенского быта. И вот в послевоенные годы, особенно с начала 1950-х гг., этот обряд, в заметно моди-

²¹ И. С. Кон, Позитивизм в социологии, Л., 1964, стр. 54—55; Б. Д. Парыгин, Указ. раб., стр. 9, 68.

²² «Краткий словарь по этике (под редакцией О. Г. Дробниченко и И. С. Кона)», М., 1965, стр. 88—89, 92, 283 и др.

²³ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 55—56.

²⁴ Н. С. Сарсенбаев, Обычаи и традиции в развитии, Алма-Ата, 1965, стр. 70—71, 89.

фицированном виде, был снова зафиксирован в ряде областей как возродившаяся традиция²⁵.

Традиции, следовательно, способны в некоторых случаях возрождаться. Но они могут и ослабевать, угасать, умирать, исчезать. Любой этнограф в состоянии привести достаточно длинный список традиций, еще недавно живых, а теперь уже угасших и сохранных лишь в воспоминаниях информаторов. И далеко не все, помеченное в этом списке, будет относиться к числу отрицательных традиций (пережитков); найдутся среди них и такие, об исчезновении которых можно только пожалеть.

Но вопрос теперь в другом: чем обусловлена судьба традиций, где искать детерминанты их стабильности или, наоборот, шаткости? Разумеется, не в самих традициях, а в конечном счете в тех социально-экономических условиях, в рамках которых традиции возникли или продолжают жить, в тех социальных институтах, которые поддерживаются или отрицаются традициями, с учетом социально-психологического фактора.

Итак, закон традиции и обновления культуры объясняет нам общий смысл и общие тенденции ее развития. Но в рамках этого закона действуют, живут и функционируют многочисленные и разнообразные культурные и иные традиции. Подчиняясь общему правилу, они все же для своего объяснения требуют всякий раз конкретного анализа социальной ситуации, их породившей и их окружающей.

* * *

Проблема качественных изменений в связи с анализом действия закона традиции и обновления культуры для своего решения требует, как видим, совместных усилий специалистов разных наук, в том числе социологов и этнографов. Ясно, что и в других случаях, даже в тех, когда речь — по внешней видимости — идет как будто бы о чисто этнографических явлениях, содружество с социологией может оказать важное содействие. Надо лишь таким образом формулировать задачу, чтобы был достаточно отчетливо виден ее социологический аспект.

Здесь имеется в виду прежде всего явление культурной непрерывности, факт сам по себе непреложный, известный всякому этнографу и не вызывающий сомнений, но еще как следует не описанный и не осмысленный. Действительно, закон традиции и обновления культуры предусматривает объяснение развития культуры, так сказать, по вертикали. Но этого недостаточно: чтобы понять историю народной культуры во всей полноте, мы должны иметь возможность представить себе ее движение и развертывание в пространстве, на территории, рассматривать ее «срезы» на разных (в идеале — на любом) исторических этапах. Такая постановка вопроса побуждает еще раз²⁶ обратить внимание на то обстоятельство, что в процессе передвижения (реального или даже мысленного) по территории с более или менее стабильным населением не трудно, «делая пробы», обнаружить постепенное накапливание отличий в культуре, почти неприметных для рядом или поблизости расположенных пунктов, но становящихся хорошо видимыми при сопоставлении относительно удаленных друг от друга.

Поясняя эту мысль, приведем примеры из наиболее близкой автору области — из этнографии карелов, вепсов и смежно живущих северных

²⁵ См., напр., Л. А. Анохина, М. К. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964, стр. 227.

²⁶ Эта мысль уже была нами высказана в другой работе. См. В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн, Русские исследователи Карелии (XVIII в.), Петрозаводск, 1958, стр. 153.

великорусов. Так, при изучении местных (зональных) особенностей распределения исторически сложившихся типов и форм поселений, а также типов заселения и расселения в пределах Карелии можно заметить, что границы между этими зонами очень условны, расплывчаты и подчас неразличимы. Так, в мотивах орнаментации жилых построек восточных (иначе белозерских) вепсов мы обнаруживаем преобладание геометрических форм; оятские вепсы и русские Посвирья добавляют к ним элементы деревенского барокко, а у северных (прионежских) вепсов и русского населения Заонежского полуострова ощутимо доминируют роскошные барочные формы, геометрические же элементы имеют явно подчиненное значение. Так, карелы и вепсы подобно северным великорусам обычно устраивали боковой бревенчатый въезд на повесть, но если, скажем, у паданских карел мы отмечаем этот тип въезда как единственный, то у олонцевских ливвиков к нему добавляется любопытный местный вариант — въезд спереди, у людиков Лояницы встречается также въезд, примыкающий к усеченному переднему углу двора, а у вепсов верховьев Ояти — въезд, пристроенный к заднему фасаду двора. Примеры подобного рода неисчислимы: каждый этнограф без труда сможет припомнить аналогичные факты из собственной области исследований.

Однако пока мы, как в приведенных примерах, ограничиваемся рассмотрением отдельных элементов культуры, мы лишь в очень неполной мере приближаемся к тому пониманию явления культурной непрерывности, которого нам хотелось бы теперь коснуться. Сложность начинается с того момента, когда мы пытаемся сравнивать между собой не отдельные элементы культуры, границы которых этнографы в общем уже научились проследить (доказательством чего служит любой добросовестно составленный этнографический атлас), а начинаем сопоставлять большие и взаимосвязанные культурные комплексы (в пределе — все элементы и черты местной культуры), наблюдаемые в обследуемых объектах, расположенных в ближнем или более отдаленном соседстве по линии нашего реального или воображаемого маршрута. Только в этом случае нам откроется во всем богатстве и многообразии картина действительного развертывания культуры в пространстве с ее тончайшими переливами, едва заметными переходами и многосложными отношениями.

Но, разумеется, явление культурной непрерывности не следует понимать в слишком буквальном, абсолютном смысле. Его обнаружение и констатация непременно должны по возможности сопровождаться тщательным выявлением и анализом фактов прерывности, «возмущений» и, так сказать, «культурных скачков», которые, как показывает опыт, часто приурочиваются к социально-экономическим, политическим, расовым и религиозным границам, труднопреодолимым географическим рубежам, а также могут быть вызваны и массовыми миграциями населения. Конечно, социально отставшие народы догоняют более развитые, политические границы изменяются, расовые и религиозные предрассудки постепенно рассеиваются, географические препятствия (например, горы) преодолеваются, массовые миграции прекращаются — и общая тенденция в пространственном развертывании культуры снова приобретает свой обычный вид — как тенденция к установлению культурной непрерывности.

И все же культурная непрерывность не может быть названа всеобщей закономерностью глобального значения в том смысле, что она, по-видимому, прослеживается не на всяком произвольно избранном маршруте. иначе говоря, не в любом направлении и не на любом расстоянии, а выступает именно как тенденция. Речь идет, таким образом, о масштабах таких этнокультурных ареалов, в пределах которых культурная непре-

рывность является не только тенденцией, но и достаточно ясно видимой реальностью. В качестве таких ареалов естественнее всего назвать выделенные советскими этнографами историко-этнографические области²⁷, в процессе сложения которых, думается, необходимо принять в расчет и фактор культурной непрерывности.

С точки зрения концепции культурной непрерывности уже не могут считаться достаточными обычно даваемые объяснения сходств и близости культур тех или иных народов или этнографических групп путем указания на имеющие или имевшие место в истории этих народов контакты, путем выделения районов контактов, так как теперь любой регион, а не только этнографические порубежья, должен рассматриваться как контактный. Отсюда следует, что должны быть изучены «механизмы», создающие культурную непрерывность, а это уже такая проблема, для решения которой следует объединить силы этнографов и социологов. Изучая свой материал, этнограф в состоянии отметить факт культурной непрерывности, но для объяснения этого факта недостаточно сведений об одной лишь культуре, здесь вступают в действие определяющие социальные факторы — уровень развития производительных сил, характер производственных отношений, соответствующие им формы социальной организации, средства массовой коммуникации и т. п., без учета которых ошибки неизбежны. Доказательство тому — работы представителей различных направлений диффузионизма, рассматривавших культуру как самодвижущуюся сущность, либо видевших причины всех изменений в одних лишь миграциях.

Следовательно, при обсуждении вопроса о «механизмах» складывания культурной непрерывности первая задача — установить характер общественно-экономических отношений, специфику исторического этапа или этапов, в рамках которых проблема исследуется (та или иная ступень первобытно-общинного строя, рабовладельческой, феодальной, капиталистической или социалистической формации). Но этого мало. Вторая задача — выявление и изучение тех социальных образований, институтов, групп, которые являются носителями местных вариантов культуры и взаимоотношения которых между собой составляют социальную основу культурной непрерывности. Отношения между общинами, артелями, патронимиями, семьями, производственными бригадами и иными коллективами²⁸, а также внутри них, их сложные перекрестные связи имеют, по-видимому, для решения данной задачи неодинаковое значение и несут различную нагрузку. Выяснить основные и второстепенные каналы передачи и усвоения элементов культуры, роль в этом каждого социального организма — общая проблема этнографов, социологов и, надо полагать, специалистов в области социальной психологии.

* * *

Мы, понятно, не считаем, будто сказанным выше исчерпывается обширная тема о закономерностях развития народной культуры. Можно было бы поставить на обсуждение еще одну группу интересных и актуальных вопросов: о том, что в ряде случаев (и в каких именно случаях) традиции выступают в материализованном или опредмеченном виде: о законе преемственности и обновления культуры в свете понятия «информация»; о проблеме строения или структуры культуры и принци-

²⁷ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

²⁸ Некоторые стороны этих отношений могут быть описаны и объяснены в терминах социальной психологии. См. Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, стр. 166—167.

пиальной сравнимости культур и т. д. Эти вопросы также требуют размышлений, углубленной разработки с последующей дискуссией. Но и теперь уже допустимо, основываясь на известных данных, несколько уточнить наши представления о культурном прогрессе.

Первое, что можно вывести в качестве итога из изложенных фактов и соображений, — это мысль о необходимости теснее связывать в единую проблему вопросы исторического развития и территориального развертывания народной культуры так, как они связаны в действительности. Некоторые стороны исторического развития культуры могут быть описаны и объяснены как результат действия закона традиции и обновления, существенные черты которого (в очень, конечно, приближенном виде) формулированы выше. Пространственное развертывание культуры выявляется как тенденция к культурной непрерывности. Можно и нужно рассматривать как отдельные культурные элементы, так и культуры целых народов в обоих аспектах, выявляя определенный порядок в их развитии, объясняя их с точки зрения указанных закономерностей.

Во-вторых, преемственность и обновление культуры, а также культурная непрерывность выступают как объективные закономерности (и мы надеемся, будут признаны в качестве таковых). Они выводятся из фактов развития культуры и в известных пределах объясняют эти факты. Но сами эти закономерности также нуждаются в объяснении, и такое объяснение неизбежно должно исходить из учета социальных процессов. Культура не может быть объяснена полностью и только из самой себя. «Кроме истории (в широком смысле), — писал Г. В. Плеханов, — есть еще социология, которая занимается «общим»... История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии»²⁹.

Наконец, если известны объективные законы развития народной культуры, то, следовательно, имеется возможность, опираясь на их знание, воздействовать, влиять на ход этого развития, руководить процессом. Однако руководство процессом должно быть основано на использовании законов, а не на волюнтаристском попрании их. В ходе так называемой «великой культурной революции», представляющей собой маскировку чуждой марксизму-ленинизму политики группы Мао Цзе-дуна, нынешнее китайское руководство, призывающее «выместить четыре старых» (старую культуру, старые нравы, старые обычаи и старые привычки), совершает (не говоря уже о политической стороне дела) прямое нарушение основных требований закона преемственности развития культуры, ибо нельзя «выпрыгнуть» из традиций, и обновление культуры не есть ее голое разрушение. Не все в старой культуре лишено ценности или вредно, как не все новые явления культуры заслуживают закрепления в традиции.

SUMMARY

The development of the folk culture is to be viewed in two dimensions, both historical and territorial. Some aspects of its historical development can be defined and explained from the point of view of general regularities in tradition (succession) and modernization (innovation) of culture. Essential traits of these regularities now can be already formulated. A territorial expansion of a culture acts as a tendency towards a cultural continuity. Both historical and territorial regularities, explaining to a certain degree the development of culture, can themselves be explained in more general laws of sociology. To realize the degree of stability of a given tradition the data of social psychology are to be taken into consideration.

²⁹ Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения. Т. III, М., 1957, стр. 515.

Н. П. Лобачева

О ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ У НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Последние несколько лет этнографы наблюдают в Средней Азии процесс создания новой безрелигиозной обрядности, новых традиций и праздников.

Этот процесс вызван глубокими изменениями жизненного уклада людей, происшедшими в результате социалистических преобразований и строительства коммунистического общества в нашей стране. В создании безрелигиозной обрядности ощущается большая потребность. Многие старые, пока еще бытующие обряды совершенно не соответствуют содержанию современной жизни.

Создание новых обрядов идет медленно, особенно если они связаны с той областью духовной культуры народа, которая более всего укрыта от воздействия общественности, так как имеет отношение к интимным сторонам жизни людей, к семье. В семейно-бытовых обрядах нередко еще сказывается влияние религии, больше сохраняется вредных пережитков прошлого.

Чтобы ускорить процесс формирования новых обрядов, добиться наиболее соответствующего современной жизни содержания их, необходимо привлечь к участию в этом процессе широкую общественность.

В Узбекской ССР планомерно направлять работу по созданию новых обрядов и праздников стали после XIII Пленума ЦК Компартии Узбекистана, посвященного вопросам культуры быта (июнь 1964 г.). В эту работу включились партийные, комсомольские и профсоюзные организации, общественность. Теперь уже можно изучать ее первые результаты. Последнее очень важно, так как позволит не только выявить новые черты в культуре народа, но и оказать посильную практическую помощь в этом тонком, трудном и ответственном деле.

В данной статье рассматривается ритуал торжественной регистрации брака и свадебная обрядность народов Узбекистана¹.

В настоящее время в Узбекистане распространены два основных вида свадеб: комсомольско-молодежная и традиционная. Комсомольско-молодежная имеет две разновидности: 1) свадьба, справляемая вне дома, в коллективе, в котором молодые работают или учатся, и 2) свадьба, устраиваемая в домашних условиях, называемая в народе, в отличие от традиционной, *кизил туй*². Общим для обоих видов свадеб является новый ритуал торжественной регистрации брака. Мы особо останавливаемся на этом ритуале, во-первых, потому, что он в последние годы по-

¹ В основу статьи положены полевые материалы автора, собранные в 1965 г. во время экспедиционной поездки в Ташкент, Самарканд и их пригороды. Использованы также данные периодической печати.

² В дальнейшем первую разновидность мы будем называть комсомольско-молодежной свадьбой, вторую — «кзыл-тоем».

лучил очень широкое распространение, и, во-вторых, потому, что в традиционной свадьбе имеется равнозначный ему смысловой момент — обряд мусульманского бракосочетания — *нихох*. Многие новые ритуалы и праздники — награждение многодетных матерей орденами и медалями, день рождения, проводы в Советскую Армию и другие не имеют аналогий в старой обрядности народов Узбекистана и успех их целиком зависит от умелой организации самих торжеств. Другое дело — торжественная регистрация брака или регистрация новорожденного. Тут появляется дополнительный фактор — борьба нового со старым. И это обстоятельство требует к ним особого внимания.

Что же представляет собой новый ритуал регистрации брака?

В настоящее время и в городах, и в селах много внимания уделяется тому, чтобы регистрация брака проходила в торжественной, праздничной обстановке, чтобы ритуал ее был красивым, запоминающимся. Брак регистрируется обычно в помещениях загсов, во дворцах культуры, «дворцах бракосочетания», «домах счастья». Первые «дома счастья» в Узбекистане были открыты в 1964 г. в Бухарской области³, теперь они созданы во многих районах республики. В них в торжественной обстановке проводят обряд бракосочетания, регистрируют новорожденных, вручают ордена и медали многодетным матерям, празднуют различные юбилеи, награждения и т. д. В Бухарской области есть специальная председательская лента (повторяет цвета узбекского национального флага), которую перекидывают через плечо председатель сельсовета или представитель исполкома, руководящий торжественной церемонией.

Помещения, в которых совершается ритуал торжественной регистрации брака, теперь, как правило, просторные и уютные. В загсе Самарканда, например, имеется специальный зал для торжественных церемоний регистрации актов гражданского состояния. В Ташкенте в 1964 г. был открыт Дом бракосочетания, в котором регистрируется большая часть молодежных браков⁴.

Министерством культуры Узбекской ССР совместно с республиканским советом профсоюзов разработан «сценарий» или, как иначе его называют, «рекомендация» ритуала торжественной регистрации брака. Такая «рекомендация» разослана на места, где на ее основе обычно создаются свои варианты ритуала.

В Самарканде пользуется известностью церемония регистрации брака, которую проводит Дворец культуры «Химик» Самаркандского суперфосфатного завода. Происходит она так. Для подготовки торжества выбирается группа из 5—7 активистов Дворца культуры и комсомольцев завода. Ее задачи — договориться с поселковым советом об оформлении документов, с заводом — о предоставлении транспорта (обычно автобуса и легковой машины), согласовать с женихом и невестой порядок проведения церемонии и т. д. Торжество устраивается на средства общности. За 2—3 дня до свадьбы начинают готовить помещение Дворца, рассылают приглашительные билеты.

³ На 1 февраля 1965 г. в Бухарской области было 10 «домов счастья». В них зарегистрировано 150 браков, выдано 465 паспортов, 735 свидетельств о рождении (см. В. Фадеева, А. Мирфайзов, Новая жизнь, новые обряды, газ. «Правда Востока», 9 марта 1965 г.). В Самаркандской области на сентябрь 1965 г. было 4 «дома счастья», в Сыр-Дарьинской — 8 «домов счастья» (материал взят из отчетов с мест, присланных в Республиканский дом народного творчества Министерства культуры УССР).

⁴ В Доме бракосочетания регистрируют лишь впервые вступающих в брак юношей и девушек. В других случаях этот обряд совершается в районных загсах.

Вечером в день свадьбы нарядно одетые девушки собираются во Дворце культуры и оттуда на украшенной цветами машине и автобусе едут за невестой. Взяв невесту, ее родителей и близких, они веселым кортежем под музыку проезжают по всему поселку, на улицах которого собирается много людей полюбоваться свадебной церемонией, и затем возвращаются во Дворец. Здесь невесту ведут в отведенную для нее комнату, где подруги еще раз осматривают ее наряд. Потом так же торжественно и весело едут за женихом его друзья. У входа во Дворец культуры жениха встречают девушки и требуют «выкупа». Происходит шуточная борьба. Жених и его друзья пытаются пройти в вестибюль, девушки не пускают. Только после того, как жених одаривает их конфетами, путь оказывается открытым, и он со своими друзьями проходит в «комнату жениха», где остается до начала регистрации брака. Когда распорядитель церемонии объявляет выход молодых, невеста и жених выходят из своих комнат и идут в фойе. Здесь их ждет сотрудник поселкового совета, регистрирующий брак. Родители и свидетели находятся тут же. После оформления брака, вручения брачного свидетельства и, иногда, обмена кольцами, начинаются приветствия. Первым молодоженов поздравляет председатель поселкового совета, затем их товарищи, знатные люди поселка. По окончании официальной части все присутствующие рассаживаются за столиками в фойе и поднимают бокалы с шампанским за счастье молодых. Продолжаются поздравления и подношение подарков, цветов (вокруг вообще много цветов, так как подобные торжества обычно бывают в летнее время). Приходят с приветствиями пионеры. Оркестр народных инструментов исполняет популярные мелодии. От предприятия первым поздравляет молодых директор суперфосфатного завода, вручающий им ключ от новой квартиры⁵. Завершается церемония концертом артистов народного театра при Дворце культуры. Весь ритуал занимает не более трех часов, и к 9 часам вечера торжество обычно заканчивается, чтобы осталось время на продолжение празднования в домашних условиях.

Население поселка суперфосфатного завода неоднородно в национальном отношении. Здесь живут татары, русские, узбеки и др. Браки бывают однонациональные и смешанные. При подготовке к регистрации брака учитываются пожелания жениха и невесты, их близких, и это придает ритуалу определенный национальный колорит. Такие вечера во Дворце культуры «Химик» проводятся с 1958 г.⁶

Во дворцах культуры и парках Ташкента иногда регистрируются браки одновременно нескольких пар. Регистрация производится обычно за 2—3 дня до свадьбы, только в комсомольско-молодежных свадьбах регистрация и свадебное торжество объединяются. Комсомольско-молодежные свадьбы стали проводиться в Узбекистане лишь в последние годы. Устраиваются они в помещениях дворцов культуры, клубов, махаллинских (квартальных) комитетов, в городских и сельских домах счастья, на предприятиях и в учреждениях. Приведем в качестве примера описание комсомольско-молодежной свадьбы во Дворце культуры им. Хамида Алимджана Кировского района г. Ташкента, справлявшейся 24 марта 1965 г. В брак вступали Садыкова Фарида — работница-мотористка швейной фирмы «Юлдуз» и Мамедов Садриддин — рабочий текстильного комбината. Ответственными за проведение свадьбы были работники

⁵ Все зарегистрировавшие здесь свой брак с 1958 г. по сентябрь 1965 г. 24 пары получили от завода новые квартиры.

⁶ Полевые материалы автора, 1965 г. (информатор — Г. К. Сынтонов, директор Дворца культуры «Химик»).

Дворца культуры совместно с махаллинской комиссией. Программа вечера была согласована с женихом, невестой и их родителями. По просьбе отца жениха были приглашены, кроме тех лиц, которые намечались комиссией, еще гости из махалли (квартала), где семья жила прежде. Состав гостей был многонациональный, среди них — родные и знакомые, товарищи по работе, представители партийной, комсомольской и профсоюзной организаций.

В 18 часов в окружении близких друзей жених и невеста подошли к Дворцу культуры, где их встретила группа молодежи. Заведующий районным бюро загс под аплодисменты и поздравления вручил им свидетельство о браке. Звучала задорная свадебная песня «Тойяр муборак» в сопровождении ансамбля узбекских народных инструментов. Жениху и невесте преподнесли подарки. Затем художественный руководитель Дворца культуры пригласил всех за праздничный стол: в центре были приготовлены места для молодоженов, а все гости расположились за столом без различия возраста и пола. Лишь глубокие старики сели отдельно. За столом продолжались поздравительные речи и тосты. Участники художественной самодеятельности показали концерт, в программе которого были пляски, песни и шутки, исполнявшиеся на узбекском и русском языках. В концерте участвовал находившийся здесь в качестве гостя заслуженный артист Узбекской ССР Бахтиар Ихтиеров. Затем началась традиционная *аския* (соревнование в остроловии), массовые танцы и игры⁷.

Таким образом, для комсомольско-молодежной свадьбы характерно отсутствие черт традиционного свадебного церемониала, обычаев, связанных с пережитками старого быта. Организует ее общественность и проводится она обязательно в общественных помещениях — дворцах культуры, клубах и т. д. Оформление помещения осуществляется на средства учреждения или организации, в которой работают жених и невеста. Иногда общественность материально помогает и в подготовке свадебного угощения.

Бывают случаи, когда несколько вступающих в брак пар вместе справляют комсомольско-молодежную свадьбу. Это значительно сокращает расходы, так как они распределяются между всеми семьями — устроителями свадьбы.

Комсомольско-молодежные свадьбы пока не получили широкого распространения в Узбекистане. Так, в городских дворцах культуры и парках за первое полугодие 1965 г. праздновалось лишь около 15 комсомольско-молодежных свадеб⁸, столько же — во второй половине 1964 г. по Ташкентской области⁹. А ведь в одном только Ташкентском «Доме бракосочетания» ежедневно регистрируют брак 25—30 пар!

Сравнительная редкость проведения комсомольско-молодежных свадеб объясняется, на наш взгляд, тем, что они лишены элементов традиционной обрядности. Нередко приходится уговаривать вступающих в брак молодых людей (а также их родителей и даже родственников) устроить такую свадьбу. Чаше справляют комсомольско-молодежную свадьбу молодые люди, у которых произошел конфликт с родителями, или бывшие воспитанники детского дома, не имеющие родителей.

⁷ Полевые материалы автора, 1965 г. (информатор — П. Х. Тарабайкин — художественный руководитель Дворца культуры Кировского района Ташкента).

⁸ Информация получена в Управлении культуры Ташкентского горисполкома.

⁹ Из отчета Республиканского дома народного творчества.

Невольно возникает вопрос: надо ли стремиться к тому, чтобы именно этот вид свадебной церемонии стал господствующим, вытеснив другие формы свадеб? На наш взгляд, гораздо более перспективна вторая разновидность свадебной церемонии нового типа — кзыл-той, сохраняющая национальный колорит и некоторые элементы традиционной обрядности. Вот что рассказали нам об одном кзыл-тое его участники — работники ЦК комсомола Узбекистана.

Жених и невеста были знакомы задолго до свадьбы. Получив согласие девушки на брак, юноша, вопреки обычаю, сам познакомился с ее родителями (с помощью своего друга и его жены). Получив и их согласие на этот брак, юноша объявил о намерении жениться своей матери. Она, как принято по обычаю, отправилась в сопровождении близких родственников в дом девушки, взяв с собой поднос со сладостями (мед, орехи) и обязательными в этом случае лепешками из слоеного теста (*патир*). Обоюдное желание родителей поженить дочь и сына было закреплено традиционным разламыванием лепешек. По согласованию с молодыми людьми был назначен день свадьбы, разосланы приглашительные билеты. За два дня до свадьбы зарегистрировали брак. Свадьба началась торжеством в доме невесты — *кичик-туй* (малый той), завершившимся переездом ее в дом жениха. Происходило это очень торжественно. Свадебный «поезд» из нескольких машин — в одной из них жених, невеста и близкий друг жениха (заменивший *куёв бошли* Z и традиционной свадьбы — наставника жениха, выбиравшегося из его родственников), в остальных — гости и, вопреки обычаю, родители невесты, подъехал к дому жениха. Здесь путь ему преградила протянутая детьми поперек дороги белая лента. «Выкуп», полученный детьми, устранил эту преграду, и жених и невеста в сопровождении гостей вошли в дом.

Вскоре гости разошлись с тем, чтобы на следующий день собраться здесь на *катта-туй* — большой той.

На катта-тое жених и невеста, сопровождаемые другом жениха и его женой, вышли к гостям тогда, когда все уже сидели за праздничным столом, и заняли места в центре. Руководил праздником *туй бошли* Z — специально назначенный распорядитель. Как и на комсомольско-молодежной свадьбе, здесь были поздравления, тосты, выступления артистов, преподнесение подарков молодым, веселые шутки.

Кзыл-той известен не только в Узбекистане, но и в других республиках Средней Азии. Причем повсюду сохраняется схема традиционной свадьбы (сговор, свадебные вечера в доме невесты и в доме жениха). Однако кзыл-той существенно отличается от традиционного свадебного обряда.

Прежде всего кзыл-той — свадьба нового типа, без религиозного обряда бракосочетания «никоха» и без калыма. Молодые люди вступают в брак по любви, по обоюдному согласию, вопреки старому обычаю, когда родители решали этот вопрос за них и жених и невеста впервые виделись на свадьбе. Далее, в устройстве кзыл-тоя принимают участие не только родственники, но и коллективы, в которых учатся или работают молодые люди. В Узбекистане важную роль в организации кзыл-тоев играют махаллинские комиссии и женсоветы, проводящие большую воспитательную работу среди населения, в том числе и родителей, настаивающих на устройстве традиционной свадьбы.

По-иному проходит и само свадебное празднество. Невеста сидит рядом с женихом за общим столом (а не за занавеской *чимилик*, как принято на традиционной свадьбе), лицо ее открыто (поэтому потерял смысл обряд «смотрения лица»), жених не обязуется давать родителям невесты деньги на приобретение мебели и одежды, поэтому теперь нет и обычая

«смотрения» купленных на эти деньги вещей. Гости (родственники, товарищи по работе, знакомые) сидят, вопреки обычаю, все вместе, независимо от возраста и пола, родственных отношений.

В настоящее время кзыл-той в городе стали уже обычным явлением. Распространяются они и в селах. Например, в поселке колхоза им. Энгельса (близ Самарканда), где проводится большая культурно-массовая работа среди населения, за период с июня 1964 г. по август 1965 г. справлялось восемь кзыл-тоев¹⁰. В их устройстве участвовали комсомольская организация колхоза, женсовет, правление колхоза, хотя свадьбы справлялись в домашних условиях.

Следует, однако, учитывать, что кзыл-тсем иногда называют и такое свадебное торжество, которое не является в полном смысле слова свадьбой нового типа. Случается, что оно отличается от традиционной только общим столом, за которым жених и невеста сидят вместе с гостями. Однако невеста так покрывает голову белым платком, что и лица не видно. Остальное совершается по заведенному прежде порядку.

Вторым, наиболее пока распространенным видом свадьбы является традиционная. Она в последние годы претерпела некоторые изменения, утратив ряд моментов старой обрядности и получив новые. Приведем описание традиционной свадьбы, справляемой в Самарканде среди узбекско-таджикского населения¹¹.

Свадьба начинается со сватовства, которое теперь, как правило, становится чисто формальным актом: молодые люди познакомились задолго до свадьбы, решили пожениться и об этом объявили своим родителям. Сохранились лишь некоторые моменты этого ритуала, а именно: посещение дома невесты матерью жениха в сопровождении нескольких близких родственников, повторяющееся несколько раз и завершающееся специальным угощением *ош-хўрокон*, угощение в доме девушки аксакалов — уважаемых членов квартала, явившихся для того, чтобы договориться о денежной сумме, которую должен дать жених на приобретение обстановки, одежды для невесты и на свадебный стол. Договор скрепляется традиционным *ноншиканон* (букв. — разламывание хлеба). С этого момента девушка и юноша считаются женихом и невестой. Вступает в действие обычай избегания (молодыми людьми — друг друга, женихом — родни невесты, невестой — родни жениха). Затем молодые люди обмениваются подарками: невеста посылает жениху традиционные *сомса* (пирожки из слоеного теста), которыми он угощает у себя в доме своих сверстников. В свою очередь жених посылает невесте различные сладости и она угощает ими своих подруг. Следующий этап традиционной свадьбы — *фотиха*¹² (букв. — благословение), — помолвка, знаменующая выплату женихом денежной суммы (или части ее) на приобретение вещей. До фотиха в доме невесты устраивают «смотрины» того, что прислал жених в счет этой суммы (одежды, тканей и т. п.). После фотиха аксакалы собираются на *маслихатоши*¹³, чтобы назначить день свадьбы, до

¹⁰ Сведения получены в комсомольской организации колхоза им. Энгельса Самаркандского района.

¹¹ Полевые записи автора. Информаторы — сотрудники музея Улугбека (Филиал Республиканского музея истории культуры и искусства Узбекистана) Е. Рахматуллаев, Б. Бурханов, С. Кобилова.

¹² По информации М. Ф. Каплуновой — сотрудницы Республиканского музея истории культуры и искусства Узбекистана, существует другой вариант свадебной церемонии, согласно которому обряды фотиха и ноншиканон объединяются. Такой же вариант записи свадебного обряда в г. Самарканде имеется в материалах О. А. Сухаревой, с которыми мы познакомились во время нашей поездки.

¹³ Маслихатоши — угощение, устраиваемое для аксакалов, приглашенных на совет по поводу предстоящей свадьбы.

говориться о числе и составе приглашенных, о расходах на свадебный той, о подарках и т. д. К свадьбе невеста дарит жениху костюм (раньше дарила халат — *чапан*, сапоги, пояс, — *белбо* ², тибетейку, которую сама вышивала). Себе же она должна сшить платья из присланных женихом материй, и они на никох-тое будут вывешены для всеобщего обозрения. За несколько дней до свадьбы регистрируют брак в загсе и рассылают приглашительные билеты. Накануне никох-тоя в доме невесты устраивают девичник — *дугона-талбон*.

Никох-той, т. е. сама свадьба, начинается днем в доме невесты, где совершается и мусульманский обряд бракосочетания. Для этой церемонии сюда приезжает жених в сопровождении нескольких друзей. Невеста во время сбрада никох находится у соседей и свое согласие на брак передает через *вакиля* (доверенного). Женщины, окружающие невесту, одевают ее во все новое, прошивают иглой ее головной платок (это, как и многие другие обряды традиционной свадьбы, связано с магическими представлениями и призвано предотвратить действие злых сил, обеспечить счастливую жизнь, продолжение рода и т. п.). Поверх платка на невесту накидывают длинное тюлевое покрывало, заменившее традиционную паранджу. Потом невесту ведут в дом ее родителей и сажают за чимилик. Сюда же приводят жениха. Молодых ставят рядом и *бехальфа* (чтица Корана) несколько раз обводит вокруг них новым зеркалом (которое до этого прятали) и огнем (пучками зажженной травы). Затем жених наступлет на ногу невесте, надевает ей кольца и браслеты. В руки ему дают зеркало. С лица невесты сбрасывают покрывало, и молодые одновременно смотрятся в зеркало. В прежние времена именно в этот момент жених с невестой виделись впервые. Потом молодым мажут губы шербетом. Как пожелание счастья жениху под ноги кладут *пойандоз* — белую материю. Всем присутствующим за чимиликом приносят угощение. После угощения жених возвращается домой. С наступлением вечера невесту и все ее имущество торжественно перевозят в дом жениха. Впереди свадебного поезда — группа танцоров, показывающих свое искусство под удары бубна и пение свадебной песни «ер-ер». Жених встречает невесту около своего дома, снимает ее с машины и на руках доносит до костра, разложенного во дворе. Здесь невестой завладевают женщины. Со словами «Хозор Али» (Святой Али) они обводят ее несколько раз вокруг костра. Потом невеста идет к очагу, кланяется ему и лишь после этого входит в дом, где уже развешен привезенный ею чимилик. За чимиликом, куда невесту ведут ее *янги* — наставницы, на нее надевают свадебный наряд. Обязательными элементами его являются *тўр* — длинная тюлевая накидка и *даст рўмол* — небольшой платок. С этими атрибутами невеста должна предстать на обряд *рўбинон* (смотрение лица). В день приезда невесты на женской половине дома дарит большое оживление: здесь устраивается угощение, танцы. На следующий день на женской половине совершается обряд рубинон, в котором принимают участие только женщины. Мужчины в это время веселятся в другой половине дома, угощаются, танцуют. Для них выступают специально приглашенные артисты. По окончании обряда рубинон за чимилик к невесте приводят жениха. Приготавливают брачную постель; на нее на несколько минут сажают ребенка от многолетней матери. Затем все выходят и молодые остаются одни. В комнате зажигают *чирах* (свечи). На следующий день молодой дают резать курдюк, чтобы руки ее были в сале. Через несколько дней отец молодой приглашает к себе дочь с мужем, угощает их, преподносит подарки. С этого дня молодой муж перестает избегать родственников жены, для которой избегание старшей мужской родни мужа еще обязательно на определенное время.

Таким образом, в традиционной свадьбе сосуществуют старый мусульманский обряд, никох, многие старые обряды¹⁴, связанные с доисламскими верованиями, и новый ритуал гражданской регистрации брака. Тот факт, что этот ритуал широко распространился в Узбекистане, став составной частью даже традиционной свадьбы, является большим достижением. Однако этот обряд может иметь большее значение, может, на наш взгляд, вытеснить из свадебной обрядности никох. Разумеется, для этого необходимо провести большую пропагандистскую работу. Надеяться на естественное отмирание старого обряда вряд ли допустимо, так как оно может растянуться на продолжительное время¹⁵. Отмирание старого обряда в какой-то мере тормозится и традиционной схемой свадебного церемониала. Никох, как мы видели, тесно связан со всем комплексом церемоний, сопровождающих вступление людей в брак, это — кульминационный момент свадебной обрядности. Торжественная же регистрация брака обычно отделена от свадьбы 2—3 днями (только в комсомольско-молодежных свадьбах объединены свадебное торжество и регистрация брака) и не мешает соблюдению старых обычаев, в том числе и никоха.

С таким положением нельзя мириться. О необходимости «раз и навсегда покончить с безразличным отношением к проведению семейных торжеств с соблюдением старых отживших обрядов» говорилось на XIII Пленуме ЦК Компартии Узбекистана¹⁶. Этот вопрос волнует и широкую общественность.

Как же быть, где и как искать выход из создавшегося положения? На наш взгляд, следует исходить из ситуаций, диктуемых жизнью. В Узбекистане в настоящее время распространяется разновидность нового свадебного обряда, справляемого в семейных условиях и сохраняющего национальный колорит, при котором никох не соблюдается. Это кзыл-той. И основное внимание следует обратить на этот вариант свадебной церемонии. На кзыл-тое кульминационным моментом (каким являлся в традиционной свадьбе никох) может стать торжественная регистрация брака, проводимая одновременно со свадебным торжеством. Как добиться того, чтобы эта форма свадьбы завоевала симпатии народа, стала популярной? Во-первых, нам кажется, надо разработать «сценарий» свадебной церемонии (а не только ритуал торжественной регистрации брака). В этот сценарий следует ввести как можно больше тех элементов традиционного обряда, которые утратили прежний смысл и могут украсить свадьбу. При этом необходимо учитывать местную традицию. Для каждого кишлака, района, у населения которых сложились определенные формы традиционной культуры, надо создать свой вариант сценария. Во-вторых, надо широко пропагандировать эти сценарии с помощью радио, кино, театров, телевидения, публикаций. Если предлагаемый свадебный церемониал будет отвечать национальным традициям, он найдет сторонников не только среди молодежи, но и у старшего поколения.

¹⁴ Нередко соблюдение старых обычаев совсем не связано с верой, с религией, а диктуется силой привычки, боязнью обидеть родителей, родственников, людей старшего поколения.

¹⁵ Даже в новом ритуале элементы старой обрядности находят себе место. Работникам загсов еще приходится сталкиваться иногда с таким явлением, когда девушки местной национальности (узбечки, таджички), явившись со своим будущим мужем на регистрацию брака, держатся так, как полагается при мусульманском обряде бракосочетания: покрывают голову и лицо белым платком, на традиционный вопрос о согласии вступить в брак отвечают только через посредника.

¹⁶ Ш. Р. Рашидов, Повышение культуры быта, преодоление пережитков прошлого — важное условие коммунистического воспитания трудящихся (Доклад на XIII Пленуме ЦК Компартии Узбекистана), газ. «Правда Востока», 6 июня 1964 г.

Большую роль в пропаганде новой свадебной обрядности должны сыграть партийно-комсомольские работники, интеллигенция и вообще широкая общественность, которой надлежит вводить ее в жизнь.

Что же можно рекомендовать из обряда традиционной свадьбы¹⁷ для нового церемониала и что нужно решительно отбросить как не соответствующее современности?

Прежде всего, надо, чтобы жених и невеста получили инициативу и решающий голос во всех вопросах, связанных с устройством свадьбы. Они должны испытывать радость на справляемом в их честь веселом празднике, а не быть, как это предусмотрено старым обычаем, пассивными его участниками, судьба которых предreshена родителями и родственниками, и над которыми положено совершить определенный цикл непонятных и подчас нелепых обрядов.

Безусловно, наряду с религиозными элементами свадебной обрядности должны быть осуждены и непомерно большие расходы со стороны жениха на приобретение обстановки, одежды для невесты, на свадебный пир, на многочисленные подарки.

Распространившаяся в последние годы форма сватовства, являющаяся, по сути дела, знакомством матери жениха с невестой и ее семьей; вполне подходит и для нового обряда.

Последовательное соблюдение всех церемоний, сопровождающих переговоры о свадьбе, вряд ли целесообразно. Все эти многократные посещения дома невесты родственниками жениха с обязательным угощением можно заменить одной встречей, во время которой будут обсуждены все вопросы, касающиеся предстоящей свадьбы (расходы, состав приглашенных и т. д.). Завершатся все переговоры за угощением — *ош-хўрокон* традиционным разламыванием хлеба — *ноншиканон*.

Следующий этап традиционной свадьбы — помолвку (*фотиха*), связанную прежде с выплатой определенной части калыма, а также «смотрины» того, что прислал жених в счет этой суммы, вводить в новый обряд, разумеется, не следует. Устраиваемые у жениха (после сговора) вечер, в котором участвуют только мужчины, и у невесты (накануне свадьбы) девичник в какой-то степени поддерживают старый обычай разделения полов и сохранять их в таком виде в новом обряде вряд ли целесообразно.

Свадебный той лучше устраивать где-нибудь в одном месте (предположим, в доме жениха). Старые обычаи и обряды, соблюдавшиеся в доме невесты, и главный из них — *нихон*, из нового обряда надо устранить. Все они, как мы уже говорили, связаны с мусульманской идеологией и верой в магическую силу отдельных предметов и действий. Очистительная роль огня еще ясно осознается в обычае разжигать костер перед домом жениха, вокруг которого обводится невеста. Этот казалось бы красочный момент также не следует вводить в церемониал нового обряда. Свадебный поезд, перевозящий невесту в дом жениха или на новую квартиру, надо, на наш взгляд, оставить и постараться сделать его еще более торжественным. Этот церемониал хорошо бы увязать с обрядом регистрации брака в загсе. Праздничный кортеж может отправляться из дома невесты в загс, а оттуда, соединившись со стороной жениха, ехать на свадебный той. На тое от традиционного церемониала нужно сохранить все виды народных развлечений, характерных для данного района (танцы, пение, различные состязания). Можно ввести и устраивающиеся на других праздниках развлечения — вплоть до состязаний спор-

¹⁷ Мы будем придерживаться описанного варианта традиционной свадьбы в г. Самарканде, см. стр. 20—21.

тивного характера (это особенно уместно в сельских местностях), массовые игры.

Традиционное разделение празднования свадьбы для мужчин и женщин в новом обряде соблюдаться, конечно, не будет. Жених и невеста будут вместе со всеми приглашенными за праздничным столом. А раз так, отпадут и сидение невесты за занавеской-чимиликом, обряд сморения лица — рубинон и многое другое. К тою можно приурочить обычай традиционного переодевания жениха в новый костюм — подарок невесты. По происхождению этот обычай связывается с институтом возрастных классов, но такое значение его давно стерлось в памяти народа. На жениха может быть накинут национальный халат и традиционный головной убор — тюрбетейка. Обычай с переодеванием невесты сложнее, так как он раньше предусматривал паранджу и другие накладки, закрывание лица; ношение же различного вида накидок связано не только с исламом, но и с другими древними представлениями, в частности с обычаем избегания¹⁸, согласно которому невесте запрещается общение с мужской родней мужа. Поэтому лучше не вводить переодевания невесты (или как-либо модернизировать его). Этот обычай можно, вероятно, заменить церемонией преподнесения подарков невесте. Жених (при кзыл-тоях, например) дарит ей одежду. Памятные подарки молодым, разумеется, надо сохранить, но разорительный обычай ответных подарков родственникам — одаривание всех присутствующих платками или небольшими кусками материи — вряд ли стоит сохранять.

Таким в общих чертах нам представляется новый свадебный обряд. В нем должно участвовать как можно больше молодежи.

Следует сказать и о недостатках, которые уже наблюдаются в свадьбах нового типа и с которыми необходимо вести борьбу. Это прежде всего огромные расходы на свадьбу, в том числе приглашение артистов, обслуживающих различного рода тои за большие деньги¹⁹, преподнесение дорогих подарков. Надо избегать больших затрат и на изготовление пригласительных билетов и, конечно, бороться с проявлениями мещанского вкуса в их оформлении. Нельзя не сказать и о неумеренном в ряде случаев употреблении спиртных напитков, омрачающем веселое торжество. При устройстве свадеб необходимо учитывать национальные традиции, не превращать свадебную церемонию в скучный официальный банкет. Поздравительные речи, преподнесение подарков (коллективных и индивидуальных), выступления артистов художественной самодеятельности — только это не может заменить неприемлемую в современных условиях, но красочную традиционную свадебную обрядность. Безусловно нельзя рекомендовать в силу больших материальных затрат чрезвычайно многочисленные тои²⁰. Новая безрелигиозная обрядность входит в жизнь, но требует к себе большего и пристального внимания. Те сценарии, которые сейчас разрабатывают, должны быть рассчитаны не только на проведение торжества в клубе или дворце культуры, но и в семейном кругу. При этом надо обязательно учитывать национальную специфику,

¹⁸ См. Н. П. Лобачева, К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки), «Сов. этнография», 1965, № 6.

¹⁹ Как нам говорили в Управлении культуры Ташкентского горисполкома, предполагается организовать специальное бюро под названием «Друзья хорошего настроения у Вас в гостях». Через него можно будет пригласить артистов любого профиля, ведущих вечера и т. д., и оплатить их труд по государственным ценам.

²⁰ Например, на комсомольской свадьбе в колхозе «Коммунизм» Пахтааральского района Сыр-Дарьинской области присутствовало около 300 человек. Были приглашенные из всех колхозов и совхозов, а также из государственных учреждений (Полевые материалы автора — из отчета директора «Дома счастья» колхоза «Коммунизм» Пахтааральского района Сыр-Дарьинской области).

отсутствующую (за исключением музыкальных инструментов карная и сурная) в тех рекомендациях, которыми приходится пока пользоваться. Жизнь показывает, что нельзя не считаться с национальной спецификой культуры народов. Механическое перенесение в Среднюю Азию форм и схем, выработанных, например, в Центральной России, на Украине или в Прибалтике, вряд ли целесообразно, а именно такая тенденция прослеживается во всех методических документах, с которыми нам пришлось знакомиться.

Создание новых обрядов, внедрение их в быт — задача очень ответственная и трудная. К ее решению должны быть привлечены ученые, творческие союзы и общественные организации. И, конечно, не последняя роль будет принадлежать этнографам, которые своими знаниями и опытом могут оказать существенную помощь в формировании новой безрелигиозной обрядности.

SUMMARY

The article is devoted to the formation of new wedding rituals in Uzbekistan. The author examines a new marriage registration ritual. The existing variations of wedding patterns are analyzed, like Komsomol Youth type wedding ritual, Kzyl-Toy (literally «Red Wedding»), and the traditional wedding rites. The author offers also some recommendations for the creation of a new wedding ritual. The Kzyl-Toy seems to be most suitable basis, because it maintains the basic patterns of the traditional wedding rites, but without a Kalym (brideprice) and nikox (Moslem marriage ritual) and other features of a survival type. According to the traditional structure of the wedding ritual the moment of the marriage registration is proposed for the central point of a new wedding ceremonial complex.

The new ritual should also take into consideration the national peculiarities and be based on the achievements of the national culture in its new forms.

В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе

ОСНОВНЫЕ ТИПОЛОГИИ И КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЖИЛИЩА НАРОДОВ КAVKAZA

(МАТЕРИАЛЫ К KAVKAZСКОМУ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ)

Жилище является одним из основных элементов культуры, в котором с большой полнотой отражается социальная, экономическая и идеологическая жизнь семьи. Поэтому изучение жилища представляет интерес и с точки зрения народного творчества, и в плане социальных отношений, и с экономической стороны и, наконец (для недавнего прошлого) как место, с которым связаны некоторые стороны религиозных представлений.

Народное жилище Кавказа в типологическом отношении чрезвычайно многообразно¹. Это обусловлено разнообразием географической среды, неравномерностью социально-экономического развития отдельных народов Кавказа, имевшей место еще в недавнем прошлом, а также многонациональным составом населения края, в котором проживает около 50 народов с самостоятельными языками. Сплошь и рядом встречаются на Кавказе в пределах одной этнической общности самые различные архитектурные формы, и в то же время сходные типы жилья обнаруживаются подчас в отдаленнейших друг от друга частях края.

Начиная с XIX в. в некоторых районах Кавказа, особенно Северного, все большее распространение получают жилища южнорусского и городского типа, например, так называемые дома квадратного плана, что делает общую картину еще более сложной. В советские годы к этому прибавляется значительное число домов, построенных по типовым проектам, разработанным архитектурно-планировочными организациями, что в сочетании с изменениями, обусловленными общими социалистическими преобразованиями культуры и быта, происшедшими в нашей стране, хотя и привело к некоторой нивелировке архитектурных форм, вместе с тем значительно усложнило задачу систематизации кавказского народного жилища в историческом аспекте.

О многообразии форм жилища народов Кавказа свидетельствует даже краткий перечень главнейших строительных комплексов, бытующих в отдельных районах края. Так, в Азербайджане насчитывается свыше десяти разновидностей только летних (временных и постоянных) жилищ — дайя, алачиг, карачадар, джома, мухур, магары, лям, кюляфренги, талвар, казма, чоустан и т. д.² В Грузии по этнографическим

¹ См. В. П. Кобычев, Типология кавказского народного жилища, доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (далее VII МКАЭН), М., 1964.

² М. В. Кулиева, Кибитка на айлагах полукочевых тюрок Казахского уезда, «Изв. общества обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1927; В. П. Кобычев, Крестьянское жилище народов Азербайджана, «Кавказский этнографический

Рис. 1. Тип поселения в горах Грузии

данным XIX — начала XX в. выделяются три ведущих типа жилищ, в каждом из которых имеются свои разновидности и варианты³. Один из

сборник», вып. 3, М.—Л., 1962; К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зоны Малого Кавказа, Баку, 1964; М. Н. Насирли, Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР, Баку, 1959; А. Салам-заде, Народное жилище Азербайджана XIX — начала XX в., Баку, 1962; его же, Архитектура Азербайджана, Баку, 1964; А. Измайлова, К вопросу о карадах Азербайджана конца XIX — начала XX в., «Азербайджанский этнографический сборник», вып. I, Баку, 1964. Здесь и ниже указываются лишь основные работы по этой теме, преимущественно на русском языке.

³ И. А. Джавахишвили, Термины искусств и главнейшие сведения о памятниках искусств и материальной культуры в древнегрузинской литературе, журн. «Христианский Восток», т. III, вып. 1, Пг., 1914; Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов, Дарбази в Картли, 1 — Дарбази в Эртацминда, Тифлис, 1926; их же, Дарбази в Карагадже, Тифлис, 1926; их же, Дарбази в Цилкани и Метехи, Тифлис, 1927; Г. И. Лежава и М. И. Джандиери, Архитектура Сванетии, М., 1938; Л. Б. Панек, Жилище у мтиулов, «Сборник материалов по археологии и этнографии», т. 9, М., 1939; М. И. Джандиери и Г. И. Лежава, Архитектура горных районов Грузии, М., 1940; Е. Я. Агабабян, Архитектура грузинского народного жилища, Тбилиси, 1945; С. И. Макалатия, Боевые и оборонительные сооружения горной Грузии, Тбилиси, 1945 (на груз. яз.); М. И. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья, М., 1946; К. Н. Мелитаури, Один вид жилища в Грузии, «Сообщения АН ГрузССР», т. XIV, № 5, Тбилиси, 1953; Т. А. Чиковани, Жилище и хозяйственные постройки в Триалети, Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1954; В. Г. Цинцадзе, К характеристике одного вида жилища в Грузии. В кн.: «Грузинское искусство», т. IV, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); И. Адамия, Грузинское народное зодчество, Адчара, Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); Г. Гаприндашвили, Пещерные жилища в селении Пия, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); В. Долидзе, Народное жилище Хеви. В кн.: «Грузинское искусство», т. V, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); М. Гаракиндзе, Грузинское деревянное зодчество, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Л. С. Сумбадзе, Грузинские дарбази, Тбилиси, 1960; Т. А. Чиковани, О некоторых разновидностях западногрузинского жилища «кода-сахли», «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ АН СССР), 34, М., 1960; его же, Грузинское народное жилище, Тбилиси, 1960 (на

основных типов — ода-сахли. Это несложное деревянное сооружение, издавна распространенное в Колхидской низменности. Оно послужило основой для развития различных форм западнотурецкого жилища. Второй тип — дарбази; характерной особенностью его является венцеобразное перекрытие. Позднее эта форма жилища была распространена преимущественно в восточной Грузии. Дарбази имеет также ряд разновидностей, которые варьируют в зависимости от конкретных исторических условий различных микрорайонов указанной обширной области. Наконец, в горных районах преимущественным распространением пользуется так называемый дом-крепость — многоэтажный каменный комплекс жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений. Он представлен несколькими разновидностями, которые складывались в зависимости от особенностей отдельных микрорайонов. В качестве примера можно указать на жилой комплекс в Сванетии, который, имея исходной формой простейший вариант дома-крепости, развивается сначала в каменное двухэтажное жилище с оборонительной башней. Последующее развитие сванского жилища идет по двум направлениям: по линии постепенной утраты оборонительных функций, в результате чего появляется одноэтажное простое каменное жилище, и в направлении образования замковых сооружений раннефеодалного типа. Аналогичные сооружения широко распространены по всему горному Кавказу.

Различные формы жилища существовали на территории исторической Армении, некоторые из них в виде рудиментов, занесенных армянами-переселенцами в XIX в., сохранялись в Советской Армении вплоть до недавнего времени⁴. Основным типом жилища на всем Армянском нагорье был в прошлом веке так называемый глхатун — разновидность дома со ступенчато-пирамидальным перекрытием. По способу связи с хозяйственными постройками и особенностям конструкции кровли различали два главных варианта этого типа жилища: западный, носивший название «х'азарашенк» и представлявший сложный комплекс связанных воедино жилых и подсобных помещений, и восточный «согомакаш», строившийся обособленно от надворных построек⁵. Имелось и несколько переходных форм⁶.

В горах Малого Кавказа (исторический Арцах и Сюник) известны были также пещерные жилища, вырубленные в отвесных скалах (сел. Шинуайр, Тах, Веришен, Алидзор и др.)⁷.

В Араратской долине, в Айоц Дзоре (Васпуракан) и в Покр-Айке распространены были одно- и двухэтажные наземные дома с плоскими

груз. яз.); М. И. Чартолани, Из истории материальной культуры грузинского народа, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); А. И. Робакидзе, Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, «Сов. этнография», 1960, № 1; его же, Жилище грузин, в кн.: «Народы Кавказа», т. II, М., 1962; его же, Поселение как источник изучения общественного быта, М., 1964; Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе, Сванское село в прошлом, Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); и х же, Мтиульское село в прошлом, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

⁴ См. С. Д. Лисициан, Крестьянское жилище Восточной Армении, «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та» (далее ИКИАИ), т. IV, Тифлис, 1926; его же, Очерки этнографии дореволюционной Армении, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955; его же, Нор-Баязетский азарашенк и заметки о крестьянских жилищах соседних районов-Памбакского и Даралагезского, ИКИАИ, т. VI, 1927.

⁵ С. Д. Лисициан, К изучению армянских крестьянских жилищ (карабахский карадам), ИКИАИ, т. III, 1925.

⁶ Д. С. Вардумян, Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX в., VII МКАЭН, М., 1964, стр. 5.

⁷ Д. С. Лисициан, К изучению армянских крестьянских жилищ.

крышами, имевшие в каждом из указанных районов свои специфические черты.

Аналогичное положение видим и в Осетии. Здесь только в горных районах можно наметить в качестве основных типов жилища, помимо

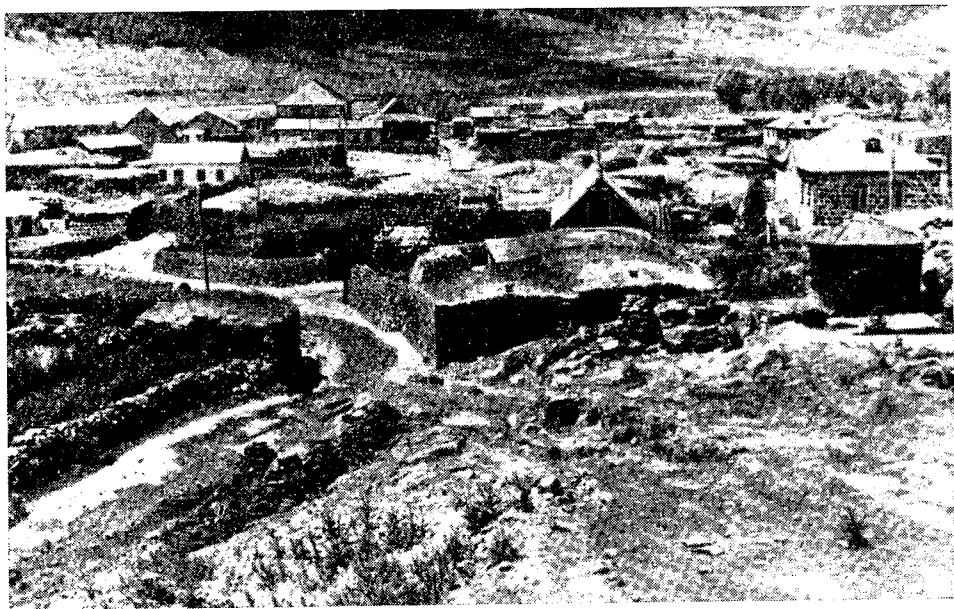

Рис. 2. Общий вид с. Джрарат (видны старые и новые дома). Армения (фото из архива Института этнографии АН СССР)

широко распространенного деревянного дома, капитальные каменные постройки-комплексы, в которых жилые, хозяйственные и оборонительные помещения ма́сыг, га́нах, а также сооружения замкового типа — галуан и др. развернуты в вертикальном направлении⁸.

У чеченцев и ингушей насчитывается до одиннадцати форм жилища и в том числе четырехугольные каменные постройки в два и три этажа с лоджиями и балконами и без них, замкообразные жилища, многоэтажные жилые и оборонительные башни, двухэтажные каменно-турлучные дома так называемого чеберлойско-шаройского типа и т. д.⁹

Не менее разнообразно жилище и у народов Дагестана. Здесь только

⁸ Коста Хетагуров, Собрание сочинений, т. IV, М., 1960, стр. 208 и сл.; Е. Г. Пчелина, Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии, «Уч. записки Ин-та этнической и национальной культур народов Востока», т. 2, М., 1930; Г. А. Кокиев, Склеповые сооружения горной Осетии, Владикавказ, 1928; его же, Боевые и оборонительные башни Юго-Осетии, «Изв. Юго-Осетинского научно-исследовательского ин-та» (далее ИЮОНИИ), т. 2, 1935; Н. Ф. Такоева, Из истории осетинского горного жилища, «Сов. этнография», 1952, № 3; Л. Чибиров, Основные типы жилищ дореволюционной Юго-Осетии, ИЮОНИИ, XI, Цхинвали, 1962; его же, Современное юго-осетинское крестьянское жилище, ИЮОНИИ, т. XII, Цхинвали, 1963; Б. А. Калоев, Осетины, в кн.: «Народы Кавказа», т. I, М., 1960; А. Х. Магомедов, Культура и быт осетинского крестьянства, Орджоникидзе, 1963.

⁹ Ч. Ахриев, Об ингушских кошах, «Терские ведомости», № 17, 1871; А. Вертепов, Проблемы родового строя у ингушей и чеченцев, «Сов. этнография», 1938, № 4;

у аварцев и даргинцев насчитывается до девяти различных видов жилища, у лезгин — семь, у лаков — четыре и т. п.¹⁰

У балкарцев и карачаевцев в области домостроительства большое развитие получила срубная техника; у них имеются самые разнообразные

Рис. 3. Турлучное жилище ногайцев. Сел. Икон-халк, Карачаево-Черкесская автономная область (фото из архива Института этнографии АН СССР)

формы деревянного жилища, начиная от простейших одноэлементных сооружений и кончая сложными дворовыми комплексами и вытянутыми

Н. Грабовский, Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушского округа, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, 1870; Н. Зейдлиц, Поездка в Чечню к верховьям Аргуна, в Ичкерию и через Хасав-Юрт вверх по Тереку до Моздока, «Изв. Кавказского отдела Русского географического общества», т. II, Тифлис, 1874; И. П. Щелыкин, Искусство ингушей в памятниках материальной культуры, «Изв. Ингушского научно-исследовательского ин-та краеведения», вып. I, Владикавказ, 1928; Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Чечено-Ингушетии, Грозный, 1963; Е. И. Крупнов, К истории древней Ингушии, «Вестник древней истории», 1939, № 2; его же, О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961.

¹⁰ С. С. Агаширинова, Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX в., «Уч. записки Ин-та истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. IV, Махачкала, 1958; Н. В. Бакланов, Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935; С. Ш. Гаджиева, Материальная культура кумыков XIX — начала XX в., Махачкала, 1960; Б. А. Калоев, Поселения и жилища агулов, КСИЭ АН СССР, XXIII, М., 1955; Т. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов, Хозяйственные постройки табасаран, КСИЭ АН СССР, XIV, М., 1952; их же, Народная архитектура южного Дагестана. Табасаранская архитектура, М., 1965; Г. Я. Мовчан, Из архитектурного наследия аварского народа, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана, КСИЭ АН СССР, IV, М., 1948; З. А. Никольская, Из истории аварского жилища, «Сов. этнография», 1947, № 2; С. О. Хан-Магомедов, Жилище табасаран, «Сов. этнография», 1951, № 4; его же, Народное жилище Южного Дагестана, «Сов. этнография», 1951 № 1, «Народы Дагестана», М., 1955; М. З. Османов, Поселения даргинцев в XIX—XX вв., «Уч. записки Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. X, Махачкала, 1962.

в длину многосекционными домами типу «уллу юй», «аркъну» и др.¹¹ Турлучные жилища нескольких разновидностей известны у абхазом, черкесов, кабардинцев, адыгейцев и ряда других народов, проживающих в равнинной и предгорной полосе Северного Кавказа¹².

Своеобразные формы передвижного жилища, приспособленного к кочевому быту, до недавнего времени сохранялись у ногайцев и тухмен, занимавших степную часть Предкавказья¹³.

Отмеченным многообразием форм народной архитектуры Кавказа отнюдь не исчерпывается ее специфика и сложность. Изучение показывает, что на Кавказе имеется целый ряд типов жилища, распространение которых выходит далеко за границы отдельных политических и географических регионов и этнических общностей. Например, весьма характерные для Кавказа дома-крепости, имеющие почти повсеместное распространение в крае, составляют по существу один тип жилища. Сложившийся в давние времена этот тип жилища в процессе дальнейшего совершенствования стал универсальным для Кавказа. Дома-крепости встречаются в Дагестане, в горной Грузии (у хевсур, мтиулов, мохевцев, сванов, рачинцев), в Чечне, Ингушетии, Северной и Южной Осетии и т. д. Дом-крепость представляет собой один из ярких примеров однотипности некоторых форм культуры и быта народов Кавказа. Другим примером подобной культурной общности может служить жилище со ступенчатопирамидальным перекрытием, распространенное у народов Закавказья и известное под названием «дарбази» — у грузин, «глхатун» — у армян, «карадам» — у азербайджанцев. Возникновение этого типа относится также к глубокой древности и связано, видимо, с развитием семейной общины¹⁴.

Наряду с этим можно выделить ряд элементов жилища, присущих самым различным архитектурным формам и как бы сближающих зодчество всего Кавказа в одну большую культурную область. В числе таких элементов прежде всего следует указать на опорную конструкцию, состоящую из центрального столба и поддерживаемой им балки-матицы, которая еще в недавнем прошлом у многих народов Кавказа почиталась за одну из важнейших составных частей жилища и освящалась многочисленными обычаями и суевериями. Почти универсальное распространение на Кавказе имели также некоторые виды отопительных систем, например, открытый очаг или углубленная в землю конусообразная печь-тондир, настенные висячие полки, ниши, глиняные лежанки и т. д.

Таким образом, при всей дробности кавказского народного жилища в распространении отдельных его типов и элементов обнаруживаются определенные закономерности, которые дают возможность говорить о классификации жилищ, а следовательно и об их картографировании.

Классификация (типология) жилища может быть построена на самой различной основе. Можно систематизировать жилище по материалу, осо-

¹¹ Е. Н. Студенецкая, Карачаевцы, в кн.: «Народы Кавказа», т. I, М.—Л., 1960; Н. Ф. Такоева, Балкарцы, там же; А. И. Робакидзе, *Формы поселения в Балкарии, «Материалы по этнографии Грузии»*, т. XI, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Э. Б. Бернштейн, Народная архитектура балкарского жилища. В кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1959.

¹² А. Миллер, Черкесские постройки. В кн.: «Материалы по этнографии России», вып. 2, Пг., 1914; И. А. Аджанджал, Жилище абхазов, Сухуми, 1957; Е. И. Студенецкая, Современное кабардинское жилище, «Сов. этнография», 1948, № 4; В. П. Кобычев, Современное адыгейское жилище и его история. В кн.: «Уч. записки Адыгейского научно-исследовательского ин-та, языка, литературы и истории», вып. IV, Краснодар, 1965.

¹³ А. Архипов, Этнографический очерк ногайцев и туркмен. В кн.: «Кавказский календарь на 1859 г.», Тифлис, 1858; И. Л. Щеглов, Тухмены и ногайцы Ставропольской губернии, Ставрополь, 1911.

¹⁴ М. И. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья, стр. 12 и сл.

бенностям конструкции, по плану, общему облику и даже по форме крыши. Так, в начале прошлого столетия О. Евецкий подразделял жилище Закавказья на: 1) деревянные дома, 2) землянки, «кои имеют ровную с возвышением крышу», 3) «дома из тростника наподобие балаганов», 4) «четырёхугольные ямы... коих крыша основана пирамидою на столбах

Рис. 4. Рутульское селение Лучек, Дагестанская АССР (фото Л. И. Лаврова)

и перекладинах» и 5) «каменные дома горских народов»¹⁵. В середине 90-х годов XIX в. И. И. Пантюхов делил жилища Кавказа по характеру строительного материала и по степени возвышения их над поверхностью земли на полуподземные, подземные, деревянные, глиняные и каменные¹⁶. Однако это деление, как и схема О. Евецкого, не было принято, так как не отражало всего своеобразия кавказского жилища. Например, по классификации И. И. Пантюхова, к типу глиняных домов приходилось причислять такие разнородные виды жилья, как камышовую турлучную мазанку и многокомнатный, нередко двухэтажный дом, выстроенный из саманного или гажевого кирпича. К полуподземным можно было отнести самую примитивную землянку с плоской земляной или шалашеобразной кровлей и весьма сложный по конструкции полуземляной дом со ступенчато-пирамидальным перекрытием, покоящемся на опорных столбах-колоннах, причем, если стены последнего были выложены камнем, то он одновременно мог быть зачислен и в разряд каменных домов.

В первые годы Советской власти тифлисский этнограф-любитель Ф. Баумхауер в качестве разделительного детерминатива в классификации жилища Грузии избрал форму крыши¹⁷. Классификация по форме крыши, хотя и не являющейся решающим фактором в понимании социальной природы жилища для Кавказа может дать некоторые результа-

¹⁵ О. Евецкий, Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII в. и сравнение оного с нынешним, СПб., 1835, стр. 46, 47.

¹⁶ И. И. Пантюхов, О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, Тифлис, 1896, стр. 102.

¹⁷ F. Baumhauser, Vorschungen über die Hausformen in Georgien, Hamburg, 1928.

ты. Необходимо здесь же отметить и тот факт, что в советские годы Г. С. Читая, классифицируя жилище Грузии, за основу систематизации взял также форму перекрытия¹⁸. В 1950-х годах посмертно было опубликовано исследование А. В. Саркисова, посвященное архитектуре нагорных районов Азербайджана, в котором основным признаком, определяющим принадлежность жилища к тому или другому типу, был принят характер террасы (эйвана) или балкона¹⁹. Систематизация А. В. Саркисова вызвала возражения у другого азербайджанского архитектора А. А. Садых-заде, который в своей диссертации о жилище примерно того же географического района отмечал, что «разделение жилых домов на два типа в зависимости от наличия антовых стен, которые обычно предназначаются для защиты дома от солнечной радиации, не освещает все стороны развития жилища»²⁰. Со своей стороны А. А. Садых-заде за основу типизации взял внутреннюю планировку жилищ, разделив их на дома с однорядным и дома с двухрядным расположением помещений. Однако эта систематизация не внесла ясности, так как в ней игнорировались различия жилища по строительному материалу, этажности, форме крыши и другим признакам, составляющим своеобразие того или иного типа дома.

Попытки типологического осмысления отдельных видов кавказского народного жилища содержатся также в работах архитекторов Ш. А. Гюльхасяна, И. В. Адамиа, Г. Я. Мовчана, в неопубликованных материалах И. П. Щеблыкина, в кратких тезисах этнографов Т. И. Чиковани²¹ и М. З. Османова²², в исследованиях С. И. Макалатиа.

Нам уже приходилось указывать²³, что систематизировать народное жилище Кавказа, как впрочем и любое другое, на основе одного какого-либо признака, будь то строительный материал, планировка или какой-нибудь другой его элемент, нельзя, если при этом преследуется генеральная, а не частная специально оговоренная цель. Огромное разнообразие внешних форм народных жилищ при довольно частом однообразии их внутренней планировки и убранства интерьера или, наоборот, однообразие внешних форм при различии внутреннего устройства кавказского жилища заставляет нас подходить к вопросу систематизации очень осторожно, беря в качестве основы типологии совокупность целого ряда наиболее характерных признаков. Среди них помимо таких основных элементов, как строительный материал, этажность и, особенно, планировка, должны быть учтены иногда и сугубо местные особенности, например, для жилища юго-западных склонов Главного Кавказского хребта в пределах Азербайджана — чердак-черводня, для жилища Апшеронского полуострова — обособленная кухня, для жилища кочев-

¹⁸ Г. С. Читая, Этнографические исследования в Грузинской ССР, «Сов. этнография», 1948, № 4.

¹⁹ А. В. Саркисов, Архитектура народного жилища нагорных районов Азербайджана, В кн.: «Архитектура Азербайджана», Баку, 1952, стр. 565.

²⁰ А. А. Садых-заде, Архитектура жилища северо-восточных районов Азербайджанской ССР, М., 1956, стр. 49. Канд. дисс., рукопись хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

²¹ Т. А. Чиковани, К вопросу классификации закавказского жилища со ступенчато-венцеобразным перекрытием, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований», Баку, 1965, стр. 19.

²² М. З. Османов, Принципы классификации дагестанского жилища, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований», Баку, 1965, стр. 188.

²³ См. В. П. Кобычев, Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в., «Сов. этнография», 1957, № 3; его же, Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. «Кавказский этнографический сборник», вып. 3, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», нов. серия, т. XXIX, М.—Л., 1962; его же, Типология кавказского народного жилища.

ников — особенности устройства каркаса кибитки и т. д. Только всесторонне оценив жилище и выявив его характерные особенности, можно выделять его в отдельный тип, вариант типа или разновидность.

Картографирование — графическое воплощение систематизации, поэтому оно также может быть построено на самой различной основе и на самых различных планах. Можно картографировать жилище по отдельным элементам — материалу, планировке, этажности, по архитектурному

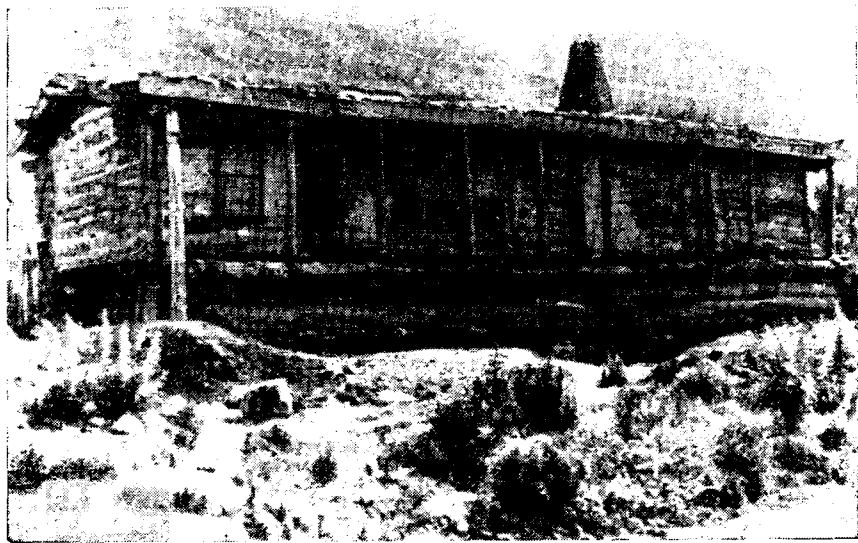

Рис. 5. Старое карачаевское жилище. Сел. Хурзук, Карачаево-Черкесская автономная область (фото Г. А. Сергеевой)

стилю, а также в историко-хронологическом разрезе. Так, по материалу из которого строится жилище на Кавказе, можно выделить три крупные области: область деревянной архитектуры, охватывающую главным образом северо-западную часть Кавказа, область крупно-каменных блоков, которая расположена в высокогорных районах центрального Кавказа и Дагестана, и область кирпично-саманного зодчества, обнимающую всю остальную территорию края. Граница между первыми двумя ареалами в Закавказье проходит где-то в районе Сурамского хребта, огибая с юга Сванетию, а на Северном Кавказе захватывает Адыгею, Карачаево-Черкессию и Кабарду. Помимо этого, небольшой остров деревянной архитектуры имеется на юго-востоке Азербайджана в Талыше. В пределах указанных трех областей бытуют самые разнообразные формы жилища: в первой, начиная от необмазанного плетня и кончая срубом, во второй — от однокамерных домов-комнат до многораздельных жилищ вытянутого плана, а в третьей — от одиночных боевых и жилых башен до сложных оборонительно-жилых комплексов замкового типа. Вместе с тем целый ряд широко распространенных на Кавказе типов жилья, например, жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием, или различного вида передвижные кибитки скотоводов при этом делении из рассмотрения совершенно выпадают. Тем не менее, указанная классификация представляет определенный познавательный интерес, поскольку отнюдь не повторяет географических границ распространения леса или камня на Кавказе, хотя и не лишена известной связи с последними. Не

исключено, что в данном случае мы имеем дело с культурным взаимодействием различных народов. Это видно хотя бы из того, что ареал распространения деревянного зодчества на западе Кавказа почти точно совпадает с областью расселения абхазо-адыгских народов и близких им по культуре и историческим судьбам западных грузин — мегрелов, имеретин и гурийцев, а также поселившихся здесь позднее карачаевцев.

Сходную картину в отношении северо-западного Кавказа дает картографирование по планировке жилища, при котором области деревянной архитектуры в значительной степени будет соответствовать область распространения так называемого «длинного дома»²⁴. Любопытно, что указанная закономерность наблюдается в самых различных типах жилища от турлучного и срубного до каменного и полуподземного со ступенчато-пирамидальным перекрытием, которое на западе края за счет соединения под одной кровлей жилых и хозяйственных помещений имеет гораздо более сложную и вытянутую планировку, чем в восточной части Закавказья²⁵.

Вследствие недостаточной выразительности картины, которая получается при классификации кавказского жилища по горизонтальной планировке, некоторые исследователи предпочитают рассматривать последнее в вертикальном разрезе, предполагая, что это лучше всего отображает его специфику, обусловленную горным рельефом края. Картографирование в вертикальном разрезе помогает составить представление об этажности народного жилища Кавказа, которая имеет тенденцию возрастать по мере подъема в горы.

Некоторый интерес представляет картографирование жилища и по форме крыши. На Кавказе бытуют различные виды крыш: скатные, плоские, ступенчато-пирамидальные, купольные и др. Каждый из этих видов имеет свой ареал распространения.

Подобное исследование характера перекрытия и ареала его распространения имеет значение для изучения истории строительного искусства народов Кавказа.

Однако основной задачей изучения жилища вообще и составления атласа по этому элементу культуры, в частности, является параллельно с освещением народного зодчества, выявление культурно-исторических связей между народами Кавказа и истории социальных взаимоотношений. И всякая классификация жилища должна решить в первую очередь эту задачу.

Данные исторической этнографии рисуют следующую картину распространения основных традиционных типов жилища на Кавказе: 1) плетеный турлучный или из сырого кирпича дом с двух- и четырехскатной крышей из камыша, соломы, осики или черепицы, удлиненного либо квадратного плана — у абхазо-адыгских народов, западных грузин, кахетин, ингилойцев, азербайджанцев, аварцев Закатальского округа, талышей приморской зоны, удин, части осетин, чеченцев, ингушей, проживающих на плоскости; 2) срубное жилище удлиненного плана с отлогой двускатной крышей — у карачаевцев, горных юго-осетин, балкарцев Баксанского ущелья и горных черкесов; 3) плоскокрышный каменный или из сырого саманного кирпича дом самой различной этажности и плана (от полуземлянки до двух-, трехэтажных многокаменных домов) — у одной части грузин (тушин, хевсур, мтиулов, мохевцев и др.), азербай-

²⁴ См. В. П. Кобычев, Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в., М., 1958, канд. диссертация, рукопись хранится в Ин-те этнографии АН СССР. Длинные дома археологи обнаруживают в эпоху бронзы и неолита также в Восточном Закавказье (см. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 38), однако в XIX в. они уже почти не встречаются.

²⁵ С. Д. Лисициан, Очерки этнографии дореволюционной Армении.

джанцев, армян, северных и южных осетин, балкарцев, горных чеченцев, ингушей, а также у аварцев, лезгин, табасаранцев, лаков и других народов Дагестана, у татов, талышей горной зоны, части курдов, айсоров и других; 4) жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием различного плана и возвышения над землей — у армян, грузин Картли, некоторой части юго-осетин, а также у азербайджанцев и курдов Нагорного Карабаха; 5) многоярусные крупноблочные каменные сооружения замкового типа — у населения высокогорных районов Кавказа.

Рис. 6. Остатки старинных боевых башен и замков в сел. Таргим. Чечено-Ингушская АССР (фото из архива Института этнографии АН СССР)

Указанные типы народного жилища и ареалы их распространения в значительной степени являются условными, поскольку относятся в основном к концу XVIII — первой половине XIX в. Если же взять более отдаленное время, картина будет иной. Так, согласно историческим известиям, в первые века нашей эры в Колхидской низменности бытовало жилище наподобие высоких деревянных башен²⁶. Можно полагать, судя по конструкции перекрытий древних могильников в верховьях Кубани, в Балкарии и Северной Осетии и типологически сходных с ними перекрытий чечено-ингушских оборонительных башен, что в раннем средневековье указанный тип жилища был широко распространен также на большей части территории Северного Кавказа, а может быть и значительно севернее²⁷. В настоящее время жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием фактически уже ушло в прошлое.

Также почти совершенно исчезли на Кавказе в качестве постоянного вида жилья срубные дома и передвижная кибитка кочевников. Из приведенных примеров можно заключить, что картографирование жилища всегда следует проводить в строго определенных хронологических рамках, которые необходимо предварительно устанавливать на основании всей совокупности социально-экономических факторов, оказывающих влияние на развитие жилища.

²⁶ Витрувий, Десять книг об архитектуре, М., 1936, стр. 41—42.

²⁷ Данные археологии говорят о бытовании жилища со ступенчато-пирамидальным перекрытием даже в степных районах северного Причерноморья.

С другой стороны становится очевидным, что жилище может быть картографировано также в историко-хронологическом плане, путем сопоставления отдельных типов или элементов жилища в различные исторические периоды. Например, после присоединения Кавказа к России и особенно в пореформенный период, в связи с проникновением и развитием в крае капиталистических отношений, значительно меняется облик кавказского народного жилища. Феодальные верхи и представители нарождающейся местной буржуазии строят в селе дома по типу городских. В некоторых районах Северного Кавказа, в частности, в зоне непосредственного соприкосновения с русским населением, вместе с отдельными элементами культуры и быта русского крестьянства, в кавказское село проникают и русские формы жилища. «Дом, выстроенный и обставленный по-городскому, служит теперь предметом гордости князя или дворянина, в то время, как раньше все жилища строились по одному плану из того же материала, отличаясь лишь размерами и внутренним убранством»²⁸. Новый дом, прежде всего, выше, так как выстроен на фундаменте с цоколем и имеет пол, приподнятый над землей: планировка его близка к квадрату; в качестве строительного материала чаще всего используется тес, ранее неизвестный совсем, либо обожженный кирпич. В новых домах — деревянные полы, большие остекленные окна, крытое крыльцо, сложенные из кирпича печи и плиты. Строят новые дома на первых порах исключительно русские мастера. В дальнейшем, однако, появляются специалисты и из среды коренного населения, которые, освоившись с навыками и приемами русского домостроения, переносят их на сооружение своих национальных видов жилища, в результате чего последние очень скоро также существенно видоизменяются. Процесс этот особенно интенсивно протекал в западной и центральной частях Северного Кавказа у осетин и адыгских народов, проживавших в непосредственном соседстве с русскими и казачьими станицами. У этих народов уже в начале XX в. старое традиционное жилище в нетронутом виде встречалось очень редко²⁹.

В советские годы в связи с развитием социалистических отношений в кавказском народном жилище происходят еще большие перемены. Внедряются новые материалы, изменяются конструкции, внутренняя планировка, распределение жилой площади, архитектурный декор. Почти повсеместно на смену необмазанному плетню, турлуку, дереву, а в ряде случаев и камню, пришел саманный кирпич, что повлекло за собой коренные изменения в конструкции жилища. Даже там, где прежние материалы сохранили свое значение, дома стали строить на жесткой каркасной основе, возводимой на каменном или кирпичном фундаменте (бассейн Кубани — Адыгейская автономная область, верховья Баксана — Кабардино-Балкарская АССР, некоторые районы Азербайджанской ССР и др.). Из состава жилища повсеместно, за исключением отдельных горных районов, выделились хозяйственные помещения, в частности, скотные дворы, и получили широкое развитие террасы, балконы, галереи, остекленные веранды, обособленный коридор, крыльцо, а в числе жилых помещений — гостиные, детские комнаты, спальни и т. п. Быстро уходят в прошлое старые примитивные способы отопления — открытый очаг и пристенный камин с прямоточным дымоходом, уступая место кирпичной печке и железной плите. Наряду с этим в ряде мест (Мугань, Ленкорань — Азербайджанской ССР, Колхида — Грузинской ССР, некоторые селения Кабардино-Балкарской АССР и почти все рабочие поселки при

²⁸ А. А. Миллер, Черкесские постройки, стр. 1.

²⁹ Там же, стр. 1—2.

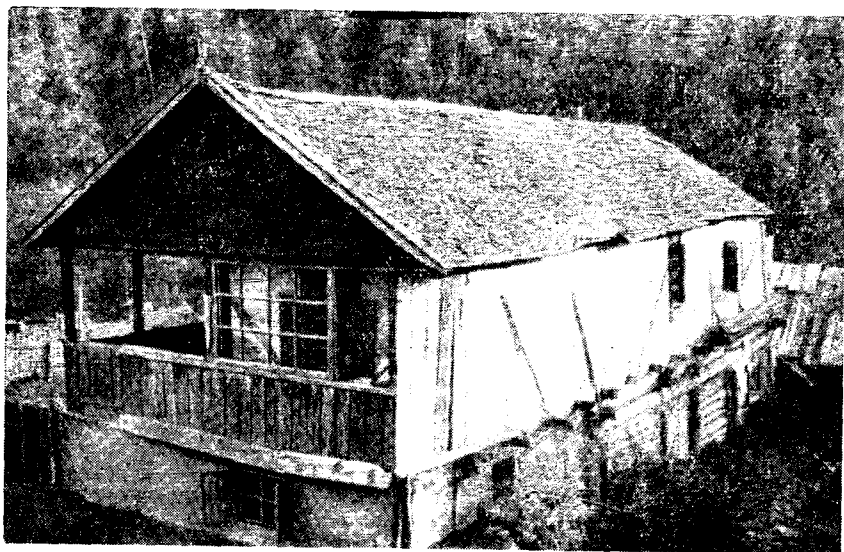

Рис. 7. Жилище балкарцев верховьев Баксанского ущелья. Сел. Байдаево, Кабардино-Балкарская АССР (фото В. П. Кобычева)

Рис. 8. Современное жилище карачаевцев, построенное по типовым проектам. Сел. Берлик, Карачаево-Черкесская автономная область (фото из архива Института этнографии АН СССР)

Рис. 9. Старое (на переднем плане) и новое жилище азербайджанцев. Сел. Талышнуру Азербайджанской ССР (фото В. П. Кобычева)

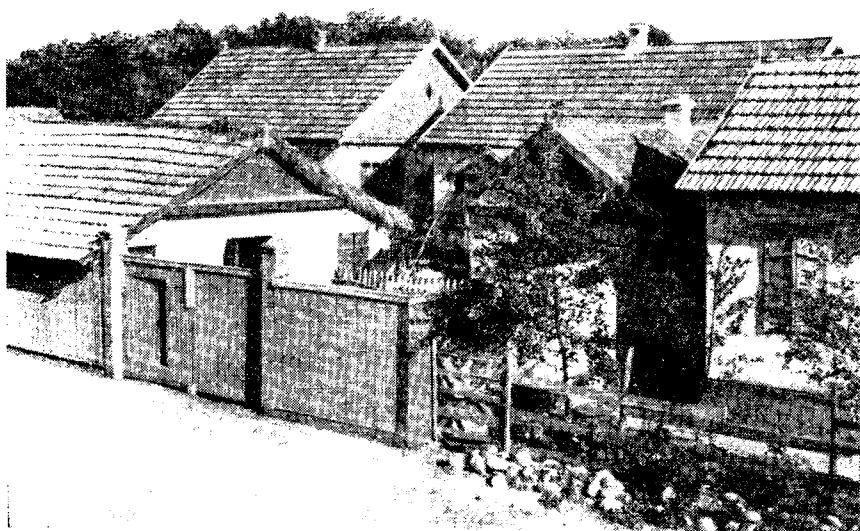

Рис. 10. Современное кабардинское жилище из саманного кирпича. Сел. Баксан, Кабардино-Балкарская АССР (фото А. А. Линденберга)

новых центрах металлургии, добычи руды, например, Садон в Северной Осетии, Тырныауз — в Кабардино-Балкарии, Чиатура — в Грузии, Дашкесан — в Азербайджане, Аллаверды — в Армении и др.) распространяется стандартное домостроение, основанное на типовых проектах, разработанных союзными и республиканскими архитектурными управлениями и конторами. При материальном воплощении все эти проекты обычно приспособляются к нуждам и потребностям отдельных конкретных хозяйств и существующим у данного народа строительным традициям. Точно так же и перечисленные выше изменения жилища всегда совершаются в рамках уже сложившихся у народа архитектурно-строительных представлений и на базе бытующих в той или иной местности типов жилья, поэтому по сути дела являются модификацией последних в новых исторических условиях. Например, установлено, что турлучное жилище со временем развивается в жилище из сырого и саманного кирпича³⁰, пещера — в плоскокрышный дом с террасой-айваном перед фасадом³¹, серединный очаг постепенно отодвигается к одной из стен и превращается в пристенный камин с плетеным или внутристенным дымоходом-дымоходом³². Выявление подобных закономерностей и нанесение их на карту может способствовать изучению многих аспектов как народной архитектуры, так и этнографии Кавказа в целом и в том числе лучшему пониманию сущности ряда религиозных представлений и социально-экономических отношений³³.

Таким образом, можно констатировать, что типология и картографирование кавказского народного жилища только в том случае могут дать достаточно четкое и ясное представление о последнем, если они основываются на всестороннем учете всех его особенностей³⁴. Типологизация и картографирование могут быть проведены как в пространстве, так и во времени. Последнее помогает отобразить последовательность видоизменений внутри каждой конкретной формы жилища. Оно может быть осуществлено двумя путями: посредством серии последовательных карт, либо при помощи многослойного нанесения на одну карту контуров распространения той или иной формы жилища в разные исторические периоды.

Диапазон и характер историко-этнографического атласа позволяет также картографировать кавказское народное жилище во всем многообразии локальных форм с обязательным показом того, что роднит и сближает эти формы и указывает на общность культуры кавказских народов. У народов Кавказа, живших на протяжении веков в тесном соседстве и постоянном общении друг с другом, многие стороны материальной и духовной культуры, и в том числе жилище, значительно сблизились. Еще В. В. Бартольд отмечал, что Закавказье, например, уже в X в. явилось по сути дела «одной культурной полосой»³⁵.

³⁰ Б. А. Куфтин, Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова, М., 1925, стр. 50.

³¹ М. И. Ильина, Указ. раб., стр. 34—35.

³² М. В. Бакланов, Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935, стр. 16.

³³ По мнению М. В. Витова, картографирование «отдельных культурных элементов, особенно не связанных с географической средой и экономикой, имеет наибольшую ценность и по существу должно предшествовать «этнокультурной типологии» как таковой» (См.: М. В. Витов, Некоторые вопросы этнологического картографирования. В кн.: «Тезисы докладов по проблемам лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии», М., 1964, стр. 6, 7).

³⁴ Построение типологии жилища с учетом самых разнообразных признаков его в последнее время находит все более широкое признание. Ср.: Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова (при участии О. А. Ганцкой), Вопросы типологии традиционного жилища Центральной и Юго-Восточной Европы, VII МКАЭН, М., 1964, стр. 2.

³⁵ В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, стр. 33.

Н. Я. Марр в свою очередь писал, что «невозможно понять историю Кавказа в рамках отдельных национально-исторических построений»³⁶ Рассматривая жилище азербайджанцев, А. Гакстгаузен утверждал, что последнее настолько схоже с жилищем соседних грузин, что «кажется один народ перенял у другого»³⁷. С. Д. Лисициан также не видел никакого различия между одноэлементными армянским туном и карадамом азербайджанцев в горах Малого Кавказа³⁸. Из всего этого отнюдь не следует, что в народной архитектуре Кавказа совершенно отсутствует какая-либо специфика. Формы жилища определяются в первую очередь уровнем общественного и экономического развития населения. Именно поэтому конкретные формы жилища могут служить источником изучения семейного быта, а посредством последнего — социальной жизни народа. Ввиду всего этого создание Кавказского историко-этнографического атласа является одной из важных задач, которую советские этнографы-кавказоведы должны решить в ближайшие годы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕРНЫЙ ВОПРОСНИК ДЛЯ СБОРА МАТЕРИАЛА ПО ПОСЕЛЕНИЯМ И ЖИЛИЩУ К КАВКАЗСКОМУ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ³⁹

Формы поселения

I. Источники снабжения водой

1. Питьевая вода:

а) откуда берут питьевую воду — родник, река, источник, колодец, артезианский колодец; б) расстояние от дома; в) название; г) сосуды для переноски воды, их материал и форма (желательно дать схематический рисунок).

2. Мельничная вода:

а) откуда отведена; б) расстояние от отвода до мельницы; в) расстояние от села до мельницы; г) из какого материала сооружена мельница; д) разновидность мельниц — поточная, большая, малая, средняя, ветряная, механическая; е) в чьей собственности находилась мельница (отдельной семьи, фамилии, квартала, селения); ж) порядок пользования мельницей; з) мера оплаты за помол.

3. Вода для орошения:

а) откуда сделан отвод; б) названия отдельных частей системы орошения — арык, канава; в) способ проведения системы орошения; г) порядок пользования системой орошения; д) порядок обслуживания системы орошения.

4. Целебные воды:

а) название; б) состав; в) от какой болезни применяется; г) способ употребления воды при приеме (время, дозировка, продолжительность приема; д) предания, связанные с ней.

5. Термические воды:

а) название; б) температура; в) для чего употребляется; г) если употребляется для лечения, то от каких болезней (прием внутрь, ванны), дозировка; д) предания, связанные с ней.

II. Хозяйственно-географические условия

1. Топография села:

а) место расположения приусадебного участка в отношении сторон света; б) теневая или солнечная сторона; в) сила ветра, направление, частота; г) частота, продолжительность и время выпадения дождей; д) стихийные бедствия (засуха, наводнения, обвалы).

³⁶ Н. Я. Марр, Избранные произведения, т. 3, М.—Л., 1934, стр. 152.

³⁷ А. Гакстгаузен, Закавказский край, СПб., 1857, стр. 151—155.

³⁸ С. Д. Лисициан, Очерки этнографии дореволюционной Армении, стр. 205

³⁹ Публикуется в порядке обсуждения.

2. Пахотные угодья:

а) названия и размеры пахотных угодий; б) их расположение и расстояние в отношении дома; в) сорта и названия зерновых культур; г) орошаются или нет; д) способы огораживания и их названия (плетень, забор, ограда); е) входы и их названия.

3. Виноградники:

а) место расположения в отношении дома; б) площадь; в) сорта винограда; г) способы огораживания, материал, названия; д) вход.

4. Сады:

а) способ разбивки сада (терраса, склон, равнина); б) расположение сада в отношении дома; в) фруктовые сорта; г) способы огораживания, материал, названия; д) вход.

5. Огороды:

а) площадь; б) расположение в отношении дома; в) огородные культуры; г) способы огораживания, материал, названия; д) вход.

6. Рис, табак, цитрусовые, технические культуры:

а) наименование и размер рисовых полей (сорта и давность культивирования); б) наименование и размер табачных плантаций (сорта и давность культивирования); в) цитрусовые (сорта и давность культивирования); г) наименование технических культур и давность их культивирования.

7. Покосы:

а) название и размеры покосных угодий; б) их расположение в отношении дома; в) названия основных кормовых трав; г) орошаются или нет; д) способы огораживания, материал и название; е) вход.

8. Пастбища:

а) названия и размеры пастбищ; б) их расположение в отношении селения; в) какие селения (или кварталы, фамилии или семьи) пользуются теми или иными пастбищами; г) названия основных видов кормовых трав; д) способы огораживания, материал и названия.

9. Леса:

а) названия основных массивов и размеры; б) их расположение в отношении селения; в) порядок пользования лесом (имелись ли участки леса в пользовании семьи, рода, общины); г) способ охраны леса.

10. Остатки древних поселений:

а) селища; б) городища; в) остатки дворцов; г) остатки караван-сараев; д) остатки крепостей; е) остатки башен; ж) остатки древних погребальных сооружений; з) остатки церквей и мечетей; и) остатки мостов; к) следы древних путей сообщения и ирригации.

III. Структура села

1. Поквартальное деление:

а) число и наименование кварталов, концов; б) фамильный состав кварталов (поли- или монофамильные); в) квартальные места сходов.

2. Общественные места:

а) наименование и расположение места общесельского схода; б) гостинный дом, его форма, структура и местонахождение; в) рыночная площадь — расположение и дни торговли; г) кладбища, расположение по отношению к селу, наименование, структура; д) культовые места (родовые, патронимические, общесельские).

3. Планировка села.

Жилой комплекс

I. Заготовка строительного материала

1. Заготовка лесоматериала:

а) выбор лесоматериала — сорта; б) способы рубки лесоматериала; в) обычаи и приметы, связанные с рубкой (фазы луны, дни недели, моления, приношения); г) организация труда и средства перевозки.

2. Заготовка камня:

а) местонахождение и название каменоломен; б) сорта, название и краткое описание камня; в) инструмент добычи и обработки камня; г) организация труда и средства перевозки; д) происхождение мастеров по обработке камня.

3. Заготовка извести:

а) название печи и ее краткое описание; б) вид горючего материала; в) местонахождение и виды сырья; г) способ обжига; д) способ приготовления известкового раствора.

4. Формы взаимопомощи во время строительства дома:

а) трудовая взаимопомощь — название, характер, обязательства; б) взаимопомощь тягловой силой — название, характер; в) материальная взаимопомощь.

5. Обряды и обычаи и, связанные с жилищем:
а) освящение места; б) закладка серебряных вещей и денег; значение и условие закладки; в) приношения, обычаи, связанные с различными строительными работами.

6. Общие сведения:

а) время постройки дома; б) кто является строителем; в) кто является первым владельцем; г) стоимость дома.

II. Конструкция дома

1. Фундамент:

а) роют или нет котлован и каким способом; б) имеет ли дом фундамент — если имеет, то из какого материала (толщина, ширина, глубина заложения); в) имеет ли дом подпольное пространство и способ его устройства; г) если дом на сваях, указать их число, материал, ширину, высоту, глубину закладки.

2. Пол:

а) если пол глинобитный, указать способ его трюмбовки; б) если пол имеет настил, указать материал; в) способ укладки деревянного пола.

3. Стены:

а) материал для возведения стен — плетенка, кругляк, четырехгранник, доски, булыжник, рваный камень, песчаник, кирпич; б) техника возведения стен — способ соединения деревянных частей, кладка камня и кирпича; в) употребление раствора и сухая кладка (способ кладки); г) способ подноски материала на этажи; д) штукатурка стен (снаружи и внутри), материал.

4. Место огня:

а) если очаг в центре комнаты, указать его наименование, форму и надочажные приспособления; б) если камин, кратко описать его форму, местоположение в отношении двери с указанием наименования; в) если печь, указать наименование; материал, форму, местоположение в отношении к двери; г) украшение очага, камин, печки.

5. Система перекрытия и кровля:

а) если дом имеет венцеобразно-ступенчатое перекрытие, указать максимальную высоту, расположение в отношении очага и основного столба; б) основной столб, его контуры, орнамент; в) остальные опоры в системе перекрытия — название и расположение опорных столбов; г) межэтажное перекрытие; д) формы кровли: плоская, двускатная, трех- и четырехскатная; е) кровельный материал (глина, шифер, камыш, драпка, черепица, жель); ж) способ трюмбовки глинобитной крыши; з) название и способ укладки камышовой кровли; и) название и способ крепления драпки.

6. Двери и окна:

а) размер двери; б) одно- или двустворчатые; в) форма двери; г) засов двери (внутри или снаружи); д) место расположения двери по отношению к очагу; е) размер окна; ж) форма окна; з) виды заслонов — пузырь, стекло, ставни; и) местоположение окна в отношении очага, камин, печи.

7. Дымо-световые отверстия:

а) есть ли дымо-световое отверстие в потолке; б) форма, назначение и местоположение в отношении очага; в) освещение дома днем — из окон или световых отверстий; г) освещение дома вечером — очагом, копилкой, светильником; д) дымоход.

8. Бойницы:

а) наименование и форма; б) количество; в) их расположение в отношении дверей, окон и других частей комнаты.

9. Ниши:

а) название отдельных ниш; б) их форма; в) их расположение в отношении очага; г) их назначение; д) имеет ли дом тайник, название, назначение, объем и местоположение.

III. Использование площади жилого комплекса

1. Этажность дома:

а) число этажей; б) наименование первого этажа; площадь и назначение; в) наименование второго этажа и т. п.; г) сообщение между этажами.

2. Деление общей жилплощади:

а) деление жилплощади отдельных этажей имеет материально выраженный характер или носит условное значение; б) если распределение носит материально выраженный характер, укажите средства перегородки (дошчатое, плетеное); в) размеры отдельных помещений каждого этажа — название, назначение; г) схема распределения площади (условное, распределение дошчатое, плетеное, занавесью).

3. Вспомогательные помещения:

а) пекарня — форма и местоположение; б) хлев — форма, площадь и местоположение; в) саманник — форма, площадь и местоположение; г) кукурузник; д) свиарник; е) курятник; ж) пчельник; з) туалет.

4. Временные и специальные помещения:

а) летние стоянки; б) зимовники; в) сторожки; г) брачные жилища; д) женские «очистительные» помещения; е) помещения для омовения.

5. Общие сведения:

а) название приусадебного комплекса; б) название жилища (дарбази, глхатун, карадам, хата, изба); в) расстояние до соседней усадьбы.

IV. Связь жилой площади с семьей

1. Возрастной и численный состав семьи:

а) общий состав членов семьи — из них мужчин, женщин; б) состав трудоспособных членов семьи — из них брачного возраста; в) состав нетрудоспособных членов семьи — из них стариков, детей.

2. Родственные отношения:

а) основные члены семьи; б) невестки; в) зятя; г) близкие и дальние родственники (дяди, тетки); ж) посторонние, е) генеалогическая схема семьи (с указанием имен); первое, второе, третье и четвертое поколения.

3. Распределение функций:

а) как называется глава семьи; б) как называется главная женщина в семье; в) как называются руководитель и участники полевых работ; г) как называются руководитель и участники в работах по виноградарству и виноделию; д) как называются руководитель и участники работ в скотоводстве; е) как называются ремесленники; ж) как называются отходники.

4. Способ раздела семьи:

а) кто имеет долю в семейном имуществе — только основные члены или все члены семьи, только мужчины или только прямые наследники; б) раздел имущества производился равномерно или нет; кто имел преимущество (старший или младший) и в чем оно выражалось; в) какому члену семьи оставался при разделе дом; г) имеет ли право отец оставить сына без дома и в каких случаях; д) какое название носит та часть имущества, которую берет с собой женщина, и как это имущество возникает.

5. Расположение членов семьи в отношении огня (очага, камина, печки):

а) размещение членов семьи во время домашних работ (выпечка хлеба, приготовление молочных продуктов; домашние ремесленные работы); б) во время еды; в) во время праздников; г) во время свадьбы; д) во время выполнения похоронных обрядов, во время болезни; е) где стоит кресло (название) главы дома, люлька; ж) расположение членов семьи во время сна; з) спальное место новобрачных; и) место для гостей.

SUMMARY

The traditional houses in the Caucasus vary typologically very much due to various geographic environment differences in the socio-economic development of the Caucasian peoples in the past, and also to the multinational ethnic composition of local populations. All this makes a systematization and mapping of traditional houses on the Caucasus extremely difficult. For this reason all attempts to classify the Caucasian houses according to separate elements, like the material of construction, plan of the house, number of storeys, form of roof etc., made so far by several scholars, having a certain informative value cannot however be regarded as satisfactory.

The preliminary examination of the problem nevertheless shows, that the task of a systematization of traditional dwelling types on the Caucasus can be solved under the project of the Caucasian Historical Ethnographic Atlas. This article and a sample questionnaire in its appendix are aimed at a further promotion of this project.

С. И. Вайнштейн

ОРНАМЕНТ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ ТУВИНЦЕВ

В последние годы в этнографических исследованиях все больше внимания уделяется народному декоративно-прикладному искусству, причем не только как одной из сторон духовной культуры народа, но и как важному историческому источнику.

Наиболее перспективными с этой точки зрения являются исследования народного орнамента.

Большая заслуга в изучении орнаментального искусства народов Сибири принадлежит советскому этнографу С. В. Иванову, им же в значительной мере разработана методика изучения орнамента как исторического источника¹. Однако орнаментальное искусство народов Южной Сибири, в особенности тувинцев, остается мало исследованной².

Орнаментальное искусство — один из древнейших видов народного творчества тувинцев — сохраняет свое значение и в настоящее время. Украшенные орнаментами деревянные, металлические, кожаные и войлочные изделия поныне широко распространены в быту тувинцев³.

Тувинцы издавна декорировали преимущественно те деревянные предметы, которые чаще были на виду, — росписью украшали дверцы юрт, сундуки, стенки низких кроватей, разборные посудные ящички; орнаментальную резьбу наносили на сосуды для молока (рис. 1), ступки для измельчения и хранения чая и соли (рис. 2), небольшие шкатулки, луки оленьих седел и, наконец, предметы ритуала — ложки для разбрызгивания чая и молока духам и рукоятки шаманских бубнов. В современном быту сохраняются главным образом украшенные росписью сундуки и орнаментированные резьбой сосуды для молока, соли, чая, а также вьючные оленьи седла. Для украшения сундуков применяют одноцветную и многоцветную роспись, которую наносят с помощью бумажных трафаретов. Резьбой и росписью занимаются исключительно мужчины. В последние годы в Туве была предпринята попытка использовать народные орнаменты для украшения деревянной современной мебели, в частности, детских столиков, табуреток и др. (рис. 3). Излюбленным материалом для изготовления утвари тувинцами-оленьеводами служила береста, но единственным видом берестяных изделий, который они украшали, были небольшие ведерки «соо». Их орнаментировали очень своеобразным способом — верхнюю часть сосуда украшали узором, состоящим из вы-

¹ С. И. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока, М.—Л., 1963.

² Краткая характеристика орнамента тувинцев дана в кн. «Историко-этнографический атлас Сибири», М., 1961, стр. 372, а также табл. 42, 43.

³ Предлагаемая работа основана главным образом на полевых материалах автора, собранных им в Туве в 1950—1963 гг., в том числе в период работы автора (1959—1963) в составе Тувинской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, руководимой Л. П. Потаповым.

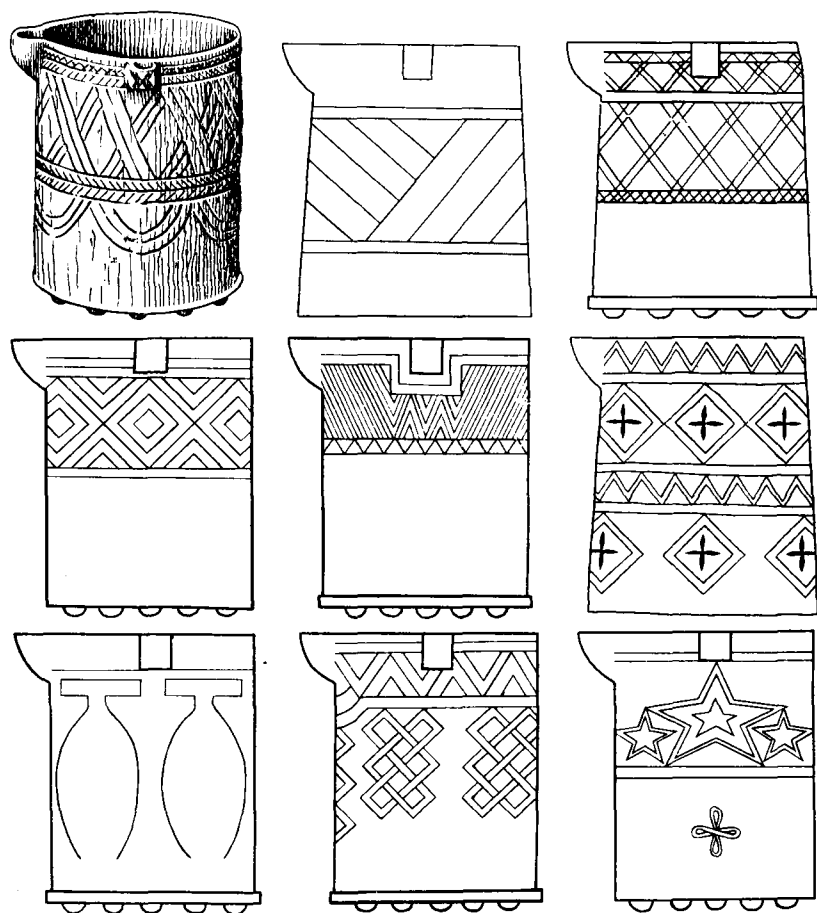

Рис. 1. Деревянные сосуды для молока, орнаментированные резьбой

пуклых линий, выполненных надкусыванием зубами⁴. Такой узор наносят только женщины.

Изделия из кости и рога встречаются у тувинцев сравнительно редко, причем преимущественно в таежных и подтаежных районах. Из рога делают игольники, пороховницы, накладки на луки седла, седельные бляхи, крюки для подвешивания люльки, крюки-вешалки. Их обычно украшают резным тонколинейным орнаментом. Резбой по кости и рогу занимаются исключительно мужчины.

Художественной обработкой металла в Туве занимались кузнецы (дарган). Искусные ювелиры были известны далеко за пределами родных мест. Теперь в Туве осталось очень немного мастеров, сохраняющих старинные народные традиции художественной обработки металла. К сожалению, они обычно не имеют учеников. Среди талантливых умельцев в этой области народного искусства следует назвать Сояна Лакпаа (Эрзинский район), М. Сандака (пос. Ак-Туруг).

Дарганы, они же серебряных дел мастера, изготавливают бляхи для седла и узды, подвесные пряжки, огнива, курительные принадлежности

⁴ С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961, рис. 7, в.

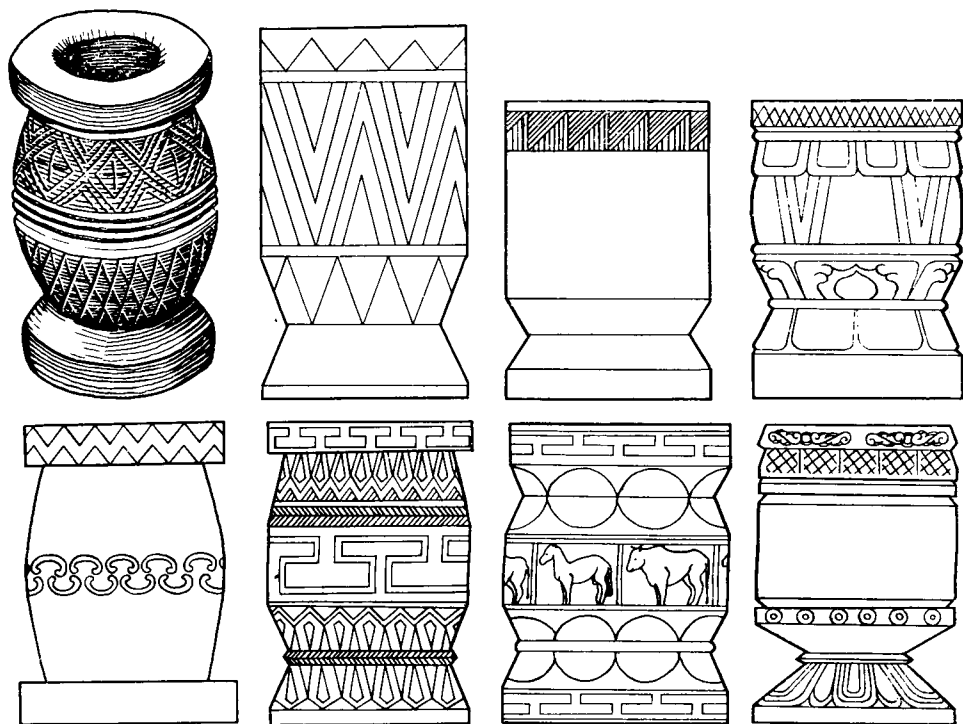

Рис. 2. Деревянные ступки, украшенные резным узором

Рис. 3. Опытный образец современной мебели, украшенной национальным орнаментом (наконечники трубок, копалки), обкладки ножен, игольники, различные женские украшения (перстни, серьги, гребни и др.) (рис. 4).

Для изготовления и орнаментации металлических изделий пользуются различными техническими приемами — ковкой, литьем, серебрением, штамповкой, гравировкой, инкрустацией (насечкой), филигранью⁵.

⁵ Подробнее см. С. И. В а й н ш т е й н, Прикладное искусство тувинцев, «Ученые записки ТНУИЯЛИ», вып. XI, Кызыл, 1964, стр. 257—270.

Пожалуй, самым распространенным приемом художественной обработки металла остается чеканка и гравировка серебряных изделий.

В западной Туве в долине Хемчика несколько мастеров поныне сохраняют древнюю традицию металлического литья по сжигаемой в глиняной форме деревянной модели⁶.

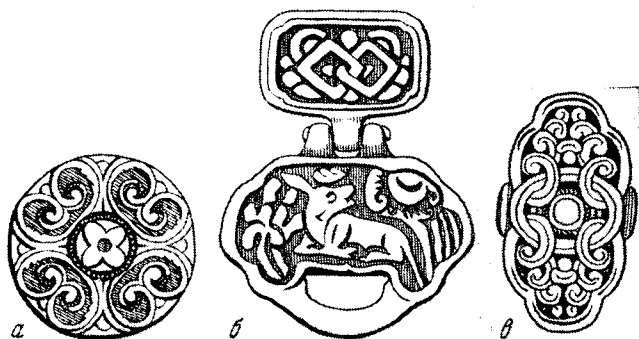

Рис. 4. Орнаментированные металлические изделия: *а* — уздечная бляха (чеканка, серебро), *б* — поясная подвесная пряжка (литье и чеканка, серебро), *в* — перстень (чеканка, серебро)

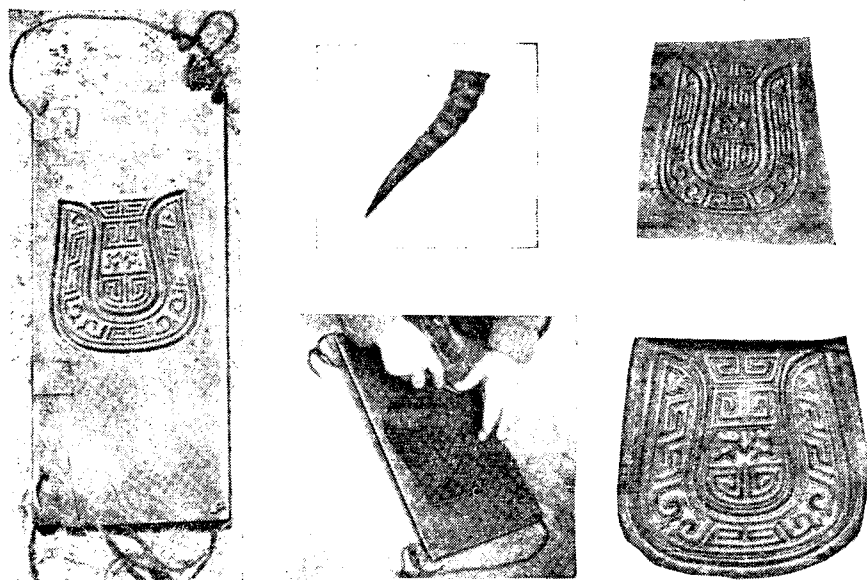

Рис. 5. Процесс орнаментации кожаного седельного крыла (слева — деревянная матрица,верху в середине рог, служащий инструментом для выдавливания узора,верху справа — кожанная заготовка с тисненным узором, внизу справа — седельное крыло с кожными аппликациями)

Тувинцы искусно украшают кожаные изделия — седла, сбрую, фляги, подушки и др. одноцветными и многоцветными аппликациями и тис-

⁶ Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Народные способы металлического литья у тувинцев» «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 148—152.

нением. Восточные тувинцы украшали в прошлом также дверцы чумов фигурными кожаными подвесками.

Художественной обработкой кожи занимались преимущественно женщины. Аппликациями покрывали чепраки, седельные крылья, (рис. 5), лицевую сторону валиковых подушек. Иногда на чепраки, седельные крылья, кожаные подушки узор наносился тиснением. Только тиснением украшали сравнительно большие кожаные сосуды «хёгер», служившие для хранения молочных продуктов, и маленькие «хёгержик», предназначенные для молочной водки.

В последнее время в связи с изменением условий быта кожаные сосуды и валиковые подушки встречаются очень редко. Что касается седельных крыльев, украшенных аппликациями, то они распространены во всех районах Тувы.

В кочевом быту тувинцев войлочные коврики и матрацы были необходимой принадлежностью каждой семьи. Теперь они выходят из употребления. Войлочные изделия — коврики «ширтект», матрацы «кундус», навесные дверцы юрт, потники «чонак» украшают главным образом стегаными узорами, но в недалеком прошлом, еще в XIX в., применяли также аппликации из ткани по войлоку⁷.

Узорчатые вышивки по ткани не были распространены у тувинцев, так же, впрочем, как и у других народов Саяно-Алтая. Применялись лишь узорчатые стеганные швы на воротниках и других изделиях из ткани, но они имели скорее не эстетическое, а чисто практическое назначение. Лишь у скотоводов степных районов центральной и западной Тувы иногда применялась вышивка цветными нитками для отделки кисетов и некоторых частей одежды (обычно пользовались тамбурным швом).

Орнаментальные мотивы.

Композиционные особенности и колорит

По начертанию тувинский орнамент делится в основном на три большие группы узоров: геометрические, растительные, зооморфные. Деление это в значительной мере условное, так как некоторые геометрические элементы орнамента возникли из растительных и зооморфных мотивов. Наиболее распространены в тувинской орнаментике геометрические прямолинейные и криволинейные узоры, реже встречаются растительные начертания, еще реже — зооморфные.

Резные узоры на деревянных изделиях, как правило, геометрические, выполняемые линейно-выемчатой техникой. В прямолинейные геометрические узоры входят прямые полосы, полосы, пересеченные прямыми или косыми линиями, косая сетка, шевроны, диагонально пересеченные треугольники с вписанными в них треугольниками меньшего размера: квадраты и прямоугольники с вписанными в них меньшими квадратами и прямоугольниками; квадраты с вписанными треугольниками и меандр. Среди криволинейных геометрических узоров применяются дуги, в том числе дуги с вписанными в них меньшими дугами; Ж-образные узоры, миндалевидные узоры, S-видные спирали, арки, различные редукции символических знаков, клеточное переплетение (так называемый «узел»).

Группа растительных узоров включает преимущественно многолепестковую розетку и листья, выполняемые как линейно-выемчатой резь-

⁷ См. также: Л. П. Потапов, Материалы по этнографии тувинцев районов Мон-гун — Тайги и Кара — Холя, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М. — Л., 1961, стр. 173; П. И. Каралькин, Жилище в Западной Туве, там же, стр. 271—272.

бой, так и плоским рельефом. Последний применяется реже — преимущественно на ступках и подставках для деревянных статуэток.

В зооморфную группу входят плоско-выемчатые изображения птиц в орнаментах на деревянных луках выючных оленьих седел и плоско-рельефные изображения животных на ступках для соли и чая. Иногда схематические изображения людей и животных в сочетании с геометрическим орнаментом встречаются на крышках деревянных шкатулок.

Кроме того, в резьбе по дереву все чаще появляется новый элемент орнамента — пятиконечная звезда с серпом и молотом, органически включаемый в традиционные узоры.

Для росписи характерны сложные одноцветные и многоцветные геометрические и криволинейные узоры: завитки, вариации «узла», роговидные мотивы, многолепестковые розетки, меандр, а также элементы восточноазиатских символических знаков, нередко в сильно измененном виде. В многокрасочных росписях обычно используется светотень.

В узорах на металлических изделиях преобладают криволинейные мотивы, но встречаются и простые геометрические формы. На бляхах для конской сбруи часты варианты узла, переплетения, роговидные и растительные мотивы. На подвесных пряжках обычны различные сочетания роговидных узоров и растительных мотивов, нередко зооморфные изображения — животные, рыбы, птицы, иногда реалистические, чаще стилизованные и даже вычурные. «Узел» на пряжках, как правило, отсутствует.

Из простых геометрических мотивов на металлических бляхах и пряжках нередко круги, переплетающиеся ромбы и кольца, дуги, пунктирные узоры. Криволинейные геометрические узоры украшают иногда также стремена.

В орнаментах на коже господствуют сложные, преимущественно криволинейные узоры, включающие крестообразные розетки, «волну», различные варианты «узла», меандр, роговидные мотивы, узор из запятых; зооморфные сюжеты встречаются, но очень редко, главным образом на кожаных сосудах «хёгер».

Орнаментальные мотивы на войлоке весьма устойчивы. Преобладают прямоугольники с косо заштрихованными треугольниками внутри, спирали, сетка из чешуек, меандровый бордюр.

В аппликациях на войлоке и ткани изображались крестообразные фигуры и «узел». Для вышивки на одежде и кисетах характерны простые стеганые узоры в виде косой сетки и меандра.

В XIX — начале XX в. у тувинцев было представлено два хозяйственно-культурных типа: степных скотоводов-кочевников и охотников-оленовод-тов тайги (тоджинцы). Между тувинцами, жившими в условиях различных хозяйственно-культурных типов, имелись существенные различия не только в форме хозяйства и материальной культуры, но и в культуре духовной и, в частности в орнаментальном искусстве. Эти существенные различия орнаментики в своих основных чертах сохранились поныне.

У охотников-оленовод-тов тоджинцев, в отличие от степных тувинцев, господствовали сравнительно мелкие простые прямолинейно-геометрические мотивы и в меньшей мере — несложные криволинейные. Оленеводы были незнакомы с росписью, тиснением кожи и художественной обработкой металла⁸. Деревянные, войлочные, кожаные и металлические изделия, украшенные сложными пышными криволинейными узорами, попадали к оленеводам лишь в результате обмена со скотоводами.

Орнамент тувинцев обычно строго симметричен. Характер симметрий и другие композиционные особенности зависят прежде всего от формы и

⁸ Подробнее см. С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, стр. 159—169.

назначения предмета, но играют определенную роль также размеры предмета и характер материала. Орнаментальные узоры располагаются на украшаемой вещи в виде розеток, сплошной сетки или бордюра. Нередко розетка и сетка сочетаются с бордюром. Розетки в тувинском орнаменте имеют обычно плоскость симметрии второго или четвертого порядка⁹. В расписных орнаментах на сундуках, например, плоскость симметрии зависит от того, сколько раз мастер складывает бумагу, из которой он делает трафарет — четыре, восемь или большее число раз. Композиция расписного орнамента на сундуках весьма часто устойчива. Она строится на основе симметрии. В центре располагается четко выраженный, сравнительно крупного размера, центральный узор, составляющий основу композиции. По углам композиции мастер, как правило, наносит четыре угловых узора, между которыми нередко располагаются еще четыре орнаментальных рисунка (по одному с каждой стороны). Вся композиция окаймляет обычно линейный бордюр. Таково же типичное построение лицевой части валиковых подушек.

Композиция орнаментов на кожаных седельных крыльях (тепсе) всегда выдержана в определенной манере. На «тепсе» орнамент композиционно делится также на центральный узор обычно списанный в фигуру в виде лопасти, и окаймляющий орнамент, расположенный вдоль нижнего и бокового края крыла.

Орнамент на деревянных сосудах состоит из одного или нескольких бордюров, обрамляющих верхнюю часть сосуда, а иногда и заполняющих его стенки до основания.

Орнаменты на металлических бляхах, перстнях состоят преимущественно из розеток, на гребнях — из бордюров.

На войлочных коврах, матрацах и потниках узоры располагаются в виде прямой сетки. Ячейкой сетки служат прямоугольные или круглые спирали, круги, диагонально пересеченные квадраты, а также орнамент в виде чешуи. Ковры и матрицы имеют нередко обрамление в виде меандрового бордюра.

Для многоцветных росписей на сундуках характерны смелые и вместе с тем радующие глаз сочетания красок. В яркой гамме цветов тувинского расписного орнамента отразился художественный вкус народа, на который, несомненно, повлияла полная цветовых контрастов природа Тувы с ее почти всегда чистым изумрудно-синим небом, ослепительно ярким солнцем и непередаваемыми непрерывно меняющимися от зари к закату красками гор и степей — то пламенеющими и густыми, то нежными и прозрачными. Но даже и тогда, когда мастер стремился написать орнаментальную композицию в контрастных, сочных и праздничных красках, он делал это обычно с большим чувством меры, стараясь сохранить гармонию.

В сером интерьере юрты сундуки и кровать с их праздничными яркими орнаментами были главным украшением жилища кочевника и поэтому передние стенки сундуков и кроватей столь любовно расписывались мастерами. В богатой гамме тувинского расписного орнамента преобладают красные, синие, голубые, зеленые, коричневые и желтые краски. Многие мастера смело вводят в орнамент черные и белые цвета. Вместе с тем, наряду с чистыми интенсивными цветами в тувинском орнаменте очень часто встречаются композиции, выполненные в смяг-

⁹ По вопросу о плоскостях симметрии в прикладном искусстве и, в частности, сибирском, см.: А. В. Шубников. Симметрия (законы симметрии и их применение в науке и прикладном искусстве), М.—Л., 1940, С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, стр. 36—39.

ченных полутонах. Этим, в частности, тувинский орнамент отличается от монгольского, гораздо более яркого, палитра которого не знает серых или тусклых разбеленных красок¹⁰.

В качестве фона для многоцветных узоров обычно подбирают розовый, светло-красный, коричневый, реже бордовый или черный фон.

Одноцветные «золотые» и «серебряные» узоры наносили, как правило, на кроваво-красный фон или бордо.

Украшенные аппликациями кожаные подушки, крылья седла и чепраки были главным образом однотонными (в зависимости от цвета кожи: светло- или темно-коричневыми), а иногда и черными (кожа окрашивалась). Значительно реже встречались кожаные изделия с многоцветными аппликациями. Мне известно «тепсе», у которого на коричневом фоне располагался узор из зеленых и черных аппликаций, а также несколько «тепсе», где черные, зеленые и красные аппликации были нашиты на кожу, окрашенную в цвет бордо. Нередко под одноцветные узоры кожаных крыльев и подушек подшивались ярко-желтые, оранжевые, зеленые и розовые кусочки ткани, придавая особую нарядность вещи. В западных районах ткань часто заменялась кусочками желто-золотой коры степного кустарника-караганника.

Семантика и название узоров

Первоначально почти каждый орнаментальный мотив, его окраска имели свой символический смысл. Со временем значение многих орнаментальных узоров было забыто, но они сохраняют свои названия, часть из которых восходит к глубокому прошлому. Например, роговидный мотив «кошкарлап» в переводе означает «бараний»; развитие этого мотива началось, как будет показано ниже, еще в эпоху ранних кочевников, когда роль мелкого рогатого скота особенно возросла. Вероятно, в прошлом этому узору придавалось особое магическое значение, ныне этот мотив, хотя и не имеющий особой символики, остается излюбленным в работах тувинских мастеров. Символом счастья (нитью счастья) считается изображение узла «удазын» — одного из самых распространенных орнаментальных мотивов в прикладном искусстве тувинцев.

Названия узоров очень разнообразны. Некоторые элементы осмысляются явлениями окружающей природы. Так, кривые линии с завитками на конце называются «галбыыштап», что означает «языки пламени». Многолепестковая розетка «чечектеп», означает «цветковая» (чечек — цветок). Другие орнаменты осмысляются по их сходству с предметами окружающего быта, например, название узора «чадырлап», состоящего из треугольников с вписанными в них меньшими треугольниками, разъясняется как «чумы» (чадыр-чум), а другой орнаментальный мотив в форме линии, на одном конце которой — развилка, а на другом изгиб, носит название «илбек», т. е. вилка для извлечения мяса из котла; косая сетка — «хана карак» переводится как «глаз решетки юрты»; а некоторые формы меандра именуются как «баска хээ», означающее «молотковый», свастику называют «кас», т. е. гусь, и т. п. Часть орнаментальных мотивов имеет «геометрические» названия. Например «дорбелчин» — прямоугольная спираль, «тогерик» — круглая спираль, «тору-ма» — треугольник и т. д.

Не всегда одно и то же название распространено по всей Туве. Некоторые мотивы имеют в отдельных районах разные названия. Напри-

¹⁰ Н. Кочешков, Монгольский орнамент, «Современная Монголия», 1963, № 3, стр. 21.

мер, сетку в виде чешуи называют «балык казырыы» (рыбья чешуя) и ««кулун дую» (жеребьячи копыта». Судя по сохранившимся произведениям тувинского фольклора, предки тувинцев придавали символическое значение отдельным цветам — красному, желтому, синему, черному, но в настоящее время народная символика забыта и нам не удалось ее выяснить. Более того, черный цвет — цвет мрака и несчастья в эпосе тувинцев и других народов Центральной Азии, используют как один из «равноправных» цветов в орнаментике тувинцев.

Чем же можно объяснить утрату древней символики и отсутствие устойчивой терминологии сравнительно многих элементов орнамента? На наш взгляд, это явление можно объяснить тем, что многие орнаментальные мотивы проделали значительную эволюцию как в отношении большей их стилизации и усложнения, так и их слияния с другими узорами в сложных орнаментальных комплексах. Постепенно утрачивалось первоначальное символическое значение тех мотивов, которые его ранее имели, так как в сложных орнаментальных композициях, вступая в тесную связь с другими элементами узора, они все больше несли не символическо-магическую, а художественную нагрузку.

Историко-культурные комплексы в орнаменте

Длительное время в научной литературе было распространено мнение, что для тувинского орнамента характерны мотивы, заимствованные целиком из восточноазиатского культурного очага. Даже такой серьезный исследователь этнографии тувинцев, как Ф. Я. Кон, полагал, что тувинский орнамент «заимствован у монголов и китайцев»¹¹. В свое время против этой точки зрения выступил Г. Е. Грумм-Гржимайло, который писал: «Думаю..., что у народа с таким художественным чутьем, как сойоты (прежнее название тувинцев. — С. В.), даже первоначально заимствованный стиль орнамента должен был бы переработаться и обрести черты, обусловленные национальным вкусом, невероятно, чтобы в сойотской орнаментике не было бы и своих элементов, и это доказывают такие мотивы в орнаментальной композиции как указанные Коном конские и бараньи головы, даже не стилизованные, а трактованные натуралистически, чего в новейшем китайском и монгольском орнаменте мы не знаем. Во всяком случае я считал бы более осторожным считать приговор, произнесенный Коном над сойотским орнаментом, преждевременным»¹². Последующие исследования подтвердили мнение Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Характеризуя искусство народов Сибири, С. В. Иванов обратил внимание на сложный состав тувинской орнаментики, в которой он отметил преобладание восточноазиатского и саяно-алтайского типов орнамента с сопутствующими им мотивами южносибирского и северосибирских типов¹³. Однако историческое соотношение указанных типов осталось не выявленным.

Тувинский орнамент, как и орнаменты других народов, содержит в себе пласты различных эпох, отражает сложные этнические и культурные связи. Изучение тувинского орнамента позволяет выделить в нем орнаментальные комплексы, сложившиеся в разные исторические периоды (мы называем их историко-культурными комплексами).

¹¹ Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, М., 1934, стр. 111.

¹² Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 86—87.

¹³ Историко-этнографический атлас Сибири, стр. 375.

Первый историко-культурный комплекс — архаический (рис. 6). Отдельные его элементы уже известны в неолитическое время в Сибири, но большая часть его мотивов восходит к эпохе бронзы, когда степные племена занимались пастушеским скотоводством, были знакомы с керамикой и украшали ее геометрическими узорами.

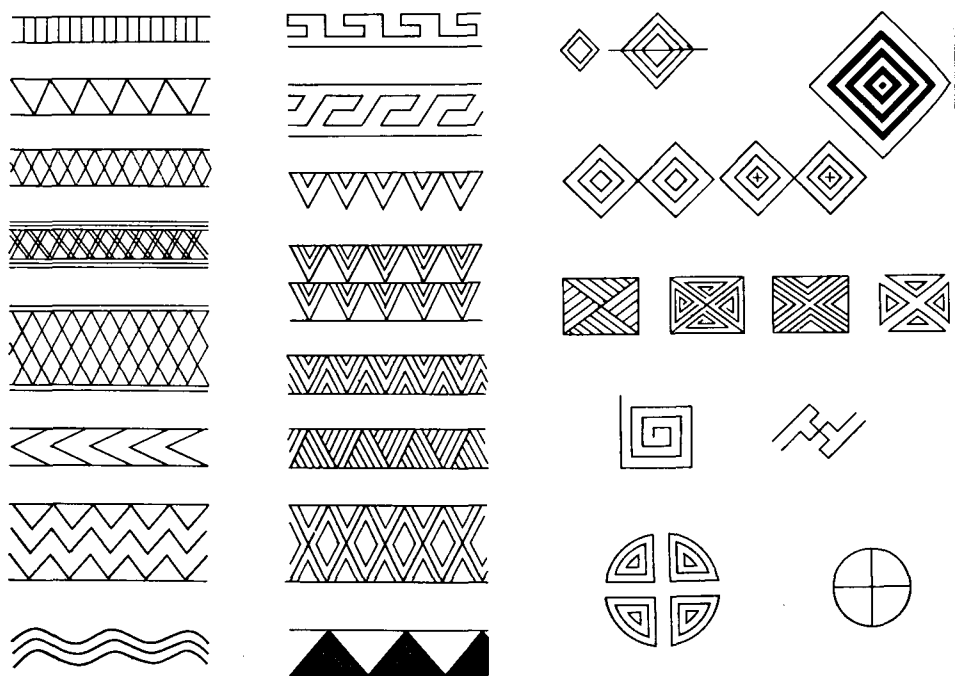

Рис. 6. Узоры архаического комплекса

К этому комплексу относятся: пунктир; поясok из вертикальных прямых линий; косая сетка; треугольники, в том числе заштрихованные; треугольники, включающие меньшие треугольники; шевроны; пояски из ромбов, в том числе с вписанными меньшими ромбами; пояски из квадратов, в том числе с меньшими вписанными квадратами; пояски из косозаштрихованных треугольников; пояски из треугольников, обращенные острыми углами вниз; пояски из антиподально расположенных треугольников; Г-образный меандр; свастика; диагонально-пересеченные четырехугольники со вписанными треугольниками. Большая часть этих узоров развилась еще в период существования андроновской культуры (II—I тысячелетия до н. э.)¹⁴ и, как нам удалось установить, поразительно устойчиво сохранились в традиционных орнаментах на деревянных сосудах типа «хуун» для молока. Именно в узорах на хуун, в их композиционных особенностях «законсервировался» на века орнаментальный комплекс, свойственный керамике андроновцев.

Часть мотивов первого комплекса распространена очень широко, включая Сибирь, Среднюю Азию и Восточную Европу, но наиболее пол-

¹⁴ С. В. Иванов, Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири (к постановке вопроса), Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

но, кроме тувинцев, он представлен лишь у народов Саяно-Алтая и якутов. Он в ряде черт близок к саяно-алтайскому типу орнамента, выделенному С. В. Ивановым¹⁵.

Важно отметить, что этот комплекс характерен как для искусства тувинцев степных районов, у которых его мотивы встречаются в резьбе на деревянных сосудах, шкатулках, в узорах на войлоке и ткани, так и для

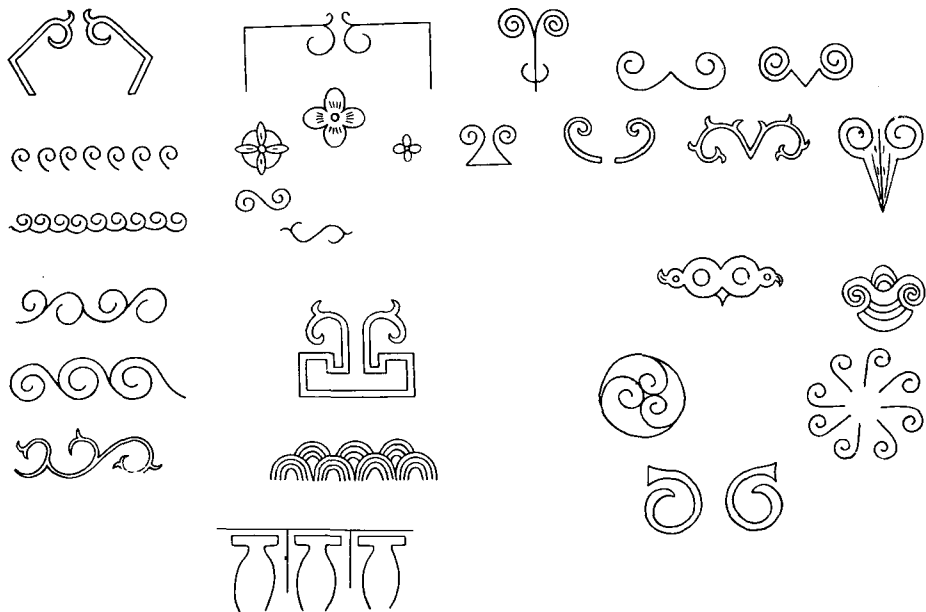

Рис. 7. Узоры раннекочевнического комплекса

тувинцев-оленоводо- (в орнаменте на деревянной посуде, на луках выючных седел, костяных игольниках и др.)¹⁶. Очень любопытно, что у тоджинцев сохранился также исчезнувший почти у всех сибирских народов¹⁷ древнейший орнамент на бересте, выполняемый надкусыванием зубами. Наличие общего древнего пласта в орнаменте тувинцев степных районов и оленеводов представляет большой интерес с точки зрения происхождения этих групп тувинцев, являясь дополнительным доказательством их тесных этнических связей еще в древности.

Второй комплекс — раннекочевнический (рис. 7). В период существования раннекочевого общества (середина I тысячелетия до н. э. — начало нашей эры) в связи с развитием новых более прогрессивных форм хозяйства и обмена и значительно более подвижным образом жизни племен устанавливаются невиданные прежде культурные контакты скотоводов на огромной территории от Причерноморья и Передней Азии на западе до Ордоса на востоке. Возникают связи степных племен с цивилизациями Передней и Восточной Азии. Все это глубочайшим образом сказывалось на обогащении сюжетов прикладного искусства и развитии орнаментики у ранних кочевников. Развитие орнаментального искусства в эту эпоху в значительной мере определило его специфические осо-

¹⁵ Историко-этнографический атлас Сибири, стр. 425, табл. 50.

¹⁶ См. С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, стр. 159—169.

¹⁷ В. Н. Чернецов, Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные на бересте у манси), «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 53—63.

бенности у кочевых народов степей Евразии в последующее время вплоть до этнографической современности.

Искусство раннекочевового общества в Туве и сопредельных с ней районах известно как по раскопкам на территории республики¹⁸, так и по материалам выдающихся памятников этой эпохи на Алтае (Пазырык и др.)¹⁹ и в Монголии (Ноин-Ула и др.)²⁰.

Ко второму комплексу могут быть отнесены мотивы розетки, парные спирали, завитки, пальметки, волюты, S-образные фигуры, арочные узоры, сетчатый орнамент из спиралей и так называемая «чешуя».

Особенно поразительно сохранение в декорировке тувинской деревянной посуды модифицированных элементов арочного орнамента, украшавшего керамическую посуду племен Тувы в гуннское время. Роговые бляхи на седлах тувинцев имеют удивительные черты сходства с бляхами скифского времени, по-видимому, стилизовано изображающими голову хищной птицы²¹ — вероятно грифона.

Большая часть мотивов второго комплекса распространена сравнительно широко и известна у народов Средней Азии и Южной Сибири, в особенности у народов Саяно-Алтая и якутов. Часть мотивов раннекочевнического комплекса характерна для южносибирского типа орнамента.

У тувинцев-скотоводов фигуры этого комплекса встречаются в узорах на кожаных, войлочных, металлических и костяных изделиях, а также в росписях на сундуках, в вышивке на головных уборах (волюты) на сосудах для молока (арочные узоры) и ступках (парные спирали). Обнаруживаемые в тувинской орнаментике глубокие связи с искусством племен, населявших Туву в скифское и гуннское время, служат дополнительным доказательством участия этого древнего населения в этногенезе современных тувинцев.

Третий комплекс — позднекочевнический (рис. 8). В позднекочевническое время население Тувы входило в различные обширные государства, создававшиеся в степях Центральной Азии с середины I тысячелетия до начала II тысячелетия н. э. В этот период наряду с обогащением технических приемов орнаментирования появляются новые усложненные фигуры, исходные мотивы которых были известны еще в предшествующее время, что, несомненно, затрудняет и делает в какой-то мере условным выделение мотивов этого комплекса. Мы включаем в данный комплекс те фигуры, которые получили определенную орнаментальную законченность и распространность в искусстве позднекочевнических народов.

Для позднекочевнического комплекса характерны определенные формы роговидного узора, крестовидные фигуры с рогообразными ответвлениями или ромбовидными утолщениями на концах (иногда они сочетаются в одной фигуре), ромбовидные фигуры с роговидными ответвлениями, круг, рассеченный крестом с обращенными к центру пальметовидными элементами, четырехлепестковая розетка в сочетании с кружковым орнаментом, S-видные фигуры с несколькими ответвлениями. К этому

¹⁸ См.: С. И. Вайнштейн, Тува в эпоху первобытнообщинного строя, в кн.: «История Тувы», М., 1964, его же, Тува в эпоху разложения первобытнообщинного строя, там же, стр. 18—54.

¹⁹ М. П. Грязнов, Первый пазырыкский курган, Л., 1950; С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.—Л., 1953, его же, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960.

²⁰ С. И. Руденко, Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.—Л., 1962.

²¹ С. И. Руденко, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960, рис. 129; F. R. Martin, L'âge du Bronze au Musée de Minoussinsk, Stockholm, 1893, табл. 28, рис. 19, табл. 30, рис. 37, 39; С. И. Вайнштейн, Памятники скифского времени в западной Туве, «Ученые записки Тувинского научн.-иссл. ин-та языка, литературы и истории», вып. 3, Кызыл, 1955, рис. 2, стр. 82.

же комплексу можно отнести и циркульный узор на металлических изделиях, который хотя и появился в орнаментике Сибири в эпоху бронзы, а возможно и ранее, но распространился лишь в среде поздних кочевников, когда для художественной обработки металла начинают широко использовать штамповку железным чеканом-пуансоном (способ орнаментации, дошедший до наших дней).

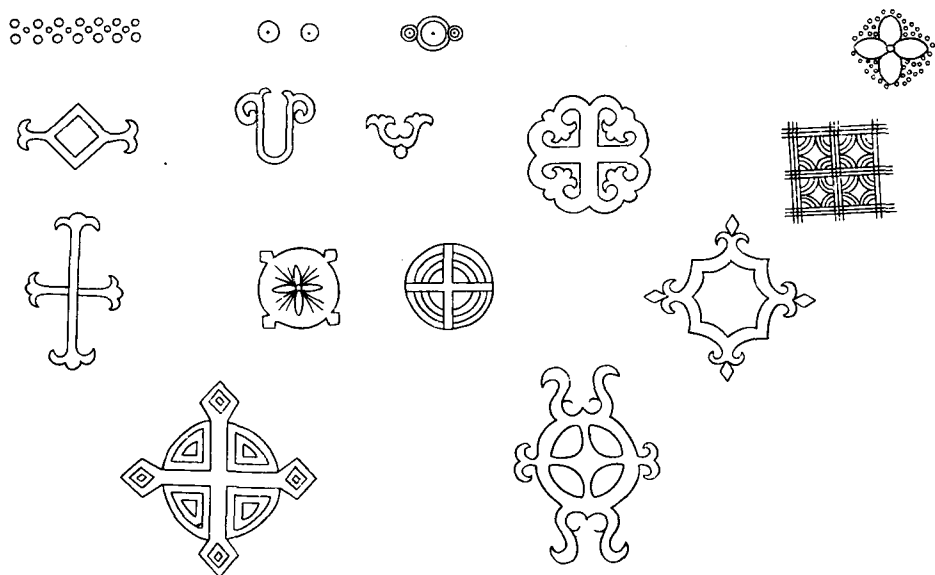

Рис. 8. Узоры позднекочевнического комплекса

Необходимо отметить, что в позднекочевнический комплекс в результате усилившихся связей культур кочевых народов с оседлыми вошли некоторые мотивы, характерные ранее только для оседлых земледельцев Средней Азии и Восточной Европы.

Рассмотрим отдельные узоры позднекочевнического комплекса. Роговидный узор — один из наиболее распространенных в тувинском орнаменте. Он, по всей вероятности, восходит к стилизованным изображениям рогатой головы горного барана, известным в памятниках эпохи ранних кочевников²², но в позднекочевническом искусстве этот мотив утрачивает конкретную связь с образом животного и превращается в абстрактный орнаментальный узор, лишь осмысляемый как бараний рог (у тувинцев «кошкар мыйызы», у бурят «хусин ебер»²³ и т. п.). Нельзя согласиться с мнением, высказанным Е. Р. Шнейдером, связывавшим возникновение роговидного узора с парным изображением птиц в древнеиранском искусстве, отрицая его связь с исходным изображением рогов барана²⁴. Роговидные мотивы широко распространены в искусстве, генетически связанном с культурой поздних кочевников степей (якуты, буряты, народы Саяно-Алтая, тюркоязычные народы Средней Азии и Кавказа, башкиры, османские турки и др.).

²² С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая, в скифское время, М.—Л., 1953, табл. XXXV, рис. 2, 4.

²³ Б. Э. Петри, Орнамент кудинских бурят, Сб. МАЭ, т. V, вып. I, Пг., 1918, стр. 235.

²⁴ Е. Р. Шнейдер, Казакская орнаментика, Сб. «Кзаки», Л., 1927, стр. 135—171.

Роговидные мотивы входят во многие узоры тувинского орнамента; таковы, например, крестовидные фигуры с роговидными ответвлениями на концах. Подобные фигуры были известны у кочевников Южной Сибири еще в скифское время, но лишь на импортных вещах главным образом переднеазиатского происхождения²⁵. Распространившись в эпоху поздних кочевников в тюрко-монгольской среде, они вошли позднее в близких вариантах в орнаментику якутов²⁶, бурят²⁷, народов Саяно-Алтая²⁸ и Средней Азии²⁹, турок Малой Азии³⁰. Столь же широко распространилась в позднекочевнической среде фигура в виде ромба с роговидными ответвлениями, которая рассматривается некоторыми исследователями как вариант «ромба с крючками», служившего, по недавно высказанному мнению А. К. Амброза, раннеземледельческим символом³¹. Часто встречающаяся в тувинском орнаменте крестообразная рассеченная розетка с четырьмя роговидными ответвлениями, обращенными внутрь, совершенно аналогична подобной фигуре у киргизов³². Распространение сходных фигур в орнаменте народов Средней Азии связывается с кыпчакской этнической средой (IX—XII вв.)³³.

У тувинцев мотивы этого комплекса преобладают в тиснении по коже в особенности на сосудах «хёр» для кумиса и арака. Такие сосуды со сходными формами орнаментации сохранились поныне в быту чабанов алтайцев и киргизов (см. фото на обложке журнала).

Четвертый комплекс — поздний (рис. 9). В этот комплекс мы включаем в основном узоры, имеющие восточноазиатское происхождение. Хотя культурные связи с народами Восточной Азии у народов Саяно-Алтая установились еще в древности, но на орнаментику тувинцев восточноазиатское искусство стало оказывать сильное влияние лишь в сравнительно позднее время, в особенности в период маньчжурского ига (1755—1911 гг.). Об этом свидетельствует как почти полное отсутствие в археологических памятниках Тувы фигур этого комплекса, так и то, что родственные тувинцам тюркоязычные народы Сибири и Средней Азии, не испытавшие маньчжурского ига в XVIII—XX вв., такие как тофалары, якуты, хакасы, киргизы и некоторые другие, имея в своем искусстве многие мотивы позднекочевнического комплекса, почти не знают фигур восточноазиатского комплекса.

К этому комплексу относятся так называемый круг единства, монетовидный узор, облаковидные узоры, фигурные скобки, Т-образный (молотковый) меандр и некоторые другие мотивы. К этому же комплексу можно отнести распространенный в Туве узор в виде «узла», восходящий к буддийскому символу, хотя возможно, что он имеет и местные исходные формы.

²⁵ С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, табл. XCV и LXXXVIII.

²⁶ U. Johansen, Die Ornamentik der Yakuten, Hamburg, 1954, табл. X, рис. 14.

²⁷ Б. Э. Петри, Указ. раб., рис. 50, 58.

²⁸ Историко-этнографический атлас Сибири, табл. 36, рис. 23.

²⁹ R. Karutz, Unter Kirgisen und Turkmenen, Leipzig, 1911, рис. 40, табл. 29; К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, рис. 6—4; У. Шалекенов, И. Жаксыбаев, О войлочных изделиях казахов хорезмского оазиса, «Вестник каракалпакского филиала АН Узбекской ССР», Нукус, 1965, рис. 2.

³⁰ Özbel Kapan, El sanatları, —I, Ankara, 1949, табл. 34.

³¹ А. К. Амброз, Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 14—27.

³² С. В. Иванов, Киргизский орнамент как этногенетический источник, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, табл. I (левый рисунок в верхнем ряду).

³³ Там же, стр. 63.

С развитием позднего комплекса тесно связана многоцветная и одноцветная роспись на стенках сундуков с применением «золотой» краски, а также декоративное расчленение орнаментальной композиции на стенках сундуков, состоящей обычно из центрального узора, угловых орнаментов и бордюра.

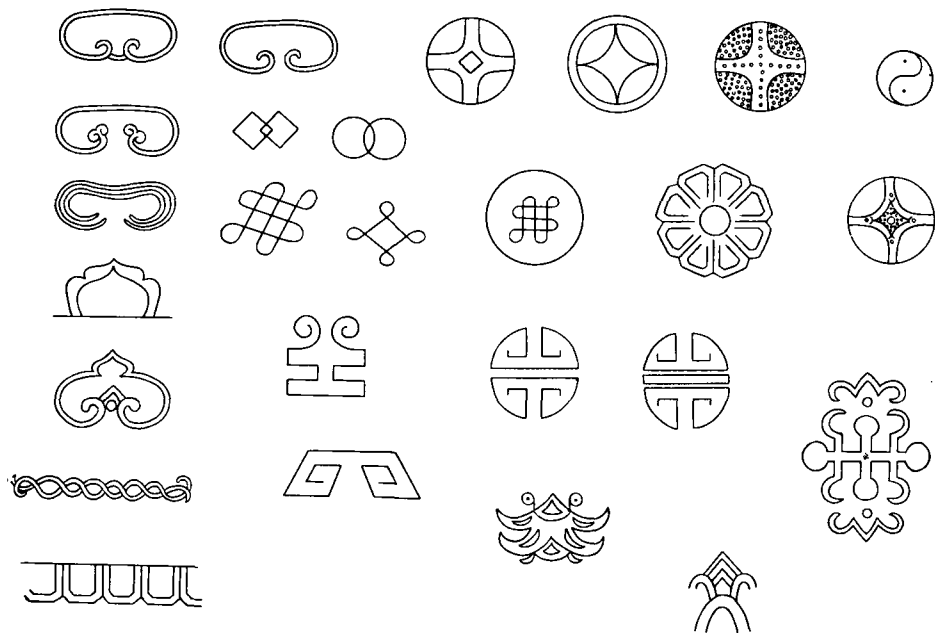

Рис. 9. Узоры позднего комплекса

Рассматриваемый комплекс встречается главным образом у тувинцев-скотоводов в росписях на сундуках и значительно реже на других изделиях. Причем нужно отметить, что в тувинском орнаменте большинство из указанных мотивов подверглись значительной переработке на местной почве и многие из них, хотя и восходят к восточноазиатским образцам, но в их новом виде вполне могут рассматриваться как тувинские орнаментальные узоры.

Фигуры этого комплекса распространены чрезвычайно широко, включая Восточную, Юго-Восточную и Центральную Азию. Ближайший к Туве район распространения этого комплекса — Монголия, но там искусство Восточной Азии представлено в орнаментике значительно шире и полнее, чем в тувинском.

Некоторые мотивы этого комплекса могли проникнуть в Туву через монголов и бурят, с которыми у тувинцев издавна существуют не только тесные культурные, но и этнические связи. О взаимном влиянии тувинской, монгольской и бурятской орнаментики свидетельствует как сходство многих узоров, так и общее название орнамента «угулза» или «хээ» у тувинцев, бурят и монголов³⁴; у последних «угулз» является также названием горного барана. Символический орнамент «узел счастья», называемый у тувинцев «олчей удазын», называется у монголов «колдзий утас»³⁵.

³⁴ «Монгольско-русский словарь» под ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957.

³⁵ Б. Я. Владимирцев, Сравнительная грамматика монгольского языка и халхасские наречия, Л., 1928, стр. 226; К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, Восточноазиатский этнографический сборник, вып. 1, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. LX, М.—Л., 1960, стр. 270.

Касаясь связей тувинского искусства с искусством других народов Азии, нельзя не отметить встречающиеся как в пластинке, так и в орнаментике образ Гаруды — женщины-птицы, называемой у тувинцев Хан-Херети. Часто ее изображение встречается в тувинских шахматах. Образ Гаруды широко распространен в искусстве народов Сибири, в особенности южной, куда он мог проникнуть из Центральной Азии, а возможно даже из Индии, где этот образ сложился в глубокой древности³⁶. В легендах монголов и тибетцев Гаруда имеет птичью голову, крылья и ноги, а грудь и тело у нее женские³⁷, таков же образ Гаруды и в тувинском фольклоре и в декоративном искусстве.

В современном тувинском орнаменте развивается новый комплекс, вызванный влиянием на сельских жителей городской культуры и стремлением народных мастеров сблизить традиционные формы декоративно-прикладного искусства с современностью. Эти тенденции особенно чувствуются в росписях на сундуках, где нередко центральный узор включает пятиконечную звезду, серп и молот, кремлевскую башню или летящую ракету.

Особенностью народного декоративно-прикладного искусства является то, что наряду с определенной консервативностью отдельных форм существует постоянное творческое их обновление и изменение. В тувинской орнаментике известно очень много вариантов меандра, а мотив «узла» имеет буквально бесконечное разнообразие фигур. Обычно каждый тувинский мастер стремился внести в изображение «узла» нечто свое, новое.

Что касается формы украшений, то и они, разумеется, менялись, хотя некоторые из них до сих пор очень близки к ранним образцам. Например, восьмеркообразная серьга из крученой серебряной проволоки дожила в Туве по крайней мере от скифского времени до современности.

Интересную эволюцию претерпели литые металлические подвесные поясные пряжки. Подвесные пряжки были широко распространены в середине I тысячелетия в древнетюркское время. Они известны по находкам из погребений, в том числе на территории Тувы³⁸, а также по многочисленным изображениям на каменных изваяниях³⁹. Вначале существовали две формы пряжек — лировидная и сердцевидная подвешивавшиеся на ремешке; позднее эти формы исчезли. Их сменили округлые или овальные пряжки с рамкой в верхней части для укрепления ременной петли (этот тип пряжек просуществовал до рубежа XIX в.). Последний был в XIX в. полностью вытеснен пряжками, в которых рамка для продевания ременной петли была заменена пластинкой, скреплявшейся с нижней половиной пряжки шарниром, а ременная петля крепилась на задней части этой пластинки. Красивая подвесная пряжка, украшавшая костюм скотовода-кочевника, обычно богато орнаментировалась. Характерно, что некоторые мотивы, которые использовались для орнаментации пряжек в древнетюркское время, применяются и современными мастерами для этих же целей. Подобные пряжки распространены не только у тувинцев, но и у других тюрко-монгольских народов Центральной Азии, а также у народов Амура.

³⁶ С. В. Иванов, О значении изображений на старинных предметах культа, сб. МАЭ, т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 198.

³⁷ A. Grünwedel, Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei, Leipzig, 1900, стр. 188.

³⁸ См. С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) «Сов. этнография», № 3, 1966, рис. 9, 10—95, 111, 112.

³⁹ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 24, М., 1952; А. Д. Грач, Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961.

* * *

Исследование тувинского орнамента позволяет прийти к заключению, что длительно господствовавшая точка зрения о его восточноазиатском происхождении, ошибочна. В тувинском орнаменте могут быть выделены четыре последовательно развивавшихся историко-культурных комплекса: архаический, раннекочевнический, позднекочевнический, поздний. Причем лишь для позднего комплекса характерно господство восточноазиатских мотивов. Каждый из этих комплексов связан с определенными этапами в этнической истории Тувы.

Вместе с тем, многие орнаментальные формы, заимствованные в процессе культурного взаимодействия у соседних народов, были в значительной мере переработаны в тувинской среде и в модифицированном виде могут рассматриваться как специфически тувинские.

Орнаментальное искусство таежных и степных тувинцев имеет существенные различия. У восточных тувинцев (тоджинцев) с господствующим у них хозяйственно-культурным типом охотников-оленоводов тайги представлен почти исключительно архаический комплекс, сложившийся у степных и частично у таежных племен еще до формирования в степях хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников. Три последующих историко-культурных орнаментальных комплекса развились лишь в искусстве тувинцев центральных, южных и западных районов в условиях хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников степей. Весьма показательно, что, несмотря на длительное этническое и культурное взаимодействие таежных охотников-оленоводов Тувы (тоджинцев) с тувинскими скотоводами-кочевниками, формирование к середине XIX в. единой тувинской народности, включавшей тоджинцев, сложение общетувинского языка, общего этнического самосознания, общности многих черт культуры, между охотниками-оленоводами и скотоводами до настоящего времени сохраняются существенные различия в орнаментальном искусстве. Все это указывает как на консервативность орнаментальных форм, так и на весьма тесную связь орнаментального искусства с хозяйством, с характером производственной деятельности, а не только с этносом.

SUMMARY

The ornamental patterns of Touva are a reflection of the historic path of its people, and their complicated ethnic and cultural ties. Four historical-cultural complexes are singled out in the ornamental patterns of Touvinians:

1) The archaic stratum, going back to the art of neolithic and bronze stages; it can be most completely traced, besides the Touvinians, also in the art of other peoples of the Sayan-Altai Highlands, and among the Yakuts.

2) The early nomadic stratum, including the ornamental motives, spread among the tribes of Scythian and Hun-Sarmatian periods in the Southern Siberia and Central Asia.

3) The late nomadic stratum.

4) The latest stratum (Eastern-Asiatic one).

In the modern ornamental patterns of Touvinians still another complex is emerging, which is based on the urban culture influencing the rural population and the common desire to bring together the traditional forms of art with modern features.

М. А. Итина

О МЕСТЕ ТАЗАБАГЪЯБСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ БРОНЗЫ

Со времени опубликования С. П. Толстовым первых находок керамики эпохи бронзы Хорезма прошло более 25 лет¹, а споры вокруг тазабагъябской культуры, выделенной им в результате анализа этих находок, не утихают.

За это время изучение памятников первобытной культуры на территории СССР достигло большого размаха, что, в первую очередь, относится к изучению памятников этой эпохи на территории Средней Азии. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, руководимая С. П. Толстовым, все эти годы специально занималась исследованием памятников эпохи неолита и бронзы в древних дельтах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, по берегам древнего русла Узбой². Большое место в этих работах было отведено исследованию памятников тазабагъябской культуры, широко распространенных и достаточно хорошо сохранившихся в Южной Акча-Дарьинской дельте Аму-Дарьи.

Открывший тазабагъябскую культуру С. П. Толстов в 1939 г. писал, что керамика ее «...чрезвычайно близко напоминает керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинского края, относящуюся к так называемой срубной (Поволжье) и андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам. Она представляет, таким образом, своеобразный вариант бронзового века степной полосы Юго-Восточной Европы и смежных областей Азии»³. Этот тезис последующие работы подтвердили и развили.

Раскопки поселений и могильника тазабагъябской культуры⁴, материалы множества развезенных стоянок действительно показали, что тазабагъябская культура входит в ареал культур степной бронзы Евразии, которые, поскольку это касается территории Средней Азии, охватывают ее северную, степную часть. Удалось подтвердить и несомненное сходство ее материальной культуры (керамики, орудий, украшений) с андроновской культурой (в ее западноказахстанском варианте) и срубной культурой, причем с последней даже в большей степени.

Это сходство проявилось и в ряде других компонентов — в погребальном обряде, домостроительстве и т. д.

¹ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии «Вестник древней истории (далее ВДИ)», 1939, стр. 174—176.

² См., например: С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1964; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения), «Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее МХЭ), вып. 3, М., 1960.

³ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии, стр. 174.

⁴ М. А. Итина, Новые стоянки тазабагъябской культуры (работы 1956 г.), МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 52—69; ее же, Раскопки стоянок тазабагъябской культуры Анг-ка 5 и Кават 3 в 1957 г., МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 82—103; ее же, Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г., МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 103—106; ее же, Раскопки могильника бронзового века Кокча 3, в кн. «Могильник бронзового века Кокча 3», МХЭ, вып. 5, М., 1961.

Столь смешанный характер культуры, который был подкреплён и данными антропологии⁵, отсутствие генетической преемственности между тазабагъябской и неолитической кельтеминарской культурой, между которыми существует к тому же и значительный хронологический разрыв, — все это заставило нас предположить, что истоки происхождения тазабагъябской культуры следует искать не собственно в Хорезме, а к северо-западу от Южного Приаралья, в Южном Приуралье, Оренбургских степях, где по крайней мере с середины II тысячелетия до н. э. шел процесс смешения андроновских и срубных племен. При этом мы всегда подчеркивали, что тазабагъябская культура отнюдь не является вариантом срубной или андроновской, это вполне самостоятельная культура, окончательно сформировавшаяся в Хорезме в результате смешения пришельцев с аборигенами-носителями суярганской культуры на ее раннем, камышлинском, этапе⁶.

Носители тазабагъябской культуры занимались скотоводством и земледелием, причем открытие близ могильника Кокча 3 полей или огородов в виде небольших обвалованных участков дало в свое время основание предположить, что уже в третьей четверти II тысячелетия до н. э. население Хорезма сделало первые шаги на пути развития ирригационного земледелия⁷.

Новые открытия крупных очагов распространения культуры степной бронзы в низовьях Зеравшана⁸ и в Фергане⁹, новые материалы, полученные нами в ходе наших исследований на памятниках тазабагъябской культуры, значительное расширение работ по изучению памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье¹⁰ — все это заставляет нас вновь вернуться

⁵ Т. А. Трофимова, Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча, 3, В кн. «Могильник бронзового века Кокча 3», МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 97—146.

⁶ С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1.

⁷ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма, «Краткие сообщения Ин-та этнографии» (далее КСИЭ), XXVI, 1957, стр. 5.

⁸ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Уз. ССР», вып. VIII, 1956, стр. 149—158; А. Аскар-ов, Памятники эпохи бронзы в районе Махан-Дары, «Научные работы и сообщения», кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 272—280; его же, Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, «История материальной культуры Узбекистана» (далее ИМКУ), вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 28—41; его же, Новые находки андроновской культуры в низовьях Зеравшана, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 53—60; его же, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.

⁹ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов. В кн. Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962.

¹⁰ К. В. Сальников, Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала, «Вопросы археологии Урала» (далее ВАУ), вып. 1, Свердловск, 1961; его же, Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы, «Археология и этнография Башкирии» (далее АЭБ), т. I, Уфа, 1962, стр. 16—58; его же, Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 67—83; его же, История Южного Урала в эпоху бронзы. Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1965; К. Ф. Смирнов, Савроматы, М., 1964, стр. 174—191; Е. Е. Кузьмина, Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры, Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 121—140; Э. А. Федорова-Давыдова, Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры), «Труды Государственного исторического музея», (далее «Труды ГИМ»), вып. 37, М., 1960; ее же, Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области, ВАУ, вып. 2, Свердловск, 1962; ее же, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 83—92.

к вопросу о тазабагъябской культуре и ее судьбах, тем более что новые открытия повлекли за собой и возникновение новых точек зрения на историю степных племен Средней Азии в эпоху бронзы, в которой немалую роль играли и тазабагъябские племена. Мы уже писали об элементах сходства материальной культуры тазабагъябцев со срубной и андроновской (со срубной в большей степени). В свое время мы пытались это показать при анализе керамики и украшений из могильника Кокча 3. Сейчас нам хотелось бы вновь к этому вернуться с учетом новых данных, полученных за последние годы, тем более что некоторые исследователи до сих пор не признают правомерность выделения тазабагъябской культуры как самостоятельной¹¹, полагают, что ее памятники следует относить к андроновской культуре или, в лучшем случае, считать их принадлежащими к ее локальному варианту¹². В последнее время в археологической литературе появился даже термин — «андроновско-тазабагъябская культура»¹³, или «тазабагъябско-андроновская»¹⁴. Наши оппоненты, давая свои оценки, как нам кажется, не учитывают всей суммы имеющихся фактов. Все они рассматривают тазабагъябскую культуру лишь в «андроновском» аспекте, совершенно игнорируя ее очень сильный срубный компонент, не говоря уже о местном. Однако обратимся к фактам.

Для керамики тазабагъябской культуры характерен довольно устойчивый набор форм, среди которых основную массу составляют горшки, в то время как сосуды баночной формы встречаются очень редко. Все сосуды ручной лепки, изготовлены ленточным способом, в глине — смесь дресвы и толченых раковин, обжиг слабый и неравномерный, что видно по черному излому черепка и пятнистой поверхности сосудов. Поверхности сосудов часто вытерты травой, имеют желтоватый, красноватый или серый цвет. В целом сосуды имеют довольно грубый вид, причем лощение здесь почти не встречается. Наиболее характерной формой являются горшки с невысоким слегка изогнутым горлом, с плоским березком и выступающим, слегка округленным венчиком, плавным переходом к уступу плеча (плечи сосуда иногда довольно сильно раздуты), округлым туловом и плоским дном с уступчиком (рис. 1, 1—4). Прямых аналогий этим горшкам ни в срубной, ни в андроновской керамике мы не найдем, но более остросереберные и приземистые экземпляры, бесспор-

¹¹ С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, «Материалы и исследования по археологии СССР», (далее МИА), 88, 1960, стр. 111, табл. В; см. там же список памятников андроновской культуры, стр. 157—159; М. П. Грязнов, Границы андроновской культуры, Тезисы доклада, стр. 3, пункт 7. Доклад прочитан в декабре 1964 г. в Ленинграде, см. также «История Киргизии», т. 1, Фрунзе, 1963, гл. I, § 2. Бронзовый век (автор М. П. Грязнов), стр. 55—57; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы, Обобщающий доклад по работам, представленным как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, Л., 1962, стр. 25; его же, К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой, «Археологический сборник Гос. Эрмитажа» (далее ГЭ), вып. 6, Л., 1964, стр. 56.

¹² М. Н. Комарова, Относительная хронология памятников андроновской культуры, Археологический сборник (ГЭ), вып. 5, Л., 1962, стр. 64, 69; А. Аскаров, Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 34—35; его же, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 184; его же, Историческое место среднеазиатской цивилизации, «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 23, примеч. 45.

¹³ А. Аскаров, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, стр. 3.

¹⁴ Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, 118, М.—Л., 1962, стр. 94, 96.

но, ближе всего стоят к срубным¹⁵. Срубные же параллели дают и сосуды, приближающиеся по форме к баночным, с коротким направленным внутрь горлом и довольно плавным общим профилем (рис. 1, 6)¹⁶, а также горшки с перегибом плеч, приходящимся примерно на середину тулова (рис. 1, 10—11)¹⁷. Очень немногочисленна группа керамики, дающая сосуды баночной формы с характерным алакульским уступчиком при переходе от горла к тулову (рис. 1, 7), которая находит себе прямые параллели в керамике алакульского типа Южного Приуралья и Западного Казахстана (Алексеевка)¹⁸.

Совершенно не характерны ни для срубной, ни для андроновской культур короткогорлые открытые сосуды с сильно раздутым туловом и узкогорлые варианты этой формы (рис. 1, 8—9, 12)¹⁹ (о происхождении их мы скажем ниже).

В статье М. Н. Комаровой «Относительная хронология памятников андроновской культуры» приведены таблицы керамики андроновской культуры из различных областей ее распространения²⁰. Сравнив формы тазабагъябской посуды с формами горшков алакульского типа на этих рисунках, мы легко убедимся в том, что, во-первых, в целом эти комплексы отличны, а те элементы сходства, которые все же имеются, сближают наши экземпляры с материалами из Южного Приуралья и Западного Казахстана²¹.

То же самое можно сказать и об орнаментации тазабагъябской керамики. На большинстве тазабагъябских сосудов орнамент располагается зонально, на шейке и плечиках сосудов, очень редко у дна. Между орнаментальными зонами, как бы разделяя их, расположены ряды горизонтальных желобчатых полос, иногда с заключенными между ними каплевидными насечками, штриховкой или просто неорнаментированная поверхность. Подобная закономерность в расположении орнамента действительно характерна для андроновской керамики Западного Казахстана и Южного Приуралья²².

Тазабакъябская серия в то же время дает сосуды, украшенные орнаментом лишь в их верхней трети, без деления на орнаментальные пояса. Очень немного сосудов сплошь покрытых орнаментом — и в этом так-

¹⁵ Н. Я. Мерперт, Материалы по археологии Среднего Заволжья, МИА, 42, 1954, стр. 65, рис. 12, 1; стр. 107, рис. 28, 17; стр. 127, рис. 37, 8, 10; И. В. Силицын, Археологические памятники у с. Пролейки, «Уч. зап. Саратовского ун-та», т. 47, 1956, стр. 220, рис. 11; К. В. Сальников, Хвалыно-андоновские курганы у с. Погромного, «Сов. археология», XIII, 1950, стр. 314, рис. 3.

¹⁶ Н. Я. Мерперт, Указ. раб., рис. 25, 15; его же, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, МИА, 61, 1958, рис. 16, 2.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, рис. 10, 7; К. Ф. Смирнов, Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, МИА, 60, 1959, стр. 223, рис. 8, 15; Н. Я. Мерперт, Материалы по археологии Среднего Заволжья, рис. 20, 25; рис. 29, 1.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, «Труды ГИМ», XVII, М., 1948, рис. 52, 4, 7; рис. 54, 17; К. В. Сальников, Курганы на оз. Алакуль, МИА, 24, 1952, рис. 11, 2, 4; В. С. Сорокин, Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, МИА, 120, М.—Л., 1962, табл. XLIII, 1; табл. XLVIII, 30; табл. LI, 63.

¹⁹ В. С. Сорокин, например, прямо пишет, что «люди андроновского общества не изготавливали глиняную посуду с узким горлом» (см. В. С. Сорокин, Указ. раб., стр. 70).

²⁰ М. Н. Комарова, Указ. раб., рис. 5—7.

²¹ Там же, рис. 5, 4, 5, 10—12.

²² М. П. Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, Сб. «Казахи», вып. II, 1927, стр. 196; К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Приуралья, стр. 112; М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 56.

же одно из отличий тазабагъябской керамики от андроновской. Кроме того, довольно много сосудов вовсе не орнаментированы, что, если говорить о параллелях, сближает нашу керамику с западноказахстанской²³, но эта же черта присуща и срубной посуде, которая была украшена гораздо менее пышно, чем андроновская. Орнамент в большинстве случаев

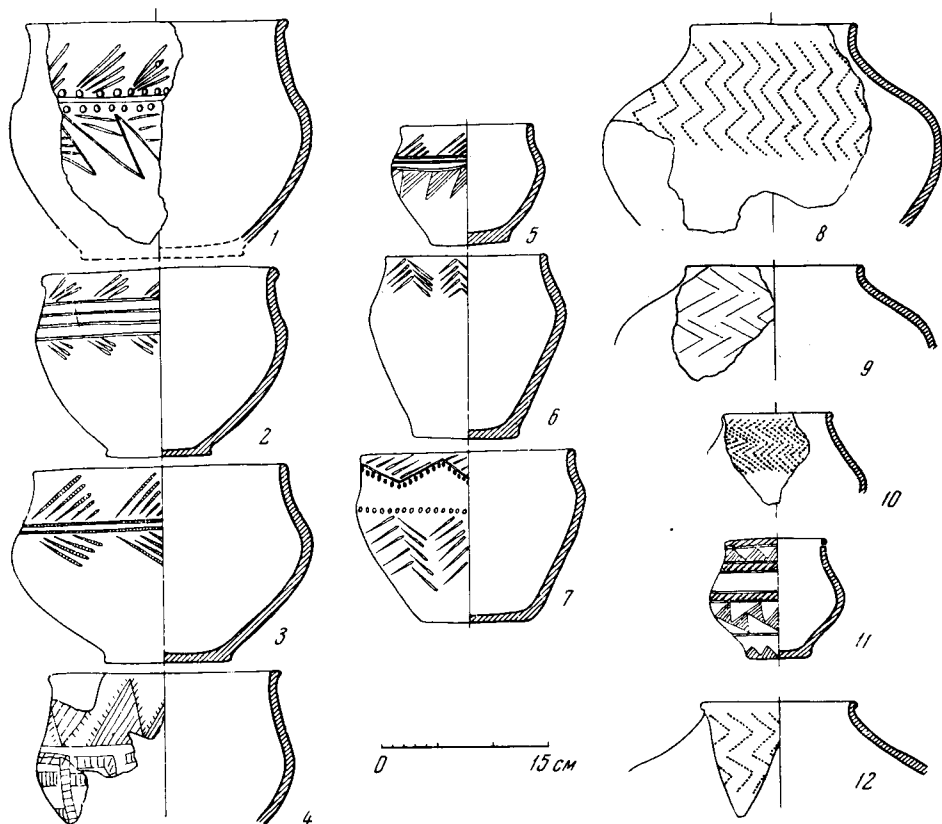

Рис. 1. Керамика тазабагъябской культуры 1, 4, 8—10, 12 — стоянка Кават 3; 2 — стоянка Ангка 5; 3, 5—7, 11 — могильник Кокча 3

резной, встречаются каплевидные насечки, ногтевые вдавления, углубления, сделанные палочкой, треугольной в сечении и т. д. Широко был распространен гладкий штамп; что же касается гребенчатого, то он чаще встречается на относительно более ранних памятниках, а с течением времени количество сосудов, украшенных с его применением, резко сокращается. Отметим, что преобладание резного орнамента характерно также для алакульской керамики Южного Зауралья²⁴, доминирует он и в Алексеевке²⁵.

Орнамент тазабагъябских сосудов всегда геометрический. Это комбинации заштрихованных равнобедренных треугольников вершинами вверх (по горлу) и вниз (по плечикам); косоугольные треугольники (встреча-

²³ М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 54, рис. 3, 28.

²⁴ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 137.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, рис. 52—54.

ются реже); незамкнутые треугольники, штриховое заполнение которых иногда расходится веером; «елочка» (реже); ряды вертикальных и горизонтальных ломаных линий и т. д. Меандр встречается редко. Все эти мотивы в той или иной комбинации достаточно характерны вообще для керамики степной бронзы Евразии, но мотив незамкнутых треугольников, который М. Н. Комарова считает типичным только для тазабагъябской керамики и, в частности, отличающим ее от керамики других районов распространения андроновской культуры²⁶, хорошо известен в керамике андроновской культуры Южного Приуралья и Западного Казахстана²⁷. Сближает орнаментацию тазабагъябской посуды с комплексами из степей Южного Приуралья и частое употребление полос из разных зигзагов и редкое употребление меандра²⁸.

Бесспорно, что сходство орнаментальных приемов и мотивов — очень важный фактор для определения культурной принадлежности того или иного археологического комплекса, но при этом эти приемы и мотивы должны рассматриваться обязательно в сочетании с формами сосудов, на которые наносился орнамент, и это особенно необходимо в случаях, подобных нашему, когда речь идет собственно о простейших элементах геометрического орнамента, чрезвычайно широко распространенных. А по форме тазабагъябские сосуды, если говорить об аналогиях, скорее сближаются со срубными²⁹. Такое сочетание срубно-андроновских черт в керамике, где к тому же андроновский компонент выступает в варианте, характерном лишь для степей Южного Приуралья, еще раз заставляет подумать о более тесных, чем просто культурные, связях тазабагъябских племен с этими областями.

Находки орудий из металла на тазабагъябских памятниках весьма немногочисленны. Это обломки однолезвийных ножей, иглы с ушками, четырехгранные шилья с костяной рукоятью. Весь этот набор предметов обычен для памятников степной бронзы в целом. Иное дело украшения. (рис. 2). Довольно большая коллекция их была найдена при раскопках могильника Кокча 3. Это в основном бронзовые, выпукло-вогнутые в сечении браслеты с заходящими концами и привески в 1,5 оборота или, как их еще называют, восьмеркообразные привески, желобчатые в сечении³⁰.

Височные подвески находят себе прямые аналогии прежде всего в срубных комплексах. Раскопки могильников в орско-актюбинском районе, проводившиеся в последние годы, дали новые находки подвесок кокчинского типа³¹, некоторые из них имели золотую обкладку. Характерно, что на этой территории подвески такого типа встречены в смешанных

²⁶ М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 64.

²⁷ Э. А. Федорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, стр. 89, рис. 4, 6; стр. 91, рис. 5, 11, 13; В. С. Сорокин, Указ. раб., рис. 8—9. Наиболее часто этот орнаментальный мотив встречается в срубной группе памятников, есть он и на керамике из могильника Тасты-Бутак (рис. 9) и с поселения того же названия (там же, рис. 10).

²⁸ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 135, 137.

²⁹ Мы никак не можем согласиться с М. Н. Комаровой, которая считает, что «по формам и орнаментации сосудов эти могильники и поселения (тазабагъябские — М. И.) принадлежат к андроновской культуре» (см. М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 64).

³⁰ М. А. Итина, Раскопки могильника бронзового века Кокча 3, стр. 75—82.

³¹ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. «Краткие сообщения Ин-та археологии», (далее КСИА), 101, 1964, стр. 138, рис. 42, 1, 2; Е. Е. Кузьмина, Купухта — могильник андроновской знати, КСИА, 93, 1963, стр. 101, рис. 39, 1; В. С. Сорокин, Археологические памятники северо-западной части Актыбинской области, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее КСИИМК), 71, 1958, рис. 20, 3.

комплексах, где наряду со срубной керамикой встречается и керамика алакульского типа. Существенно и то, что в восточных и центральных районах распространения андроновской культуры подвески такого типа не встречаются³² Е. Е. Кузьмина, исследовавшая среднеазиатские металлические изделия эпохи бронзы, также обратила внимание на то, что формы и набор типов металлических изделий Приаралья «близки асортименту изделий южноурального металлургического очага, снабжавшего своей продукцией западно-андроновское население и, частично, срубные племена Поволжья»³³. Она же полагает, что тазабагыябские привески в 1,5 оборота следует связывать именно с памятниками орско-актюбинского района³⁴, и высказывает предположение, что дело тут не только в культурных связях, но и в возможном родстве населения западной части Средней Азии с племенами Южного Приуралья³⁵. Таким образом, в области материальной культуры тазабагыябские памятники дают, бесспорно, срубные и андроновские параллели. То же можно сказать и о погребальном обряде тазабагыябских племен³⁶.

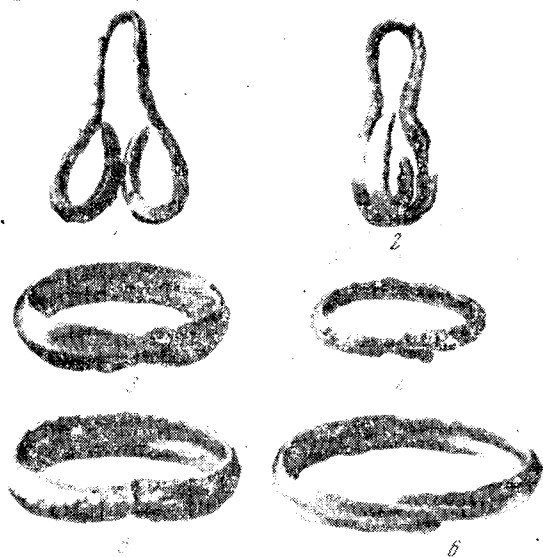

Рис. 2. Бронзовые украшения тазабагыябской культуры (могильник Кокча 3)

которых недавно вышедших работах наша точка зрения была прямо или косвенно поддержана³⁷. Но если наличие андроновского компонента в культуре племен Южного Приаралья можно было бы объяснить их соседством с племенами — носителями андроновской культуры Казахстана, то срубный компонент, да еще такой заметный, требовал своего объяснения. Как уже говорилось, в свое время С. П. Толстовым и автором настоящей статьи была высказана гипотеза о возможном приходе

³² Е. Е. Кузьмина, Указ. раб., стр. 102.

³³ Е. Е. Кузьмина, Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (конец V — начало I тысячелетия до н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1964, стр. 14.

³⁴ Е. Е. Кузьмина, Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры, стр. 139.

³⁵ Е. Е. Кузьмина, Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы, стр. 14.

³⁶ Подробно об этом см.: М. А. Итина. Раскопки могильника бронзового века Кокча 3, стр. 50—53 и др.

³⁷ См., например, К. Ф. Смирнов, Савроматы, стр. 131; Е. Е. Кузьмина, О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 154.

племен — создателей тазабагъябской культуры с северо-запада, из Южного Приуралья, Оренбургских степей, где уже тогда был открыт ряд памятников, материал которых был смешанный, срубно-андроновский, ибо эта была обширная зона контактов между этими племенами³⁸.

За последние годы на этой территории были проведены большие археологические работы как К. В. Сальниковым и его сотрудниками, так и Оренбургской экспедицией во главе с К. Ф. Смирновым. Результаты их целиком подтвердили ранее сделанные выводы о наличии на этой территории смешанного срубно-андроновского населения. Об этом вновь пишут, базируясь уже на всей сумме фактов, К. В. Сальников³⁹ и К. Ф. Смирнов⁴⁰, а также исселедовавшие отдельные памятники в Орско-Актюбинском районе М. Г. Мошкова и Э. А. Федорова-Давыдова⁴¹.

Антропологический аспект этой проблемы также заслуживает внимания. Как известно, бесспорно андроновский могильник Тасты-Бутак I дал краниологический материал, свидетельствующий о том, что похороненные в нем люди принадлежали к европеоидному среднеземноморскому типу, причем не свойственная этому типу малая высота лица может быть отнесена за счет смешения его «с более низкими типом европеоидной расы, который в эпоху бронзы был широко представлен на обширной территории Казахстана и Южной Сибири»⁴². В. В. Гинзбург считает черепа из Кокча 3 наиболее близкими тасты-бутакской серии и видит в первых результат смешения северного андроновского и южного средиземноморского типов. При этом он относит появление в черепах тазабагъябской культуры средиземноморского компонента за счет стыка на территории Южного Приуралья, северной и южной культур эпохи бронзы, т. е. за счет появления этого компонента из южных областей Средней Азии⁴³. Наряду с этим В. В. Гинзбург связывает черепа из Тасты-Бутока I и со срубными черепами из Калиновского могильника⁴⁴, т. е. не исключает появления среднеземноморского типа с территории распространения срубной культуры. Сейчас появились новые факты. Исследованный Э. А. Федоровой-Давыдовой могильник у с. Хабарного в Оренбургской области (к северо-западу от Орска) дал керамику алакульского типа, на которой заметно сильное влияние срубной культуры⁴⁵. Исследовавший черепа из этого могильника В. П. Алексеев отметил в них примесь узколицего европеоидного типа, близкого восточноредиземноморскому, и обратил внимание на сходство этих черепов с черепами из Тасты-Бутока, срубными, тазабагъябскими и с черепами с южно-земледель-

³⁸ К. В. Сальников, *Бронзовый век Южного Зауралья*, стр. 146; его же, *Хвалыно-андроновские курганы у с. Погромного*, стр. 318; К. Ф. Смирнов, *Проблема происхождения ранних сарматов*, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 7.

³⁹ К. В. Сальников, *История Южного Урала в эпоху бронзы*, стр. 4—5; его же, *Итоги и задачи изучения археологии Башкирии*, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 9.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов, *Савроматы*, стр. 178—179; его же, *Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области*, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 18.

⁴¹ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, *Указ. раб.*, стр. 136; Э. А. Федорова-Давыдова, *К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье*, стр. 91.

⁴² В. В. Гинзбург, *Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы*, МИА, 120, М., 1962, стр. 196.

⁴³ Там же, стр. 197. Почему-то в заключительной фразе статьи В. В. Гинзбург, вновь подчеркнув связь древнего населения Актюбинского района с населением Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, пишет, что для последнего «характерны андроновская культура и андроновский антропологический тип» (там же, стр. 198).

⁴⁴ Там же, стр. 197.

⁴⁵ Э. А. Федорова-Давыдова, *К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье*, стр. 85.

ческих памятников Средней Азии⁴⁶. Не отрицая возможности появления этого типа в Западном Казахстане как из южных областей Средней Азии, так и с территории распространения срубной культуры, В. П. Алексеев все же высказывается в пользу того, что данная примесь — результат контакта андроновских племен Западного Казахстана со срубными племенами⁴⁷. Нам этот вывод представляется также более правомерным, тем более, что он согласуется с данными археологии.

Археологические работы в Южном Приуралье, проводившиеся в последние годы, позволяют говорить о том, что появление срубных племен в этих районах может быть отнесено уже во всяком случае к середине II тысячелетия до н. э. Так, Новобелогорский могильник, расположенный в непосредственной зоне контакта срубной и андроновской культур, дает и в погребальном обряде и в керамике много черт, присущих полтавkinской культуре. С другой стороны, в этом же комплексе наличествуют керамика алакульского типа и характерные каменные надмогильные сооружения⁴⁸. Таким образом, здесь может идти речь не только о раннем времени появления срубных племен в степях Южного Приуралья, но и о более ранней дате алакульского этапа андроновской культуры. Сильное влияние срубной культуры прослеживается в материалах всех памятников орской группы, а их принадлежность к раннему времени сейчас никем не оспаривается.

К. В. Сальников, удревнивший свою первоначальную датировку алакульского этапа до XIV—XI вв. до н. э.⁴⁹, в своей последней работе предложил отнести дату его сложения «к XV—XIV, а может быть, и к концу XVI в. до н. э.»⁵⁰.

К. Ф. Смирнов полагает, что расцвет андроновской культуры следует теперь относить к XV—XIV вв. до н. э.⁵¹. А. И. Тереножкин датирует первый период срубной культуры XVI—XIV вв. до н. э. и, синхронизируя его вслед за К. Ф. Смирновым с алакульским этапом андроновской культуры⁵², дает основание датировать последний тем же временем.

В. С. Сорокин датировал Тасты-Бутак I, основываясь на данных радиоуглеродного анализа, XIII—XII вв. до н. э., отметив при этом, что этот памятник не является раннеалакульским и тяготеет к более поздним⁵³. О середине II тысячелетия до н. э. как дате для раннеалакульских памятников Южного Приуралья пишут М. Г. Мошкова и Э. А. Федорова-Давыдова⁵⁴. Таким образом, середина II тысячелетия до н. э. — время, когда в Южном Приуралье уже, бесспорно, существовало смешанное, срубно-андоновское население, а судя по наличию в андроновских керамических комплексах полтавkinских форм, начало этого процесса, может быть, можно отнести и к XVI—XV вв. до н. э.

⁴⁶ В. П. Алексеев, Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры, «Научные труды Ташкентского Гос. ун-та», вып. 235, Ташкент, 1964, стр. 22.

⁴⁷ Там же, стр. 23—24.

⁴⁸ Э. А. Федорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, стр. 90.

⁴⁹ К. В. Сальников, Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 44.

⁵⁰ К. В. Сальников, История Южного Урала в эпоху бронзы, стр. 30.

⁵¹ К. Ф. Смирнов, Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области, стр. 18.

⁵² А. И. Тереножкин, Основы хронологии предскифского периода, «Сов. археология», 1965, № 1, стр. 64—65.

⁵³ В. С. Сорокин, Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I, стр. 89.

⁵⁴ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, Указ. раб., стр. 140; Э. А. Федорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников, стр. 90.

Надо полагать, что на территорию Южного Приаралья из Оренбургских степей, с северо-запада проникли группы населения, и культура, и антропологический тип которых имели смешанный срубно-андроновский характер. Эти люди в XV—XIV вв. до н. э. осели на территории Южной Акча-Дарьинской дельты, смешавшись с местным населением. Нет ли здесь противоречия в датировках? Думаю, что нет. Скотоводами и земледельцами Поволжья, во всяком случае уже в первой половине II тысячелетия до н. э., была приручена лошадь⁵⁵, а к середине II тысячелетия до н. э. коневодство уже было достаточно широко известно андроновским и срубным племенам, причем его широкому распространению в среде срубных племен способствовали, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой и К. Ф. Смирнова, именно тесные и рано установившиеся связи между населением Южноуральских и Поволжских степей⁵⁶. Весьма симптоматичным является погребение частей коня или двух нерасчлененных туш коней на краю могил Алакульского могильника⁵⁷. Наконец, имеются факты, говорящие об использовании населением евразийских степей во II тысячелетии до н. э. двухколесных повозок. Если же учесть знакомство его в это время с коневодством и хорошо фиксируемые археологически довольно крупные племенные передвижения, в частности для середины II тысячелетия до н. э., станут возможными предположения об использовании лошади в качестве тягловой силы и о достаточной подвижности этих племен. С учетом всего сказанного дата появления тазабагъябских племен в Южном Приаралье вполне может быть увязана со временем появления срубно-андроновских комплексов в Южном Приуралье. Небезынтересно, что в остеологических материалах тазабагъябской стоянки Кават 3 были обнаружены кости лошади и там же была найдена глиняная фигурка лошадки⁵⁸, а в 1965 г. на поселении Кокча 15 была обнаружена глиняная модель колеса повозки с выделенной втулкой.

Итак, пришельцы с северо-запада смешались с местным населением. Кто же населял Южную дельту в первой половине II тысячелетия до н. э.? В конце III — начале II тысячелетия до н. э. это были кельтеминарские племена на поздней стадии своего развития⁵⁹, которое привело к возникновению памятников камышлинского типа. А. В. Виноградов, исследовавший позднелетеминарскую стоянку Кават 7, высказал предположение, что древние камышлинцы являются прямыми потомками кельтеминарцев⁶⁰.

⁵⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 70—71.

⁵⁶ Там же, стр. 72; К. Ф. Смирнов, О погребении с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, «Сов. археология», XXVII, 1957, стр. 215.

⁵⁷ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 123—124.

⁵⁸ М. А. Итина, Раскопки стоянки Кават 3, стр. 105—106.

⁵⁹ С. П. Толстов и М. А. Итина, Указ. раб.

⁶⁰ Идею о генетической связи кельтеминарской и суярганской культур см.: Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 53—54. Не оспаривая проявления южных влияний в керамике камышлинской культуры, В. М. Массон также высказал предположение, что памятники этой культуры принадлежат потомкам кельтеминарцев (В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 184, прим. 103). А. В. Виноградов, обобщивший большой материал по неолиту Хорезма в книге «Неолитические памятники Хорезма» (в печати), подкрепил свою гипотезу сравнительным анализом позднелетеминарского и камышлинского материалов.

Короткогорлые сосуды с сильно раздутыми боками, окрашенные и залощенные, южное происхождение которых не вызывало сомнений, действительно, находят аналоги в позднелетеминарском комплексе Кават 7. Такое решение само по себе заманчиво, так как оно дает возможность проследить исторический путь развития хорезмских аборигенов на протяжении тысячелетий и снимает, наконец, извечный нам вопрос — куда девались потомки кельтеминарцев. Однако количество известных нам памятников камышлинского типа еще очень невелико и среди них нет ни одного со

Как бы ни решился вопрос о генезисе камышлинской культуры, для нас важно то, что пришельцы с северо-запада встретили в Южной дельте население, в культуре которого четко прослеживались связи с земледельческим югом. И это не могло не сказаться на всем облике культуры пришельцев в ее дальнейшем развитии. Именно это сочетание срубно-андроновских и местных черт и дало нам то, что мы называем тазабагъябской культурой. Именно наличие этих раздутых, часто узкогорлых форм, отсутствие банок и вообще присущая тазабагъябским сосудам округлость и плавность профиля могут быть отнесены за счет влияния культуры аборигенов. Этим же влиянием можно объяснить, правда, очень редкие, случаи окраски тазабагъябских сосудов. К этому же кругу явлений относится и наличие среди черепов из могильника Кокча 3 экземпляра с индо-дравидоидной примесью, который мог представлять один из типов местного населения, может быть, даже восходящий к кельтеминарскому. Упомянутый выше восточносредиземноморский компонент частично, может быть, представлял и местное, не только срубное население, но об этом можно говорить лишь предположительно, так как антропологически уловить здесь разницу пока невозможно, а археологический материал дает основания утверждать наличие в культуре как срубных, так и южносреднеазиатских компонентов.

Однако, смешавшись с местным населением и создав новую культуру совершенно определенного облика, пришельцы с северо-запада внесли свой вклад в развитие культуры населения низовий Аму-Дарьи не только в виде новых форм сосудов, украшений и т. д.

Интересно, что с этого времени, т. е. с середины II тысячелетия до н. э., в Хорезме появляется новый тип жилища — полуземлянка. Судя по имеющимся у нас данным, основным типом жилища предшествующих эпох были наземные дома.

Тазабагъябские жилища, так же как и жилища срубной и андроновской культур, были полуземлянками прямоугольной формы. Со срубными жилищами их сближают сравнительно небольшие размеры⁶¹, колеблющиеся в пределах 100 м². В то же время, по заключению К. В. Сальникова, обычная площадь андроновской полуземлянки равна минимум 100 м², а встречаются дома, достигающие 400 м² и более⁶². При раскопках дома I на поселении Кокча 16 была впервые обнаружена суфа — вариант нар в срубных жилищах. Она расположена вдоль длинной восточной стены дома, имеет ширину 2,5—3 м и возвышается над полом на 15—20 см. Конструктивно она представляет собой невысокую ступень, вырытую в той же материковой породе, что и весь дом. Характерно, что на ее поверхности не было хозяйственных ям и очень мало находок.

Таким образом, по размерам жилищ тазабагъябские поселения ближе к срубным, чем к андроновским. Однако срубные жилища перекрывались двускатной крышей, опиравшейся прямо на поверхность земли, в то время как тазабагъябские дома, подобно алексеевским, имели еще и наземные стены в виде плетня, обмазанного глиной с саманом, основой которого были столбы, расположенные вдоль стен внутри жилища. Перекрытие было, очевидно, двускатным, покоившимся на крупных столбах в центре дома. Надо, однако, подчеркнуть, что такой принцип сооруже-

слоем, поэтому всякий сравнительный анализ и делаемые на его основании выводы могут иметь пока лишь предварительный характер.

⁶¹ И. В. С и н и ц ы н, Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. «Советская археология», XI, М.—Л., 1949, стр. 223; М. П. Г р я з н о в, Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону, КСИИМК, L, 1953, стр. 139.

⁶² К. В. С а л ь н и к о в, Андроновские поселения Зауралья, стр. 251.

ния стен имел в Хорезме, да и вообще в Средней Азии, и свои глубокие местные корни. Жилища нового для Хорезма типа — полуземлянки приобрели некоторые новые конструктивные черты применительно к новым климатическим условиям. Мы имеем в виду оригинальную конструкцию сооружения перед входом в дом, являющуюся по сути дела прототипом среднеазиатского айвана, открытую нами на поселениях Кокча 15 и 16.

Рис. 3. Поселение Кокча 15. Вид жилища до раскопок

Ориентация входа на юго-восток, видимо, подтверждает это предположение, так как в самое жаркое время дня, при наличии навеса над входом, такая ориентация обеспечивает максимальную тень.

Мы мало знаем пока о памятниках камышлинской культуры, т. е. о памятниках первой половины II тысячелетия до н. э., но все же можем судить, что в инвентаре ее важное место занимали орудия из кремня и кварцита, обработанные с двух сторон превосходной отжимной ретушью⁶³. В то же время раскопки тазабагъябских поселений и многочисленные сборы подъемного материала с них, как правило, почти не дают орудий из камня. Может быть, дело тут не просто в активно идущем процессе роста производительных сил общества в связи с увеличением роли земледелия и скотоводства в хозяйстве, но и в тех навыках в развитии металлургии меди и бронзы, которые должны были принести с собой обитатели Южного Приуралья. И, вероятно, способствуя более широкому развитию местной металлургии, в целом они все же изготовляют и внедряют в обиход вещи, сделанные по срубно-андроновским образцам (восьмеркообразные привески, бронзовые серпы андроновского типа и т. д.). Вот такой сложный конгломерат местных и срубно-андроновских черт и дает нам тазабагъябская культура. Но самым главным, что, по нашему мнению, определяет тазабагъябскую культуру как вполне самостоятельную, является очень ярко выраженное земледельческое направление ее хозяйства, которое теперь хорошо документировано большим комплексом стоянок с прекрасно сохранившейся ирригационной сетью, открытых Б. В. Андриановым в 1964 г. и обследованных нами в 1965 г. Работы 1965 г. на внутридельтовом пространстве между восточ-

⁶³ С. П. Толстов, М. А. Итина, Указ. раб., стр. 20, рис. 5.

ным и средним руслами Южной Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи дали богатейший материал по характеру расселения и хозяйству тазабагъябских племен. Эта территория с севера имела естественной границей западное русло, принимающее южнее горы Кокча широтное направление, с юга — останцовую возвышенность с античной крепостью Джанбас-Кала. Вся эта площадь буквально пронизана сетью небольших внутريدельтовых протоков, имеющих в целом меридиальное направление. Вдоль этих русел, очевидно дамбированных, были обнаружены тазабагъябские поселения в виде скоплений двух-трех (в одном случае четырех) домов, окруженных прекрасно сохранившейся ирригационной сетью и полями. Эти оросительные системы, бесспорно, синхронны поселениям, так как ни в одном из известных нам случаев (а мы зарегистрировали около 30 домов) арыки их не пересекают. Огромная историческая ценность открытого района заключается еще и в том, что здесь нет никаких памятников более позднего времени, т. е. выходящих за пределы II тысячелетия до н. э. На поселении Кокча 15 эта система сохранилась лучше, чем на других известных нам поселениях (рис. 5). Русловый проток шириной 13—15 м прекрасно виден на поверхности в виде совершенно чистой такырной полосы с кустиками по краям-берегам (на чертеже показан пунктиром). На его южном и северном берегах великолепно сохранились арыки и поля (на северном берегу хуже). На южном берегу параллельно руслу идет арык, расположенный на расстоянии 12—14 м от русла. От этого арыка берут свое начало арыки, идущие по отношению к каналу под прямым или острым углом и дающие множество ответвлений, между которыми расположены квадраты полей. Сохранившаяся длина этих арыков достигает 150—200 м. Прямоугольники полей имеют разную площадь: 16×10 , 10×10 , 12×10 , 7×7 м и т. д. Эти основные арыки с ответвлениями, каждый из которых образовывал как бы небольшую систему, соединялись между собой, и вся эта сеть и сейчас представляет довольно внушительное зрелище. Поля, близ могильника Кокча 3 единодушно интерпретировались как их исследователями, так и другими специалистами как остатки примитивных систем, представляющих собой небольшие обвалованные участки, расположенные в непосредственной близости от русла и орошаемые водами паводковых разливов⁶⁴.

Ирригационные системы на поселении Кокча 15 — это уже нечто принципиально новое, прежде всего потому, что люди для удержания воды на своих полях научились прорывать небольшие каналы и арыки. Арычная сеть весьма разветвленная и имеет значительную протяженность, причем «подвешена» она не к руслу, а к арыку, идущему параллельно руслу. Эта система по своей сложности напоминает среднеазиатскую оросительную сеть, которая была описана специалистами для начала I тысячелетия до н. э., уступая ей, конечно, в размерах. Нам представляется, что эта система является праобразом упомянутых более поздних систем. Идущий процесс затухания Акча-Дарьинской дельты вынуждал людей рыть арыки для орошения своих полей, но все же технические возможности были еще ограничены, и это заставляло земледельцев по-прежнему располагать свои поля в непосредственной близости от русла, рассчитывая, возможно и на увлажнение их в период паводка при поднятии уровня грунтовых вод. Но вместе с тем арычная сеть увеличивала возможности более длительного сохранения влаги на полях и, главное, расширяла орошаемую площадь.

Не вся обследованная в этом районе площадь, сохранившая следы ирригации и поселений, была освоена одновременно. Надо думать, что

⁶⁴ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Указ. раб., стр. 5—6; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы, стр. 25.

дело тут не только в особенностях дельтового режима, но и, возможно, в происходившем процессе засоления отдельных участков и необходимости переноса полей на новое место. Открытие ирригационных систем столь развитой формы, естественно, заставляет думать, что ирригационное земледелие имело на данной территории свою предысторию. С дру-

Рис. 4. Поселение Кокча 16. Вид жилища после раскопок.

гой стороны, трудно предположить, что оно могло бы столь успешно развиваться, если бы пришедшие с северо-запада и осевшие в Южной дельте племена не обладали уже прочными земледельческими навыками.

Нам представляется, что навык местного населения в развитии ирригационного земледелия плюс земледельческий опыт срубно-андоновских пришельцев способствовали столь успешному и интенсивному развитию земледельческого хозяйства тазабагъябских племен. И, как мы уже говорили, именно руководящая роль земледелия в хозяйстве и является одним из основных доводов в пользу выделения тазабагъябской культуры как вполне самостоятельной среди других культур степной бронзы⁶⁵.

В последнее время Б. А. Литвинским была выдвинута идея о том, что в настоящее время мы имеем все основания выделить среди культур степной бронзы Средней Азии по крайней мере три культуры: таза-

⁶⁵ Эта же мысль относительно значения земледельческого хозяйства у тазабагъябцев была высказана В. М. Массоном, который, характеризуя памятники степной бронзы Средней Азии, писал: «Общее наименование всех этих памятников андроновскими едва ли является удачным». И далее: «Различия этих племенных групп (тазабагъябской и кайрак-кумской. — М. И.) и их отличия от племен, проживающих на территории Казахстана, во многом были связаны с различиями в хозяйстве. В частности, тазабагъябские племена уже знали начальные этапы искусственного орошения полей, что не характерно для степных пространств Казахстана» (В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 53). Однако в своей последней работе В. М. Массон от этой точки зрения, видимо, отказывается, так как считает тазабагъябскую культуру одним из вариантов андроновской культуры и никак не оговаривает существующие между ними хозяйственные различия (В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, стр. 184). А между тем новые данные как раз подтверждают высказанную им ранее точку зрения.

багъябскую, кайрак-кумскую и семиреченскую. При этом он вполне признает наличие срубно-андроновского компонента в тазабагъябской культуре, полагает, что кайрак-кумская испытала на себе сильное влияние андроновской культуры и в какой-то мере срубной — последней, может быть, через тазабагъябскую, а также отмечает влияние южных земледельческих культур на кайрак-кумскую культуру. Культуру эпохи бронзы Семиречья Б. А. Литвинский считает просто андроновской⁶⁶. Выдвигая эту точку зрения, Б. А. Литвинский возражает С. П. Толстову и М. А. Итиной, которые якобы «предложили прежнее обозначение степной бронзы Средней Азии как «андроновской» заменить новым обозначением «тазабагъябская»⁶⁷. В свое время речь шла о том, что появление в низовьях Зеравшана, на Сыр-Дарье (Ташкентская обл. и Кайрак-Кумы), в южных земледельческих областях Средней Азии комплексов или отдельных находок, принадлежащих к культуре степной бронзы, указанные авторы связывали с продвижением степных племен, в частности тазабагъябских, во второй половине II тысячелетия до н. э. в южном направлении⁶⁸. При этом они имели в своем распоряжении довольно скудные материалы, а те из них, которые были опубликованы (и это особенно касается керамики), не давали оснований для причисления их к андроновским древностям и по многим признакам скорее могли быть причислены к тазабагъябским. В те годы Я. Г. Гулямов просто писал, что в низовьях Зеравшана во второй половине II тысячелетия до н. э. была распространена культура, аналогичная тазабагъябской⁶⁹, а Б. А. Литвинский в предварительной публикации кайрак-кумских материалов писал, что керамика из этого комплекса близка тазабагъябской⁷⁰. За прошедшие с тех времен годы А. Аскарлов опубликовал серию статей по культуре эпохи бронзы низовьев Зеравшана, назвав ее несколько комплексно «андроновско-тазабагъябской»⁷¹, а в другом месте определив ее как «тазабагъябский вариант андроновской культуры»⁷². Б. А. Литвинский, в свою очередь, дал исчерпывающую публикацию кайрак-кумских находок⁷³. Кроме того, очень интересное обобщение новых данных по степной бронзе Средней Азии сделано им на страницах «Истории таджикского народа»⁷⁴. В результате, как мы уже говорили, он решительно выдвинул идею о существовании самостоятельной кайрак-кумской культуры, включив в ареал ее распространения и низовья Зеравшана. С последним нам трудно согласиться. Как бы ни называть комплексы эпохи бронзы с Махан-Дарьи, все равно облик их материальной культуры более всего роднит их с тазабагъябскими памятниками, о чем пишет и А. Аскарлов⁷⁵. При этом совершенно не исключается, что культура эпохи развитой бронзы низовьев Зеравшана могла испытывать на себе влияние

⁶⁶ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов, стр. 288.

⁶⁷ Там же, стр. 290.

⁶⁸ С. П. Толстов, М. А. Итина, Указ. раб., стр. 30.

⁶⁹ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, стр. 149.

⁷⁰ Б. А. Литвинский, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. ХСІ, Душанбе, 1959, стр. 46.

⁷¹ А. Аскарлов, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, стр. 3.

⁷² Там же, стр. 17.

⁷³ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов.

⁷⁴ «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 94—133.

⁷⁵ А. Аскарлов, М. П. Грязнов и некоторые другие исследователи вообще не признают на территории степной Средней Азии иной культуры, чем андроновская, и, в крайнем случае, ставят знак равенства между андроновской и тазабагъябской культурами.

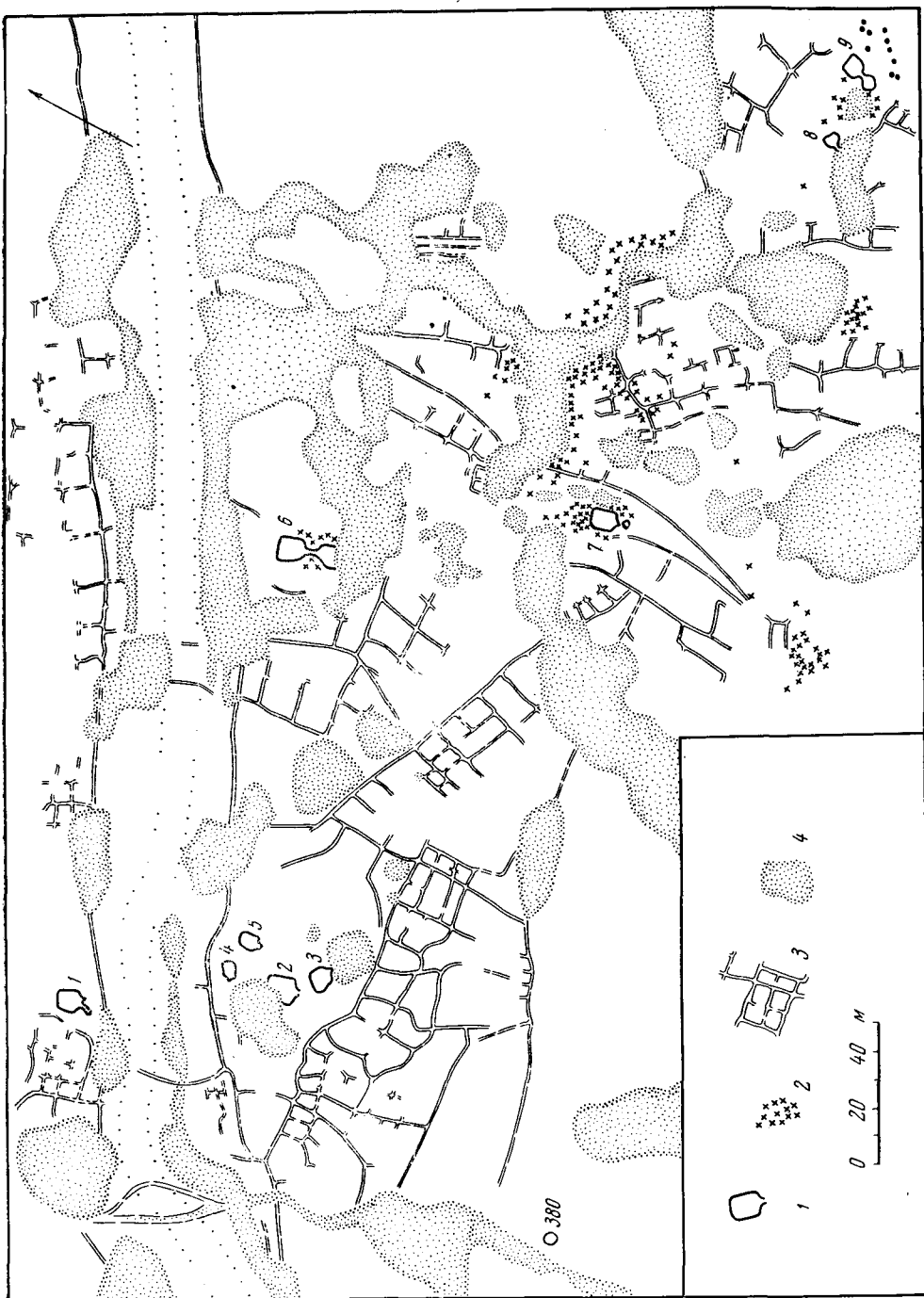

Рис. 5. План поселения Кокча 15. 1 — дома; 2 — скопления керамики; 3 — арыки и поля; 4 — деревянные пещи.

и кайрак-кумской культуры и, с другой стороны, что кайрак-кумская культура испытывала на себе влияние тазабагъябской (о чем пишет и сам Б. А. Литвинский). Итак, по Б. А. Литвинскому, низовья Зеравшана — зона контакта между тазабагъябской и кайрак-кумской культурами; преобладающей в комплексах с развезенных поселений является кайрак-кумская керамика, а сами поселения — кайрак-кумского типа⁷⁶. Памятники Ташкентской, Самаркандской областей и степная бронза Ферганы принадлежат к кайрак-кумской культуре⁷⁷. Тазабагъябская культура существует, но лишь в низовьях Аму-Дарьи⁷⁸. В итоге мысль Б. А. Литвинского сводится к тому, что «гипотеза о передвижении тазабагъябцев на юго-восток не имеет под собой фактического основания. Долины Зеравшана, средней и верхней Сыр-Дарьи отнюдь не были безжизненными в ту эпоху, когда хорезмские племена создавали высокую культуру эпохи бронзы — одновременно и параллельно существовала родственная, но не тождественная культура и в других областях северной части Средней Азии»⁷⁹.

Однако самый факт передвижения племен отнюдь не предполагает заселение ими совершенно необитаемых территорий. Мы имели возможность убедиться в том, что пришельцы с северо-запада, бесспорно, встретили в Хорезме местное население. Надо полагать, что тазабагъябские племена, которые проникли в низовья Зеравшана, также столкнулись там с потомками древних заманбабинцев. И даже если на территории Ферганы кайрак-кумские находки до недавнего времени оставались самыми ранними, это вовсе не давало оснований для предположения об отсутствии там более древнего населения. Так, исследования навеса Ак-Танги показали наличие там более раннего энеолитического слоя, и это заставляет авторов раскопок предположить, что формирование кайрак-кумской культуры могло происходить на местной основе при значительной роли ранне-андроновских элементов, пришедших сюда с севера⁸⁰. Так что и в этом случае пришельцы явились не на пустое место.

Именно результаты работ в Ак-Танги являются основным доводом их авторов в пользу невозможности продвижения тазабагъябских племен в юго-восточном направлении. Речь идет о датировках. Поскольку «датировки раннего этапа кайрак-кумской культуры подтверждаются данными радиоуглеродного анализа образца из II (нижнего) слоя бронзы в Ак-Танги», а «слой II в целом синхронен раннему тазабагъябу»⁸¹, такое передвижение тазабагъябцев представляется Б. А. Литвинскому и В. А. Ранову невозможным. Слой бронза II в Ак-Танги дал абсолютную дату 3120 ± 140 ⁸², что, по нашему подсчету, дает начало XIII — конец XI в. до н. э., а по подсчету авторов публикации, — почему-то начало XVI — конец XII в. до н. э.⁸³. Если абсолютная дата верна, она не дает

⁷⁶ «История народов Таджикистана», т. I, стр. 121. Судя по тексту, принадлежность поселений низовьев Зеравшана к кайрак-кумскому типу определяется тем, что состоят они из полуземлянок и, в одном случае, в такой полуземлянке была обнаружена цепочка из трех очагов. Но полуземлянка — широко распространенный тип жилища в степной зоне Евразии в эпоху бронзы, цепочка очагов встречена всего один раз, а поселения низовьев Зеравшана, равно как и кайрак-кумские, в большинстве случаев развезенные.

⁷⁷ «История народов Таджикистана», т. I, стр. 119—120.

⁷⁸ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов, стр. 288.

⁷⁹ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», т. XLII, Душанбе, 1964, стр. 24.

⁸⁰ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Указ. раб., стр. 23.

⁸¹ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Указ. раб., стр. 23.

⁸² Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Указ. раб., стр. 24.

⁸³ Там же.

оснований для заключений, сделанных авторами. Материал из Ак-Танги практически почти не опубликован, так что в остальном нам пока трудно спорить с Б. А. Литвинским и В. А. Рановым, но все же нам представляется следующее. Факт появления тазабагьябских племен в низовьях Зеравшана кажется несомненным. Нет никаких оснований считать невозможным появление их и в Фергане, тем более что в кайрак-кумской культуре прослеживается влияние тазабагьябской, а Зеравшан бесспорно мог сыграть роль связующего звена между этими двумя областями. Ведь Б. А. Литвинский не только отмечает наличие кайрак-кумских влияний в культуре низовьев Зеравшана второй половины II тысячелетия до н. э., но даже включает всю эту область в ареал распространения кайрак-кумской культуры, а значит признает возможным передвижение носителей кайрак-кумской культуры на значительные расстояния. Почему же он отказывает в этой возможности тазабагьябским племенам? Как мы могли убедиться, факты в пользу этого имеются, а противоречий в датировках, о которых писали Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, нет.

Вторая половина II тысячелетия до н. э. — время установившихся контактов между населением степного мира Евразии и более южными районами. Об этом свидетельствует появление керамики степного типа в южных областях Средней Азии на памятниках земледельческой культуры. Можно соглашаться или не соглашаться с принадлежностью их к той или иной культуре, но факт продвижения степных племен в южном направлении, факт вступления их в контакт с земледельцами остается бесспорным. И тазабагьябские племена, возможно, наряду с другими племенами культуры степной бронзы на территории Средней Азии, принимали активное участие во всех этих сложных исторических процессах.

SUMMARY

The Tazabaghyab culture of the Bronze Age in Khwarizm is comprised into the area of cultures of the Steppe Bronze of Eurasia. The researchers succeeded to confirm an affinity of its material culture, as pottery, tools, ornaments etc. to the Andronovo culture in its Western Kazakhstan variation and even in a more considerable degree with the timber-grave culture. The sources of origin of the Tazabaghyab culture are to be looked for not in the Khwarizm proper but north-west of Southern Aral region, in the Southern Ural area, and Ohrenburg steppes, where beginning with the middle of the 2-d millennium B. C. a process of mixture between Andronovo and timber-grave tribes was taking place.

The Tazabaghyab culture is not however a mere variation of timber-grave or Andronovo culture. It is a fully independent culture which was definitely formed in Khwarizm as a result of mixture of aborigenes with newcomers.

The bearers of the Tazabaghyab culture practised an irrigated agriculture and cattle-breeding. The experience of the aboriginal population in the development of the irrigated agriculture combined with the agricultural experience of the timber-grave — Andronovo migrants favoured a successive and intensive development of the agricultural economy among the Tazabaghyab tribes. It is a leading part of the agriculture in their economy that can serve as one of the main proofs in favour of a specification of the Tazabaghyab culture as a completely independent one among other cultures of the Steppe Bronze.

И. М. Семашко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БХИЛОВ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Бхилы — один из наиболее многочисленных малых народов Индии: по переписи 1961 г. их насчитывалось более двух миллионов человек (2439611)¹. Они расселены в ряде штатов Индии (Мадхья-Прадеш, Гуджарат, Раджастан, Махараштра), причем в отдельных районах составляют большинство населения. Хотя в настоящее время территория их расселения не является компактной — они разбросаны отдельными группами среди других народов, всех бхиллов объединяет, кроме их самоназвания и сознания принадлежности к определенной общности, многое в занятиях, материальной и духовной культуре.

Проблема происхождения бхиллов вызывает много споров среди этнографов и историков, основные вопросы их этногенеза не разрешены до сих пор. Между тем разрешение всех этих вопросов исключительно важно, так как они имеют непосредственное отношение ко многим аспектам этнической истории таких народов Индии, как раджастанцы, гуджаратцы, маратхи, а не ограничиваются рамками этнической истории самих бхиллов, хотя и эта тема представляет определенный научный интерес.

По мнению многих исследователей, этноним «бхил» происходит от дравидского слова «бил» («лук»). Индийский ученый Ч. С. Венкатачар пишет, что древнетамильские поэты называли племена некоторых «дикарей» додравидского происхождения «лучниками» (виллавар)². Это дает ему основание для возможного отождествления этих племен с предками современных бхиллов. Индийский этнограф Т. Б. Наик ссылаясь на работы тамильского историка Канасабхаи, пишет, что древнейшими (т. е. дотамильскими. — И. С.) племенами в Тамилнаде были виллавар и минавар, расселившиеся затем по всей Индии. Они и сейчас населяют Раджпутану и Гуджарат, где известны под именами «бхил» и «мина», а также страну Канара, где известны как виллавар и минавар³. Вполне вероятно, что дравиды, столкнувшись с племенами, основным оружием которых был лук, могли дать им это общее название, перешедшее в дальнейшем на современных бхиллов.

Эти сведения говорят о древности бхиллов, о том, что они населяли Индию или часть ее гораздо раньше дравидов, а тем более — ариев. Индийские ученые П. Шах и Х. Д. Санкалия считают бхиллов возможными потомками дасья, упоминаемых в Ригведе⁴.

¹ «Census of India 1961», vol. I, India, II-C (ii), Delhi, 1963, стр. 72.

² C. S. Venkatachar, The ethnographical account of Bhils in Central India, «Census of India 1931», vol. I, pt. III, стр. 51.

³ T. B. Naik, The Bhils, Delhi, 1956, стр. 14.

⁴ P. G. Shah, The original inhabitants of Gujarat, «Journal of the Gujarat Research Society», 1939, vol. I, No. 4, стр. 24; H. D. Sankalia, Studies in historical and cultural geography of Gujarat, Poona, 1949, стр. 8.

В Самхитах и Брахманах упоминается народ под общим названием «нишада». Этот термин не относился, видимо, к какому-либо одному конкретному народу (племени), а охватывал группу или несколько групп неарийских народов (племен), не подвластных арийским правителям⁵. В «Нирукте» Яски, известного комментатора Вед, нишада не входят ни в одну из четырех варн⁶, т. е. вначале нишада были какой-то этнической общностью, чужеродной ариям, а возможно — и несколькими этническими общностями (например, племенами), но опять-таки отличными от арийской этнической общности. Поэтому-то нишада и не вошли в складывающуюся кастовую систему арийского общества.

Однако уже в законах Ману происхождение нишада трактуется как идущее от двух варн: отца-брахмана и матери-шудра. Здесь очевидна попытка объяснить неравноправное положение нишада (мать — шудра, т. е. из низшей касты) и как-то включить их в систему каст. В этом, видимо, отразился реальный процесс смешения местного населения с ариями, ведущий к тому, что постепенно аборигенные племена втягивались в кастовую организацию. Возможно, тут отражены и факты смешанных браков между ариями и аборигенами. По мнению индийских исследователей Р. Чанда и В. С. Лоу, нишада можно отождествить с предками бхиллов⁷. Местом обитания нишада в пуранах указаны горы, расположенные на границе между современными Джхалвой и Хандешем, т. е. горы Виндхья и Сатпура⁸. Карта, приводимая авторами «Ведического индекса», помещает нишада к юго-востоку от гор Аравалли, между реками Бана и Махи, до Чамбала⁹. Эта область совпадает с территорией современного расселения бхиллов¹⁰. Наиболее часто встречается термин «нишада» в Махабхарате, которая помещает страну нишада (Нишада раштра) между рекой Сарасвати (штат Раджастан) и западными отрогами гор Виндхья, недалеко от современного города Парипатра¹¹, т. е. также в районах современного расселения бхиллов.

Мнение о том, что племена нишада, упоминаемые в древнеиндийской литературе, являются предками современных бхиллов, стало почти каноническим в индийской этнографии. Как правило, ни один исследователь, занимающийся изучением этнографии бхиллов, не преминет отметить в своих работах это сопоставление бхиллов с нишада. Возможно, что подобное слишком прямолинейное утверждение о том, что нишада — это бхиллы, чрезмерно категорично. Однако несомненно заслуживает внимания тот факт, что основная область современного расселения бхиллов (горные районы Гуджарата и Раджастана) более или менее накладываются географически на ареал древних нишада. Поэтому вполне вероятно, что нишада ведической и эпической литератур были предками бхиллов, вернее — одними из их предков, так как другими предками бхиллов явились (может быть, в меньшей степени) племена ариев, с которыми смешивались нишада в процессе ассимиляции, образуя таким образом качественно новую этническую общность.

Кроме того, сразу же следует отметить еще одно обстоятельство: нишада были, видимо, одними из предков не только бхиллов, но и других

⁵ P. G. Shah, Указ. раб., стр. 24.

⁶ T. B. Naik, Указ. раб., стр. 13.

⁷ R. P. Chanda, Indo-Aryan races, Rajshahi, 1916, стр. 4—8; B. C. Law, Ancient Indian tribes, 1926, т. II, стр. 61.

⁸ T. B. Naik, Указ. раб., стр. 11.

⁹ A. A. Macdonell and A. B. Keith, Vedic index of names and subjects, London, 1912, vol. II, «Census of India 1931», vol. I, pt. III, стр. 51.

¹⁰ B. C. Law, Указ. раб., стр. 62.

¹¹ Там же.

малых народов западной Индии, очень сходных, кстати, с бхилами по языку, культуре и антропологическому типу.

Впервые слово «бхил», как пишет Р. Э. Энтховен, встречается в известном сочинении Сомачева (Гунадхья) «Кахта Сарит Сагара», где упоминается бхильский вождь, оказавший сопротивление продвижению арийского правителя через горы Виндхья¹². Это произведение относится к VI—VII вв. н. э., хотя в основе его лежат события I в. до н. э.

Г. Опперт считает, что встречаемые в древней индийской литературе «палла», «валла», «вилла», «балла» являются словами дравидского происхождения и связаны с этнонимом «бхил»¹³.

Бхилы видит Опперт и в филлитах Птолемея, александрийского историка II в. н. э. Однако первым связал бхилы с филлитами Х. Лассен¹⁴. Ему возражал А. Каннингхэм, который пытался вывести филлитов из греческого слова филлой, означающего «одетые листьями». Причем последний относил их к гондам¹⁵. Но эту точку зрения А. Каннингхэма вряд ли можно принять: древнегреческие авторы, как правило, передавали звучание аборигенных этнонимов описываемых ими народов, иногда, правда, этимологизированное в свете греческого языка (так называемая ложная этимология), а не переводили их и тем более не изобретали своих собственных названий описательного характера¹⁶. Поэтому филлиты, очевидно, представляют собой греческую транскрипцию этнонима «бхилы». Кроме того, Птолемей, описывая филлитов, называет их имя в одном ряду с другими индийскими этнонимами, не переведенными на греческий язык, а лишь транскрибированными (возможно, и транслитерированными) с каких-либо индийских языков.

Древний ареал бхилы довольно хорошо реконструируется по данным топонимики. Топонимы, связанные с этнонимом «бхил», широко распространены в различных областях западной и центральной Индии. Английские справочники по Индии дают такие географические названия, которые с полным правом можно отнести к топонимии, обязанной своим происхождением бхильским племенам: Бхилаури (город в штате Махараштра, округ Сатара, на берегу реки Кришны), Бхилгарх (город в Мадхья-Прадеше, в районе Гвалиора), Бхилалпур (город в Пенджабе), Бхилора (небольшое княжество в округе Рева Кантха, штата Гуджарат), Бхилса (город-крепость в центральной Индии к северо-востоку от Бхопала на берегу реки Бетва), Бхилвара (город в Раджастане, вблизи Удайпура)¹⁷. Кроме того, Бхилварой называлась область в центральной Индии, где раньше существовал союз туземных княжеств.

Распространение топонимов, связанных с названием «бхил», несколько шире географически, чем область современного расселения бхилы. Это свидетельствует о том, что древний ареал бхилы был обширней, чем та территория, которую занимают они ныне. А тот факт, что многие топонимы, связанные с этнонимом «бхил», встречаются не только в горных и лесных районах, но и на равнинах, по берегам рек, где теперь бхилы не живут, говорит о том, что некогда их расселение было более обширным. Бхилы занимали, кроме горных и лесных районов, также и равнинные местности, откуда со временем были вытеснены. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что целая область носила до недавнего

¹² R. E. Enthoven, *Tribes and castes of Bombay*, 1920, vol. I, статья «Бхилы».

¹³ G. Oppert, *On the original inhabitants of Bharatavarsa, or India*, London, 1903, стр. 140.

¹⁴ Chr. Lassen, *Indische Altertumskunde*, Berlin, 1856, vol. I, стр. 751.

¹⁵ A. Cunningham, *Archaeological survey of India*, Calcutta, 1880, vol. IX, стр. 151.

¹⁶ См., например: В. А. Никонов, *Введение в топонимику*, М., 1965, стр. 131.

¹⁷ *Imperial Indian Gazetteer*, London, 1908, vol. XIV, Index.

времени название Бхилвара (страна бхиллов) — это был, видимо, еще уклевший довольно крупный район их компактного обитания.

Интересные данные для решения вопросов этногенеза бхиллов дают результаты лингвистических исследований. В настоящее время язык бхили относится к индоевропейской языковой семье. Английский исследователь Дж. Грирсон классифицирует бхили как язык центральной группы внутренней ветви индоарийских языков¹⁸. Бхили включает в себя около 20 диалектов, в том числе собственно бхили. Основа грамматики языка — гуджаратская, с элементами разных диалектов раджастанхи (на севере и северо-востоке) и языка маратхи (на юго-западе и юге). На востоке бхильские диалекты приближаются к хандеши, а в округах Насик и Данг их уже трудно отличить от хандеши.

Все это позволило Грирсону сделать заключение о том, что бхильские диалекты образуют непрерывную цепь, идущую от раджастанхи через гуджарати и хандеши до маратхи¹⁹. Однако в большинстве случаев влияние маратхи незначительно, и грамматический строй диалектов остается гуджаратским. Лишь в Нимаре бхильские диалекты испытали значительное влияние маратхи.

Индийский ученый Т. Б. Дэйв также указывает, что бхили и гуджарати настолько близки между собой, что их трудно разграничить. По его мнению, диалекты бхили являются гуджаратскими вплоть до Джары (юг Удайпура), Дунганпура, Бансвары, Али-Раджпура, Барвани. И лишь по мере продвижения дальше к востоку они становятся постепенно все более близкими к диалектам раджастанхи. Дэйв установил также индоарийское происхождение большинства бхильских слов²⁰. П. Г. Шах считает, что такое тесное родство бхили с гуджарати, почти полное усвоение бхилами грамматического строя гуджарати свидетельствует о том, что бхилы издавна живут в Гуджарате, что именно Гуджарат является основной областью их формирования и расселения²¹. Наик также подтверждает близость бхили к гуджарати²².

Наиболее хорошо исследован диалект бхиллов, живущих в районе Махи Кантха (восточный Гуджарат). Дж. Грирсон берет его за основу, отправляясь от которой, он дает характеристики остальных бхильских диалектов²³. Этот же диалект послужил базой для грамматики бхильского языка Ч. Томпсона.

Однако многие исследователи заметили, что бхили не во всех своих аспектах может быть объяснен, исходя только из индоарийских языков. По образному выражению Ч. Томпсона, этот язык представляет собой как бы арку, опирающуюся на два различных основания: одно связано с индоарийскими языками, а другое — с языками аборигенов Индии²⁴. Анализируя лексику бхильских диалектов, собранную в Махи Кантха и Раджпутане, Томпсон установил, что около 84% ее составляют гуджаратские слова, восходящие к санскриту, 10% имеют арабское и иранское происхождение, а 6% нельзя отнести к какому-либо определенному языку. Во всяком случае, как считает Томпсон, эти 6% имеют явно не

¹⁸ J. Grierson, The linguistic survey of India, Calcutta, 1907, vol. IX, pt. III, стр. 7.

¹⁹ Там же. Аналогичную мысль сформулировал и П. Г. Шах (см.: P. G. Shah, Non-Hindu elements in the culture of the Bhils of Gujarat, «Essays in the anthropology presented to S. C. Roy», Lucknow, 1942, стр. 182).

²⁰ T. B. Dave, Linguistic survey of the border lands of Cujarat. The Bhili dialects, «Journal of the Gujarat Research Society», 1948, vol. X, No. 1.

²¹ P. G. Shah, Указ. раб., стр. 26.

²² T. B. Naik, Указ. раб., стр. 236—237.

²³ J. Grierson, Указ. раб., стр. 3.

²⁴ См.: W. Koppers, Die Bhil in Zentralindien, Wien, 1948, стр. 22 (К сожалению, работа Ч. Томпсона отсутствует в библиотеках СССР).

арийское происхождение. Однако в своих работах Томпсон не связал этот пласт ни с каким языком. Больше того, он утверждал, что нет связи ни между бхили и дравидскими языками Южной Индии, ни между бхили, с одной стороны, и гонди, сантали, коли, с другой²⁵.

Дж. Гирсон попытался связать некоторые слова бхили с другими языками. Одни из них он отнес к мунда. Например:

бхильское	tāhi	'корова'	и мунда	tāhi	'коровье молоко'
»	bōdō	'спина'	и кхариа	bod	'спина'

С другой стороны, по его мнению, намечается связь между бхили и дравидскими языками. Например:

бхильское	talpa	'голова'	и тамильское	talei	'голова'
»	tōli	'корова'	и гонди	tali	'корова'
»	akhālo	'бык'	и канарское	akalu	'корова'

Некоторые явления бхильской фонетики и грамматики также свидетельствуют о связи с дравидскими языками²⁶.

Гирсон пишет по этому поводу, что бхилы живут в западной Индии, где вполне возможны остатки старого дравидского населения, а приведенное очевидное грамматическое сходство делает более вероятным предположение о том, что бхилы когда-то говорили на дравидских языках. Однако Гирсон не отрицает возможности того, что первоначальным языком бхилов был, вероятно, мунда, замененный впоследствии дравидским языком²⁷. Он даже больше склоняется в пользу именно этого положения. Язык бхили с языками мунда связывал и С. Конов. Он писал: «Обитание племен мунда в горах Махадео делает вероятным, что многочисленные бхильские племена, живущие в горах Махадео, Сатпура и Аравалли, также были мундаязычными. Я знаю одно племя, так называемое нахал в Нимаре, которое, как установлено, говорило еще в 1870 г. на корку, но сейчас говорит на смеси мунда, дравидских и арийских диалектов. Это племя, видимо, близко к бхилам нахари из Насика и Саргона. Этот случай, очевидно, типичен. Он показывает, как диалект мунда сначала попал под влияние дравидских, а затем арийских языков. Окончательный результат несомненно будет таким же, как в случае с бхильскими диалектами: арийская форма речи возобладает, сохранив лишь следы иноязычного происхождения»²⁸.

Из приведенных данных видно, что трудно установить с достаточной определенностью, каким был первоначальный язык бхилов, к какой языковой группе он относился, так как не исследовано еще полностью соотношение его субстратов (мунда и дравидского). Можно, правда, надеяться, что более систематическое изучение языка бхили, особенно у тех групп бхилов, которые продолжают жить изолированными обществами в труднодоступных горных и лесных районах, поможет установить истину.

Некоторые исследователи подходят очень недоверчиво к утверждению о наличии в бхили субстратов, которые можно связать с мунда и дравидскими языками. Так, известный индийский этнограф и антрополог Д. Н. Маджумдар пишет, что если бы бхилы говорили некогда на мунда, то изолированные бхильские общины должны были бы сохранить следы

²⁵ См.: D. N. Majumdar, The Bhils of Gujarat, «Journal of the Gujarat Research Society», 1942, vol. IV, № 4, стр. 222.

²⁶ J. Grierson, Указ. раб., стр. 8.

²⁷ Там же, стр. 9.

²⁸ Цит. по: W. Koppers, Die Bhil in Zentral India, Wien, 1948, стр. 24.

этого языка или дух его (*genius*), ибо он крайне консервативен и не изменяется так легко и полно. Но, во-первых, неясно, что понимает Маджумдар под «духом» языка. Если это грамматический строй, то он вполне может измениться до неузнаваемости, как это известно из многих примеров лингвистической истории. А во-вторых, как уже отмечалось выше, как раз изолированные общины бхиллов не изучались лингвистами. Помимо того, Маджумдар считает, что слова мунда и дравидские, обнаруженные в бхили, могут быть не субстратом, а простым заимствованием при культурном общении бхиллов с носителями этих языков²⁹. Но, видимо, Маджумдар и в этом случае неправ. Действительно, бхильский диалект, в котором обнаружены слова языка мунда, — это диалект Махи Кантха, т. е. области, отдаленной от районов обитания мундаязычного населения, равно как и дравидоязычного. Поэтому в данном случае можно с уверенностью утверждать, что это — именно субстрат, а не заимствование.

Возникает, правда, весьма существенный вопрос, которого мы уже касались выше, чей же субстрат древнее: мунда или дравидский? Этот вопрос еще не получил окончательного решения. Анализ современного бхильского языка, сделанный Гриссоном и Коновым, свидетельствует о наличии в нем элементов дравидского языка. Это проявляется в лексике и в некоторых грамматических формах. Наряду с этим, эти же исследователи склонны предполагать, что в языке бхиллов есть отдельные слова, восходящие к языкам народов мунда, в которых они видят более древний этнический пласт. В пользу этой гипотезы, возможно, свидетельствует термин «бхил», восходящий к дравидскому корню «бил» («лук»), и, вероятно, появившийся в то время, когда дравиды впервые столкнулись с племенами охотников, принадлежавшими к иному хозяйственному и этническому типу. Но с полной вероятностью утверждать, что до-дравиды были именно мунда, мы не можем, так как эта точка зрения не получила достаточной научной аргументации. Существует мнение, что этот субстрат был не мунда, а каким-то неизвестным нам этносом. Поэтому проблема соотношения субстратов в бхильском языке остается пока открытой.

Гриссон сближает языки других малых народов западной Индии с бхили. Перечисляя бхильские диалекты, он включает в них и близкие к ним чходхари, дубли, дходиа, гамити, гирасиа, наикди, мавччи, котали, дханки и ряд других диалектов³⁰. Это обстоятельство так же, как и исторические источники о нишада, свидетельствуют о родстве между бхилами и другими малыми народами западной Индии, подтверждает вывод об их древних связях.

Данные антропологии также свидетельствуют о связях бхиллов с древним населением Индии.

А. К. Хэддон считает современных бхиллов потомками «додравидов», которых рассматривает как «первооснову» населения Индии³¹. Б. С. Гуха определил бхиллов как протоавстралоидов и отнес к ним также колов, бадага, корва, кхарва, мунда, бхумиа, малпахариа, ченчу, курумба, малаян³². Дж. Х. Хаттон также отнес бхиллов к протоавстралоидам³³. С. Фукс высказал предположение о связях племен Гуджарата, особенно

²⁹ D. N. Majumdar, *Race and culture of India*, Bombay, 1958, стр. 41.

³⁰ J. Grierson, *Указ. раб.*, стр. 6.

³¹ A. C. Haddon, *The races of man*, Cambridge, 1924, стр. 107.

³² B. S. Guha, *Racial affinities of the peoples of India*, «Census of India 1931», vol. I, pt. III, стр. XLIII.

³³ J. H. Hutton, *Caste in India*, Oxford, 1961, стр. 1—7.

бхилов, с антропологическим типом племен востока центральной Индии (гондов и даже мунда плато Чхота-Нагпур)³⁴. Результаты своих антропологических исследований Фукс сопоставил с лингвистическими данными и особенностями географического расселения изучаемых племен. На основании этого он предполагает, что дравидоязычные племена (например, ораоны, гонды, кхонды) пришли в их современные места обитания с юга Индии, в то время как мундаязычные — с востока через Бирму и Ассам.

В самом деле, если посмотреть на этническую карту Индии, то можно увидеть, что ареал бхилов расположен как раз на стыке ареалов трех крупных этнолингвистических групп. На севере и северо-западе он граничит с областью индоарийцев, на востоке — мунда, на юге — дравидов. Индоарийский пласт у бхилов — это позднейшее наслоение, поэтому очевидно, что их древнейшими предками могли быть дравиды, а на востоке мунда. А тот факт, что они связаны с веддоидной расой, еще раз подчеркивает их аборигенный доарийский характер.

Антропологические исследования так же, как и лингвистические, отмечают близость всех малых народов западной Индии к бхилам. Антропометрические результаты Маджумдара и Фукса свидетельствуют о том, что по крайней мере пять гуджаратских племен (бхилы, наика, дубла, гамиты, дханка) имеют много общего в расовом отношении и что все они, вместе взятые, больше отличаются от остального, неплеменного населения, чем один от другого. Таким образом, это дает основание полагать, что все они являются подразделениями некогда единого племени или группы родственных племен, отколовшимися по различным причинам, которые были, возможно, географического характера (изоляция), социально-экономического (различный уровень развития хозяйства, разные степени аккультурации) и т. п.

Наиболее категорично связывает бхилов с аборигенным, а именно, мундаязычным населением К. С. Венкатачар. Он пишет: «Несомненно они (бхилы. — И. С.) представляют расу, которая обитала в Индии, раньше ариев и дравидов... Бхилы — подразделение большой расы мунда, которая заняла додравидскую Индию и ее родиной были центральные области. Ареал бхилов — западные горы Виндхья и, вероятно, при соприкосновении с дравидами на границах Гуджарата они получили свое нынешнее название»³⁵.

Энтховен и Маджумдар придерживаются противоположной точки зрения. Они считают, что бхилы не потомки аборигенного населения, а скорее какая-то группа ариев. Так, Энтховен, отметив, что отдельные группы бхилов сильно отличаются антропологически одна от другой (есть, например, совершенно веддоидные группы и почти совершенно европеоидные), считает «наиболее близко представляющими оригинальный тип бхилов» тех индивидуумов, которые встречаются среди южных и западных племен и характеризуются высоким ростом, «правильными чертами лица», волнистыми волосами и т. п. Бхилов же Сатпура (почти типичных веддоидов) он считает «результатом деградации и вынужденных браков с еще более древними и низкорослыми племенами»³⁶. Но это, конечно, совершенно неверно. Скорее, бхилы Сатпура являются близкими к протобхильскому типу, а более европеоидные группы — это результат смешения бхилов с европеоидным населением. Больше того, если мы даже и примем тезис Энтховена о том, что бхилы Сатпура — результат смешения с более древними племенами, то возникает вопрос, а кто же

³⁴ См. «Gensus of India 1941», vol. 16, pt. I, стр. 300—303.

³⁵ C. S. Venkatachar, Указ. раб., стр. 51.

³⁶ R. E. Enthoven, Указ. раб., стр. 154.

эти самые древние племена? Они-то и есть протобхилы, аборигенные предки бхиллов, смешавшиеся с пришедшими ариями.

Рассмотрим теперь подробнее точку зрения Маджумдара. Отметим сразу же, что он занял весьма уклончивую позицию. Так, не говоря определенно, что он не считает бхиллов доарийским населением, он тем не менее подвергает критике исследования тех ученых, которые придерживаются мнения об автохтонном происхождении бхиллов. Основные доводы Маджумдара сводятся к следующему: ведические описания племен нишада, как низкорослых, темнокожих, широконосых людей, совершенно не соответствуют современному облику некоторых групп бхиллов, в частности в Гуджарате; антропологический тип бхиллов Гуджарата ближе к типу окружающего их населения³⁷.

Однако оба его довода представляются сомнительными: вполне естественно, что древние нишада не аналогичны современным бхилам, так как их разделяют десятки столетий интенсивного расового смешения между аборигенами (нишада) и пришельцами (ариями). Поэтому неудивительно, что некоторые группы бхиллов настолько смешались с окружающим их населением европеоидного типа, что почти не отличаются от последнего. Кроме того, само это европеоидное население уже несет своеобразные черты взаимного смешения с аборигенным субстратом, т. е. можно говорить об относительной нивелировке антропологических типов в определенных географических областях. Таким образом, собрав ценный антропологический и этнографический материал, Маджумдар, на наш взгляд, не смог, однако, правильно его ценить. Более того, в его исследованиях много такого, что противоречит его основному выводу. Он пишет, что предположительно бхилы Гуджарата были полностью ариизированы по языку и в расовом отношении³⁸. Стало быть был какой-то субстрат, который и был ариизирован. Затем он приводит много данных о разнообразии антропологического типа бхиллов, его разных вариантах (в отношении цвета кожи, ширины и высоты носа, разницу в носовом указателе: бхилы Хандеша 94,8, а бхилы Мевара 84,1) и другие данные, говорящие о гетерогенности антропологического облика бхиллов³⁹. А ведь все это говорит о разных степенях смешения различных антропологических типов. Наконец, он пишет, что бхиллов «следует рассматривать как гибридную группу Гуджарата, поглотившую, с одной стороны, раджпутскую кровь, а с другой, представляющую племенной субстрат», т. е. фактически приходит к выводу, который разделяется и нами: бхилы — продукт смешения двух основных пластов — аборигенного и пришлого населения.

Так же следует рассматривать и другие факты, которыми оперирует Маджумдар. Например, этнографического характера: наличие в хозяйстве и культуре бхиллов многих черт, сближающих их с окружающим населением, бхильские предания о происхождении их от раджпутов и т. п. Все это опять-таки свидетельствует о результатах длительного и интенсивного смешения бхиллов с соседними народами.

Очень важно, что при сравнении антропологических данных бхиллов с аналогичными данными других народов Индии явно прослеживается связь бхиллов с мунда, ораонами и канникарами. Особенно близки головные указатели: все эти народы долихоцефальны⁴⁰. С последним

³⁷ D. N. Majumdar, The Bhils of Gujarat, «Journal of the Gujarat Research Society», 1942, vol. IV, № 4, стр. 223; е р о ж е, The races and cultures of India, Bombay, 1958, стр. 38—40; е р о ж е, Race realities in cultural Gujarat, Bombay, 1950, стр. 24.

³⁸ D. N. Majumdar, The Bhils of Gujarat, стр. 224.

³⁹ D. N. Majumdar, The raciology of the Bhils, «Journal of the Gujarat Research Society», 1942, vol. IV, № 3, стр. 177—179.

⁴⁰ Там же, стр. 178.

интересно сопоставить заключение Маджумдара о том, что у населения Гуджарата долихоцефалия характерна для племенных групп, а брахицефалия — для высших каст⁴¹.

Итак, антропологические данные говорят о наличии у бхилов аборигенного субстрата, сильном смещении (причем в разных группах бхилов в неодинаковой степени) с окружающим населением и связях бхилов с мундаязычным населением. Таким образом, антропологические источники подтверждают выводы, сделанные нами на основании других данных.

Археологические данные, которые можно связать с бхилами, слишком скудны, но и они говорят в пользу их аборигенного происхождения. Так, микролитические стоянки были обнаружены на северном склоне гор Виндхья (т. е. в районе древнейшего расселения бхилов), а также при раскопках Лангнаджа (штат Барода) и в других местах северного Гуджарата⁴². В микролитических стоянках в долинах р. Сабармати и ее притоков были раскопаны несколько человеческих скелетов, сильно кальцинированных, что позволяет отнести их к донеолитическому периоду, возможно даже к верхнему палеолиту. Индийские антропологи классифицируют найденные здесь скелеты как протоавстралоидные (по системе Гуха). Другие находят в них «хамито-негритские» черты (И. Карве, Г. М. Курулькар). По мнению Гуха, скелеты принадлежат предкам бхилов. Он пишет по этому поводу следующее: «Я определил бы их как предков бхильского племени, которое еще занимает горы Виндхья и Сатпура в юго-восточной части Гуджарата»⁴³. Конечно, связывать далеких предков бхилов со скелетами из Лангнаджа можно только гипотетически. Требуется еще большая исследовательская работа в этом направлении (проведение раскопок, изучение найденных скелетов), но уже и эти данные археологии и палеоантропологии, несущие, правда, весьма предварительный характер, не противоречат основному выводу о древности и автохтонности бхилов (доарийцы, даже додравиды), хорошо согласуясь с данными других наук.

До сих пор мы анализировали в основном, те моменты бхильского этногенеза, которые связаны с аборигенным неарийским населением. Рассмотрим теперь индоарийский пласт в этногенезе бхилов, который сыграл роль на позднейших исторических этапах.

В истории бхилов, начиная с первых веков нашей эры, все большее место занимают их взаимоотношения с индоарийцами. С этого же времени появляются и наиболее достоверные источники о бхилах — сведения о них в хрониках раджпутских династий, а также в собственных преданиях бхилов. Так, в одной из наиболее древних надписей правителя Чандамахасена из рода Чауханов, правившего в Дхавалапури (современный Дхолпур), указывается, что вождь млеччха, живших по берегам реки Чамбал, платил ему дань. Д. Шарма, сообщая об этом, предполагает, что названные млеччха были, возможно, бхильским племенем, так как и до сих пор на берегах р. Чамбал встречаются бхильские поселения⁴⁴. В преданиях раджпутских правителей Идара указывается, что основателем его был Гоха, сын королевы Пушпавати из рода Силадитья государства Валабха. Идар в это время был в руках бхилов, и юный Гоха воспитывался среди бхильских детей, играл с ними, перенимая многие бхильские обычаи. Когда же у бхилов наступило время выбирать короля, они выбрали Гоху. Один из бхилов поставил кровью

⁴¹ D. N. Majumdar, *Race realities in cultural Gujarat*, стр. 1.

⁴² С. К. Дикшит, *Введение в археологию*, М., 1964, стр. 202—207.

⁴³ B. S. Guha, *Racial types in prehistory of India*, Bombay, 1951, стр. 140—144.

⁴⁴ D. Sharma, *Early Chauhan dynasties*, Delhi, 1959, стр. 18.

знак тика ему на лбу в знак верховной власти. Так Гоха стал властителем Идара. Его потомки, получившие название Гухилот (Гехлот), правили страной в течение следующих семи поколений, пока не были свергнуты бхилами. Сын восьмого, свергнутого потомка Гохи по имени Баппа был спасен и стал впоследствии основателем Меварской династии. Когда Баппа вззошел на престол, его короновали два бхила — Балео и Дева, первый из которых нанес ему на лоб знак тика. Этот обряд — тика даур — сохранялся очень долго⁴⁵. Английский исследователь Дж. Тод во время своего путешествия по Раджпутане побывал в небольшом бхильском княжестве Огхна Панарва, во главе которого стоял Бхумиа — бхил, утверждавший, что в его жилах течет не только бхильская, но и раджпутская кровь. Он выводил свое происхождение от раджпутского рода Соланка. Интересно, что за родом правителя этого княжества было закреплено традицией право наносить знак тика на лоб принцам Мевара (Удайпур) при их восшествии на престол⁴⁶.

Все эти сведения подчеркивают тесные связи бхилов с раджпутами, они также говорят как бы о косвенном признании за бхилами прав на земли, управляемые раджпутами. Описанный обычай тика даур — не что иное, как скрытое за религиозной обрядностью санкционирование бхилами раджпутских прерогатив. Однако, как правило, раджпуты занимали земли насильственным путем, а не по добровольному согласию бхилов.

Проникновение мусульман в Индию вызвало интенсивное переселение раджпутских родов. Они в свою очередь оттесняли бхильские племена с равнин в горные и лесные районы. Этот процесс начался, видимо, в X в. и шел вплоть до XIV в.⁴⁷ Однако есть данные позволяющие думать, что эти перемещения происходили и раньше и приурочивают их ко времени установления власти мусульман в Синде (VII в.) и падения Валлабхинагара. При правлении 1-ой раджпутской династии Анахильвады (746—942 гг.) территория современной Ревы Кантхи была в руках вождей племен бхилов и коли⁴⁸. Завоеватели-раджпуты были встречены враждебно. На месте современного города Ахмадабада вплоть до XI в. был Ашвал, один из главных городов бхильского государства, управляемого бхильскими вождями. Это государство существовало в течение X—XIV вв., хотя уже в это время раджпуты теснили бхилов.

Хроника раджпутской династии Анахильвады описывает бхилов вначале как диких и непокорных, затем в 1072—1094 гг. говорит о том, что они были подчинены, усмирены и оттеснены в горы раджей Карна. Во времена его преемника Сидх Раджи (1094—1143 гг.) бхилы упоминаются уже как союзные, дружественные племена.

Предания другого раджпутского княжества Индора повествуют о том, что раджпутские тхакоры из рода Чандрават пришли сюда и отняли землю у бхилов только в XV в. Бхильский вождь Рама, основатель города Рампур, был убит раджпутами. Но несмотря на это, как указывает предание, был совершен обряд тика⁴⁹. Возможно, что он был уже скорее традицией, освещавшей даже насильственный захват земель.

Во время этого интенсивного проникновения раджпутов на территорию современного Раджастхана шло их смешение с бхилами, главным образом с бхильской племенной знатью. Браки раджпутов с бхильскими

⁴⁵ «Gazetteer of the Bombay Presidency», Bombay, 1880, vol. V, стр. 400.

⁴⁶ «J. Tod's annals and antiquities of Rajasthan», Oxford, 1920, vol. I, стр. 101.

⁴⁷ «Imperial Gazetteer of India, Bombay Presidency», Calcutta, 1909, vol. II, стр. 450. «Gazetteer of Bombay Presidency», Bombay, 1880, vol. VI, стр. 59.

⁴⁸ «Imperial Gazetteer of India, Central India», Calcutta, 1908, стр. 219.

⁴⁹ Там же.

Хроники раджпутских династий сообщают также о том, что бхильские племена неоднократно выступали на стороне раджпутов против мусульманских правителей Дели. В борьбе с мусульманами раджпутам были необходимы союзники и надежный тыл. Поэтому часто союз или браки с представителями бхильской родо-племенной верхушки были следствием скрепления дружественных отношений⁵⁵.

Отдельные раджпутские князья привлекали бхилов на свою сторону для того, чтобы использовать их военную силу в своих интересах. Часто бхилы помогали тому или иному князю в раджпутских междоусобных войнах. Как правило, бхильские вожди не были данниками раджпутов, власть которых над бхилами была чисто номинальной⁵⁶.

Мусульманское завоевание также отразилось на этнической истории бхилов, равно как и других народов Индии. Отдельные группы бхилов, живущие на южных склонах гор Сатпура, приняли ислам (бхилы тадви и нихара). Во времена правления Акбара (1556—1605) бхильским князьям был пожалован ряд деревень в качестве ленного владения в обмен за обязательство охранять горные дороги от разбойников. При Аурангзебе (1658—1707) также предпринимались попытки использовать бхилов, видимо, представлявших реальную военную силу, в интересах всего государства. Их земли были оставлены им в постоянное пользование при условии принятия бхилами ислама. Кроме того, при Аурангзебе в районы расселения бхилов были переселены из северных областей и наделены землей мусульманские семьи. В их обязанности входило собирать налоги и поддерживать порядок. Переселенцы часто брали в жены бхилок. Потомки от этих браков живут до сих пор в горах Сатпура. В отличие от других групп бхилов, антропологически они близки к европеоидному населению. Интересно, что кроме мусульман — бхилов тадви, в горах Сатпура есть и индусы-бхилы, тоже носящие имя тадви⁵⁷. Видимо, это две части когда-то единого родо-племенного подразделения, расколовшегося впоследствии по религиозному признаку.

В XVIII—XIX вв. шел процесс дальнейшего культурного и этнического сближения народов западной Индии. Бхилы ассимилировались с крупными народами, которые в свою очередь также испытывали на себе влияние элементов бхильской культуры. Например, в настоящее время бхилы Гуджарата очень близки к низшим кастам, которые в свою очередь, возможно, происходят также из племенных групп. Тех и других объединяет общее название «калипарадж» («черный народ»). Особенно много общего у бхилов с теми кастами, которые живут в долинах на границе с лесами. Так, земледельческая каста канби в Гуджарате сближается с бхилами по антропологическим признакам. Канби в Данге, так называемые данги канби, считают, что прежде они были более «высокого» происхождения и принадлежали к аджана канби, но впоследствии потеряли свою «чистоту», приобретя язык, одежду и некоторые обычаи бхилов⁵⁸.

Развитие товарно-денежных отношений вело к укреплению взаимных связей, что еще более усиливало ассимиляционные процессы, убыстряло их. Бхилы все более и более смешивались с крупными народами.

Однако включение бхилов в состав крупных народов происходило и продолжает происходить даже в настоящее время в характерной для племенных групп форме. Как и другие малые народы Индии, бхилы, по-

⁵⁵ «Gazetteer of Bombay Presidency», vol. V, стр. 383.

⁵⁶ Там же, vol. IV, стр. 105.

⁵⁷ H. T. Soley, An account of the aborigines of Bombay Prisdency, «Census of India 1931», vol. I, pt. III, стр. 48.

⁵⁸ «Gazetteer of the Bombay Presidency», Bombay, 1880, vol. IX, pt. I, стр. X.

падая в среду крупных индуистских народов, занимали самое низшее место на социальной лестнице, образовывали касты неприкасаемых и другие низшие касты. В Гуджарате и Раджастанхоне они пополняли контингенты сельскохозяйственных рабочих, поденщиков, так называемых хали — полукрепостных полусвободных крестьян.

В Гуджарате, Раджастанхоне, Махараштре большинство низших каст, как пишет П. С. Бисвас, несет явные следы протоавстралоидного слоя. Этот элемент проникал даже и в высшие касты, например, в некоторые «высоких» кастах маратхов также прослеживается веддоидное влияние⁵⁹.

Значительная, а в некоторых случаях полная ассимиляция бхиллов крупными народами, специфика их расселения (отдельные изолированные группы в окружении крупных народов)⁶⁰, разбросанность бхиллов по нескольким штатам (Гуджарат, Раджастанхон, Мадхья Прадеш, области Махараштры) — все это обусловило меньшую степень развития у бхиллов идеи национального самосознания, требования национальной автономии, чем у некоторых народов мунда (хо, санталы), у народов Ассам (нага и др.).

Тем не менее, в начале XX в. среди бхиллов возникло движение против англичан и засилья помещиков и ростовщиков, которые, как правило, были небхильского происхождения. Пропаганда велась бхагатами — проповедниками из бхиллов. Один из них, Говинд Гуру, выдвинул в 1911 г. идею создания автономного бхильского государства, самоуправления бхиллов — бхил-радж, которая получила довольно широкое распространение и поддержку среди бхиллов Мангарха (южная граница Бансвара). Говинд Гуру организовал бхильские вооруженные отряды, но был разбит в 1912 г. войсками меварского бхильского корпуса, поддержанного английской артиллерией⁶¹.

Известно, что накануне второй мировой войны некоторые представители бхильской интеллигенции выступали в индийской прессе за предоставление бхилам региональной автономии⁶².

Процесс этнической ассимиляции бхиллов, ускоренный в настоящее время полным втягиванием бхиллов в экономическую жизнь страны, продолжается и ныне. При этом бхилы, наиболее ассимилированные окружающими народами, вливаются в их состав, образуя иногда, как мы видели выше, низшие касты; бхилы же, не ассимилированные полностью и представляющие собой многочисленные и компактные группы (хандеши в Махараштре, гарасия в Раджастанхоне) входят в состав крупных народов медленнее, путем образования этнографических групп в составе этих народов.

Итак, рассмотрев данные о происхождении бхиллов и их этнической истории, можно прийти к следующим выводам:

1. Несомненно, что одними из предков бхиллов являются автохтонные насельники Индии — додравидские и доарийские. Об этом говорит антропологический тип современных бхиллов (наличие многих признаков веддоидной расы, антропологическая близость к мундаязычным народам). Это же подтверждают остатки в бхильском языке доарийского субстрата (дравидского и мунда), архаичные черты хозяйства и культуры. При

⁵⁹ P. C. Biswas, Present state of the problem of correlation between racial and caste differentiation in India, М., 1964, стр. 9, 12, 13.

⁶⁰ Правда, есть отдельные районы, где бхилы составляют большинство населения. Например, Хандеш, округа Данг, Али-Раджпур, Барвани и др.

⁶¹ S. K. Navlakha, Puritanistic cults, «The changing tribes of Madhya Pradesh» Indore, 1961, стр. 39.

⁶² А. М. Дьяков, Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963, стр. 183.

этом представляется наиболее вероятным, что ранний пласт в бхильском этногенезе составили мундаязычные и дравидоязычные племена, а более поздний — индоарийские народы.

2. Автохтонных предков бхиллов можно связать с более или менее определенными доарийскими племенами — так называемыми нишада, ибо область распространения современных бхиллов географически совпадает с прежним ареалом нишада, совпадает также в отдельных чертах антропологические типы некоторых групп бхиллов и нишада (о типе последних можно судить на основании описаний исторических источников).

3. Распространение этнонима «бхил» в топонимии, охватывающей большую территорию, чем область нынешнего расселения бхиллов, свидетельствует о том, что некогда бхилы были распространены на довольно обширной площади в западной Индии и населяли ее компактной массой.

4. Возможно, что другие малые народы западной Индии (наика, гамиты, чходхра, каткари и др.) являются по своему происхождению ветвями некогда в какой-то степени единого бхильского племени или союза племен. У них очень много общего с бхилами в физическом типе, хозяйстве, культуре. Различия же обусловлены, видимо, как спонтанным развитием в разных условиях (при этом немалую роль играла и относительная изоляция), так и, главное, различной степенью смешения с другими народами, в основном с арийскими пришельцами и раджпутами, неравномерностью ассимиляции.

5. Самый поздний этногенетический компонент бхиллов — индоарийский по языку, европеоидный по расе пласт, который наслоился на автохтонный субстрат и в результате смешения с ним дал бхилам их современный этнический облик. Сам этот компонент многослоен: он включает и древнейших пришельцев (ариев), и сравнительно более поздних (раджпуты, мусульман). В новое и новейшее время этот компонент становится все более преобладающим в итоге продолжающегося смешения. Об этом говорит факт почти полной потери бхилами прежнего языка и перехода их на индоарийские языки, а также смешанный расовый тип, доходящий в некоторых группах бхиллов до почти «чистого» европеоидного, и большая степень, особенно в отдельных группах бхиллов, культурной ассимиляции с окружающим их населением.

6. Антропологическая, языковая и культурно-хозяйственная неоднородность отдельных групп бхиллов отражает исторический процесс их этногенеза, представляющего в самых общих чертах сплав автохтонного населения с переселившимися в западную Индию разными народами и этническими группами.

SUMMARY

The article examines the problems of the ethnogenesis of Bhils (India). Main stages of their ethnic history are viewed. Basing upon the data of anthropology, linguistics and ethnography the author draws a conclusion that among the ancestors of Bhils there are some autochthonous dwellers of India, both pre-Aryan and pre-Dravidic, allegedly connected with Nishadas of ancient narrative sources. The data of toponymy evidence a broader area settled by Bhils in the past times. The ties of affinity of Bhils with other minorities of the Western India, like Naika, Gamiti, Katkari etc. can also be traced. The Indo-Aryan components were another stratum in the ethnogenesis of Bhils, and their role is becoming more and more predominant in modern times.

Честер С. Чард

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ¹**

Точная хронология — это необходимая основа, без которой не может быть правильного понимания исторического развития и исторических связей ни в одном районе земного шара. За многие годы, по сути дела с самого начала изучения доисторической Восточной Азии, в наше сознание внедрилась довольно простая картина более позднего культурного развития в этой области по сравнению с Западом. При полном отсутствии для Восточной Азии абсолютной хронологии памятников древнее 1500 г. до н. э. ничто не могло нарушить это представление, которое и до сих пор принимается в общих трудах. Однако за последние несколько лет появилось много весьма достоверных абсолютных датировок для японских доисторических памятников вплоть до эпохи 15 тысячелетия, а также некоторые датировки из Южной Кореи, советского Дальнего Востока и Тайваня. Эти абсолютные датировки не только существенно усложняют картину, казавшуюся раньше столь простой, но и изменяют многие привычные представления об этой, считавшейся периферийной, части мира. В Японии мы находим теперь керамику, как будто бы древнейшую в мире², на Тайване древность земледелия простирается на 11 тыс. лет назад (судя в основном по палинологическим свидетельствам³ расчистки и выжигания лесов), а на советском Дальнем Востоке мы сталкиваемся с неожиданно ранним использованием железа, задолго до традиционной датировки по китайскому материалу. Перечень таких примеров можно было бы продолжить. К сожалению, эти данные все еще недостаточно широко известны, а многие даже не всегда легко доступны для ученых. Их значение еще ждет своей оценки и они еще не оказали ощутимого влияния на общераспространенные представления. Именно поэтому давно пора ввести эти датировки в широкий научный обиход. Они требуют коренных изменений в наших традиционных представлениях о культурном развитии на северо-востоке Азии в период мезолита и неолита. Они ведут к перевороту во взглядах, который нельзя более оттягивать.

На материке Северо-Восточной Азии эта эпоха все еще рассматривается в рамках традиционной «неглубокой» хронологии, которая в конечном счете базируется на предполагаемых границах древности китайского неолита. Исследования по доисторическому Дальнему Востоку

¹ Доклад, прочитанный на XI Тихоокеанском научном конгрессе (Токио, август — сентябрь 1966 г.).

² Ch. S. Chard, Early radiocarbon dates for pottery in Japan and their implications, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3—10 августа 1964 г.), т. V (в печати).

³ Kwang-chih Chang and M. Stuiver, Recent advances in the prehistoric archaeology of Formosa, «Proceedings of the National Academy of Sciences», v. 55, № 3, Washington, D. C., 1966, стр. 539—543.

всегда тяготели к тому, чтобы опираться в основном на эту китайскую хронологию, и это было естественно, учитывая археологические параллели, предположительные связи и логические предпосылки, что развитие на Амуре или на тихоокеанском побережье должно запаздывать по сравнению с соответствующими этапами в Северном Китае. Такая же обстановка сложилась в отношении Кореи, Маньчжурии и Тайваня. Тем не менее наша прежняя освященная временем хронология доисторического Китая на самом деле не имеет под собой никакой основы. В основном она исходит из некоторых догадок первооткрывателя археологии Северного Китая Дж. Андерсона⁴. Он базировался на предпосылках, которые в свою очередь оказались неверными. В настоящее время у нас вообще нет никакого отправного пункта для датирования китайского неолита. Наиболее сведущие специалисты не решаются дать даже самых предположительных оценок. Но необходимо по крайней мере сдать в архив датировки из схемы Андерсона, которые могут только дезориентировать, но которые тем не менее так часто повторялись и цитировались, что стали рассматриваться среди широких кругов исследователей как исторические факты. Не лишне напомнить, что над выкладками Андерсона довлело убеждение в том, что китайская крашенная керамика была заимствована из Западной Азии и должна поэтому иметь несколько более поздний возраст, чем предположительный возраст той ближневосточной керамики, которую он считал сопоставимой с китайской. Поэтому он датировал начало этапа древнейшей крашеной керамики в своем хронологическом ряду для Ганьсу не ранее чем 2500 г. до н. э. В соответствии с этими взглядами неолитическая культура достигла более восточных районов бассейна Хуанхэ даже позже. Складывалось общее впечатление, что 2000 лет до н. э. это — наиболее подходящая дата для основного материала культуры яншао. Даже недавний пересмотр этих датировок археологами континентального Китая относит яншао не ранее, чем к периоду 3000—2200 гг. до н. э. Бесспорно, это и есть тот отправной пункт, на основании которого неолитические стоянки Амура, Приморья и Кореи относились прежде к III и II тысячелетиям до н. э.

В противоположность этому, керамика, этот определяющий элемент неолитической культуры, повсюду в континентальной Азии, в Японии уходит вглубь по меньшей мере к 8000 г. до н. э., т. е. к условному концу плейстоцена. Есть даже еще более ранние радиоуглеродные датировки памятников, имеющих керамику. Первоначально они считались спорными, но сейчас все более и более подтверждаются. Во всяком случае представляется бесспорным, что целый значительный ряд этапов эволюции керамики предшествует материалу стоянки Нацусима. Эта стоянка имеет радиоуглеродную датировку примерно 7300 лет до н. э. Эта датировка никем серьезно не оспаривалась и хорошо совмещается с рядом других датировок из того же самого и последующих культурных слоев. Можно было бы возразить, что ситуация в Японии представляет собой изолированное явление, не связанное с культурным развитием в близлежащих районах материка. Однако это представляется невероятным, поскольку предполагает полную изоляцию в течение многих тысячелетий, что не согласуется с общей археологической картины. Да и в этом случае мы уже располагаем свидетельством из собственно материкового района. А именно третий и четвертый из пяти неолитических периодов,

⁴ Y. G. Andersson, Preliminary report on archaeological research in Kansu, «Memoires of the Geological Survey of China», 1929, стр. 19—20; его же, Researches into the prehistory of Chinese, «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», No 15, 1953 (Прим. ред.).

выделенных экспедицией Висконсинского университета на стоянке Тонгсамдонг близ Пусана, дали радиоуглеродные датировки приблизительно 3000 и 4000 лет до н. э. Это показывает, что начало неолитической культуры в Корее относится к гораздо более давним временам, чем это допускалось до сих пор.

Было бы вполне оправданным предположить сопоставимую древность и в равной мере сложную историю для неолитических культур, прилегающих к территории советского Дальнего Востока. Однако на территории Приморья, которое должно было бы выказывать наиболее близкие связи с Японией и Кореей, картина начинается с позднего неолита, относимого ко времени не ранее 2500 лет до н. э. Такая картина все более и более явно не соответствует действительности. Или следует ожидать открытия ряда более древних неолитических культур, или датировка уже известных находок должна быть пересмотрена в сторону значительного удреждения. То же относится и к Китаю. Хотя и нельзя утверждать, что древность керамики в Японии служит априорной датировкой начала керамики в Китае, тем не менее мне кажется, что мы должны быть готовы к тому, что корни китайской неолитической культуры также окажутся лежащими в заключительной эпохе плейстоцена. Мы можем надеяться, что в конечном счете картина культурного развития на материке прояснится и будет установлена шкала абсолютной хронологии, основанная на достаточном числе радиоуглеродных датировок из памятников всех периодов. Однако вряд ли было бы правильным пассивно ожидать наступления таких времен в довольно отдаленном будущем, а до этого предаваться беспочвенным рассуждениям. Я думаю, что необходимо уже сейчас попытаться составить новую шкалу доисторических датировок на основе материалов, уже доступных для использования тем или иным путем. В Японии все более и более уточняется подробная абсолютная хронология, основывающаяся на радиоуглеродных и обсидиановых анализах и охватывающая по меньшей мере пятнадцать последних тысячелетий⁵. Южная Корея дает также несколько хронологических веков. Надо проверить, нельзя ли распространить эту шкалу датировок в той или иной степени хотя бы на советский Дальний Восток, а через него, может быть, на Маньчжурию и даже на Северный Китай. Трудно сказать, насколько успешной будет такая попытка, но безусловно, что именно этот путь является наиболее многообещающим для получения в ближайшем будущем новой хронологической шкалы для Северо-Восточной Азии. И эта цель стоит затраты усилий.

Существование тесных культурных связей между советским Дальним Востоком, Кореей и Японией признано как советскими, так и японскими учеными. Однако чаще всего это самые общие сопоставления, охватывающие значительные промежутки времени, например, черты сходства между мезолитической стоянкой Тадуша в Приморье и докерамическими культурами Японии. Нам нужны более узкие и конкретные хронологические вехи для того, чтобы возможно было установить хронологию, имеющую подлинный смысл. Конечно, на протяжении ряда лет время от времени делались попытки почти исключительно со стороны японских специалистов проследить связи с материком и соответствие датировок по отдельным характерным чертам. Однако пока что их результаты или разочаровывают, или по крайней мере не убеждают. Причина этого главным образом в том, что либо стратиграфия и общий культурный комплекс материковых параллелей, т. е. их относительный возраст и род культурных связей, недостаточно выяснены, или потому, что сравнения делались с отдаленными ареалами вроде Прибайкалья, которые не могли иметь контактов или прямых связей с Японией. В этой связи надо отме-

тить, что почти все сведения по доисторической Сибири, доступные ученым за пределами СССР, происходят из района Прибайкалья. Это повлияло на тенденцию упускать из виду тот факт, что в Прибайкалье — лишь местная культура. Ее же рассматривали как типичную для доисторического этапа всей Сибири, тогда как теперь мы знаем, что советский Дальний Восток был особым миром, история культуры которого существенно отличается от истории внутренней Сибири.

Представляется ясным, что неудача прежних попыток перекрестной датировки является следствием недостатка сведений, а не результатом действительного отсутствия существенных связей. Доисторические этапы на материке сейчас только начинают раскрываться перед нами. Многие важные полученные данные еще не опубликованы. Даже то, что опубликовано, недостаточно известно японским археологам. С другой стороны, хотя доисторическая археология Японии изучена лучше, чем в любой другой азиатской стране, а масштабы опубликованных сведений таковы, что все другие страны могут им только позавидовать, тем не менее очевидно, что лишь малая часть этой информации пока что доступна заинтересованным в ней советским ученым.

Таким образом, проблема нехватки данных, которая до сих пор препятствовала датированию путем сопоставления, в какой-то мере скорее кажущаяся, чем реальная, в том смысле, что на деле имеется значительное количество данных, которые могли бы быть полезны, если бы они были доступны. В этой своей части проблема сводится просто к доступности материала. Я мог бы указать на ряд усилий, направленных на улучшение этого положения. Такие англоязычные издания, как «Asian Perspectives» (бюллетень, публикуемый Дальневосточной ассоциацией предистории), серия переводов с русского, издаваемая Арктическим институтом Северной Америки, «Arctic Anthropology» — журнал Висконсинского университета и другие за последние годы много сделали по части информации научной общественности о наличии накопленных советской наукой высокодостоверных данных и перевода хотя бы части из этих сведений на язык, наиболее доступный большинству ученых в Японии и во всем мире.

Некоторые из этих изданий немало также сделали и для того, чтобы важнейшие японские материалы перевести на английский язык и сделать их таким образом более доступными и для советских ученых⁵. На сегодня, как мне кажется, эти источники информации еще не пользуются достаточным вниманием со стороны большинства ученых или во всяком случае используются не в полной мере. К этому нужно добавить, что в соответствии с планом исследований по предистории Японии и предистории Сибири на кафедре антропологии Висконсинского университета накопилось уже значительное число материалов по этим регионам, в том числе тысячи страниц неопубликованных английских переводов японских источников. Эта информация будет охотно предоставлена любому заинтересованному в ней ученому. Разумеется, помимо более продуктивного использования уже имеющихся данных, мы испытываем острую нужду в дальнейшем их накоплении. Надо надеяться, в частности, что советские ученые смогут выделить в археологическом материале советского Дальнего Востока ряд отличительных черт, которые могут послужить индикаторами хронологических эпох, наподобие датирующей фауны в па-

⁵ Fumiko Ikawa, The continuity of non-ceramic to ceramic cultures in Japan, «Arctic Anthropology», vol. 2, № 2, стр. 95—119. Madison, 1964; R. E. Morlan, The preceramic period of Hokkaido: an outline, «Arctic Anthropology», v. 4, № 1, 1966; R. E. Morlan, The ceramic period of Hokkaido, «Arctic Anthropology» (in press).

леонтологии. Да и в Японии необходимо уточнить наши знания о чертах, имеющих параллели на материке, чтобы иметь полное представление об их временных и территориальных границах. Еще более это же относится к Корее, где распространение отдельных элементов во времени и пространстве все еще изучено совершенно недостаточно. Вооруженные этими новыми данными, мы можем уже приступить к сравнительному изучению связей между соседними и явно взаимосвязанными районами — между Японией и советским Дальним Востоком, Кореей и Приморьем, Кореей и Маньчжурией. Одним из ключевых пунктов является район исторических контактов между северной Японией и материком, а именно Сахалин, где засвидетельствованы типы керамики и другие культурные черты, происходящие как из той, так и из другой области. Другой район несомненных контактов находится между Кюсю и Кореей. Возможные параллели между районом Владивостока и Южной Кореей позволяют надеяться, что на них может быть распространена хронологическая шкала, полученная радиоуглеродным методом для района Пусана благодаря работам вышеупомянутой Корейской экспедиции Висконсинского университета. Следует избегать делать упор на отдельные черты, рассматривая их в отрыве от остальных, что, увы, имело место слишком часто. Дело в том, что никогда нельзя иметь полную уверенность в точности определения их границ во времени в сравниваемых регионах. Наиболее достоверные результаты получаются при сопоставлении комплексов черт, включая те черты, которые по времени накладываются друг на друга, что позволяет, следовательно, установить максимальные и минимальные границы во времени и сузить таким путем хронологическую амплитуду некоторых важных для диагностики элементов.

Я думаю, что в отношении материковой Северо-Восточной Азии в настоящее время больше всего мы нуждаемся в более точном определении времени возникновения здесь неолита. Поэтому можно пожелать, чтобы сначала попытки распространения на материк японской шкалы абсолютных дат были посвящены в основном эпохе древнейшей керамики.

Какие общие черты на рассматриваемом отрезке времени наиболее перспективны для таких целей? Мы можем указать на изготовление каменных топоров техникой пиления, которая впервые как будто появляется в Японии на Хоккайдо, где ей сопутствуют наконечники стрел из опшцепов, а также весьма ранняя керамика сумиёситё. Сами по себе микролитические наконечники, явно проникающие на Хоккайдо с материка, пока еще не датированы достоверно, но теперь обнаружены в комплексе с ранней керамикой на стоянке Хигаси-Кусиро на Хоккайдо (раскопки 1966 г.). Отметим далее технику орнаментирования сосудов с наружной стороны вдавленными узелками, ограниченную северо-восточным Хоккайдо в начале периода раннего дземоно; каменные наконечники стрел с сужающимися черенками, как кажется, типичные для поздних докерамических культур; микропластины и линейный рельефный декор некоторых форм древнейшей японской керамики, который ввиду отсутствия предшествующих форм на месте считается заимствованным с материка.

Другая категория черт, широко распространенных от Енисея до Аляски, может в конце концов оказаться ценной для более далеких хронологических сопоставлений. Я имею в виду такие типы, как резец Арая и чрезвычайно интригующую группу предметов, объединяемую в Японии под названием ладьевидных орудий, в русской литературе обозначаемую как гобийские нуклеусы, а на Аляске как языковидные нуклеусы. В последнем случае особенно очевидно, что подробные исследования и классификация этих нуклеусов или нуклеовидных изделий необходима прежде чем какие-либо из них можно будет использовать как датировочные.

щие элементы. Эта группа предметов оказалась гораздо более распространенной географически и во времени, чем предполагалось, и недавно наметившаяся тенденция предполагать определенную границу во времени для всех предметов, имеющих сходный облик, в лучшем случае будет преждевременной, а в худшем — ошибочной и дезориентирующей.

Все это только предположения. Возможно, найдутся другие черты, более отвечающие нашим целям, но в любом случае попытаемся сделать то, что в наших силах, для скорейшего составления шкалы абсолютных датировок для материковой Северо-Восточной Азии, потому что нельзя откладывать дальше время решительного пересмотра наших взглядов на развитие культуры в этой части мира.

Перевод С. А. Арутюнова

SUMMARY

Accurate chronology is the basis for any true understanding of historical development and historical relationships. The remarkable time depth revealed by radiocarbon dating in recent years, especially in Japan, demands a drastic reorientation of our present picture of Mesolithic — Neolithic cultural development on the mainland of Northeast Asia, which has not changed essentially in several decades and is still tied to a «short chronology» based apparently on Anderson's erroneous guess dates for the Far Eastern Neolithic. Until a satisfactory radiocarbon chronology is established for the mainland at some future time, it would be highly desirable to look for a new basis for mainland Northeast Asia dating by attempting to extend the available Japanese and Korean radiocarbon time scales to adjacent regions, especially to the Soviet Far East.

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов

О ПОНЯТИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Важность национального вопроса в современную эпоху, расширение исследований национальных или, в более широком смысле, этнических отношений в различных странах мира и особенностей развития отдельных народов требуют более глубокой разработки методологической базы таких исследований. Одной из наиболее существенных частей этой работы является уточнение научных понятий, которыми приходится оперировать. Развернувшаяся в 1966 г. на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия вокруг понятия нации представляется плодотворной, но, к сожалению, уже по своему предмету не может полностью решить такую задачу; понятие нации, несомненно, очень важное в методологическом отношении, не охватывает, как известно, все народы или формы этнических общностей¹. Сама попытка ряда участников дискуссии вывести определение понятия нации, абстрагируясь от понятий других общностей людей,— методологически несовершенна. Правильное определение понятий включает, во-первых, установление родового признака, т. е. указание ближайшего высшего понятия, и, во-вторых, установление видовых отличий, т. е. признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих у других понятий, относящихся к тому же роду. «Что значит дать определение? — писал В. И. Ленин.— Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое»². Все это применительно к понятию нации означает, во-первых, установление понятия этнической общности и, во-вторых, установление отличий нации от таких родственных ей общностей, как, например, народность и племя. Из участников дискуссии ближе всех к такой задаче подошел М. С. Джунусов³, однако, на наш взгляд, не смог ее решить удовлетворительно.

* Публикуя статью В. И. Козлова, редакция предполагает развернуть на страницах журнала дискуссию как о понятии этнической общности, так и о типах этнических общностей, и приглашает принять в ней участие ученых, интересующихся этими проблемами.— *Ред.*

¹ В философской литературе вместо принятого нами термина «этническая общность» употребляется, как правило, термин «историческая общность». См., например: А. М. Архангельский, Племя, народность, нация, как исторические формы общности людей, М., 1961; Э. И. Миников, Племя, народность, нация, как исторические формы общности людей, Тирасполь, 1961; В. Алексеев, Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей), М., 1962 и др. Однако «историзм» никак не является специфической чертой только племени, народности и нации. Многие другие формы общности людей, начиная от семьи и кончая государством, возникли на определенных стадиях исторического развития общества, под влиянием различных исторических причин и, следовательно, также могут называться «историческими формами общности людей».

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 133.

³ М. С. Джунусов, Нация как социально-этническая общность людей, «Вопросы истории», 1966, № 4.

Установление понятия этнической общности относится к числу важнейших проблем этнографической науки, основным объектом исследования которой она является, и, вместе с тем, представляет значительный интерес для смежных наук: истории, археологии, социологии, языкознания и др. Однако вот уже в течение длительного времени этой проблеме не уделялось специального внимания; проскальзывавшие в публикациях определения «народа», или «этнической общности», приводились, как правило, без каких бы то ни было доказательств и обычно представляли собой несколько усеченный или, напротив, несколько расширенный вариант известного определения нации как исторической общности людей, сложившейся на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров определяли народ, как исторически сложившуюся группу людей, связанную общностью территории своего формирования, языка и культуры⁴; М. С. Джунусов характеризует этническую общность общностью языка, этнической территории, экономических связей, этнического самосознания, определенных черт культуры и характера⁵, не рассмотрев ни одного из названных элементов.

По существу единственная за много лет попытка вывести понятие этнической общности была сделана С. А. Токаревым в первых параграфах его статьи «Проблема типов этнических общностей»⁶. Рассуждения С. А. Токарева, как нам представляется, не свободны от методических погрешностей. Так, уже в самом начале статьи С. А. Токарев заменяет вопрос о сущности и специфике этнической общности как таковой второстепенным в данном отношении вопросом о том, чем отличаются отдельные народы друг от друга. Включив в число таких отличий «язык, территорию, общее происхождение, экономические связи, политическое объединение, культурные особенности, религию и прочее», С. А. Токарев называет их «признаками» и замечает, что ни один из них не является обязательным. Заменяв затем слово «признак» выражением «социальные связи» и противореча ранее сказанному о необязательности признаков, С. А. Токарев составляет определение: «Этническая общность есть такая общность людей, которая основана на *одном* (подчеркнуто мною.—В. К.) или нескольких из следующих видов социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)». Правда, С. А. Токарев называет это определение «чисто формальным» и «весьма предварительным», а через несколько страниц пишет, что не может пока ответить на вопрос «чем же все-таки этническая общность отличается от других форм общности людей». Однако эти оговорки не меняют существа дела; в самом конце статьи С. А. Токарев повторяет в несколько сокращенном виде это «чисто формальное» определение уже как окончательный вывод. На некоторых положениях этой статьи нам придется ниже остановиться подробнее, тем более, что они, несмотря на методологическую важность подобного исследования, еще не были подвергнуты критическому анализу.

Разработка проблемы определения понятия этнической общности, тесно связанной с проблемой установления основных видов этой общности, возникавших исторически и существующих в настоящее время, является

⁴ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Общие сведения (языки, расы, народы), в кн. «Очерки общей этнографии, Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957, стр. 10.

⁵ М. С. Джунусов, Указ. раб., стр. 22.

⁶ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964, № 11.

весьма трудным делом. Этнические общности, особенно в развитых классовых формациях, представляют собой очень сложные образования, с массой индивидуальных особенностей, которые встают почти непреодолимой стеной на пути к обобщению даже видовых понятий, таких, например, как «нация». Если же пытаться типологически соединить современные нации с доисторическими племенами, то эти обобщения еще более затрудняются. Кроме того, люди образуют множество не только этнических, но и других общностей, которые существуют в тесном переплетении друг с другом. Одна и та же группа людей может одновременно входить в производственную организацию, класс, политическую партию, религиозную организацию, расовую группу, народ и государство. Эта группа людей определенным образом связана с каждой из таких общностей и при одних условиях она будет действовать как неразрывная часть одной общности, при других условиях — как неразрывная часть другой общности. Выделить из этого сплетения этнические связи, признаки, присущие только этнической общности, не так-то легко.

Среди обстоятельств, осложняющих эту работу, немаловажное значение имеют терминологические трудности. Это касается не только частных; «видовых» понятий, таких, например, как «племя» или «нация», но и их общего, «родового» понятия. Отдавая в настоящей статье некоторое предпочтение понятию «этническая общность», а не тождественному ему по существу понятию «народ», мы учитывали, что оно менее уязвимо в терминологическом отношении⁷. Правда, некоторые ученые допускают возможность употребления термина «этническая общность» в более широком смысле. Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, которые одними из первых ввели в советскую этнографическую литературу термин «этническая общность», считали, что это понятие шире понятия «народ», ибо им можно назвать и «группу народов, близких по языку и культуре», например, все славянские народы, и «часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие», например областные группы русских (поморы беломорского побережья, казаки Дона и др.)⁸. Однако на

⁷ Понятие «народ» в русском языке (да и во многих других языках, например, немецкое «Volk» и французское «peuple») имеет несколько значений. Иногда термин «народ» теряет этнический смысл и означает «трудящиеся массы» или просто группу людей. Не вполне установилось терминологическое соотношение понятия «народ» с видовыми понятиями этнической общности, например с понятием «нация». В нашей печати чаще всего можно встретить употребление слова «народ» равнозначно слову «нация» («русский народ», «итальянский народ» и т. п.). Однако мы говорим и пишем «советский народ», «индийский народ» и пр., охватывая термином «народ» целый ряд различных этнических общностей. А не так давно в нашей печати появилось (см. Д. Е. Джексо́н, К теоретической оценке негритянского вопроса в США, «Проблемы мира и социализма», 1959, № 7) и уже получило некоторое распространение в этнографической литературе выражение «народ в составе нации», где «народ» недостаточно обоснованно полагается частью нации.

К понятию «народа» в его этническом значении в русском языке близко понятие «национальности»; «Совет национальностей», например, означает то же самое, что «Совет народов». Все же по сравнению с термином «народ» термин «национальность» имеет более узкие рамки и почти никогда не применяется для обозначения племени. В настоящее время в нашей литературе термин «национальность» употребляется чаще всего для обозначения этнической (национальной) принадлежности. В зарубежной литературе (англ. — «nationality», франц. — «nationalité» и др.) он употребляется обычно в политическом смысле для обозначения принадлежности к определенному государству, т. е. подданства; для выражения же понятия, близкого к нашему, в зарубежной научной литературе иногда применяют термин «этническая национальность» («ethnic nationality»).

⁸ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 11. Этот тезис с несущественными изменениями был повторен Н. Н. Чебоксаровым в докладе на VII МКАЭН. См.: Н. Н. Чебоксаров, Проблема происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме), VII МКАЭН, М., 1964.

практике такое употребление термина «этническая общность» почти не встречается, так как оно может привести к весьма нежелательному смешению понятий; для обозначения группы родственных по языку народов принято употреблять термин «этнолингвистическая группа», для обозначения частей одного народа термины «этнографическая группа», «религиозная группа», «диалектальная группа» и др.

Серьезно затрудняет такую работу и слабое развитие нашей социологии, в частности — отсутствие разработанной классификации различных социальных форм, которая могла бы помочь нам определить место этнической общности среди других социальных категорий и ее связь с ними. Применяемый нашими социологами термин «социальная группа», могущий, казалось бы, быть распространенным и на этнические общности, связывается ими, как правило, лишь с классовым делением общества⁹. Совсем недавно Ю. И. Семенов предложил важную в методологическом отношении категорию «социальный организм», но, к сожалению, ограничился столь общим определением этого понятия (как «отдельного, единичного общества, как самостоятельной единицы общественного развития») ¹⁰, что применить его в классификационных целях довольно трудно. Поэтому для того, чтобы определить понятие этнической общности, нам придется, по необходимости кратко, рассмотреть некоторые общесоциологические вопросы.

Начнем с того, что термин «социальный» следует, по нашему мнению, прилагать к тем многообразным сочетаниям и группировкам людей, которые основаны на реально существующих связях, причем входящие в них индивидуумы осознают эту социальную принадлежность, на основании каких-то признаков отличают данную группировку от других того же рода и в определенных обстоятельствах способны действовать как единое социальное целое. Эта оговорка ограждает нас от рассмотрения всех тех встречающихся в научной литературе группировок людей (например, в антропологии — долихокефалы и брахицефалы, в психологии — холерики и сангвиники и т. п.), которые выделяются в тех или иных целях исследователями. Что же касается самих социальных образований, то их целесообразно разделить прежде всего по их происхождению на два отдела: одни из них сложились в ходе исторического развития человечества, вне воли и сознания отдельных индивидуумов, другие были созданы в определенное время по желанию вошедших в них людей. Нет нужды доказывать, что этническая общность относится к первому отделу, а, например, профессиональный союз — ко второму.

Для следующей ступени классификации уместно использовать предложенную Ю. И. Семеновым категорию «социальный организм», с некоторым ее уточнением; по нашему мнению, этот термин следует прилагать лишь к тем социальным образованиям, которые могут существовать и развиваться независимо от других. Это условие связано прежде всего с определенными размерами социальных образований и реально определяется тремя основными процессами. Первый из них — производство ма-

⁹ Так, Г. В. Осипов, говоря о принципах марксистской социологии, отмечает: «Социальная группа — группа людей, объединенная общностью определенных целей и интересов и общими усилиями в их достижении, это — элемент социальной структуры определенной социально-экономической формации. Переменными (в зависимости от которых индивидуумы относятся к той или иной группе) являются прежде всего функции индивидов в исторически определенной системе общественного производства, их отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда и, следовательно, способ получения и размеры той доли общественного богатства, который они располагают» (Г. В. О с и п о в, Современная буржуазная социология, М., 1964, стр. 215).

¹⁰ Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 94.

териальных благ, необходимых для существования входящих в этот социальный организм людей, второй — воспроизводство данного организма в биологическом смысле, путем рождения нового поколения, третий — воспроизводство его в социальном смысле, путем передачи этому поколению определенных социально-культурных ценностей и традиций.

Понятие независимого развития помогает, в частности, более четко выделить начальный вид этнической общности — «племя» от других социальных образований той эпохи. В нашей научной литературе не так давно встречались, а в научно-популярной философской литературе встречаются до сих пор утверждения, что вначале будто бы существовали лишь роды (и даже особые «родовые языки») и лишь спустя какое-то длительное время, с развитием производительных сил, роды сменялись племенами¹¹. Эти утверждения недостаточно обоснованы. Род, как таковой, с самого начала своего возникновения может существовать лишь в органической связи с другими родами, ибо наиболее важной особенностью его является экзогамия — запрещение брачных отношений внутри рода. Установившиеся брачные связи между родами, по-видимому, происходившими обычно от одной орды и говорившими на одном языке, неизбежно сочетались с некоторыми хозяйственными и другими видами связей. «Поэтому, — пишет Ф. Энгельс, — встречая у какого-нибудь народа род, как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию»¹². Вопрос о функциях рода выходит за рамки настоящей статьи, но нам представляется, что род, основанный на кровнородственных связях и являющийся частью племени, частью социального организма, должен быть отнесен не к этническим, а скорее всего — к брачно-семейным социальным группам. Широко распространенное мнение, что племя тоже основано на кровнородственных связях, нельзя признать вполне правильным, ибо эти связи определяют в основном лишь структуру племени, а не взаимоотношения между родами.

Некоторые этнографы, в том числе Н. Н. Чебоксаров, считают, что наиболее типичной формой этнической общности первобытнообщинной эпохи было не племя, а группа родственных племен¹³. Действительно, группы племен, говорящих на близких языках или даже на диалектах одного языка, встречались довольно часто, однако сосуществование таких племен, ассоциация отдельных социальных организмов далеко не всегда приводили к их действительной общности. Жизнь отдельного человека или целого рода в эпоху племенного быта была неразрывно связана именно с существованием племени и не зависела непосредственно от наличия или отсутствия группы племен. Проблема этнического соотношения племени и союза племен заслуживает специального рассмотрения. Можно считать установленным, что объединение родственных племен в группы и появление у их членов представления о принадлежности к этой группе, как к чему-то социально целому, более или менее характерно лишь для последней фазы первобытнообщинной эпохи, для периода уже начавшегося ее разложения. Что же касается союзов племен, таких, например, как Лига ирокезов, то их возникновение зачастую было обусловлено не органическими потребностями социально-экономического развития отдельных племен, а внешними причинами, чаще всего — участившимися военными столкновениями с другими племенами.

¹¹ См., например, А. М. Архангельский, Указ. раб., стр. 6.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 97.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 6—7.

К категории социальных организмов, кроме этнической общности, можно отнести ряд других образований, в частности — государство¹⁴. Поэтому для уточнения специфики этнической общности необходимо рассмотреть ее основные характерные черты и признаки.

Набор признаков, которыми обычно пользуются исследователи, пытаясь определить понятие этнической общности, не так уж мал. Сюда, как уже говорилось выше, входят четыре «обязательных» элемента известного определения нации: общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, а также ряд других существенных элементов — этническое самосознание, общее происхождение, религия и др. Некоторые из этих элементов, как будет показано ниже, не могут считаться основными признаками этнической общности то ли потому, что они дают слишком большое число исключений, то ли потому, что они вообще свойственны главным образом какой-то другой общности. Анализируя все эти элементы, приходится учитывать, что условие возникновения того или иного социального явления не обязательно становится основным признаком этого явления. Кроме того, некоторые из названных элементов, в том числе язык и территория, могут лежать в основе определенного вида социальных связей; в подобных случаях методологически важно рассмотреть соотношение этнической общности с соответствующими типами общностей: языковой, территориальной, экономической и др. Каждая из этих общностей развивается по своим законам, поэтому соотношение их с этнической общностью в ходе исторического процесса может меняться.

Язык — важнейшее средство общения людей — является условием возникновения многих социальных организмов, в том числе и этнической общности, для которой он имеет особое значение. Общность языка, как таковая, не присуща ни государственной, ни, например, религиозной общности. Правда, даже в многонациональных государствах обычно имеется какой-то общий язык, но этот язык обеспечивает общение людей главным образом в экономической и политической областях, не затрагивая духовную жизнь людей. Для людей же, принадлежащих к этнической общности, родной язык не только средство общения, но и средство развития важнейших форм их духовной культуры. Только родной язык, воспринимаемый и развиваемый с раннего детства, способен выразить тончайшие оттенки духовной жизни людей, позволяет им понимать друг друга буквально с полуслова. Люди, сменившие свой язык, с течением времени, обычно во втором или третьем поколении, меняют и свою этническую принадлежность.

Говоря о неполном совпадении этнической общности с языковой общностью, обычно приводят случаи, когда несколько народов говорят на одном языке. Например, на испанском языке говорят не только испанцы, но и латиноамериканские народы, ведущие свое происхождение от смешения испанских переселенцев с индейцами и другими этническими компонентами. Однако эти случаи не нарушают действительности признака общности языка, так как под ней понимается общность языка внутри народа, а не вне его, и для этнического единства испанцев не имеет значения то обстоятельство, что на испанском языке говорят еще чилийцы или никарагуанцы. Более существенны случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, напри-

¹⁴ Под «государством», как правильно отметил Ю. И. Семенов (см. Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 92—93), можно понимать не только «политическую организацию экономически господствующего класса, но и находящихся в сфере действия этой организации людей, которые в совокупности образуют отдельную общность, социальный организм.

мер, к немцам, а особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых не понимают друг друга. Иногда части одного народа могут говорить на разных языках. К числу таких исключительных случаев относятся, например, ирландцы, часть которых говорит на английском, а часть — на кельтском языке. Но и эти случаи не опровергают важности признака общности языка, как считает С. А. Токарев, а лишь требуют более осторожной его формулировки. Многие современные нации (особенно в Америке) сформировались из разноязычных групп населения, поэтому общность языка, в отличие от общности территории, следует рассматривать не только как условие, базу формирования народа, но и как один из результатов этого процесса, в ходе которого языковые или диалектальные различия постепенно нивелируются под действием системы образования и принятых норм разговорного языка. В случае если этот процесс еще не развернулся в полную силу, этническую консолидацию не следует считать вполне завершенной. Выражением языковой общности в таких случаях является существование единого письменного литературного языка и многочисленных групп населения с переходными говорами. Что же касается ирландцев, то они сложились в народ, имея общность кельтского (гэльского) языка: последующий переход подавляющего большинства их на английский язык, конечно, нарушил языково-культурную общность ирландцев, но по ряду причин не уничтожил и этнического единства. В настоящее время языковая общность ирландцев восстанавливается путем распространения английского языка среди многочисленных групп еще не знающих его ирландцев, а также благодаря возрождению гэльского языка и распространению его среди англоязычных ирландцев.

Территория представляет собой, прежде всего, условие, материальную базу формирования этнической и многих других видов общности людей, ибо для того, чтобы люди могли общаться, они, как правило, должны жить рядом друг с другом. Собственно территориальные (т. е. соседские) связи имеют, правда, довольно узкие рамки и обычно не выходят за пределы одного селения (так называемая сельская или соседская община или небольшого района). Однако территория является основой для развития других связей (экономических, языковых и др.). Даже различия по языку и происхождению группы людей, живущие на одной территории, могут с течением времени слиться в единый народ (таково, например, происхождение многих наций американского континента) и, напротив, территориальное разобщение прежде единого народа может привести к образованию из его частей различных этнических общностей. Находясь в течение многих веков на одной и той же территории, «обживая» эту территорию, народ начинает считать ее «родной», связывает с ней свои исторические судьбы и т. д. Природные условия этой территории находят свое отражение в складывающихся элементах культуры и быта, а представление о «родной земле» играет видную роль в формировании этнического самосознания. Кроме того, территория является не только условием возникновения, но и важным условием существования этнической общности. Нарушение целостности этнической территории, территориальное разобщение членов этнической общности, превращение отдельных групп их в национальные меньшинства, находящиеся среди другого народа, рано или поздно кончается ассимиляцией таких групп. Это говорит о целесообразности включения территории в число признаков этнической общности.

Вместе с тем, следует отметить, что территория не несет в себе такого этнического содержания как, например, язык и культура. Связь с территорией, страной обитания характерна в первую очередь для понятия

«родины» и «отечества» (за которыми также стоят определенные общности людей), а не для понятия народа. Можно было бы привести немало примеров того, как на одной и той же территории в разное время складывались совершенно различные этнические общности или как некоторые народы (мадяры, калмыки и др.), сформировавшись первоначально на одной территории, затем переселились и жили в совершенно другой области. Сама этническая территория может значительно изменяться; в одних случаях (русские, якуты и др.) она сильно расширялась за счет освоения новых областей, в других (мордва, башкиры и др.) сокращалась из-за вселения на нее инонациональных групп.

Развитие человечества сопровождалось территориальным смешением народов, связанным с миграциями из деревни в город, из одного района страны — в другой, и из страны — в страну. Во многих районах мира народы живут чересполосно друг с другом; этническая территория представляет собой нечто цельное и четко обособленное лишь у тех наций, этнические границы которых совпадают с границами государств.

Когда пытаются уточнить связи между членами этнической общности, то особое внимание обычно уделяют *хозяйственным* или *экономическим* связям. Однако это внимание оправдано лишь частично, так как экономика, будучи в конечном счете необходимым условием существования всех видов общности людей, не характеризует специфику этнической общности. Экономические связи определяют в полной мере лишь экономическую общность людей, т. е. общность, обусловленную разделением труда в процессе производства необходимых средств существования. Этническая и экономическая общность довольно часто совпадают, но связь между ними, как правило, имеет опосредствованный характер, проявляясь прежде всего через общность территории и связанную с ней социально-политическую организацию. Общность территории — необходимое условие возникновения экономической общности, если первая оказывается нарушенной из-за территориального смешения народов, то нарушается и вторая. Не останавливаясь на вопросе о крайне проблематичной экономической общности народностей, отметим, что классическая экономическая общность, складывающаяся с развитием капитализма, свойственна не столько нации, сколько государству, так как основные определяющие ее факторы (разделение труда между отдельными районами и установление транспортных и иных связей между ними, единая денежная система, таможенные ограничения и пр.) непосредственно связаны с государственной общностью. Экономическая общность совпадает с национальной, если нация имеет свое государство, и, как правило, не совпадает или совпадает частично в многонациональных государствах, где несколько наций связаны в один хозяйственный организм¹⁵. Все это говорит о нецелесообразности включения экономической общности в число основных признаков этнической общности.

Стремление некоторых исследователей включить в число основных этнических признаков общность *психического склада* или общность *культуры* представляется нам малообоснованным¹⁶. Психический склад или характер людей определяются, как известно, факторами биологическими и социальными. Биологические факторы, прежде всего — пол, возраст и темперамент, не имеют органической связи с этнической общностью. Темперамент больше связан с климатическими и расовыми особенностями, чем с этносом. Тот факт, что у конкретного народа может преобладать тот или иной темперамент, не противоречит, конечно, ука-

¹⁵ По этому вопросу см. также В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1.

¹⁶ См. также С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 6.

занной общей закономерности. В число социальных факторов, оказывающих определяющее влияние на характер, входит этническая среда, однако ведущую роль играет классово-профессиональное положение людей, не дающее возможности, особенно в классово-антагонистическом обществе, для образования подлинной общности психического склада. Исходя из принципов социальной психологии, очевидно, что русский крестьянин, купец, чиновник, рабочий имели в своем психическом складе больше различий, чем общего. Если даже взять только русских крестьян, то и тогда помор по своему характеру окажется значительно ближе к другому народу — карелу, чем к рязанцу, а тем более — терскому казаку. Когда указывают на различия в психическом складе конкретных народов, например норвежцев и японцев, то имеют в виду определенные психические стереотипы тех и других, абстрагируясь от различий внутри этих народов. Поэтому (не скрывая сложности данного вопроса), несравненно правильнее было бы говорить не о существовании общности психического склада народов, какого-то «национального характера», что свойственно, по-видимому, лишь народам доклассового общества, а о существовании некоторых специфических особенностей психического склада у отдельных народов (особенно у сравнительно небольших этнических общностей) и у групп людей (классово-профессиональных, областных и др.), составляющих эти народы.

Вопрос об общности культуры более сложен в связи с обширностью и некоторой неопределенностью понятия культуры. Если конкретизировать это понятие и обратиться, например, к материальной культуре, то мы окажемся перед многочисленными случаями сильной дифференциации элементов этой культуры внутри одного и того же народа (особенно у крупного, части которого обитают в неодинаковых условиях) и, напротив, сильного сходства их у различных народов. Кроме того, материальная культура, тесно связанная со способом производства, обнаруживает тенденцию к нивелировке существовавших некогда различий: нет, по-видимому, ни одной нации, члены которой имели бы только им присущие «национальные» орудия труда, одевались бы только в особую «национальную» одежду и питались бы только особой «национальной» пищей. Что же касается духовной культуры, то, исключая те ее элементы, которые непосредственно связаны с общностью языка, общность ее наблюдается далеко не у всех народов. У капиталистов и пролетариата разная духовная культура. В. И. Ленин неоднократно указывал на наличие двух культур в каждой культуре нации капиталистической эпохи и подчеркивал, что любая попытка доказать общность ее культуры неизбежно ведет к национализму. Таким образом, определяя этническую общность, следует делать упор не на «общность культуры», свойственную в основном лишь ранним формам этнической общности, а на те специфические элементы ее культуры и культурно-бытовые особенности людей, которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этой общности.

Все социальные организмы характеризуются определенным самосознанием входящих в них людей, в противном случае они перестают проявлять себя как единый социальный коллектив, как субъект исторического процесса. Условия материальной жизни людей могут вызвать те или иные общественные явления, только пройдя через сознание людей, отразившись в нем в виде определенных представлений. Для человека, как существа социального, сформировавшегося только в органической связи со становлением человеческого общества, осознание своей принадлежности к более широкому кругу лиц является не только естественным, но и необходимым чувством, дающим ему уверенность в жизни, оправ-

дывающему само его существование на земле. Это полностью относится и к этническим общностям, возникшим раньше многих других общностей, еще на заре человеческой истории, как необходимая форма жизни и форма групповой борьбы за существование. Предпринимавшиеся до сих пор попытки определить понятие этнической общности оказывались на наш взгляд, малоуспешными обычно именно потому, что исследователи старались главным образом составить набор ее признаков, почти не уделяя внимания характеру связей между входящими в нее людьми и отражению этих связей в их сознании.

Этническое самосознание — сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа, возникает в процессе длительной совместной жизни людей под действием ряда факторов. Сильное влияние на его формирование оказывают социальная среда, представление об общем происхождении и общих исторических судьбах и т. д. Будучи одной из форм общественного сознания, этническое самосознание играет видную роль в самом существовании этнической общности, резко отличаясь в этом отношении от весьма проблематичной общности психического склада, с которым его иногда путают. Достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание, подобно другим идеологическим формам, может приобрести известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохраняться довольно длительное время даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате ими своего родного языка. Случаи несовпадения языковой и этнической принадлежности обусловили необходимость применения на практике, для определения национальной принадлежности в переписях населения признака этнического (национального) самосознания, причем признак языка в этих случаях отходит на второе место. Этническое самосознание может оказывать обратное влияние на породившие его факторы, что проявляется, например, в движениях за возрождение родного языка, за политико-территориальное воссоединение и т. д. Не пытаясь решить здесь полностью проблему специфики этнического самосознания, укажем, что от религиозного самосознания оно отличается прежде всего тем, что направлено на народ, а не на какой-то потусторонний объект, от расового — тем, что на первый план выдвигается близость людей не по внешним физическим признакам, а по их языково-культурным и бытовым особенностям.

Этническая общность для устойчивости своего существования и нормального развития стремится, как правило, оформиться и в виде *социальной организации*. Племя, как этническая общность, представляет собой обычно и форму социальной организации. Когда же с возникновением классового общества на смену родо-племенной организации приходит государство, этническая общность обнаруживает тенденцию к государственному оформлению, и недаром почти все национальные движения направлены на создание национальных государств или определенных форм автономии в пределах многонациональных государств. Отличие этнической общности от государственной наиболее четко проступает в государствах многонациональных, где этническое самосознание связано с языковыми и культурно-бытовыми особенностями людей, а у угнетенных национальных меньшинств — и с борьбой за национальное равноправие. В национальных же государствах этническое (национальное) самосознание часто сливается с сознанием принадлежности к государству, с чувством патриотизма и т. п.

Для того, чтобы завершить краткий анализ элементов этнической общности, вернемся к предложенному С. А. Токаревым определению

этой общности. Особо уязвимой представляется та часть определения, где говорится, что этническая общность может быть основана на одном из перечисленных С. А. Токаревым видов социальных связей: «общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)». С этим положением нельзя согласиться, даже откинув такую странную «социальную связь», как «культурный уклад», ибо если этническая общность может быть основана только на языковых связях, то ее невозможно отличить от языковой общности, а если только на государственной принадлежности, то непонятно, чем же она отличается от государственной общности. Однако неосторожнее всего прилагать данное условие к таким «социальным связям», как общность происхождения (проявляющаяся, по С. А. Токареву, яснее всего в «одинаковости антропологического типа») и религия. В качестве примера народа, основанного якобы на общности происхождения, С. А. Токарев приводит негров США, упуская из вида, что предки негритянского населения США были вывезены из различных областей Африки, принадлежали к разным народам и, следовательно, не имели общего этнического происхождения, хотя, конечно, имели сходные расовые черты и определенную, связанную с их новым положением, общность судеб. Само это население в большинстве является мулатским, с различными степенями расового смешения, т. е. не имеет одинаковости антропологического типа и, кроме того, вообще представляет собой не отдельный народ, а особую группу в составе американской нации¹⁷. Неточность формулировок С. А. Токарева тем досаднее, что вопрос о соотношении расы и этноса, расовой и этнической общности действительно сложен¹⁸. В советской науке утвердилось мнение, что между расой и языком нет органической связи, что процесс расообразования и процесс этнообразования в общем не совпадали¹⁹, однако тот факт, что большинство народов мира имеет сравнительно однородный расовый состав (в отношении больших, а в ряде случаев и в отношении малых рас) не представляется случайным. Расовые различия, ясно говорящие о неодинаковом происхождении и исторических судьбах их носителей, несомненно тормозят выработку общего этнического самосознания: для того, чтобы европеоиды, монголоиды и негроиды могли образовывать в Латинской Америке единые народы (кубинский, бразильский и др.), потребовался длительный процесс их биологического смешения с образованием многочисленных переходных расовых типов.

Что же касается религии, то, конечно, религиозная принадлежность, религиозная общность может в некоторых случаях совпадать с этнической, религиозное самосознание, как показывает история средневековой Европы и истории стран Ближнего Востока, иногда оттесняет этническое, но никакая религия сама по себе не может ни установить, ни сохранить этническую общность, а может лишь способствовать этому. Приведенный С. А. Токаревым в качестве примера, демонстрирующего силу религиозных связей, случай евреев, «расселившихся по всему свету и не утративших своей этнической целостности», мало убедителен. Нет сомнения, что иудаизм, как наиболее ярко выраженная «национальная» религия, играл, а во многих странах играет до сих пор, весьма видную роль в жизни евреев, отражаясь в их самосознании и некоторых особен-

¹⁷ См. по этому вопросу М. Я. Берзина, Народы Америки. Численность и расселение народов мира, М., 1962, стр. 289.

¹⁸ Расовая общность, как таковая, имеет не только биологический, но и определенный социальный аспект. См. по этому вопросу: А. В. Ефимов, Социальный аспект биологической категории «раса», сб. «Против расизма», М., 1966.

¹⁹ См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 330.

постоях культуры и быта. Однако древнееврейский народ сложился в основном за несколько столетий до оформления иудаистской религии, а этническое обособление евреев, расселявшихся вначале в странах Европы, объясняется не только религиозными, но и социально-экономическими причинами. Иудаизм не смог удержать этнического единства евреев. Еще в средние века они разделились на две основные группы: сефардскую с языком ладино и ашкеназскую с языком идиш. В последующий период этническая разобщенность групп евреев, живущих в различных странах мира, еще больше усилилась, причем у некоторых из них (в первую очередь у еврейского населения СССР) иудаизм уже утратил значение этнического определителя. Евреи уже давно перестали быть единым народом, у многих групп их не осталось ничего общего кроме одинакового самоназвания, да некоторых, нередко весьма смутных, представлений об общем происхождении и исторических судьбах. Мало убедительны в этом отношении и другие примеры С. А. Токарева²⁰.

В заключение сформулируем определение этнической общности.

Этническая общность — социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся или достигнутой ими по мере развития хозяйственных и социально-культурных связей общности языка, общих черт культуры и быта, ряда общих социальных ценностей и традиций, а также значительного смещения резко отличавшихся расовых компонентов. Основными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации. Эта краткая формулировка не отражает, конечно, всего многообразия действительности и для своего конкретного применения требует, как следует из изложенных примеров, тех или иных дополнений. Совершенно ясно, например, что из-за сильного территориального смещения народов и процессов языковой ассимиляции признак общности языка и территории в полной мере может быть приложен обычно лишь к основному этническому ядру того или иного народа.

Полное раскрытие содержания основных элементов этнической общности может быть дано лишь в нескольких специальных статьях.

SUMMARY

The further studies in the theoretical basis of the national problem and many other important problems of ethnology demand a more precise definition of the concept of an ethnic community («a people»). Under an ethnic community the author understands a social organism formed within a definite area from groups speaking a single language, having certain common traits of culture and everyday customs, certain common social values and traditions, usually a homogeneous racial composition or gradual shading off between racial components; such groups are usually linked by economic, social, cultural and other ties with each other to maintain the existence and development of the social organism. Ethnic communities are characterized by a common ethnic consciousness, name, language, psychological traits, culture and mode of everyday life, a definite social—territorial organization or, if this is absent, an aspiration for such an organization.

²⁰ Не рассматривая подробно эти довольно сложные случаи, отметим, что упомянутые С. А. Токаревым марониты в советской этнографической литературе считаются не особой этнической общностью, а частью (религиозной группой) ливанского народа, йезиды — религиозно-сектантской группой курдского народа, а сикхи — частью панджабцев.

В. В. Седов

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ БЕЛОРУСОВ

(ПРОБЛЕМА БАЛТСКОГО СУБСТРАТА
В ЭТНОГЕНЕЗЕ БЕЛОРУСОВ)

Общность происхождения русского, украинского и белорусского народов и их языковая близость не подлежат сомнению. Бесспорно, что русские, украинцы и белорусы и их языки сформировались на основе древнерусской народности. Общее происхождение трех восточнославянских народностей отчетливо выявляется по языковым данным¹. Этот тезис достаточно аргументирован археологическими² и этнографическими материалами³. Основным вопросом в изучении проблемы формирования белорусов является выяснение и анализ тех причин, которые вызвали обособленное языковое и этнографическое развитие верхнеднепровско-двинско-неманской части древнерусской народности. Конечным результатом этого процесса и явилось образование белорусской народности с самостоятельным восточнославянским языком.

В работах историков конца XIX в. получило распространение мнение, согласно которому основной причиной, нарушившей этническое и языковое единство древнерусской народности и приведшей к образованию белорусской народности, было включение западной части древнерусских земель в состав Литовского государства. Под влиянием этого мнения оказался и Е. Ф. Карский, который впервые попытался разобраться в процессе формирования и генезиса белорусов⁴. Этот крупнейший белорусовед на основе обстоятельного анализа комплекса языковых данных показал, что сложение белорусской этнической общности относится к XIII—XIV вв., а ее окончательное оформление произошло несколько позже. Е. Ф. Карский полагал, что белорусская народность сложилась в результате скрещивания различных восточнославянских племен — дреговичей, радимичей, полочан, кривичей и частично неславянских племен — ятвягов и голяди. Сближение этих племен, по его мнению, усилилось в период феодальной раздробленности, а окончательное сплочение в единую народность обусловлено распространением литовского владычества в XIII—XIV вв.

По-иному представлял себе образование белорусского языка и народности А. А. Шахматов⁵. Не отрицая восточнославянского единства

¹ Е. Ф. Карский, *Белорусы*, т. I, Варшава, 1903, стр. 82—109, Т. П. Ломтев, *Белорусский язык*, М., 1951, стр. 11; С. Б. Бернштейн, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, М., 1961, стр. 40, 41.

² Общность восточнославянской культуры XI—XII вв. очевидна по древнерусским курганным материалам и по раскопкам древнерусских городов.

³ С. А. Токарев, *О культурной общности восточнославянских народов*, «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 21—31.

⁴ Е. Ф. Карский, *Указ. раб.*, т. I, стр. 63—118; его же, *Русская диалектология*, Л., 1924, стр. 81—83, 117.

⁵ А. А. Шахматов, *К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей*, «Журнал Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП), ч. 322, 1899, стр. 324—384; его же, *Введение в курс истории русского языка*, ч. I — Исторический процесс образования русских племен и наречий, Пг., 1916; его же, *Древнейшие судьбы русского племени*, Пг., 1919.

этот исследователь полагал, что уже в начальном периоде прарусский (древнерусский) язык распался на три составные части: южное, северное и восточное наречия. Южное наречие прарусского языка, отмечал А. А. Шахматов, легло в основу украинского языка, а северная часть прарусских говоров привела к сложению северновеликорусского наречия. Основой юновеликорусского наречия стала восточная ветвь восточной части прарусского языка. Этнической основой белорусского языка была западная ветвь того же прарусского наречия, с которой смешались «ляшские» племена радимичей и вятичей. Расселением последних А. А. Шахматов объяснял присутствие в белорусском языке фонетических особенностей, однотипных с польской фонетикой (дзеканье, твердое «р», шепелявость).

Гипотеза А. А. Шахматова о происхождении белорусской народности не получила признания в историко-лингвистической литературе. Весьма слабым звеном в построении А. А. Шахматова явилось отнесение радимичей к «ляшским» племенам. Последняя догадка подверглась основательной критике и в настоящее время не находит сторонников.

В последующее время проблемой происхождения белорусов занимались исключительно историки, принявшие полностью мнение Е. Ф. Карского⁶. В. И. Пичета, правда, отметил, что «было бы ошибочным объяснять образование белорусского народа только политическим объединением Западной Руси в пределах Литовского государства... Ведь Литовское государство не было централизованным государством. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская пользовались достаточно широко внутренней автономией, тогда как Полесье, среднее Поднепровье, Минщина были более тесно связаны с основными литовскими землями»⁷. Вместо фактора политического, В. И. Пичета выдвинул на первый план экономические мотивы. По его мнению, изначальным моментом процесса формирования белорусской народности является установление экономических связей между отдельными областями Западной Руси.

Отсутствие достаточного конкретного материала, свидетельствующего в пользу развития экономических связей между западнорусскими землями в XIII—XV вв., делает построения В. И. Пичеты схематичными. История Великого княжества Литовского не располагает какими-либо данными, свидетельствовавшими об активном участии в оживленных экономических связях основной массы сельского населения территории Белоруссии. Ведь феодальное хозяйство было в своей основе натуральным. Лингвистические, археологические и этнографические материалы остались вне поля зрения В. И. Пичеты.

В последнее время большую работу по этногенезу белорусов проводит этнограф М. Я. Гринблат. Наиболее ценным в его исследованиях являются реконструкция белорусской этнографической территории XVI в. и периодизация этнической истории белорусов. Что касается проблемы формирования белорусов, то М. Я. Гринблат исходит из положения, согласно которому основным фактором образования белорусской народности было политическое обособление (включение в состав Литовского государства) потомков дреговичей, смоленско-полоцких кривичей и ра-

⁶ В. И. Пичета, Образование белорусского народа, «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 3—29. Статья включена в кн.: В. И. Пичета, Белоруссия и Литва XV—XVI вв., М., 1961, стр. 395—632; А. П. П'янкoў, Паходжанне беларускага народа, Мінск, 1948; Л. В. Черепнин, Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации», М.—Л., 1958, стр. 54—77.

⁷ В. И. Пичета, Белоруссия и Литва XV—XVI вв., стр. 619, 620.

димичей, будто бы сохранивших от племенной эпохи местные различия в языке, материальной и духовной культуре⁸.

Предположение, что языковые и этнографические признаки, свойственные белорусской народности, имелись, хотя бы в зачаточном состоянии, у восточнославянских племен, составлявших ядро белорусов, является догадкой, не имеющей под собой каких-либо оснований. Напротив, археологические материалы показывают, что дреговичи до их расселения севернее Припяти имели одинаковую культуру не с кривичами и радимичами, а с древлянами и волянянами и позднее были близки с последними⁹. Кривичи же пришли в Подвинье и Смоленщину с другой стороны и своим происхождением связаны с северо-западной («прабалтской») раннеславянской диалектной группой¹⁰. Иное происхождение и радимичей¹¹. Следовательно, дреговичи и радимичи, составившие ядро белорусской народности, не могли быть носителями языковых и этнографических особенностей, ставших позднее характерными для белорусов. Изучение племенных территорий дреговичей, кривичей и радимичей в связи с белорусскими этнографическими границами показывает, что сложение белорусской этнической территории происходило вне какой-либо зависимости от старых племенных границ (рис. 1). Очевидно, была какая-то иная сила, объединившая разнородные элементы, спаявшая их в одну народность.

Мысль о сложении этнической общности исключительно на основе политической (государственной) территории не оправдана ни с лингвистической, ни с историко-этнографической точек зрения. Невозможно себе представить, что восточнославянское население стало произносить мягкие *д* и *т* как *дз* и *ц*, звук *р* — твердым, а произношение ударных и неударных *а*, *о*, *е*, *я* начинает различаться и т. п. только потому, что оно стало подвластно литовскому князю. А ведь белорусский язык отличается от других восточнославянских языков комплексом фонетических, морфологических и синтаксических особенностей.

Сопоставление политических границ Литовского государства с этнографической границей территории белорусов также не свидетельствует в пользу того, что формирование белорусов произошло в связи с включением северо-западных земель Древней Руси в состав Литовского государства. Так, в первой половине XIV в. (до 1341 г.) восточная граница Литовского государства разрезала этнографическую территорию белорусов пополам примерно по линии Велиж — Красный — Могилев — Игумен — Слуцк — устье Уборти¹². Между тем на восток от этой линии, вне пределов Литовского государства уже в XIII в. в памятниках письменности (договорная грамота Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.) появляются некоторые особенности, ставшие характерными для белорусских диалектов¹³. Позднее, во второй половине XIV в. и в XV в. государственная территория Литовского княжества распространилась до бассейна верхнего Дона на востоке и до Черного моря на юге. Между

⁸ М. Я. Гринблат, Некоторые результаты изучения проблемы происхождения белорусской народности, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVIII, 1958, стр. 3—8; его же, Основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности, М., 1964.

⁹ В. В. Седов, О юго-западной группе восточнославянских племен, «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 197—203.

¹⁰ В. В. Седов, Кривичи, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 47—62; П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 283.

¹¹ В. В. Седов, Из истории восточнославянского расселения, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», 104, 1965, стр. 8—11.

¹² В. Т. Пашуто, Образование Литовского государства, М., 1959, карта 1.

¹³ Т. П. Ломтев, Указ. раб., стр. 6.

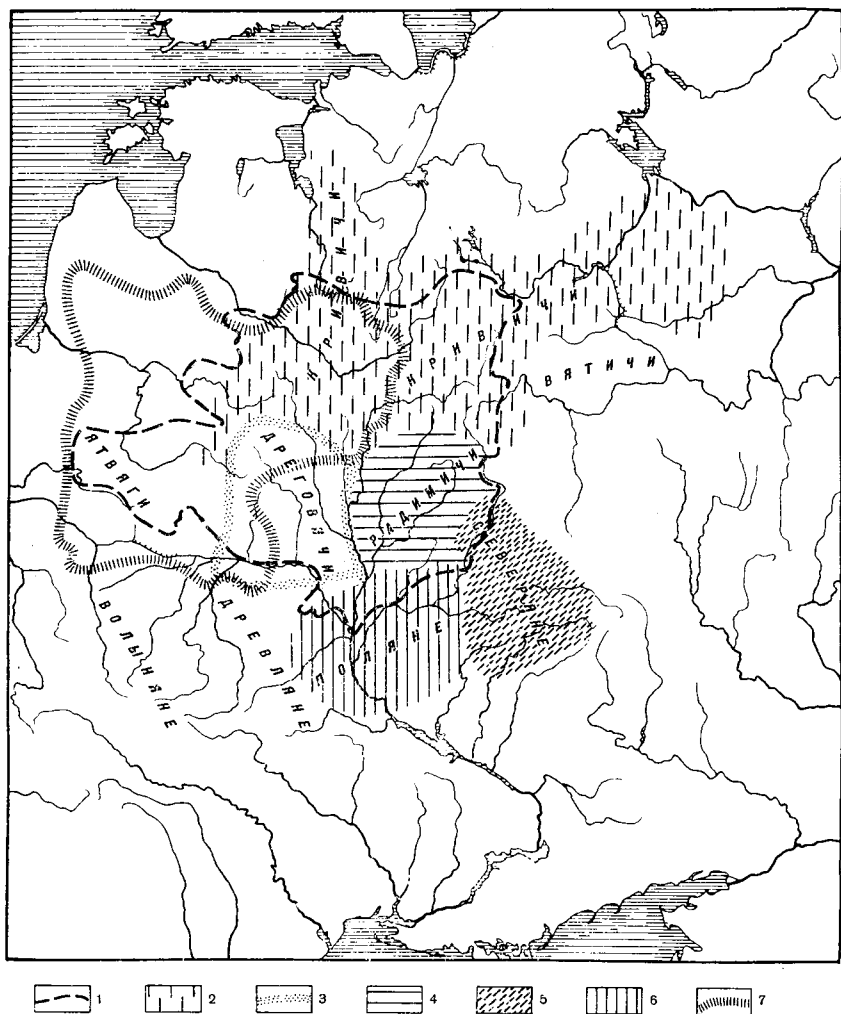

Рис. 1. Белорусская этнолингвистическая территория и археологические ареалы восточнославянских племен

1 — белорусская территория (по Е. Ф. Карскому); 2 — ареал кривичей; 3 — ареал дреговичей; 4 — ареал радимичей; 5 — ареал северян; 6 — ареал полян; 7 — граница Литовского государства (по В. Т. Пашуто) в период формирования белорусов (XIII — первая половина XIV в.)

тем этнографическая граница белорусов ограничивается на востоке поречьем Десны и на юге Припятью. Очевидно, образование и формирование белорусской языковой и этнографической общности не находится в прямой зависимости от политической истории. Предпосылки сложения отдельной восточнославянской единицы — белорусов, нужно, видимо, искать глубже и прежде всего в этнической истории Верхнего Поднепровья и Белоруссии.

Дославянским населением той части Восточной Европы, где происходило формирование белорусов, были балтские племена¹⁴. Сохранение

¹⁴ Ареал формирования белорусов несколько шире современной территории Белорусской ССР. Области формирования белорусской этнографической единицы и ее языка очерчены Е. Ф. Карским (Е. Ф. Карский, К вопросу об этнографической карте

на территории Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья значительного числа водных названий балтского происхождения¹⁵ предполагает, что славяне-пришельцы не только застали здесь балтоязычное население, но какое-то время жили с ним на одной территории, постепенно смешиваясь с аборигенами. Высказываемая ранее мысль об отступлении балтского этнического элемента в северо-западном направлении в процессе славянского расселения в настоящее время не представляется приемлемой. Последствием славянского расселения была ассимиляция балтов. Об этом красноречиво свидетельствуют и значительность балтского гидронимического напластования и славянизированные фонетический облик верхнеднепровских гидронимов балтского происхождения¹⁶.

Участие балтского этнического элемента в формировании славянского населения белорусской этнографической территории находит подтверждение в археологических материалах. Наиболее ранние балтские элементы обнаруживаются в захоронениях длинных курганов смоленско-полоцкой группы кривичей¹⁷. Это — головные венки латгальского типа (вайнаги), остатки которых найдены в ряде длинных курганов Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, шейные гривны латгальских типов, височные украшения, имеющие прототипы в балтских гривнах, и некоторые типы привесок. Бесспорной балтской особенностью являются также конские захоронения. Последние совсем не свойственны славянскому погребальному ритуалу и, наоборот, весьма специфичны для погребальной обрядности прусских и древнелитовских племен¹⁸.

Еще больше балтских элементов в славянских курганах Верхнего Поднепровья и Белоруссии, относящихся к IX—XIII вв. Они проявляются как в вещевых инвентарях (рис. 2), так и в деталях погребальной обрядности. Говоря о балтских элементах в курганных инвентарях, мы имеем в виду не импортные предметы. Прибалтийский импорт по вполне понятным причинам не может быть использован для каких-либо этнических выводов. Речь идет исключительно о местных украшениях, имеющих прототипы или аналогии в вещевых коллекциях древних литовско-латышских племен.

белорусского племени, СПб., 1902; его же, *Этнографическая карта белорусского племени*, Пг., 1917). Территория белорусских говоров, намеченная авторами «Опыта диалектологической карты русского языка», близка к ареалу, обрисованному Е. Ф. Карским (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*, М., 1915). Восточные районы белорусской территории (Смоленщина и Брянщина), начиная с XVI в. испытывали сильное влияние русских говоров. Ныне эти говоры имеют бесспорную белорусскую основу, но их нельзя назвать белорусскими (П. А. Расторгуев, *Говоры на территории Смоленщины*, М., 1960, стр. 184). Этнографические материалы также свидетельствуют о том, что еще в XVI в. белорусы кроме современной территории БССР занимали южные районы Псковской области, Смоленщину и часть Брянщины (М. Я. Гринблат, *Некоторые результаты изучения проблемы происхождения белорусской народности*, стр. 7, 8).

¹⁵ А. А. Кочубинский, *Территория доисторической Литвы*, ЖМНП, 1897, I, стр. 60—94; K. Buga, *Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung, «Streitberg Festgabe»*, Leipzig, 1924, стр. 22—35; M. Vasmer, *Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Die Ostgrenze der baltischen Stämme*, Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1932, стр. 637—666; В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*, М., 1962.

¹⁶ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, *Указ. раб.*, стр. 159—173.

¹⁷ В. В. Седов, *Кривичи*, стр. 60, 61.

¹⁸ Р. К. Куликаускас, *Погребения с конями у древних литовцев*, «Сов. археология», XVII, 1953, стр. 211—222; В. Н. Перцев, *Культура и религия древних пруссов*, «Ученые записки Белорусского университета», вып. 16, серия историческая, Минск, 1953, стр. 347.

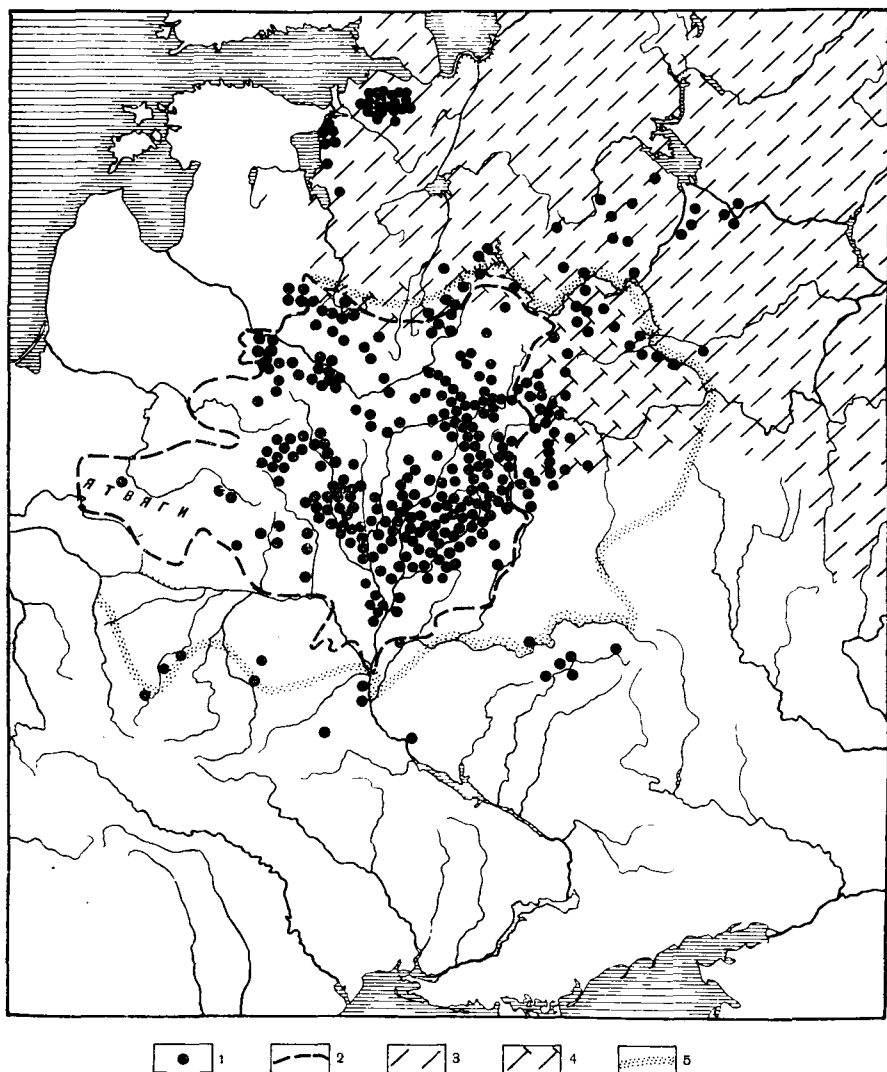

Рис. 2. Балтские элементы в древнерусских курганах

1 — курганные могильники с находками предметов балтского происхождения; 2 — граница белорусской этнолингвистической территории (по Е. Ф. Карскому); 3 — ареал финно-угорской гидронимии в пределах Древней Руси; 4 — область балтского гидронимического напластования на древней финноугорский слой; 5 — граница ареала балтской гидронимии

К ним прежде всего относится головной убор, состоящий из нескольких рядов спиральных пронизок, разделенных пластинами-бляшками (латгальские вайнаги). Это украшение является весьма характерным для некоторых раннесредневековых балтских племен¹⁹. Имеются достаточные основания полагать, что аналогичный головной убор в дославянское время бытовал на восточной окраине балтского мира, т. е. в

¹⁹ A. Zarina, *Latgalu vainagi laika no 6. līdz 13. gadsimtam*, «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 79—94; R. Volkaite-Kulikauskienė, *Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai*, «Iš lietuvių kultūros istorijos», II, Vilnius, 1959, стр. 46—48.

Верхнем Поднепровье, в бассейне Западной Двины и даже на верхней Оке. В пользу такого предположения, помимо обнаруженных остатков вайнаги в длинных курганах кривичей, свидетельствуют находка на Мошинском городище²⁰ и распространенность подобных украшений в могильниках Рязанского Поочья и в средневековых мордовских погребениях, куда они были занесены, по всей вероятности, балтами-пришельцами²¹. В древнерусских курганных могильниках IX—XIII вв. вайнаги встречаются на Смоленщине и Полоцко-Витебском Подвинье (Дымово, Арефино, Слобода, Стерж, Торопец, Остенец, Федотково, Такелево, Чилипино, Овсиновка).

Широкая распространенность украшений со змеиноголовыми концами в Прибалтике связана с бытованием у балтских племен культа змеи²². В древнерусских курганах браслеты со змеиными головками на концах имеют строго ограниченный ареал. Основная часть их происходит из Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья, т. е. той части Восточной Европы, где до прихода славян жили балты. Вне древнего балтского ареала змееголовые браслеты найдены лишь в районах древнерусской территории, колонизованных днепро-двинскими кривичами. Очевидно, такие браслеты получили распространение только в тех древнерусских землях, где славяне соприкасались с балтским населением.

Теми же районами ограничено распространение в древнерусских курганах и спиральных браслетов. Широкое бытование последних в прибалтийских памятниках общеизвестно. В восточнославянских курганах спиральные браслеты сравнительно немногочисленны и встречены исключительно в тех местах, где славяне соприкасались с балтским населением. Таковы области Верхнего Поднепровья и Белоруссии, а также северо-западные районы Новгородской земли, балтский элемент в колонизации которых очевиден.

К балтской по происхождению детали восточнославянского костюма нужно отнести также подковообразные застёжки. Подковообразные застёжки самых разнообразных типов принадлежат к числу излюбленных украшений балтских племен, начиная с эпохи раннего железа. В отдельных местностях Прибалтики они дожили до XIX в. Правда, эти украшения не являются исключительно балтскими и известны у некоторых других восточноевропейских племен и народов. Однако для восточнославянского костюма подковообразные застёжки не характерны. В курганах волынян, древлян, полян, северян, вятичей такие предметы почти не встречаются. Зато подковообразные застёжки обычны в курганах смоленско-полоцких кривичей, радимичей и дреговичей, т. е. на землях, прежде занятых балтоязычным населением²³. Подковообразные пряжки неоднократно встречены в памятниках верхнеднепровских и

²⁰ Н. И. Булычев, Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, рис. XII, 10. Исследователь описал эту находку, как остатки пояса с бронзовыми накладками (стр. 19). Ошибку исправил уже А. А. Спицын (А. А. Спицын, Предметы с выемчатой эмалью, «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 178, рис. 243).

²¹ В. В. Седов, Рязанско-Окские могильники, «Сов. археология», 1966, № 4.

²² Ф. Д. Гуревич, Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. К вопросу о культе змеи в Прибалтике, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XV, 1947, стр. 68—76; Э. Д. Шноре, Асотское городище, Рига, 1961, стр. 32.

²³ Аналогичные предметы найдены также в тех областях Древней Руси, в колонизации которых приняли участие выходцы из Верхнего Поднепровья и Подвинья. В частности подковообразные застёжки довольно часты в курганах северо-западной части Новгородской земли.

верхневолжских балтов I тысячелетия н. э.²⁴ Это дает основание полагать, что подковообразные застёжки, составляющие локальную особенность верхнеднепровско-двинско-понеманской части восточного славянства, являются местной балтской традицией.

К числу бесспорных балтских традиций в древнерусской курганной коллекции принадлежат также шейные гривны с заходящими концами, завершающимися розеткообразными бляшками. Их балтские аналогии уже отмечались в археологической литературе²⁵. В древнерусских курганах такие гривны встречены на территории, прежде занятой балтскими племенами²⁶.

Звздообразные пряжки были широко распространены в древности у литовско-латышских племен²⁷. На древнерусской территории они опять-таки строго ограничены районами, прежде занятыми балтским населением. Звздообразные пряжки встречены в районе себежских озер, в бассейне Западной Двины и в Верхнем Поднепровье. Днепровско-двинские пряжки не идентичны латгальским. Треугольные лучи первых обычно завершаются шарообразными головками, а концы лучевых выступов литовско-латышских находок имеют плоские закругления. Таким образом, всякое предположение об импорте звздообразных пряжек из Прибалтики исключается.

Еще одной локальной особенностью белорусской этнолингвистической территории являются курганы с труположениями на кострищах. Последние плотной массой сосредоточены в области расселения смоленско-полоцких кривичей, дреговичей и радимичей, т. е. на землях, прежде занятых балтским населением. Очень возможно, что эта деталь древнерусского погребального ритуала является реликтом погребальной обрядности дославянского населения Верхнего Поднепровья и Полоцко-Витебского Подвинья. Во всяком случае, в тех древнерусских областях, где славяне не соприкасались с балтами, эта особенность погребальной обрядности почти не встречается. Граница сплошного распространения древнерусских курганов XI—XII вв. с остатками кострищ под погребениями нигде не выходит за пределы ареала балтской гидронимии. Правда, в погребениях верхнеднепровских балтов I тысячелетия н. э. аналогичной детали погребального ритуала не прослеживается. Зато остатки подобных ритуальных кострищ обычны в основаниях восточнолитовских курганов второй половины I тысячелетия н. э.²⁸

Сопоставление ареала перечисленных элементов древнерусских курганов с этнолингвистической картой белорусов выявляет их значительное совпадение. Таким образом, своеобразие той части восточнославянских земель, где позднее сформировалась белорусская этническая общность, заключается в значительном присутствии балтских элементов. На основе сопоставления этнографической карты белорусов с картами археологической и гидронимической можно утверждать, что в формировании белорусов бесспорная роль принадлежит балтскому этническому субстрату.

²⁴ П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 66, рис. 37, 12; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины, М.—Л., 1963, рис. 4 и 22, 11.

²⁵ Б. А. Рыбакоў, Радзімічы, «Працы сэкцыі археалёгіі Беларускай акадэміі навук», III, Менск, 1932, стр. 91.

²⁶ В шести пунктах в области расселения радимичей, один раз — на территории смоленских кривичей, дважды — в северянской земле и один раз — в Западном Подмоськовье.

²⁷ Э. С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв., Рига, 1965, стр. 90.

²⁸ Ф. В. Покровский, К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, «Труды IX Археологического съезда», т. II, М., 1897, стр. 138—196.

Еще одна интересная особенность древнерусской погребальной обрядности должна быть отнесена к балтскому ритуалу. Древнерусскими курганным трупоположениям, ориентированным к востоку, мною посвящена специальная работа²⁹, суть и выводы которой, сохраняющие силу и в настоящее время, заключаются в следующем.

1. Абсолютное большинство курганных захоронений на древнерусской территории (свыше 95%) ориентировано головой на запад (включая северо-запад и юго-запад), что характерно для всех восточнославянских племен и восходит к дохристианской эпохе.

2. Древнерусские курганные трупоположения, ориентированные к востоку, сконцентрированы главным образом в той части Восточной Европы, где до расселения славян жили балты. Учитывая распространенность такого обычая у некоторых летто-литовских племен, закономерно предположение о появлении этого ритуала в древнерусских курганах под воздействием местной балтской традиции.

3. Это предположение подтверждается анализом вещевых инвентарей (в мужских захоронениях, ориентированных к востоку, сравнительно часто встречаются украшения и оружие, реже — глиняные сосуды)³⁰.

4. Весьма существенным аргументом в пользу разноэтничного происхождения древнерусских курганных погребений с западной и восточной ориентировкой являются палеоантропологические материалы, обнаруживающие различное строение черепов тех и других скелетов.

5. В восточной ориентировке погребенных в древнерусских курганах следует видеть наследие погребального ритуала ассимилированных балтов. В этих курганах погребены главным образом славянизированные балты.

Карта древнерусских курганных могильников с погребенными головой к востоку (рис. 3) опять-таки подчеркивает активное участие балтского населения в формировании той части восточного славянства, на основе которого в XIII—XIV вв. происходило сложение белорусов.

О значительном участии местных балтских племен в формировании раннесредневекового славянского населения Верхнего Поднепровья и современной Белоруссии можно судить и по данным палеоантропологии. Антропологическая карта Восточной Европы X—XIV вв. оказалась отличной от синхронной археологической карты. Предпринятые исследователями попытки найти антропологическое выражение племенной дифференциации восточного славянства, детально разработанной археологами, оказались безуспешными. Зато при сопоставлении средневековой антропологической карты Восточной Европы с археологическими картами предшествующего времени и с гидронимической картой, отражающей этногеографию дославянской эпохи лесной полосы Восточной Европы, выявилось их значительное соответствие (рис. 4)³¹. По-видимому

²⁹ В. В. Седов, Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси, «Сов. археология», 1961, № 2, стр. 103—121.

³⁰ Против этого тезиса выступила Г. Ф. Соловьева (К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. «Сов. археология», 1963, № 2).

³¹ Карта составлена по данным, опубликованным Г. Ф. Дебецем (Г. Д э б е ц, Ча рапы Люцынскага магілёнку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх ў па леаантропалёгіі усходняй Эўропы. «Працы секцыі археалёгіі Беларускай Акадэміі На вуц», III, Менск, 1932, стр. 69—80; Г. Ф. Д е б е ц, Палеоантропология СССР, М.—Л. 1948), Т. А. Трофимовой (Т. А. Т р о ф и м о в а, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 91—136), Т. И. Алексеевой (Т. И. А л е к с е е в а, Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья, «Вопросы антропологии», вып. 1, М., 1960, стр. 97—101; е е ж е, Краниология средневекового населения верховья бассейнов Волги и Днепра, там же, вып. 8, М., 1961, стр. 140—143) и М. С. Великановой. (М. С. В е л и к а н о в а, К антропологии средневековых славян Прутского Днепровского междуречья, «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 37—53).

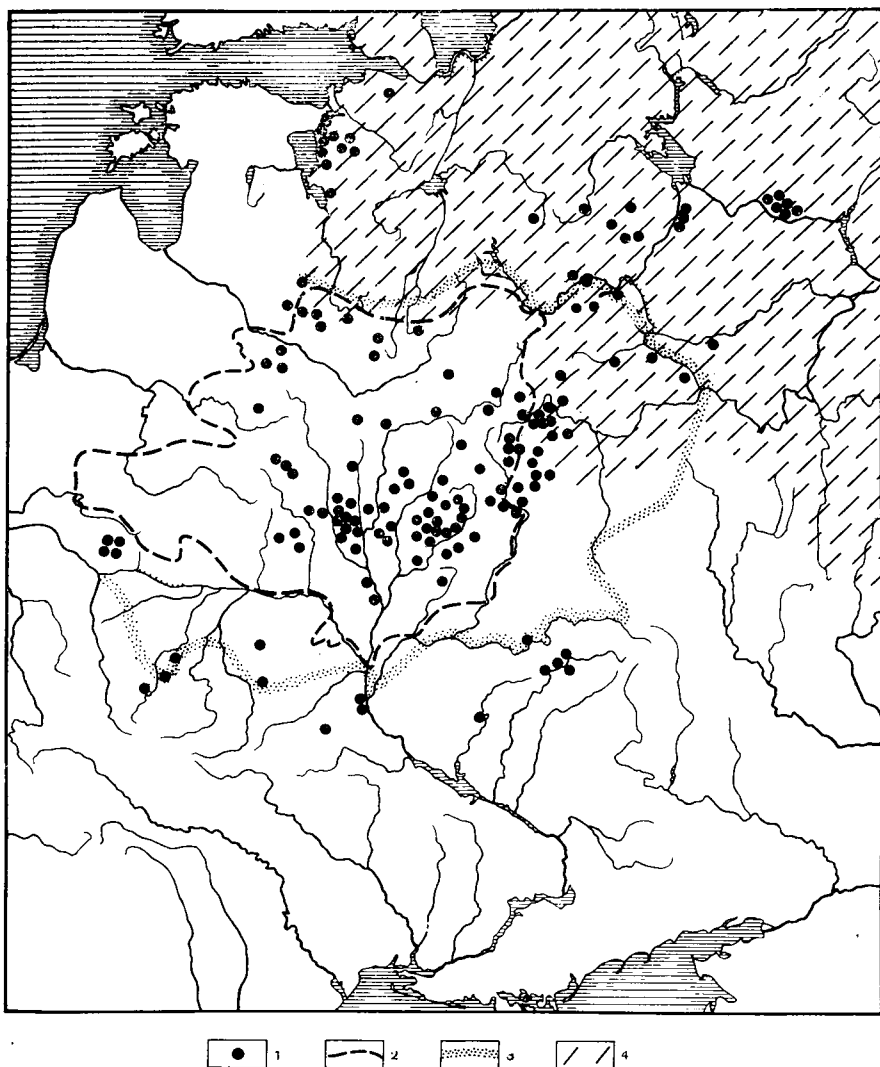

Рис. 3. Древнерусские курганные могильники с восточной ориентировкой погребенных

1 — курганные могильники с труположениями, обращенными головой к востоку; 2 — граница белорусской этнолингвистической территории; 3 — граница ареала балтской гидронимии; 4 — ареал финно-угорской гидронимии

славянское расселение в лесной полосе Восточной Европы не внесло существенных изменений в антропологическую карту этой земли. Славянское проникновение в среду балтских и финноязычных племен носило мирный характер и не вызывало отступления аборигенов.

Черепы из курганов бассейнов верхних течений Днепра, Западной Двины и Немана, т. е. той территории, где происходило формирование белорусской этнолингвистической общности, принадлежат к долихокранному среднелищному антропологическому типу³².

³² Отмеченные в моей статье «Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья» («Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 12—18) относительно широколицые серии курганных черепов Белоруссии входят в состав этого антропологического типа, являясь вариантом его.

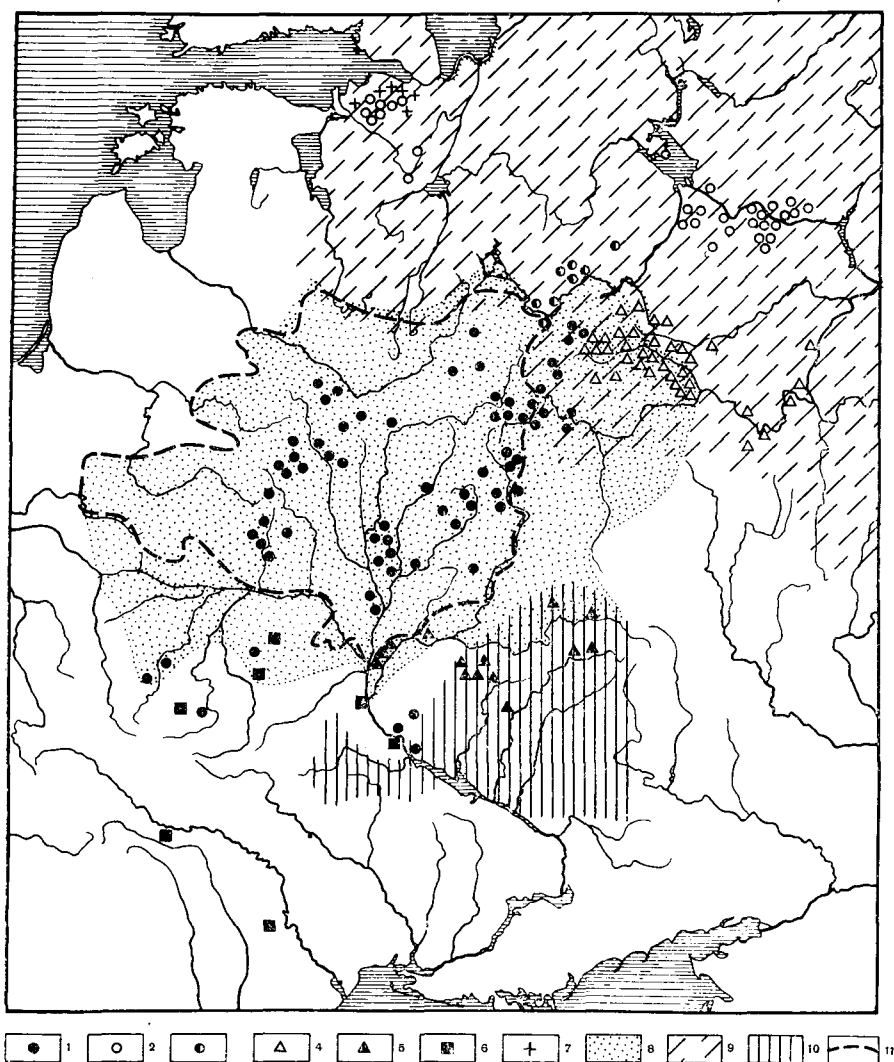

Рис. 4. Антропологические типы восточного славянства в X—XIII вв.
 1 — долихокранный среднелищный антропологический тип; 2 — суббрахикранный среднелищный тип; 3 — серии черепов, занимающие среднее положение между первым и вторым типами; 4 — долихокранный узколищный тип; 5 — мезокранный среднелищный тип; 6 — мезокранный относительно широколищный тип; 7 — суббрахикранный относительно широколищный с небольшой монголоидной примесью; 8 — ареал балтской гидронимии; 9 — ареал финно-угорской гидронимии; 10 — ареал иранской гидронимии в днепровской лесостепи; 11 — граница белорусской этнолингвистической территории

В эпоху раннего средневековья распространение этого антропологического типа в деталях совпадает с ареалом древних балтских племен, установленным по данным гидронимии и археологии. Сопоставление краниологических данных верхнеднепровских и верхнедвинских славян с антропологическими материалами смежных этнических групп обнаруживает их ближайшее сходство с некоторыми группами раннесредневе-

ковых балтов³³. В связи с этим закономерно предположение о формировании длинноголового среднелицевого антропологического типа территории Белоруссии и Верхнего Поднепровья на основе балтского субстрата. Ведь этот антропологический тип образовался исключительно в тех областях Восточной Европы, где до прихода славян жили балты и где по археологическим материалам обнаруживается участие балтского субстрата в формировании раннесредневекового славянства.

К такому же выводу склоняет и анализ антропологических данных современного населения Восточной Европы (рис. 5). Исследователями уже отмечено значительное соответствие антропологической карты Восточной Европы раннего средневековья с современной антропологической картой³⁴. Валдайско-верхнеднепровский антропологический комплекс, к которому принадлежат белорусы, русское население Верхнего Поднепровья и восточные литовцы, сформировался, по всей вероятности, на основе долихокранного среднелицевого антропологического типа раннего средневековья, ареалы которых совпадают. При определении места валдайско-верхнеднепровского антропологического комплекса обнаруживается его значительное сходство с прибалтийским, локализуемым на восточном побережье Балтийского моря (т. е. в области расселения древних пруссов, на территории Литвы, Латвии и Эстонии).

Таким образом, антропология вслед за археологией дает основание считать, что славянское население Верхнего Поднепровья и территории Белоруссии сложилось в значительной степени за счет ассимиляции местных балтов. Никаким другим обстоятельством сочетание средневекового долихокранного среднелицевого антропологического типа и современного валдайско-верхнеднепровского комплекса исключительно в пределах древнего балтского региона объяснить невозможно.

Этнография обнаруживает значительное число общих черт, свойственных как белорусам, так и современным балтским народностям. Какая-то часть их объясняется взаимными культурными влияниями этих народов, соседствующих на протяжении многих столетий. Другая часть белорусско-балтских этнографических особенностей не может быть объяснена маргинальным контактом, к тому же она восходит к весьма отдаленной древности.

К числу последних относится культовое почитание змей, весьма характерное для всех балтских племен, а из восточнославянских народностей распространенное только на белорусской этнолингвистической территории. Культ змеи у балтов уходит в глубокую древность и связан с их языческими верованиями. Средневековые историки сообщают о распространенности поклонения змеям среди прусских племен. Т. Нарбут приводит свидетельство Иеронима Пражского о широком бытовании этого культа в языческой Литве³⁵. Следы его в отдельных местах Литвы дожили до XX в. В славянской языческой мифологии культ змеи неизвестен. Между тем среди славянского населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии, т. е. на всем пространстве расселения восточных балтов,

³³ Г. Дэбес, Чарапы Люцынскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх ў палеоантропалёгіі ўсходняй Эўропы, стр. 69—80; «Нукшинский могильник», Рига, 1957, стр. 54, табл. 2; «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 88, 1965, стр. 252.

³⁴ Т. И. Алексеева, Антропологические материалы к этногенезу восточных славян, «Сов. археология», 1964, № 3, стр. 88—98.

³⁵ В. Н. Перцев, Указ. раб., стр. 333—343.

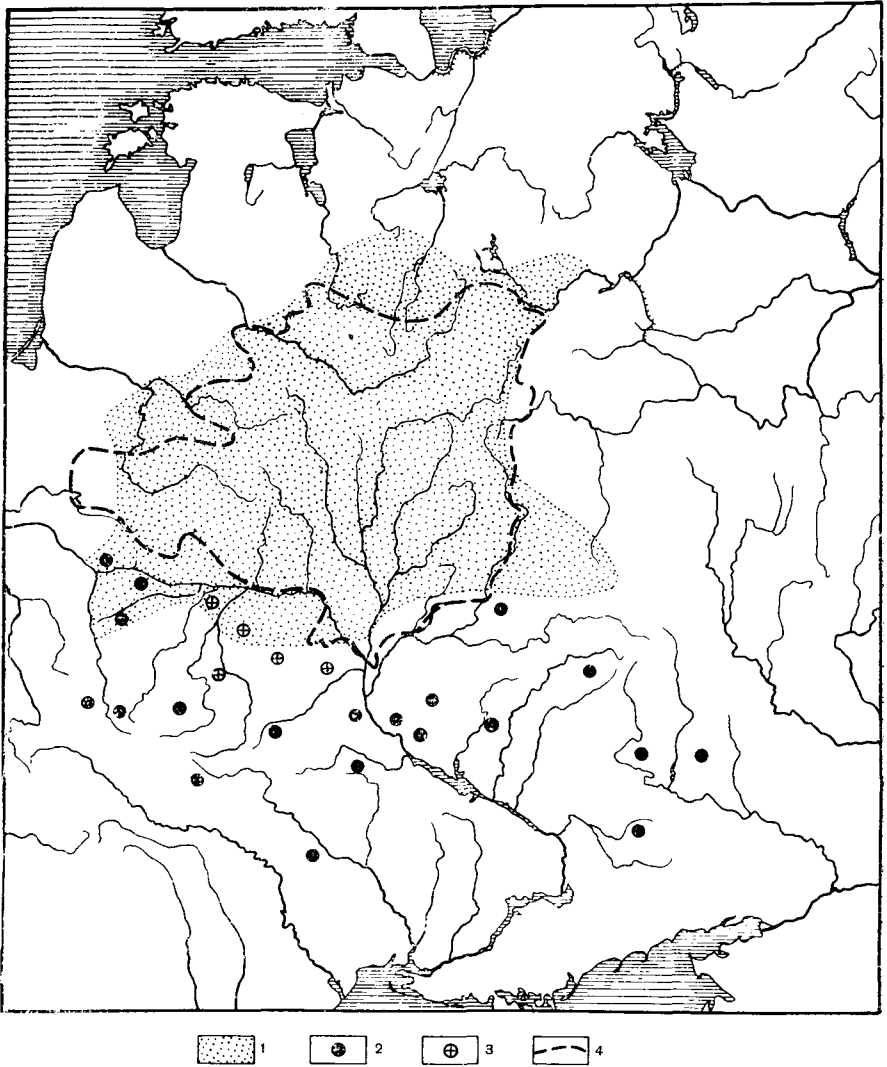

Рис. 5. Валдайско-верхнеднепровский антропологический тип и белорусская территория
 1 — валдайско-верхнеднепровский антропологический комплекс (по Т. И. Алексеевой); 2 — центральноукраинский антропологический тип (по В. Д. Дяченко); 3 — полесский антропологический тип (по В. Д. Дяченко); 4 — граница белорусской этнолингвистической территории

исследователями зафиксированы бесспорные отголоски змеиного культа, аналогичного тому, что был распространен у литовцев³⁶.

Культ камня в Белоруссии³⁷ восходит к древнейшей эпохе и связан с балтскими языческими представлениями. Аналогичное культовое по-

³⁶ Н. И. Костомаров, Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории, «Русское слово», 1860, V, стр. 20; Е. Н. Клетнова, Остатки змеиного культа в пределах Смоленской губернии, «Научные известия Смоленского университета», т. II, Смоленск, 1924, стр. 149—159.

³⁷ М. Мялешка, Камень у вераньнях і паданьнях беларуса, «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук», кн. 4, Менск, 1928, стр. 155—182.

клонение камням общеизвестно также в Литве и Латвии³⁸. Культовое почитание камня в разных видах сохранилось в белорусской земле и в славянское время, его отголоски дожили там до XIX в. Культ камня у белорусов является субстратным элементом, так как подобный ритуал почти не известен в землях других славян.

Среди общих балто-славянских элементов одежды³⁹ многие распространены исключительно в Белоруссии и Верхнем Поднепровье, т. е. в пределах балтского гидронимического ареала. «Белорусский» тип лаптей в недавнем прошлом был распространен на всей белорусской этнолингвистической территории, а также у восточных литовцев и латышей. Предположение о позднем происхождении обуви в этом регионе, учитывая сырое лето и суровую зиму, кажется невероятным. Неприемлема догадка и о славянском происхождении «белорусского» типа лаптей, ибо такие лапти не известны ни в тех местах, откуда пришли славяне в области Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья, ни в других районах, колонизованных теми же славянскими племенами. Остается допустить, что этот тип лаптей бытовал на территории современных белорусов, литовцев и латышей еще в глубокой древности, когда эта область была занята восточнобалтскими племенами, от которых он перешел к белорусам, восточным литовцам и латышам.

Допустимо предположение о субстратном происхождении в славянской среде женской поясной несшитой одежды из клетчатой ткани, которую носили недавно и белорусы и литовцы, а также головного убора, называемого у белорусов «наметкой» (восточнолитовская «puometas», латгальская «numets»). В восточнославянских областях эти типы женской одежды строго ограничены древним балтским ареалом.

Общие элементы выявляются и при изучении белорусских и литовско-латышских построек. Многие из них восходят к глубокой древности и не могут быть отнесены к элементам культурного воздействия славян на балтов или обратному влиянию. Такова столбовая техника возведения стен, применяемая в Верхнем Поднепровье, Подвинье и Понеманье в строительстве хозяйственных построек (скотных дворов, гумен, различных пристроек к срубам, в том числе сеней)⁴⁰. Такая строительная техника здесь бесспорно восходит к домостроительству древних балтских племен, известному по их поселениям раннего железного века. В лесной полосе восточнославянской территории распространение столбовой конструкции ограничено главным образом древним балтским ареалом. Интересно, что у белорусов этот способ носит название «с шулой» (из белорусского «шула» — «столб», лит. «šúlas» — то же). В белорусском крестьянском строительстве известно еще несколько терминов балтского происхождения: седзіба — «усадьба» (лит. sodýba — то же), свирон — «амбар» (лит. svirnas — то же).

Кажется, что при специальном анализе число субстратных элементов в белорусской этнографии может оказаться весьма значительным.

Таким образом, материалы археологии, антропологии и этнографии устанавливают участие балтского этнического субстрата в формировании той части восточного славянства, на основе которой в XIII—XIV вв.

³⁸ P. Tarasenko, *Pėdos akmenyje*, Vilnius, 1958; J. Graudonis, V. Urtāns, *Senatnes pedās*, Rīgā, 1960, стр. 139—144.

³⁹ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, 1956, стр. 752.

⁴⁰ Б. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, 1956, стр. 84.

сложилась белорусская этнолингвистическая единица. Балтский этнический субстрат выявляется здесь вполне отчетливо. А картография субстратных элементов позволяет заключить, что белорусская этнолингвистическая общность сформировалась исключительно в той части древнего балтского ареала, где местное население в процессе славянского расселения оставалось на своих местах. Исключением являются западные районы Волго-Окского междуречья. Но здесь балты не были исконными жителями. Эта земля долгое время принадлежала финно-уграм и расселившиеся здесь в I тысячелетии н. э. балты, видимо, оказались под влиянием финно-угорского субстрата⁴¹.

Балтский этнический субстрат в формировании славянского населения западнорусских земель предполагает субстрат языковый. Среди славистов долгое время господствовало мнение, что в истории славянских языков и диалектов субстрат не играл какой-либо роли. Поэтому этот вопрос не привлекал внимания языковедов. В настоящее время можно утверждать, что, как и в других индоевропейских языках, воздействие субстрата было достаточно существенным и при формировании некоторых славянских языков. Так, не подлежит сомнению, что важнейшие особенности южнославянских языков сформировались на общей основе балканского субстрата⁴². В истории польского языка существенна роль балтского субстрата⁴³. Некоторые фонетические особенности северновеликорусских говоров, по мнению некоторых исследователей, своим возникновением обязаны финно-угорскому субстрату⁴⁴. Имеются данные и для предположения о формировании белорусского языка под воздействием балтского языкового субстрата.

Уже Е. Ф. Карский обратил внимание на эффективное балтское влияние на белорусский язык⁴⁵. Отметив большое число балтских слов в белорусском языке, исследователь, полагавший, что при славянском расселении имело место отступление балтского этнического элемента, отнес их к заимствованиям. По мнению Е. Ф. Карского, помимо словарных заимствований в белорусском языке имеются и морфологические заимствования у балтов (такие образования, как «нудосно», «дзивосы»). В. Вондрак убедительно показал, что восточнославянские суффиксы *-осн-*, *-ос-*, *ас-*, имеют балтское начало⁴⁶. Польский лингвист Я. Розвадовский высказал предположение о балтском субстратном происхождении белорусских полифтонгов (из лит. *ė*, *ū*)⁴⁷. Анализ слов, заимствованных в белорусском из литовского языка, произведенный К. Бугой⁴⁸, говорит о том же, что делает предположение Я. Розвадовского весьма обоснованным.

⁴¹ В. В. Седов, Из гидронимии Волго-Окского междуречья, «Питання ономастики», Київ, 1965, стр. 284—290.

⁴² С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, стр. 13, 15 и 24.

⁴³ J. Otrębski, Udział jaćwingów ukształtowaniu języka polskiego, «Acta balticoslavica», I, Białystok, 1964, стр. 207—216.

⁴⁴ А. Врачу, К вопросу о роли субстрата в истории славянских языков, «Romanoslavica», IX, București, 1963, стр. 70—75.

⁴⁵ Е. Ф. Карский, К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие, «Русский филологический вестник», т. XLIX, 1903, стр. 1—23; его же, Белорусы, т. I, стр. 125—137.

⁴⁶ W. Vondrak, Vergleichende slavische Grammatik, I, Göttingen, 1924, стр. 637, 638.

⁴⁷ J. Rozwadowski, Uwagi o dyftongach *ie*, *uo* w południowazachodnim narzeczu białoruskim, «Materjały i prace Komisji językowej Akademii umiejętności», I, 1904, стр. 220.

⁴⁸ К. Буга, Die litauisch-weißrussischen Beziehungen und ihr Alter, «Zeitschrift für slavische Philologie», I, 1925, стр. 26—55.

Я. Станкевич видит балтское субстратное влияние в формах «*mirha-si*» ругас» и приводит большую группу слов, появившуюся в белорусском языке, как результат балтского субстрата⁴⁹. Ю. Шерех полагает, что аканье является следствием воздействия балтского языкового субстрата на часть славянского населения⁵⁰.

Вопрос о происхождении аканья в восточнославянских языках еще не решен в лингвистической литературе. Современные теории происхождения этого вокализма исходят из идеи спонтанного либо субстратного возникновения⁵¹. Как бы ни было, остается несомненным, что аканье зародилось в конце XII или в XIII в., где-то на юго-востоке восточнославянского ареала и оттуда распространилось на север и северо-запад, охватив все белорусские земли⁵². Распространение аканья не связано с крупными миграциями населения, поэтому должно быть обусловлено внутренними причинами. В области формирования белорусского языка такой причиной скорее всего было балтское субстратное воздействие. Ведь влияние субстрата не сводится к механической форме воздействия одного языка на другой. Субстрат мог вызывать, ускорять или усиливать внутренние тенденции развития, характерные для данного языка. В этой связи нельзя не обратить внимания на полное совпадение западной части ареала аканья с областью расселения древних балтских племен. Более того, двум типам аканья белорусского языка соответствуют два древних племенных массива балтов. Ареал сильного аканья южно-белорусского типа соответствует области расселения днепро-неманской группы балтов (культура штрихованной керамики), а диссимилятивное аканье белорусского типа развилось на территории близких между собой днепро-двинской и юхновской археологических культур.

Исследователи белорусского языка убедительно показали, что самая характерная особенность белорусского консонантизма — дзеканье и цеканье — развилась вполне самостоятельно, как результат сильного смягчения *д* и *т*⁵³. Вместе с тем причины развития дзеканья и цеканья в восточнославянских землях нуждаются в выяснении.

Два обстоятельства позволяют высказать догадку о происхождении этой фонетической особенности из взаимодействия славянского языка с балтским языковым субстратом. Дзеканье и цеканье развилось только у той части восточнославянского населения, которая расселилась на территории балтоязычных племен и ассимилировала последних. Кроме того, произношение мягких *д* и *т*, как *дз* и *ц* отмечено в некоторых пунктах Псковской области, куда балты бесспорно заходили, и в отдельных селениях Волго-Окского междуречья⁵⁴, колонизованных из районов

⁴⁹ J. Stankevič. Karotki načyrk historji Kryvič — Belarusi, Veda, 1951, стр. 112.

⁵⁰ Y. Serech, Problems in the Formation of Belorussian, «Supplement to Word», vol. 9, New York, 1953, стр. 85—88.

⁵¹ В. И. Георгиев, Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, «Вопросы языкознания», 1963, № 2, стр. 20—29; В. Г. Руделев, К фонетической интерпретации русского аканья, там же, стр. 30—38; П. С. Кузнецов, К вопросу о происхождении аканья, там же, 1964, № 1, стр. 30—43; В. В. Колесов, О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье, там же, 1964, № 4, стр. 66—79; Я. Риглер, К проблеме аканья, там же, 1964, № 5, стр. 36—45; Б. И. Лыткин, Еще к вопросу о происхождении русского аканья, там же, 1965, № 4, стр. 44—52.

⁵² В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 142.

⁵³ П. А. Расторгуев, К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике, «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, Л., 1927, стр. 35—48; О. В. Воўк-Левановіч, Лекцыі па гісторыі беларускае мовы, Менск, 1927, стр. 257—276.

⁵⁴ Сводка данных о распространении этой фонетической особенности вне белорусской территории сделана А. А. Шахматовым («Древние ляхские поселения в России», «Славянство», 1911, № 4—6, стр. 9—29).

Верхнего Поднепровья кривичами, в составе которых были славянизированные балты и могли быть группы балтоязычного населения⁵⁵. Вторым обстоятельством в пользу предположения о субстратном происхождении дзеканья и цеканья в белорусском языке является присутствие аналогичной фонетической особенности в польском языке. А в формировании последней роль балтского субстрата бесспорна и существенна. Таким образом, рассматриваемая фонетическая особенность развилась только в тех славянских землях, которые формировались на балтской территории. Интересно, что аналогичная черта, известная в некоторых говорах литовского языка (так называемое дзуканье), не является заимствованием из белорусского⁵⁶, а, видимо, также принадлежит к продукту межъязыкового взаимодействия.

Другая фонетическая особенность белорусского языка — твердое *p*, по всей вероятности, также есть результат субстратного воздействия. «В восточнославянской фонетической системе, — подчеркивает Т. П. Ломтев, — наиболее неустойчивым элементом являются мягкие согласные. Всякий раз, когда восточнославянским языкам приходилось испытывать воздействие со стороны иноязычной среды, наиболее сильному изменению подвергались именно мягкие согласные»⁵⁷. Не исключено, что отверждение *p* на польской языковой территории находится также в зависимости от прусско-явтяжского субстрата.

Итак, изучение этнической истории и некоторые языковые данные позволяют говорить о влиянии балтского субстрата на формирование белорусской этнолингвистической общности. Налицо все четыре признака (балтская гидронимика, появление в белорусском языке ряда специфических фонетических и морфологических особенностей, отсутствующих в других восточнославянских языках, балтские заимствования в словарном фонде белорусского языка), при наличии которых, по мнению Б. А. Серебренникова, вывод о воздействии субстрата получает более или менее прочное обоснование⁵⁸.

Судя по археологическим данным, славянизация балтского населения на территории, где позднее распространилась белорусская речь, продолжалась от VII—VIII до XIII столетия. К. Буга, исходя из лингвистических соображений, определял начало славянского освоения балтской территории VII в.⁵⁹ Завершение же ассимиляции балтов исследователи верхнеднепровской топонимии относят к первым векам II тысячелетия н. э.⁶⁰ Здесь археологическая датировка полностью совпадает с датой лингвистической. По времени завершающая стадия славянизации днепровско-двинских балтов непосредственно предшествует начальному периоду формирования белорусского языка. Некоторые весьма характерные фонетические особенности белорусского языка появляются в памятниках письменности несколько позже, только в XIV—XV вв. Но

⁵⁵ В ряде мест междуречья Волги и Оки появление дзеканья и цеканья, вероятно, связано с выходцами из Литовского государства и белорусскими пленниками XVII в. (Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913, стр. 492—497).

⁵⁶ В. Гринавецкис, Новое в литовской диалектологии, «Acta baltico-slavica», 11, Białystok, 1965, стр. 199, 200.

⁵⁷ «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IX, М., 1965, стр. 146, 147.

⁵⁸ Б. А. Серебренников, О взаимодействии языков (Проблема субстрата), «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 22.

⁵⁹ К. B u g a, Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung, стр. 23.

⁶⁰ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 173.

последний факт может быть объяснен, во-первых, тем, что некоторые фонетические особенности (например, дзеканье и цеканье) попали в белорусскую письменность позднее, чем развились в народной речи⁶¹. С другой стороны, лингвисты давно обратили внимание на то, что воздействие субстрата может проявляться в победившем языке не сразу, а через длительный период времени⁶².

Включение западнорусских земель в состав Литовского государства и признание белорусского языка в качестве официального языка этого государства оказали, бесспорно, какое-то влияние на выделение днепровско-неманского славянства в отдельную этнографическую единицу. Однако политическое и экономическое обособление западнорусских земель не было первопричиной образования белорусского языка и народности.

SUMMARY

The theses of E. F. Karsky about the formation of Byelorussians in the connection with the inclusion of Western Russian territories into the Lithuanian state, though widely spread in the scientific literature, cannot be proved neither from linguistic nor from historical-geographic points of view. The opinions of A. A. Shakhmatov and V. I. Picheta cannot be accepted either.

The study of materials from ancient Russian burial mounds of 8th—13th centuries reveals in the area of formation of the Byelorussian language a considerable bulk of Baltic elements, especially in the sets of ornaments and details of burial rites. A considerable stratum of a Baltic hydronymy here taken into consideration, this enables us to suppose, that the Byelorussian ethnic entity has formed exclusively in those parts of the ancient Baltic area, where the aboriginal population in the course of the settlement of Slavs did not leave the places in inhabited and was thus assimilated. A Baltic ethnic substratum is also revealed by the data of anthropology and ethnography. The elements of a Baltic substratum influence are present also in the Byelorussian linguistic material. All these data favour the opinion, that the Byelorussian people and language have developed under the conditions of a Baltic substratum influence upon a part of Eastern Slavs.

⁶¹ О. В. Воўк-Левановіч, Указ. раб., стр. 265—273.

⁶² «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IX, М., 1956, стр. 133, 134.

СООБЩЕНИЯ

А. Е. Панян

НОВЫЙ БЫТ КОЛХОЗНИКОВ СЕЛА МРГАВАН АРТАШАТСКОГО РАЙОНА АРМЯНСКОЙ ССР¹

Арташатский район Армянской ССР — один из наиболее развитых сельскохозяйственных районов республики — расположен в плодородной Араратской долине². Для исследования современного быта населения этого района мы выбрали одно из его типичных сел — село Мргаван, где находится колхоз «Новая жизнь». Основное направление хозяйства колхоза — полеводческо-садоводческое. Здесь выращивают пшеницу, хлопок, фрукты, огородно-бахчевые культуры, но ведущее место в экономике колхоза принадлежит виноградарству³. Подсобную роль в хозяйстве колхоза играют животноводство, а также шелководство и пчеловодство. Быстрой реализации колхозной продукции способствует близость г. Еревана (27 км), к которому ведет асфальтированное шоссе.

В селе Мргаван 314 хозяйств⁴, 1660 жителей. Большинство трудоспособного населения занято в колхозном производстве. Но вследствие высокой степени механизации сельского хозяйства, колхоз в настоящее время нуждается уже в меньшем числе рабочих рук и поэтому без ущерба для себя отпускает часть молодежи для работы в окрестных промышленных предприятиях, в частности в районный центр — г. Арташат, находящийся в 2 км от села.

Несмотря на то, что в бюджете жителей с. Мргаван определенную роль играют заработки тех членов семьи, которые непосредственно не связаны с сельским хозяйством, основу его составляют заработанные в колхозе трудодни. Семейный бюджет колхозников за последние годы значительно повысился. Это, прежде всего, объясняется ростом стоимости колхозного трудодня. В колхозе «Новая жизнь» в 1963 г. один трудодень в денежном выражении стоил 1 руб. 30 коп., в 1964 г. — 2 руб. 40 коп., а в 1965 г. — 3 руб. Таким образом, с 1963 по 1965 год стоимость трудодня выросла более чем в 2 раза. Дополнительный доход колхозная семья получает от приусадебного участка. Приусадебные участки заняты обычно под виноградом, плодовыми деревьями и огородно-бахчевыми культурами. Размеры их различны и, в общем, незначительны. Установленную норму приусадебного участка (2 500 м²) имеют лишь 17 семей. Это объясняется тем, что при разделе семьи делится и приусадебный участок, так как дополнительные земельные фонды у колхоза нет, а раздел общественных земель не производится.

Итак, большинство колхозных семей в настоящее время имеют участки размером до 1500 м².

Жители с. Мргаван имеют в своем хозяйстве дойный скот (коров, овец, коз). Но роль животноводства в селе, как и повсюду в Араратской долине, невелика. Многие считают, что здесь скот не нужен, так как молоко можно купить в магазине, а «от ко-

¹ Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором летом 1965 г. в трех селах — Мргаван, Далар и Шаумян Арташатского района. В центре изучения были вопросы семейного быта. В экспедиции принимали участие студентки кафедры этнографии исторического факультета МГУ Т. Блюмович, И. Долженко, М. Ситкина и Л. Тульцева.

² К районам Араратской долины относятся еще Октемберянский, Эчмиадзинский и Вединский.

³ Характерно, что и название села — «Мргаван» означает в переводе с армянского — «Обильный фруктами».

⁴ При сплошном анкетном обследовании было заполнено 285 посемейных карточек (а не 314 по числу хозяйств). Это объясняется тем, что иногда две семьи, разделенные решением сельсовета, продолжают жить в одном доме фактически одной семьей. Поэтому на них заполнялась одна анкета.

ров только грязь»⁵. Из числа обследованных семей 51 вообще не имеет скота, 37 семей имеют по одной корове, а остальные — всего по несколько овец.

Значительная часть заработанных семей трудодней приходится на долю женщин, которые составляют большинство в колхозе⁶.

Заслуживает внимания вопрос о разделении труда в колхозе. Все тяжелые работы, связанные с большой затратой физического труда, выполняют мужчины. Так, они на зиму закапывают виноградники, а весной перекапывают их. Эта работа считается самой тяжелой, так как производится она вручную, лопатами. Мужчины также опрыскивают виноград. Однако, в отличие от до-революционного времени женщины теперь играют значительную роль в виноградарстве. А ведь раньше женщина считалась «нечистой» и не допускалась к уходу за виноградом, так как было распространено мнение, что тогда «сад засохнет». Как сказала жительница села И. Г. Бадалян (1904 г. рождения), «закона не было женщине в саду работать»⁷. В настоящее же время женщинам доверяется и обрезка виноградников после откопа, что требует большого умения, мастерства. Удобрение и прополка виноградников и овощей выполняется тоже женщинами. Они же собирают урожай, доят скот. Мужчины заняты по уходу за скотом и в строительной бригаде.

Численный состав семей в с. Мргаван различен. Как показывает таблица 1, преобладают семьи численностью от 4 до 7 человек. Относительно высокая средняя численность семьи (5,3 чел.) объясняется многодетностью⁸.

Интересен поколенный состав семьи (см. таблицу 2).

Таблица 1

Численный состав семьи

Число членов в семье	Число семей	Процент
1—3 чел.	57	20,36
4—5 »	83	29,64
6—7 »	103	36,78
8—9 »	26	9,29
10 и более	11	3,93
Всего	280	100

Таблица 2

Число поколений в семье

	Число семей	Процент
Семьи, состоящие из одного поколения	27	9,51
Семьи, состоящие из двух поколений	156	54,93
Семьи, состоящие из трех поколений	98	34,50
Семьи, состоящие из четырех поколений	3	1,06
Всего	284	100

Наиболее распространены малые семьи из двух поколений, состоящие из родителей и детей. Довольно много и семей из трех поколений. Но в отличие от прошлого, когда в такие семьи входили, как правило, родители с несколькими женатыми сыновьями, сейчас трехпоколенные семьи состоят обычно из родителей (чаще одного из них — овдовевшего) и лишь одного женатого сына. В селе только две неразделенные семьи, каждую из которых составляют родители с двумя женатыми сыновьями.

Иногда в семье живут родственники и по боковой линии. Так, в семью П. входит жена брата с сыном и невесткой. Иногда вместе с семьей брата живет его незамужняя сестра. Семья А. состоит из двух братьев (одного женатого) и сестры

⁵ Полевые материалы автора, информатор В. Мовсесян, 1939 г. рождения, Архив Ин-та этнографии АН СССР, 1965, Фонд Комплексной экспедиции, ед. хранения 78 (далека АИЭ).

⁶ В колхозе работают 160 мужчин и 220 женщин.

⁷ Полевые материалы автора, АИЭ.

⁸ Следует отметить, что в 1931 г., согласно статистическим данным, средний численный состав семьи в полеводческо-садоводческих районах Армении составлял 3,85 чел. (См. сб. «Населенные пункты и национальный состав Армянской ССР», Ереван, 1936, стр. 8, на арм. яз.).

32-х лет, которая является главой семьи. Хотя совместное проживание родственников по боковой линии и является традиционным, сейчас оно встречается в виде исключения.

В селе есть шесть семей, в составе которых имеются зятья-примаки. Несмотря на то, что примачество, известное в Армении под названием «тнлесатун», допускалось обычным правом, зятем-примаком в прошлом становились только вынужденно, так как такой зять был лишен всякой самостоятельности в доме родителей жены. Сейчас же отношение к примакам изменилось, но все же некоторые сельчане по традиции относятся к примачеству неодобрительно. Чаще всего муж поселяется в доме жены, когда та — единственная дочь в семье. В таких семьях главой обычно бывает отец или мать жены, но не зять, что является, вероятно, пережитком былой зависимости примака.

Для современного быта весьма заметно стремление молодой супружеской пары жить отдельно, самостоятельно вести свое хозяйство, не быть зависимой от родителей. Если даже молодым не дается приусадебный участок, они выделяются в самостоятельную семью. В прошлом же молодые не могли выйти из большой семьи («гердастан») по собственному желанию при жизни ее главы — «тантера», который имел над всеми неограниченную власть, доходившую до деспотизма⁹. Важную роль в семье играла жена тантера — «тантируй», под руководством которой велось домашнее хозяйство. В современной же сельской семье, где все трудоспособные принимают участие в общественном производстве, взаимоотношения между членами семьи построены на основе равноправия. Если в прошлом обязанностью свекрови было только готовить обед и печь хлеб, а остальную домашнюю работу она распределяла между невестками, то сейчас уже нет такого разграничения домашней работы. Нередко теперь невестка готовит обед, а свекровь занимается уборкой, следит за детьми и т. д. Однако и сейчас еще отец или мать являются обычно главами тех семей, в которых они проживают. Так, в 41 семье (из 42), в которых женатый сын живет вместе с родителями, главой считается его отец¹⁰. Из 63 семей, где вместе с семьей женатого сына живет его мать (без мужа), она является главой в 55 семьях и только в 8 — главой считается сын. Что касается семей из двух поколений, где живут муж, жена и дети, то 136 из них возглавляет муж и только одну — жена¹¹. В 18 семьях, состоящих из матерей с детьми, главами, естественно, являются женщины.

Таким образом, в большинстве случаев главой семьи по традиции считается старший член семьи — как мужчина, так и женщина. Но характерно, что сейчас само понятие главы семьи в значительной мере утратило свой первоначальный смысл, так как глава семьи теперь лишь регулирует семейный бюджет, а не является единоличным его распорядителем. Его власть основывается не на имущественных правах, как было в прошлом, а на моральном авторитете, уважении со стороны остальных членов семьи.

В создании нового типа армянской сельской семьи решающую роль сыграли изменения, происшедшие в положении женщин за годы Советской власти. Коллективизация предоставила возможность для широкого вовлечения женщин в общественно-полезный труд, что способствовало фактическому их раскрепощению. Это был сложный и длительный процесс, так как втягиванию женщины в производство мешали вековые патриархальные традиции. А сейчас доблестный труд женщин отмечается на досках почета, на собраниях колхоза, в годовых отчетах. Примечательно, что из 26 депутатов сельского совета Мргавана — 11 женщин (43%); из 9 членов колхозного правления — 3 женщины; одна является депутатом районного совета.

Все это в корне изменило положение женщины-армянки в семье. Ее авторитет неизмеримо возрос. С ней советуются, с ее мнением считаются остальные члены семьи. Характерно, что теперь в с. Мргаван имеется довольно много семей, где главой считается муж, но все деньги находятся у жены, которая и ведет хозяйство.

А ведь еще сравнительно недавно угнетенное положение армянки в семье выражалось в целом ряде унижительных обычаев: в запрете садиться за стол с мужчинами, в обязанности младшей невестки мыть ноги свекру и гостям, а главное — в строго соблюдавшемся обычае избегания («чхосканутюн» — букв. «неразговорчивость»). Вот как об этом писал армянский этнограф Х. Самвелян: «Невестка в семье не имеет права говорить ни с кем из родных мужа (кроме детей) и даже с мужем в присутствии посторонних. До рождения первого ребенка, в некоторых местах даже в течение

⁹ Д. С. Вардумян, Э. Т. Карапетян, Семья и семейный быт колхозников Армении, Ереван, 1963, стр. 64 (на арм. яз.).

¹⁰ Составившая исключение одна семья состоит из главы семьи (53 года), его отца (81 год) и женатого сына с детьми. Отец уже не является главой семьи (по возрасту), хотя пользуется авторитетом старшего.

¹¹ В этой семье главой считается жена, так как муж, родом из соседнего с. Дала, перешел жить в ее дом.

ние семи лет со дня замужества, она показывается с закрытым лицом и говорит со всеми мимикой. Невестка не должна говорить со свекром до самой смерти, со свекровью до разрешения от бремени первым ребенком, с деверями в течение 10—15 лет, а часто даже до глубокой старости; с родственниками мужа до 10—15 лет»¹². Обычаи эти некоторое время еще после Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись в селе¹³.

Сейчас обычай избегания, да и то далеко не всегда, соблюдается лишь в отношении свекра. Срок избегания сократился до 2—3-х месяцев и лишь в некоторых случаях длится до года после свадьбы. Но разница состоит в том, что если в прошлом невестка была обязана подчиняться этому обычаю, то теперь ее к этому никто не вынуждает. Часто сам свекор не возражает, чтобы невестка с ним разговаривала, но она продолжает по традиции соблюдать древний обычай как бы в знак уважения к старшему в доме.

Изменилось отношение в семье к малолетним детям. Если раньше сыну оказывалось явное предпочтение, то сейчас и рождение дочери встречается с неменьшей радостью. Незавидной была прежде судьба армянской девочки. Вот как об этом рассказывается в одной из публикаций XIX в. «Воспитание девочек разнится от воспитания мальчиков. Когда девочке 3—4 года, она часто преследуется во время игры, с братьями, отчуждается ими; ей постоянно говорят — ты девочка. Когда она 5—6-летняя, ей поручается надзор за ребятишками, ей поручается качание люльки; она начинает помогать матери. Когда ей 6—7 лет, она отпускает косу, ухаживает за волосами, чуждается взглядов мужчин, прячется от посторонних. Когда ей 8, 9 и 10 лет, она — невеста и соблюдает все нравы скромности, смирения»¹⁴. В современной семье мальчики и девочки пользуются одинаковой любовью, в них воспитывают уважение друг к другу. Улучшение материальных условий семьи способствовало тому, что детям обеспечен хороший уход. В семье к ним относятся ласково, но в то же время по-прежнему рано приучают к труду, учат помогать дома по хозяйству. В страдную пору в колхозе работают благоустроенные ясли-сад на 60 детей. Пребывание детей там подчинено строгому и разумному распорядку дня. Дети много гуляют, их учат петь, танцевать, читать стихи. К сожалению, еще не все дети могут посещать ясли-сад из-за недостатка мест.

Таблица 3

Жилищное строительство*

Год постройки	До 1900 г.	До 1930 г.	За 1931—1940 гг.	За 1941—1945 гг.	За 1946—1950 гг.	За 1951—1955 гг.	За 1956—1960 гг.	За 1961—1965 гг.
Число домов	4	12	72	10	30	36	75	41

* Дата постройки пяти домов неизвестна

Все дети школьного возраста учатся в школе. В селе пока только 8-летняя школа. Окончившие 8 классов продолжают учебу либо в соседнем с. Даларе, либо в г. Арташате, а затем уже в техникумах и вузах Арташата, Еревана и других городов. В школе имеются кружки: литературный, физический, агрохимический, хоровой, спортивный, кройки и шитья, в которых выявляются и развиваются способности детей, их художественный вкус. Регулярно выпускаются стенгазеты, фотомонтажи. Например, летом 1965 г. в школе были сделаны монтажи о жизни и деятельности В. И. Ленина, о космонавтах; очень интересен был монтаж о жизни школы. Школа организует экскурсии по ознакомлению учащихся с достопримечательными местами Армении. Летом школьники помогают колхозу в сборе хлопка и овощей.

¹² Х. Самвелян, Очерки по обычному семейному праву армян, «Кавказский вестник», 1902, № 2, стр. 62.

¹³ Как сообщила информатор С. С. Саградян, 1900 г. рождения, в 1920-х годах в селе избегание было очень сильно: «невестки не говорили с родственниками мужа по 3—4 года. Объяснялись они через детей или знаками. Допустим, свекор приходит и говорит, что он голоден, а невестка не может ему ответить, что обед не готов. Она зовет ребенка и передает это через него». (Полевые материалы автора, АИЭ).

¹⁴ А. Ерицов, Историческое и современное положение армянской женщины, газ. «Кавказ», 1874, № 62.

Культура прочно входит в быт армянского села. Это отражается во всем — и в уровне образования, и в проведении досуга, и в интерьере жилища, и в одежде населения и т. д. Несомненно, что близость столицы и райцентра накладывает заметный отпечаток на весь быт села, на культуру его жителей.

Внешний вид с. Мргаван очень живописен благодаря обилию зелени. Теперь село застраивается по заранее разработанному плану. В последнее время воздвигаются

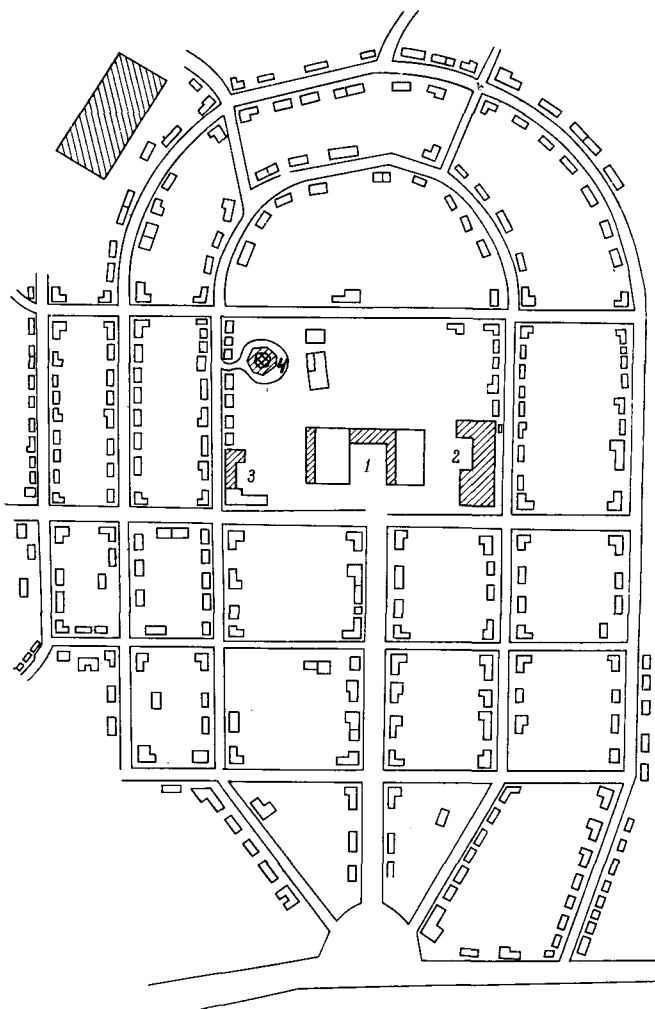

Рис. 1. План села Мргаван, Арташатского района. 1965 г.
1 — клуб, 2 — школа, 3 — ясли-сад, 4 — церковь

большие каменные полутора- и двухэтажные дома, с высокими потолками. В полутораэтажных домах под жилым этажом находятся хозяйственные помещения. Нередко дома строят и из цветного туфа. Непременной принадлежностью нового дома является веранда. Хозяйственные постройки, которые раньше ставились рядом с домом, теперь из соображений гигиены помещают в стороне от него. В прошлом село представляло собой довольно неприглядную картину: небольшие глинобитные дома с плоскими крышами, почти полное отсутствие зелени. А сейчас Мргаван преобразается буквально на глазах. Мне довелось побывать в нем в 1960 г. и затем в 1965 г. И даже за эти пять лет в селе произошли большие перемены. Теперь здесь редко встретишь дом старого типа.

Приведенные цифры (табл. 3) наглядно свидетельствуют о широком размахе жилищного строительства за годы коллективизации. Старых домов, построенных до

1930 г., ничтожное меньшинство, но это еще крепкие, часто двухэтажные дома. Остальные дома выстроены заново. При постройке жилых домов колхоз оказывает большую помощь колхозникам, предоставляя им крупную денежную ссуду с рассрочкой на пять лет, а также транспорт для привоза строительного материала.

Наиболее распространены дома в 2—3 комнаты, причем свыше 2-х комнат имеют, как правило, те семьи, численность которых более четырех человек. Семьи, состоящие из 6—7 и более человек, имеют дома в 4—5 комнат. Все дома электрифицированы и радиофицированы, в 36 имеются газовые плиты, а в 7 — телефоны. Резко изменился интерьер домов, теперь он почти не отличается от городского. Не говоря о том, что всюду есть столы, диваны, кровати, стулья, платяные шкафы, в последнее время во многих семьях появились и более дорогие предметы, свидетельствующие о высокой степени зажиточности жителей села. Так, у 32 семей имеются мебельные гарнитуры, у 47 — холодильники, у 28 — стиральные машины, у 19 — легковые автомобили. Входят в обиход электроприборы — утюги, пылесосы, полотеры.

Одежду жителей села Мргаван трудно отличить от городской. Даже пожилые женщины не носят старинной одежды, а ходят в современных платьях или юбках с кофтами темных тонов, голову повязывают косынкой. Девушки и молодые женщины в праздники надевают яркие красивые платья, а также серьги, бусы, кулоны. Причёски у них различные и нередко самые модные. Повседневная женская одежда — платья тех же фасонов, но из более дешевых тканей — ситца, сатина. Молодые люди носят светлые, часто белые сорочки и модного покроя брюки. Обувь у всех фабричного производства. Немалую роль в распространении современной одежды играет кооперативная торговля. Население охотно покупает в сельском магазине, а также в Арташате и Ереване фабричные ткани, готовую одежду, обувь, украшения.

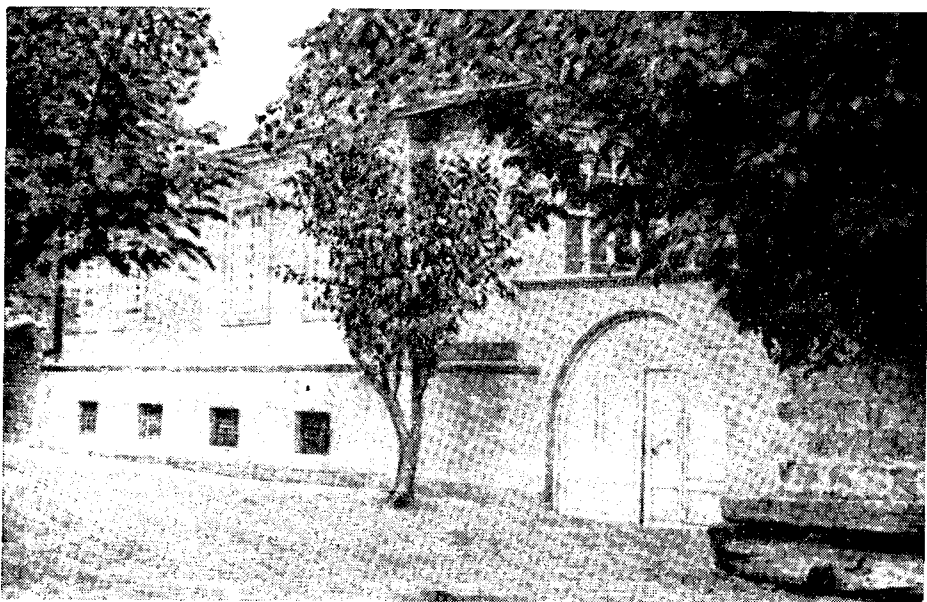

Рис. 2. Жилой дом в с. Мргаван. 1965 г. Фото автора

С каждым годом повышаются и культурные запросы сельчан. Они много читают, интересуются вопросами внутренней и международной политики. Многие семьи, наряду с общей радиотрансляционной сетью, имеют также радиоприёмники (190 семей), телевизоры (123 семьи), различные музыкальные инструменты, в том числе и пианино. В 67 семьях имеются личные библиотеки с книгами на русском и армянском языках. Каждая семья выписывает газеты и журналы как на армянском, так и на русском языках. По нашим сведениям, 50 семей получает по 1 газете, 121 семья — 2 газеты, 81 — 3 газеты, а 34 семьи — по 4 и больше газет. В 44 семьях выписывают 1 журнал, в 17 — 2 журнала, а 12 семей получает по 3 и больше журналов.

Жители села, особенно молодежь, охотно посещают сельскую библиотеку, которая помещается в здании клуба. Она занимает две комнаты, в одной из них находится книжный фонд, в другой — читальный зал. Половина книг приходится на художественную литературу, а остальные — по философии, языкознанию, математике, медицине, технике, искусству, сельскому хозяйству и т. д. Имеются книги и на русском

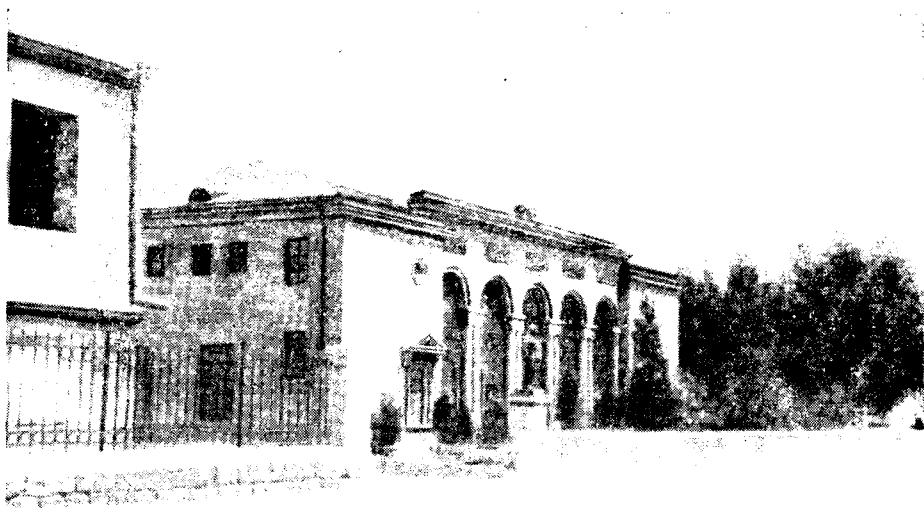

Рис. 3. Клуб в с. Мргаван. 1965 г. Фото автора

языке (196), но в основном русская литература представлена в переводах на армянский язык. В просторном читальном зале на столах разложены периодические издания на армянском языке, центральные газеты и журналы — «Правда», «Известия», «Советская культура», «Сельская жизнь», «Партийная жизнь», «Проблемы мира и социализма», «Наука и религия», «Вокруг света» и другие, а также журналы Болгарии, Польши, Румынии и других демократических стран.

В библиотеке организуются выставки, посвященные В. И. Ленину, писателям, искусству, кино. За 1965 г. было показано 10 выставок о жизни русских и армянских писателей, проведено 11 обсуждений книг в присутствии писателей. В библиотеку с. Мргаван приезжали поэтесса С. Капутикян, детские писатели и поэты А. Саакян,

Таблица 4

Уровень образования жителей с. Мргаван *

Уровень образования	Возраст							
	61 год и старше		от 51 до 60 лет		от 31 до 50 лет		до 30 лет	
	мужчин (%)	женщин (%)	мужчин (%)	женщин (%)	мужчин (%)	женщин (%)	мужчин (%)	женщин (%)
1—5 кл.	54,55	78,57	54,55	72,41	27,45	14,86	11,97	4,71
6—8 кл.	30,30	21,43	24,24	21,69	41,83	29,73	41,87	26,41
9—11 кл.	—	—	6,06	—	15,03	32,43	25,64	40,57
Курсы	6,06	—	—	—	1,96	3,38	1,71	0,94
Техникум	3,03	—	6,06	3,45	6,58	14,86	11,97	22,65
Вуз	6,06	—	9,09	3,45	7,15	4,74	6,84	4,72
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

* В таблицу не включены учащиеся школы, техникумов и вузов.

Н. Микаэлян, Л. Дурян и другие. Они выступали со своими произведениями. Иногда обсуждения книг и беседы проводились в колхозных бригадах на полях. Проведено 13 бесед по решениям пленумов ЦК КПСС, постановлениям партии и правительства.

Большую роль в жизни с. Мргаван играет клуб. Здание клуба на 310 мест построено в 1959 г., здесь демонстрируются кинофильмы, проводятся лекции, беседы, молодежные вечера отдыха, выступают театральные коллективы Арташата и Еревана. Мы присутствовали на одном из самостоятельных концертов, в котором принимали участие школьники, колхозники, учителя. Выступал ансамбль народных инструментов, молодежь исполняла армянские, азербайджанские, узбекские песни и танцы. Зрители очень тепло принимали выступавших. Участники самодеятельности наградили почетными грамотами, им были преподнесены букеты цветов. Мы присутствовали также на импровизированных концертах, устраиваемых прямо на улицах села. Под аккордеон и народные инструменты школьники и молодежь исполняли армянские и русские песни (например, «Хотят ли русские войны», «Пусть всегда будет солнце» и др.), танцевали армянские и русские танцы, декламировали стихи армянского поэта Саят-Новы.

Из комсомольцев села организована агитбригада, которая выступает перед колхозниками с лекциями, беседами, концертами художественной самодеятельности. Молодежь проводит спортивные соревнования по волейболу, настольному теннису, шахматам.

Уровень образования жителей села растет с каждым годом. Обследование показало, что среди старшего поколения (от 61 года и выше) мало лиц, имеющих образование более 8 классов. У людей от 51 до 60 лет уровень образования несколько выше. С введением в начале 1930-х годов всеобщего резко повышается уровень образования среднего поколения (лица от 31 до 50 лет). Интересно, что у женщин этого поколения уровень образования даже несколько выше, чем у мужчин. Среди молодежи до 30 лет большинство уже окончило 10 классов, многие окончили техникумы и вузы. Таким образом, наблюдается резкая разница в уровне образования различных поколений. Например, в семье О.: глава семьи женщина 80 лет, она неграмотная, а ее дети получили полное среднее и высшее образование; один сын окончил 10 классов, другой — кооперативный техникум, обе дочери закончили медицинский институт. В семье С., репатрированной в 1946 г. из Ирана, родители и их старшие дочери, которым в 1946 г. было 15 и 12 лет, неграмотны, а младшие дети, родившиеся уже в с. Мргаван, учатся. В семье У. обе дочери заканчивают среднюю школу и собираются поступить в высшие учебные заведения.

В формировании новых коммунистических отношений между людьми большое значение имеют обряды и праздники, связанные с важнейшими событиями в жизни

Таблица 5

Возраст вступающих в брак

Возраст	Возраст									
	61 год и старше					от 51 до 60 лет				
	мужчин	% соотнош.	женщин	% соотнош.		мужчин	% соотнош.	женщин	% соотнош.	
11—14										
	1	1,61	7	7,95		—	—	7	10	
15—16	—	—	25	28,41		3	6,98	13	18,57	
	8	12,90	28	31,82		7	16,28	20	28,57	
17—18	8	12,90	21	23,86		4	9,30	14	20	
	6	9,68	3	3,41		6	13,95	4	5,71	
19—20	—	—	—	—		—	—	—	—	
	—	—	—	—		—	—	—	—	
21—22	—	—	—	—		—	—	—	—	
	—	—	—	—		—	—	—	—	
23—24	—	—	—	—		—	—	—	—	
	—	—	—	—		—	—	—	—	
25—26	—	—	—	—		—	—	—	—	
	—	—	—	—		—	—	—	—	
27—28	—	—	—	—		—	—	—	—	
	—	—	—	—		—	—	—	—	
29 и старше	—	—	—	—		—	—	—	—	
	—	—	—	—		—	—	—	—	
Всего:	62	100%	88	100%		43	100%	70	100%	
						155	100%	150	100%	
						44	100%	83	100%	

человека, в частности, свадьба. В современных условиях, когда молодежь обоего пола свободно знакомится и общается друг с другом во время работы, учебы, в общественных местах и сама определяет свои симпатии, браки обычно заключаются по желанию молодых. В прошломговор о предстоящем браке происходил только между родителями юноши и девушки. Сейчас родители также в какой-то степени вмешиваются в эти вопросы, высказывают свое мнение относительно выбора сына или дочери, дают советы, а иногда даже сами выбирают для сына невесту, но родительское слово теперь не является решающим, как было раньше. А бывают даже случаи, когда юноша и девушка вступают в брак вопреки воле родителей, хотя сельчане старшего поколения осуждают такие браки¹⁵.

Сам свадебный цикл значительно сократился. Если раньше между помолвкой и свадьбой проходил год, а иногда и несколько лет, то теперь в большинстве случаев — только месяц. Из свадьбы исчез целый ряд обрядов религиозно-магического содержания. Зато увеселительная часть стала играть большую роль. Обычно свадьба длится два-три дня, в отличие от прошлого, когда свадебный пир шел целую неделю.

Иногда молодые и вовсе не устраивают свадебного пиришества, а на предназначенные для него деньги уезжают в свадебное путешествие¹⁶, что представляет собой совершенно новое явление. Во время свадьбы молодые, особенно невеста, получают дорогие подарки. Нередко ей дарят несколько золотых колец, золотые часы, отрезки на платья, причем многие считают такие подарки даже обязательными. С одной стороны, это свидетельствует об увеличившихся материальных возможностях, а с другой — о сильном влиянии общественного мнения: дорогой подарок означает якобы особое уважение к семьям вступающих в брак.

В свадебном цикле сохранились еще некоторые обычаи, утратившие в наше время прежний смысл. Например, обычай «дарца», т. е. возвращение молодой в родительский дом спустя некоторое время после свадьбы. Сейчас, когда молодая может в любое время видеть своих родных, этот обычай утратил свое прежнее значение, но все же он упорно продолжает соблюдаться. Интересен вопрос о приданом. В прошлом приданое играло большую роль при выдаче девушки замуж, так как кроме него в доме мужа женщина не имела своего имущества. Однако в современных условиях, когда женщины работают наравне с мужчинами и сами могут обеспечить себя, значение приданого изменилось. Теперь цель его — помочь молодым в организации домашнего быта, особенно на первых порах. Приданое обычно состоит из предметов личного обихода, но нередко родители покупают очень дорогие вещи, например, мебельные гарнитуры и т. д.

Таблица 6

Разница в брачном возрасте между мужчиной и женщиной

Разница в брачном возрасте (в годах)	Возраст							
	61 год и старше		от 51 до 60 лет		от 31 до 50 лет		до 30 лет	
	число супруж. пар	% соотношение	число супруж. пар	% соотношение	число супруж. пар	% соотношение	число супруж. пар	% соотношение
Нет разницы	4	10	3	10,72	25	17,36	6	12
Муж старше жены* на	1—5	13	15	53,58	78	54,17	38	76
	6—10	15	9	32,13	31	21,53	6	12
	11—17	8	1	3,57	10	6,94	—	—
Общее число	40	100%	28	100%	144	100%	50	100%

* Кроме того, в селе отмечено 17 семей, в которых жена старше мужа (обычно на 1—3 года).

За последнее время заметно изменился возраст вступающих в брак.

Женщины старшего поколения, особенно те, которые вышли замуж до установления Советской власти, вступали в брак в основном в возрасте от 15 до 18 лет, а нередко даже в еще более раннем, начиная с 11 лет. Брачный возраст мужчин этого поколения колеблется от 17 до 29 лет и старше. В связи с этим и разница в возрасте между брачующимися была самая различная. Часто, когда заключались браки в очень юном возрасте, разницы в возрасте между юношей и девушкой почти не было. Но в то же время были и браки с большой возрастной разницей между супругами, доходившей до 17 лет. У среднего поколения (31—50 лет) несколько повысился возраст

¹⁵ Полевые материалы автора, АИЭ.

¹⁶ Информатор Дж. Маркарян, 1939 года рождения. АИЭ.

вступающих в брак, а разница между ними сократилась. Что касается молодёжи, то разница в брачном возрасте теперь редко превышает 5 лет. Большая разница в возрасте брачующихся исчезла потому, что браки заключаются по взаимному желанию молодых, а не в силу материальных соображений, из-за которых в прошлом родители бывали вынуждены отдать молоденькую дочь за пожилого мужчину. Сейчас женятся обычно после окончания школы, техникума, иногда и вуза. Юноши женятся, как правило, в 22—25 лет, а девушки выходят замуж 18—22 лет. Нами зафиксировано только три случая ранних браков, когда девушки вышли замуж в 15 лет. В прошлом же девушка в 16 лет уже считалась «старой девой».

Обычно армянки, вступившие в брак, принимали фамилию мужа, теперь же нередко по тем или иным причинам женщины сохраняют свою девичью фамилию.

В с. Мргаван есть смешанные в национальном отношении семьи, что в прошлом было чрезвычайно редким явлением. Это шесть семей, в которых мужья армяне, а жены — русские и украинки. Население относится к ним очень доброжелательно. Одна из женщин — Чобанян Л. Г. (девичья фамилия Малинова) вот уже четвертый год избирается депутатом сельсовета и пользуется заслуженным уважением односельчан. Дети в смешанных семьях записаны как армяне, но дома мать говорит с ними и по-русски, и по-армянски. Имена у детей и русские, и армянские. В быту этих семей отмечены черты, характерные и для армян, и для русских.

Таким образом, с полным правом можно говорить об огромных изменениях, которые произошли в культуре и быте армянских крестьян Арташатского района за годы Советской власти. Формирование новой социалистической идеологии, повышение культурного уровня населения, осознание женщиной своих прав и ее непосредственное участие в общественно-производственном труде — все это привело к созданию семьи нового типа.

Н. А. Брегадзе

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НЕКОТОРЫХ ОБЫЧАЕВ ГРУЗИНСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

Этнографией выявлено немало ценных, основанных на эмпирическом знании народных навыков и традиции, используемых в отдельных отраслях хозяйства. Но наряду с таковыми, в народном быту фиксируются и различные обычаи, не являющиеся рациональными. Большинство из них по своему происхождению древние; они порождены бессилием человека перед явлениями природы и носят магический характер. Однако сам по себе факт, что эти обычаи сохранялись и переходили от поколения к поколению, что некоторые все еще верят в желаемый положительный результат совершаемых ими ритуальных действий, заставляет искать в последних какую либо более или менее реальную практическую основу, опирающуюся на народный опыт. И действительно, тщательное изучение вопроса показывает, что отдельные иррациональные обычаи, даже окутанные магической оболочкой, опираются на весьма реальную практическую основу.

К их числу относятся, например, обычаи, запрещающие некоторые сельскохозяйственные работы до или в течение определенного периода. Приведем несколько примеров. У земледельцев западной Грузии до 9 марта (по старому стилю) не разрешалось начинать весенние работы. Март они называли повелителем месяцев; его считали капризным, старались умиротворить, не разгневать. А 9 марта праздновали. Перед обедом мужчина, глава семьи, брал ореховый пирог с нарисованным на нем крестом, сосуд («кула») с вином, садился у очага справа, поворачивал в правую сторону пирог и молился: «Повелитель месяцев, Март, не гневайся на нас. Не дотронемся до золы, не вынесем навоза до сегодняшнего дня. Счастливейший из месяцев, будем вечно тебе молиться, дай нам хорошей жизни и счастья». После этого глава семьи пил вино. В тот день за обедом он должен был выпить обязательно 9 «кула» вина¹.

На первый взгляд, этот обряд не носит рациональный характер. Он исполняется с целью обеспечить хороший урожай, изобилие. Однако приурочивание начала весенних работ, в том числе пахоты и сева (а также связанного с ними уважительного и др.), именно к 9 марта показывает, насколько наблюдателен местный земледelec и как он пользуется накопившимся в течение веков опытом. В частности, начало весенних работ 9 марта (22 марта по новому стилю) объясняется, вероятно, тем, что это — день весеннего равноденствия, и с этого дня, по правильному народному осмыслению, зима теряет силу, «уступает место весне». Следует отметить, что и по данным русского народного земледельческого календаря 9 марта кончается зима и начинается весна².

Другой обычай западногрузинских земледельцев, запрещает под угрозой неурожая производить сев озимой пшеницы в течение примерно 10—14 дней (в последнюю неделю октября и первую неделю ноября). Этот период называется «ирмисгорება» (в Лечхуми), «вирисгорება» (в Раче), а также «забракованные дни». Подобный запрет посева озимой пшеницы зафиксирован и в Дагестане, где в конце октября «сева не производили из боязни, что будет плохой урожай»³. А. Г. Трофимова пишет, что

¹ П. Гардапхадзе, Лечхумские народные праздники, Архив Сектора этнографии Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, рукопись на груз. яз. Ее же, Календарь рачинских народных праздников, там же, рукопись на груз. яз. Н. А. Брегадзе, Земледельческие религиозные обряды в Рача-Лечхуми (резюме на русск. яз.); «Мацне» (Вестник, Отд. обществ. наук АН ГрузССР, 1964, № 2, стр. 124—125).

² В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв., «Труды Ин-та этнографии им. Н. М. Миклухо-Маклая», нов. серия, 1957, т. XL, стр. 17.

³ А. Г. Трофимова, Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 147.

«причина этого запрета осталась невыясненной»⁴. Однако, нам кажется, причина и заключается в боязни получить плохой урожай. По словам западногрузинского земледельца, «если можно считать, что посеянная в сентябре пшеница уже лежит в амбарах, то посевы конца октября и начала ноября портятся, дают неполноценные всходы». Возникают вопросы: насколько правдоподобно такое объяснение, соответствует ли оно истине? Каковы практические основы этой боязни и вызванного ею запрета?

По сообщениям западногрузинских земледельцев, для получения хорошего урожая озимой пшеницы ее следует сеять либо так рано, чтобы к зиме были уже зеленые всходы, либо так поздно, чтобы семена не успели прорасти и до весны сохранились в почве. В противном случае посевы портятся и урожай может быть плохим. Видимо, зерно, посеянное до последней недели октября, успевает пройти определенную стадию развития до наступления холодов, а посеянное после первой недели ноября из-за наступивших холодов не успевает прорасти и зимует в почве. Зерна же, попавшие в землю в период «ирмисгореба» (конец октября — начало ноября), начинают прорастать, однако из-за наступающих холодов этот процесс не завершается. Наполовину развившиеся зерна гниют или в лучшем случае дают неполноценные (по выражению местных земледельцев, «цалбаркала» — одноногие, «цалбацара» — односточные) всходы. Таким образом, обычай запрета посева озимой пшеницы в период «ирмисгореба», казавшийся связанным с суевериями и магией, на самом деле опирается на данные народной фенологии, на опыт земледельца, точно определяющего длительность вегетационного периода и отдельных фаз развития растения.

Думается, что так же можно объяснить и запрет посева в конце октября, зафиксированный у жителей Дагестана,

Привлекает внимание и обычай, по которому начало ряда сельскохозяйственных работ связывали с лунными фазами⁵. По этнографическим данным, земледельцы Грузии предпочитали начинать сельскохозяйственные работы (унавоживание, посев, жатву, рубку леса, деревьев и т. д.) лишь после 7-го дня новолуния, т. е. когда луна входит в новую фазу, наполняется, или же при полнолунии. Считалось, что полная луна может оказать благоприятное влияние на рост зерна⁶, обеспечить хороший урожай, удачу в работе. «Нужно 7—8 дней, чтобы луна состарилась, — говорил грузинский земледelec. — Когда она начнет наполняться, тогда работой — будет изобилие»⁷.

Правдоподобно ли такое мнение относительно значения лунных фаз в сельском хозяйстве?

Может быть, земледelec убедился на опыте в целесообразности посева при полнолунии, объясняемой, например, воздействием луны, как ночного светила, на развитие растений? Как известно, последнее отрицается естествоиспытателями. Очевидно, нам пришлось бы рассматривать этот обычай как иррациональное средство, опирающееся на имитативную магию (урожай с посеянного при полнолунии зерна будет таким же «полным», как сама луна), если бы не одно обстоятельство. А именно — указание информаторов на то, что посеянное при новолунии зерно или срубленное дерево и т. п. портятся червями. Не связаны ли каким-либо образом цикл или фазы развития отдельных насекомых с лунными фазами? Если это допустимо, то в чем выявляется влияние луны на энтомофауну, мир насекомых? Принято считать, что лунное освещение, как непосредственно действующий световой фактор, не играет никакой роли в развитии растительного и животного мира. Но исследования и опыты последнего времени в этой области выявили весьма интересные данные. Как известно, биологические процессы прослеживаются не только в пространстве, но и во времени. При помощи так называемых «биологических часов» в организме устанавливаются

⁴ А. Г. Трофимова, Указ. раб. стр. 147.

⁵ В. В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузинского народа, IV — Иян Децеш (на груз. яз.), «Материалы для этнографии Грузии», т. 5, 1951, стр. 60—64; М. К. Гегешидзе, Деревянные орудия виноделия из Западной Грузии, «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIX—В, 1956, стр. 141—142 (на груз. яз.); Г. Джалабадзе, Отчет этнографической командировки в Горийском, Знаурском и Карельском районах (рукопись на груз. яз.), 1952, стр. 16; Н. А. Брегадзе, Указ. раб., стр. 143—144; М. Е. Хазарадзе, Об особенностях деревообработки у горцев Восточной Грузии, Сокращенные тексты докладов XIV Научной конференции молодых научных работников АН ГрузССР, 1964, стр. 96 (на груз. яз.), и др.

Хочется отметить еще такую деталь. Особое значение отдельных фаз луны нашло свое отражение и в том, что празднества, связанные с луной, устраивались с учетом смены ее отдельных фаз — 14—15/VIII, 21—22/VIII и 28—29/VIII (см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, кн. 1, 1951, стр. 54—55, на груз. яз.).

⁶ Б. Л. Богаевский, Земледельческая религия Афин, т. 1, Пг., 1916, стр. 187; В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 62.

⁷ Н. А. Брегадзе, Указ. раб. стр. 143.

суточные, сезонные и годовые ритмы различных физиологических процессов⁸. В настоящее время из наблюдений над животными в естественных условиях выявлен ряд биологических ритмов, названных лунными, так как было замечено, что биологические периоды синхронизируются со сменой фаз луны. Для изучения этого явления К. Хауеншильд, предположив, что «развитие насекомого каким-то образом регулируется изменением фаз луны», решил определить, каков механизм действия луны в качестве внешнего датчика времени⁹. На основе проведенных опытов над некоторыми видами морских червей исследователь заключил: «Можно предположить, что в естественных условиях на развитие червей влияют периодические изменения ночного освещения, определяемые сменой фаз луны. Другими словами, роение гетеронерисов во время определенных фаз луны индуцируется самим лунным светом. Таким образом, это фотопериодический эффект»¹⁰. Следовательно, можно считать, что лунный свет не так уж незначителен для развития живых организмов, как это принято было считать; может быть, он играет немаловажную роль и в развитии растений. Однако тут же у К. Хауеншильда возникает вопрос: обусловлена ли периодичность отдельных фаз развития насекомых только внешним воздействием, или существует еще и эндогенный ритм? Оказывается, что если в естественных условиях некоторое время из-за облачности не видно луны, периодичность фаз развития не нарушается. Однако исследователь предполагает, что сохранение и проявление индивидуальных эндогенных ритмов для неопределенно долгого времени без периодического стимулирования внешними факторами сомнительно¹¹. Наверное, пока еще трудно судить, насколько обоснованы высказывания К. Хауеншильда, однако его опыты, так же как и опыты М. Фингермана¹², изучавшего приливные ритмы у морских организмов, выявляют один важный факт: независимо от того, являются ли луна и лунный свет факторами, непосредственно влияющими на развитие живого организма, все-таки в цикле развития или изменений организмов отдельных видов прослеживается определенная ритмичность, синхронизирующаяся с лунными фазами и сутками. И, видимо, именно эта закономерность, ритмичность развития насекомых, если не определяющаяся, то, во всяком случае, синхронизирующаяся с изменениями фаз луны, эмпирическим путем была обнаружена грузинским земледельцем. Наблюдения над природой дали крестьянину возможность выявить и определить в зависимости от лунных фаз более или менее подходящие сроки для различных работ. Если это так, то все-таки следует отметить, что не для всяких сельскохозяйственных работ имеют значение лунные фазы; однако, видимо, выработанное народом правило постепенно, в течение веков превратилось в обычай и механически распространилось и на те случаи, когда нет в нем никакой необходимости.

В связи с изложенным, можно предположить, что результаты дальнейших, более детальных фенологических исследований энтомофауны самими энтомологами в отдельных микрорайонах, с точки зрения затронутого вопроса (синхронности периодов развития отдельных фаз различных видов насекомых с лунными фазами), послужат подтверждением этнографических данных. Последние могут быть использованы в народном хозяйстве (в борьбе с вредителями — насекомыми и т. д.).

Несколько иного порядка материал, анализируемый ниже. Как выяснилось, рассмотренные обычаи (связанные с установлением сроков сельскохозяйственных работ) сами содержат рациональное зерно. Но ряд зафиксированных в народном быту обрядов, в том числе выполняемые для обеспечения желаемой погоды (борьба с засухой и градом) и кажущиеся порой эффективными, не являются рациональными. В чем же секрет их «эффективности»? Основанные, главным образом, на имитативной магии обряды вызывания дождя (купание креста или образа богородицы в реке, моление о дожде, обливание друг друга водой и т. п.¹³), разумеется, бессильны изменить по-

⁸ См. Э. Б ю н н и н г, Ритмы физиологических процессов («Физиологические часы»), М., 1961; сб. «Биологические часы» (пер. и ред. С. Э. Шноля), М., 1964.

⁹ К. Хауеншильд, Лунные ритмы, «Биологические часы», М., 1964, стр. 682—690.

¹⁰ Там же, стр. 684—686.

¹¹ Там же, стр. 688.

¹² М. Фингерман, Приливные ритмы у морских организмов, «Биологические часы», стр. 667—676.

¹³ Г. Ф. Ч у р с и н, Очерки по этнологии Кавказа, Тифлис, 1913, стр. 59; его же, Этнографическая картина, газ. «Кавказ», № 223, 1903; И. П а н т ю х о в, О мифах и повериях туземцев Рионской долины, газ. «Кавказ», № 27, 1867; Э р - о в, Лазаре, газ. «Кавказ», № 10, 1847; М. И. С а г а р а д з е, Культурно-исторический очерк Западной Грузии, Кутаиси, 1909, стр. 70; Д. М. Б а к р а д з е, Сванетия, газ. «Кавказ», № 4, 1861; Странник, Этнографические картинки. Моление о дожде в Кахети, газ. «Кавказ», № 224, 1903; А. М и л л е р, Из поездки по Абхазии в 1907 г., «Материалы по этнографии России», т. 1, СПб., 1910, стр. 67—68; И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, Указ. раб., стр. 77—80; Г. С. Ч и т а я, Из этнографической поездки в Агбулахский район (на груз. яз.), «Вестник Гос. музея Грузии», IV, 1928, стр. 224—227, 229:

году. Но вероятно руководители этих ритуальных действий намеренно выбирали дни, когда по прогнозу народной метеорологии ожидался дождь. Этим-то и «достигалась эффективность» совершаемых обрядов и вера народа в их действенность. Мы не станем описывать обряды, связанные с вызыванием желаемой погоды и выявлять их целесообразность, так как в них нет ничего рационального. Речь пойдет лишь о народных наблюдениях в области метеорологии и физики, которые учитывались при выполнении обрядов.

Крестьянами давно замечено, что характер погоды июля — первого месяца второй половины года и января — первого месяца первой половины года — совпадает. По убеждению земледельца, число засушливых или дождливых дней, а также время выпадения осадков во второй половине года будет таким же, как в первой половине года. Информаторы прямо заявляли: «Каким был январь, таким и будет этот месяц. (июль.— Н. Б.); и часу не было разницы. Другие месяцы так не совпадают, только январь и июль. Если совпадут дни, хорошо для урожая, а если нет, то — плохо»¹⁴. Примерно то же говорится и в пословице русского крестьянина: «Лето по зиме»¹⁵.

Привлекают внимание акустические наблюдения местного земледельца. Так например, в одном селении, расположенном вдали от железной дороги, обычно не слышен звук проезжающего по мосту поезда. Однако местный житель заметил, что иногда этот звук можно услышать, и это бывает перед наступлением непогоды. Или, если вдали от моря слышен шум морских волн — будет дождь.

Иными словами, слышимость при ясной погоде намного хуже, чем перед дождем. Эти народные наблюдения не лишены реальной основы. Известно, что звуковая волна — чередование сгущений и разрежений — распространяясь в воздухе, насыщенном водяными парами, усиливается¹⁶.

Признаком наступающего ухудшения погоды является, по народным наблюдениям, и усиленное мерцание звезд даже тех, которые обычно почти не видны. Рассказывают, например, такой случай. В западногрузинское горное селение приехала группа экспедиции. Была тихая ночь, звезды сияли необычайно ярко. Члены экспедиции остались ночевать под открытым небом, во дворе, хотя хозяин, местный житель, советовал войти в дом, так как, по его мнению, ожидался дождь. Вскоре их разбудил ливень. Разразилась гроза. Промокшие люди поспешили в дом. Они спросили хозяина, как он узнал, что будет дождь. И в ответ услышали: «Сегодня вечером мои свиньи, возвращаясь домой, так дико и возбужденно хрюкали, что я сразу догадался — это к непогоде». Может быть, эта история со свиньями шутка, а может быть, поведение животных действительно послужило для наблюдательного человека фенологическим показателем, но в приведенном примере нас интересует другой момент: перед грозой небо было безоблачным и звезды необычайно яркими. В атмосферной физике известно, что мерцающие звезды — хороший ориентир для прогноза погоды. Если мерцание усиливается, значит меняется состав атмосферных масс в воздухе; на эти изменения мерцание звезд указывает быстрее метеорологических приборов¹⁷.

Несколько слов об одном обычае, связанном с борьбой против града. У грузин, как и у многих других кавказских народов, существовал обычай, по которому для прекращения града выносили во двор железные предметы. Этот обычай, вероятно, связан с культом железа, очень развитым на Кавказе. Железные предметы носили апотропический характер и использовались в различных случаях, в том числе и в борьбе с болезнями. Известно, что железо является одним из лучших электропроводников. Возможно, это обстоятельство и легло в основу особого отношения к нему. В местах, богатых родниками и водопадами, в глухих ущельях, около рек вследствие трения воздуха с водой возникают потоки электричества, которые днем, под действием солнечных лучей, распадаются и поглощаются. Однако ночью, проходя по таким местам человек, являющийся хорошим электропроводником, как бы «заряжается» этими потоками, и чувствует общее недомогание. По мнению народа, во время этой болезни, называемой «ужмури», человеком овладевает злой дух, и, чтобы выгнать его, прибегали к молитвам и заклинениям. При этом, сидя у постели больного, заклинитель держал в руках нож с янтарной рукояткой и кусок угля¹⁸. По мнению Г. Чурсина, «если применение ножа объясняется культом железа, то употребление уголька в каче-

М. К. Гегешидзе, Орошаемое земледелие в Грузии (резюме на русск. яз.), Тбилиси, 1961, стр. 78—80, 99; Н. А. Брегадзе, Указ. раб., стр. 130—135, и др.

¹⁴ Н. А. Брегадзе, Указ. раб., стр. 135.

¹⁵ В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 11.

¹⁶ Б. Н. Суслов, Звук и слух, М., 1951, стр. 13, 33.

¹⁷ И. Г. Курдиани, Оптические явления в атмосфере (на груз. яз.), Тбилиси, 1956, стр. 22.

¹⁸ Н. Какушадзе, Тайна «ужмури» (на груз. яз.), «Женщина Грузии», 1964, № 8, стр. 21—22.

стве средства против нечистой силы относится уже к области культа огня»¹⁹. Разумеется, культ огня, как и культ железа, играл немаловажную роль в религиозных верованиях народа, однако можно сказать, что в данном случае, при лечении «ужмури», как нож, так и уголек являлись эффективными средствами. В частности, они играли роль разрядителей, с помощью которых больной постепенно освобождался от недуга²⁰.

Таким образом, испытав на практике полезные свойства железа, человек воспользовался ими, в частности для лечения недуга, суть и настоящая причина происхождения которого ему оставались неизвестными. Возможно, железо постепенно приобрело значение апотропея вообще, и стало употребляться во многих даже таких случаях, когда его применение является, с практической точки зрения, совершенно бессмысленным.

Подводя итоги можно сказать, что некоторые сохранившиеся до последнего времени обычаи и обряды основаны на эмпирическом опыте земледельца и не лишены практического значения. Другие же обычаи сами не имеют никакой практической ценности, однако при их выполнении учитываются народные наблюдения над явлениями природы, чем и достигается «результативность» этих действий. Кроме того ряд обычаев, тоже не имеющих практической ценности, опирается на слепое обобщение эффективности некоторых мероприятий, выявленной лишь для других конкретных случаев.

¹⁹ Г. Ф. Чурсин, Культ железа у кавказских народов, «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та», т. 6, Тифлис, 1927, стр. 73.

²⁰ Н. Какушадзе, Указ. раб.

Р. В. Кинжалов

ДЕНЬ В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ МАЙЯ

Культура древних майя, достигшая расцвета во II—VIII вв. н. э., привлекает внимание не только ученых, но и широкого круга людей других специальностей, интересующихся развитием древних цивилизаций. Большие города с монументальными зданиями среди тропических лесов, великолепные скульптуры, яркие фрески, замечательное художественное ремесло, сложная система письменности, развитая математика, врачевание — вот характерные черты древнемаяской культуры. За последние годы, благодаря многочисленным археологическим раскопкам, дешифровке иероглифического письма и новым научным исследованиям, наши представления о жизни майя в этот период значительно изменились и расширились. Попробуем мысленно перенестись в крупнейший город майя — Тикаль, чтобы представить себе повседневную жизнь его обитателей в конце VIII в. н. э.

* * *

Раннее утро, рассвет едва брезжит. Воспользуемся тем, что большинство жителей города еще спит, и осмотрим его центральную часть.

Тикаль — огромный город. На много километров во всех направлениях от главного центра тянутся храмы, дворцы, площади, дома и сады, расположенные в живописной долине Холмуль. Вся площадь, занятая замечательными постройками, вместе с пригородами превышает пятьдесят квадратных километров.

При приближении к центру внимание сразу привлекают пять высоких ступенчатых пирамид, на вершинах которых стоят святилища. Ко входу каждого из них ведет величественная лестница, лежащая на одной из сторон пирамиды.

Подойдем к самой высокой; тело ее членится на девять мощных уступов. Археологи условно называли эту пирамиду «храмом IV», так как древнее название неизвестно. Этот храм — самое высокое сооружение, когда-либо воздвигнутое майя. Чтобы рассмотреть как следует все украшения на фризе, нам придется довольно далеко отойти от здания: ведь его высота — 71 м. Чтобы лучше представить себе эту высоту, посмотрите на современный высотный дом в двадцать два этажа.

Рискнем подняться по бесконечным крутым ступеням его лестницы. С каждым шагом все больше и больше захватывает дух: лестница очень крута, ступени узки, а перил или чего-нибудь другого, за что хотелось бы ухватиться, нет и в помине; невольно мелькает мысль: как бы не оступиться. Но зато как хорош раскрывающийся все шире и шире вид

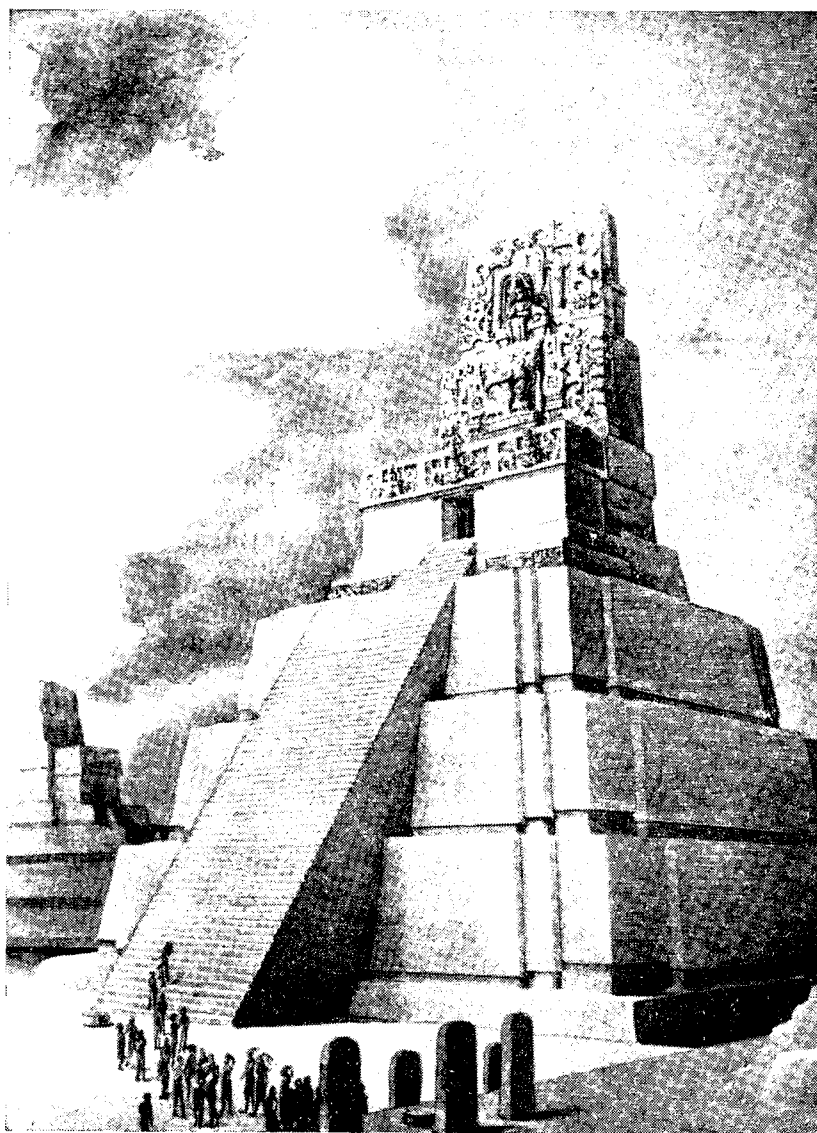

Рис. 1. Храм II (Реконструкция Т. Проскуряковой)

на город и окружающие его леса. Первые лучи солнца уже золотят вершины храмов и ближние отроги соседних гор, но дома внизу еще покрыты утренними тенями.

Мы уже достигли восьмого уступа. Здесь кончается большая лестница. На девятый уступ, к двери расположенного на нем святилища, ведет другая лестница, еще более узкая и крутая. Передохнем минутку на площадке, оббегающей пирамиду со всех четырех сторон, и взглянем еще раз на лежащий под нами город.

Отсюда ясно видно, что центр Тикаля, занимающий около шестнадцати квадратных километров, разделяется на несколько групп зданий. Самая главная из них построена на искусственно выравненном куске

земли, вроде мыса, образуемого двумя ущельями: северным и южным. Они были перекрыты дамбами так, что образовались искусственные озера. Все группы связаны между собой прекрасными мощеными дорогами, иногда пересекающимися на искусственных насыпях ущелья и водохранилища.

Отдохнув немного на площадке, мы поднимаемся на последний уступ и останавливаемся перед дверьми святилища. Стены его покрыты толстым слоем белой известковой штукатурки без всяких рельефов, только на карнизе фасада помещены три лепные колоссальные маски, изображающие головы божеств, каждая величиной не менее человеческого роста. А на плоской крыше храма возвышается еще одно сооружение: большая толстая, слегка суживающаяся кверху стена, богато украшенная лепными изображениями. Здесь и маски божеств, и различные виды сложного и прихотливого орнамента. Такие стены древние майя часто воздвигали на крышах своих зданий, чтобы они казались выше и красивее.

Войдем в храм. Сначала мы ничего не увидим. Наши глаза, ослепленные лучами утреннего солнца, игравшими на белых стенах, не могут ничего различить в царящей здесь темноте. Свет сюда проникает только через дверь.

Через несколько секунд, когда наши глаза освоились с таинственным полумраком, мы начинаем осматривать внутренность храма. Он невелик и состоит из трех узких комнат, расположенных одна за другой. В самой дальней от входа светится огонек и слышится какое-то бормотание. Несоизмеренно наше внимание привлекают массивные притолоки. Каждая из них, сделанная из саподиллового дерева, покрыта великолепной тончайшей резьбой. Пристально вглядываясь, мы начинаем различать изображения: вот правитель города-государства (*халач-виник*, на языке майя), стоящий на площадке пирамиды; над ним прихотливыми извивами расположен двухголовый дракон — обычный символ неба у майя. Вот другая притолока с изображением какой-то торжественной церемонии и с большой иероглифической надписью.

Древние архитекторы не случайно выбирали для изготовления таких притолок саподиллю. Это дерево очень прочно, оно долго не поддается ни гниению, ни вредителям-насекомым. Благодаря этому притолоки тикальских храмов сохранились до нашего времени и находятся теперь в различных музеях.

Остановимся в дверях последней комнаты. Напротив входа, на возвышении, у стены, стоит деревянная статуя бога в человеческий рост. На божестве, держащем в руках длинный жезл, украшенный вверху пучком сине-зеленых перьев кецаля, надето пышное одеяние, расшитое причудливыми узорами, головной убор, также из перьев кецаля и множество ожерелий из нефритовых бус самой разнообразной формы.

Перед статуей на небольшом каменном алтаре находится глиняный сосуд в виде головы ягуара, наполненный раскаленными угольями. Это — курильница. Стоящий на коленях жрец бормочет утреннюю молитву и время от времени кидает на раскаленные уголья небольшой черный шарик. Из курильницы сразу же поднимается густой черный, тяжело расплывающийся по комнате дым с острым и приятным смолистым запахом. Это «пом» — так называется на языке майя копаловая смола, считавшаяся у древних майя священной и всегда употреблявшаяся при религиозных церемониях.

Вот жрец, окончив молитву, берет в руки большой кусок толстой жесткой веревки и ожесточенно трет ею свой высунутый язык. Глаза его

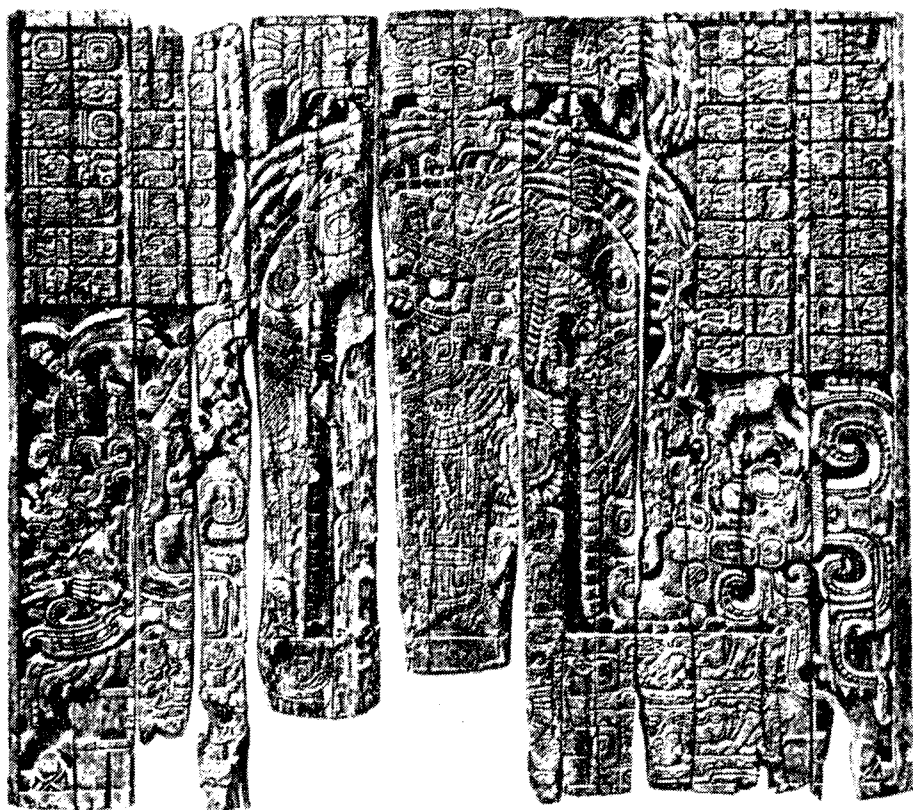

Рис. 2. Рельеф на деревянной притолоке храма IV

устремлены на бога. Проходит минута, другая... растертый язык начинает кровоточить, и в подставленный внизу сосуд начинают все чаще и чаще падать одна за другой крупные капли крови.

Что произошло с жрецом? Не сошел ли он с ума? — спросим мы. Нет, перед нами не сумасшедший; жрец совершает религиозный обряд: он приносит богу кровавую жертву. Набрав крови в сосуд, он вымажет потом ею ноги статуи. Не беда, что день или два придется обходиться без пищи, пока подживет истерзанный язык, — размышляет жрец, — зато бог получит кровавую жертву. Младший брат жреца в числе других воинов отправился уже давно в военный поход против соседнего города, и жрец молится о его благополучном возвращении с богатой добычей.

Подобные обряды часто совершались у майя. Острыми шипами агавы протыкали язык, мочку уха и другие части тела, кровь собиралась в сосуды или на бумажные полоски. На рельефах можно часто увидеть подобные жертвоприношения.

Но, пожалуй, пора покидать храм: солнце стоит уже высоко над горизонтом, а нам следует побывать еще во многих местах. Спускаться вниз по крутой лестнице еще менее приятно, чем подниматься, и недаром поэт К. Д. Бальмонт, поднявшийся по такой лестнице на майяскую пирамиду, спокойно спуститься по ней уже не смог.

«Я испытал мучительнейшие ощущения, когда мне пришлось спускаться вниз по этой широкой, но крутой лестнице без перил,— пишет он.— Едва я сделал несколько шагов вниз, как почувствовал, что смертельно бледнею, и что между мною и тем миром внизу как будто нет нити. Как только я увидел, что пришел в волнение, мое волнение немедленно удесят�ерилось, и сердце стало биться до боли. Это не был страх, это было что-то паническое. Я совершенно ясно видел, как я падаю вниз, с переломанными руками и ногами. Увы, мне пришлось спускаться спиной к подножию и лицом к лестнице, как я поднимался, опираясь обеими ладонями о верхние ступени, осторожно ощупывая ногой нижние ступени, прежде чем сделать шаг. Напоминаю, что ширина каждой ступени была менее четверти; в случае неверного шага, руками нельзя было бы уцепиться, и падение было бы неизбежно». (К. Д. Бальмонт, Змеинные цветы, СПб, 1910, стр. 27).

Но мы, конечно, не прибежем к такому способу и спустимся спокойно и осторожно, глядя прямо перед собой.

Куда же направиться теперь? Заглянем, прежде всего, в группу из нескольких небольших построек, расположенных рядом с пирамидой. Они также принадлежат к храмовому комплексу, и поэтому и здесь мы увидим жрецов. В одном из зданий мы застаем жреца, окруженного группой учеников. Это сыновья знатных лиц жрецов, мы не увидим здесь мальчиков из семей простых земледельцев. Наставник обучает их грамоте. Он медленно рисует кисточкой с синей краской один иероглиф за другим и объясняет их значение. Ученики списывают знаки и внимательно слушают: ведь учитель может каждую минуту спросить любого из них, и горе тому, кто ошибется при ответе!

В следующем здании трудится старый жрец, занятый приготовлением какого-то таинственного снадобья. Он усердно растирает ароматические травы на маленьком продолговатом каменном столике с четырьмя ножками. Обычно на таких столиках — они называются на языке майя *каа* — женщины растирают кукурузные зерна. Этот жрец пользуется у жителей Тикаля славой замечательного врача, и недаром: многие годы он провел в собирании и изучении лекарственных растений. И сейчас вокруг него расставлены десятки сосудов, в которых хранятся самые различные снадобья: здесь и какаовые бобы, и ваниль, и перец, и мед, и тыквенные семечки. На веревках развешаны засушенные травы и ветви деревьев и кустарников. Некоторые лекарства кажутся нам совсем непонятными и причудливыми. Вот, например, кусочек разбитого молнией дерева, экскременты игуаны, осинные гнезда, пережженные перья красного попугая. Последнее считается особенно сильным средством при кровавой рвоте...

Выйдем из этого дома, насквозь пропитанного запахом лекарственных трав, и направимся дальше. Но не успели мы сделать и нескольких шагов по улице, как наш слух поражают резкие хрипящие звуки деревянных труб, свистулек, изготовленных из больших морских раковин и глины, и глухие удары барабанов.

Перед нами появляется большой воинский отряд. Это воины Тикаля возвращаются после победоносного сражения с войсками соседнего города-государства Йашчилана. Впереди на носилках несут *накона* — верховного военного вождя, окруженного музыкантами и подчиненными ему начальниками. Бесстрастное лицо его выражает только спокойствие и важность, но в глубине души он доволен и горд одержанной победой. Ведь не только разбито вражеское войско, захвачена богатая добыча и пленные, но и сам предводитель войск Йашчилана побежден в поединке *наконом* и взят им в плен... На ярком полуденном солнце

переливаются перья кецаля и других птиц, которыми расшита мантия, наброшенная на плечи победителя; на руках и на груди накона поблескивают драгоценные украшения из нефрита.

За носилками стройными рядами идут воины, одетые в пухлые ватные панцири, в которых жарко и трудно; из-под деревянных шлемов, украшенных птичьими перьями и раковинами, на темные от загара лица воинов непрерывно катятся капли пота.

В руках у воинов оружие: тяжелые деревянные мечи, с обеих сторон усаженные плотно вделанными обсидиановыми лезвиями, с острыми, как бритва, краями, дротики, копья. Некоторые воины несут пращи. Вот среди рядов мелькнуло как будто бы знакомое нам лицо. Ну, конечно, это Ах-Кукум, брат того жреца, которого мы видели молящимся в храме на пирамиде. Братья очень похожи друг на друга, поэтому мы сразу узнали младшего.

Долго идут, один за другим, ряды — много воинов может выставить Тикаль. А ведь в военных действиях участвовали и отряды других, подчиненных халач-винику Тикаля городов. Но после победы након отпустил их по своим селениям, к своим семьям и хозяйственным делам.

За отрядом, в сопровождении нескольких воинов, едва движутся пленные, несущие награбленную в побежденных селениях добычу. Здесь и мешки с зерном и какаоовыми бобами, сосуды с медом и опьяняющим напитком балче, связки тканей, оружие и различные изделия искусных мастеров, которыми всегда славились поселения в долине реки Усумасинты. Окруженный особой стражей, идет, еле передвигая ноги, након Иашчилана, — он был тяжело ранен в бою.

Многое из захваченной добычи попадет в кладовые халач-виника, накона, верховного жреца и других знатных лиц Тикаля; большое количество пленных навсегда станет их рабами. Но часть добычи будет распределена среди воинов, согласно воинским заслугам каждого.

Наш знакомый Ах-Кукум уже предвкушает, какой восторг он вызовет в семье, когда принесет домой свою долю добычи. Он очень отличился в последнем сражении, и сам након похвалил его перед товарищами. Кроме того, он захватил во время боя в плен вражеского воина, и по существующим правилам этот пленный станет его рабом.

Отряд воинов направляется к дворцу халач-виника. Определим его и посмотрим, что делается там, пока посланный вперед быстроногий воин не предупредил повелителя Тикаля о приближении победоносного отряда.

Властелин занят с правителем — *батаб* (на языке майя) — соседнего поселения Иашха. Батао привез предназначенную халач-винику подать. Пока писцы и слуги пересчитывают и записывают привезенные из Иашха продукты и вещи, халач-виник беседует с батабом о том, что же теперь будет делать после поражения правитель Иашчилана. Рядом в почтительном молчании стоят придворные.

Но вот прибежавший воин сообщил одному из придворных о приближении отряда, а тот, выждав удобный момент, шепнул об этом повелителю. Халач-виник выходит наружу и останавливается посередине верхней площадки лестницы. Стоящие сзади него слуги заботливо защищают пестрыми зонтиками его голову от знойных лучей солнца.

У подножья лестницы након вылезает из носилок и медленными шагами поднимается по ступеням навстречу своему повелителю. После взаимных приветствий халач-виник и военачальник проходят в зал совещаний, где након отдает владыке Тикаля краткий предварительный

отчет. Через два или три дня полководец будет подробно описывать все происшедшее уже перед большим собранием всех руководящих лиц Тикаля и подчиненных ему поселений. А затем последует праздничная церемония, во время которой самые знатные из побежденных будут принесены в жертву.

Обрадованный богатой добычей, халач-виник благодарит накона и воинов и, посоветовавшись с подошедшим к нему верховным жрецом, назначает на сегодняшний вечер торжественные танцы в честь одержанной победы. Након отпускает воинов, и они со смехом и радостными возгласами устремляются по своим домам. Среди них и довольный Ах-Кукум. Пока халач-виник беседовал с военным вождем, молодой воин уже успел договориться с одним из придворных, что тот купит захваченного им раба. Предложенная цена — сто пятьдесят какаовых бобов — вполне устраивает Ах-Кукума.

Прежде чем мы покинем дворец халач-виника, заглянем на минутку в небольшое круглое здание, стоящее в углу дворцового двора. В центре его находится большой каменный очаг, который окружают три невысоких скамьи, идущие полукругами. Больше внутри ничего нет. Это паровая баня халач-виника, что-то вроде наших старых русских каменок. На раскаленные камни очага выливается вода, и халач-виник, сидящий на скамье, с удовольствием парится. Воду в баню, как и в другие помещения дворца, таскают в больших глиняных горшках рабы.

Часы нашей прогулки протекают незаметно. Покинем центр города и поспешим на его окраины: после дворца мы должны заглянуть и в хижины простых земледельцев-общинников — рядовых жителей Тикаля.

Вот перед нами одна из таких хижин. Здесь нет ни величественных лестниц у входа, ни массивных оштукатуренных стен с лепными украшениями и росписями. В простом глинобитном полу плотно укреплены четыре деревянных столба по углам хижины. Соединяющие их несколько жердей переплетены древесными ветками и тростником. На этот переплет, как на основу, наложен слой глиняной обмазки. Высокая двускатная крыша настлана из крупных стеблей тростника и кукурузы. В середине передней, фасадной, выходящей на улицу стены прорезана дверь. Внутри хижина делится на две половины стеной, идущей параллельно фасаду и также имеющей дверь посередине.

Заглянем в хижину. Внутреннее ее убранство так же просто и бедно, как и внешний вид. Очаг, две или три деревянных скамьи, маленький, круглый низкий столик, да различная хозяйственная утварь, — вот и вся обстановка дома. Во второй, задней половине хижины — спальня висят гамаки, заменяющие ночью постели членам семьи.

У пылающего очага суетится хозяйка дома, занятая приготовлением пищи. Она берет прокипяченные и остуженные зерна кукурузы (предварительно они пролежали около суток в известковом растворе) и мелет их на каменной зернотерке, состоящей из большого плоского камня и терки из пористого туфа. В более богатых домах в качестве зернотерки употребляется каа, которое мы видели у жреца, приготовлявшего лекарства. Смолотые зерна образуют липкую тестообразную массу, из которой хозяйка сразу же делает большие тонкие лепешки, похожие по форме на наши блины. Эти лепешки (по-майяски — *уах*) она затем поджаривает на глиняной сковородке, стоящей на очаге. Готовые она складывает в половинку высушенной тыквы, служащую ей чашкой. Здесь же, на углях, стоит кипящий горшок с черными бобами. Вот и весь обед простого жителя — труженика Тикаля.

Не будем мешать хозяйке: время обеда уже недалеко, а ей надо напечь еще много лепешек. Заглянем лучше в другую хижину напротив, откуда раздаются громкие голоса.

Здесь мы оказываемся свидетелями церемонии, называемой на языке майя *хецмек*. Это своеобразное знакомство новорожденного с теми обязанностями, которые ему (или ей) придется выполнять в жизни. Три месяца назад у хозяев дома родился первый ребенок — девочка. Молодая мать, желая, чтобы ее дочка выросла красивой, с помощью других женщин несколько дней привязывала две плоские дощечки к лбу и затылку новорожденной. Благодаря этому лоб ребенка приобретает вид плоской, отступающей вверху назад поверхности, что считается очень красивым. С подобной же целью к волосам девочки на уровне глаз подвешен маленький шарик из каучука. Глаза ребенка будут следить за прыгающим при ее движениях шариком, и девочка вырастет косоглазой. А косоглазие — тоже одно из необходимейших у древних майя признаков красоты.

Сияющий радостью молодой отец передает ребенка пожилому индейцу — приемному отцу. Взяв девочку на руки, приемный отец медленно обходит с ней вокруг стола, на котором лежат девять предметов: веретено, нитки, иголка, сковородка для приготовления кукурузных лепешек и другие вещи, необходимые каждой хозяйке дома. Взяв веретено, старик вкладывает его в ручку малыша и говорит: «Вот веретено которым ты будешь прясть пряжу». Затем, положив веретено, приемный отец снова обходит стол, на этот раз с тяжелой сковородкой, произнося: «Вот это сковородка, на которой ты будешь печь лепешки». Таким образом, они совершают девять кругов около стола.

После этого с девочкой идет приемная мать, совершающая тоже девять кругов, и повторяет те же слова. После каждого круга она съедает тыквенное семечко. Закончив обходы, приемная мать передает девочку приемному отцу, а тот вручает ребенка отцу.

Церемония окончена. Родители очень довольны: все обряды выполнены по всем полагающимся правилам и без всякой спешки. Теперь можно пригласить приемных родителей покушать: ради такого торжественного дня сегодня был зажарен целый индюк. А это блюдо не так уж часто бывает на столе земледельца!

Выйдя из хижины на улицу, мы натываемся на огромную толпу людей. Надрываясь, все облитые потом, они тащат обвязанную толстыми крепкими веревками из волокон агавы огромную продолговатую четырехгранную глыбу камня. Приближается день завершения *катуна* — двадцатилетнего периода в календаре майя, — а завершение катуна обязательно должно быть отмечено воздвижением новой стелы.

Медленно двигается глыба на катках из толстых крепких стволов, все время подкладываемых специально следящими за этим людьми. Несколько человек спереди и сзади монолита, действуя длинными жердями, как рычагами, приподнимают его концы, чтобы облегчить движение. Немудрено, ведь глыба весит несколько тонн¹, а движет ее только сила человеческих мускулов.

Очень долго этот кусок камня отбивали в каменоломнях от скалы. Невероятные усилия нужны были, чтобы дотащить обтесанную вчерне глыбу из каменоломен до Тикаля. Сколько же труда, пота, мучений, а часто и человеческих жизней было затрачено на то, чтобы воздвигнуть все те многочисленные храмы, дворцы и другие громадные каменные сооружения, находящиеся перед нашими глазами!

¹ Самая большая из известных нам стел майя — стела Е в городе Киригуа, в Гватемале — весит 65 т. Высота ее равна 11 м.

Мы застаем стелу уже в самом конце ее долгого путешествия. Но все-таки проходит более двух часов, пока глыбу подтащут к предназначенному ей месту.

Здесь начинается новый этап работы. Монолит поднимают на большой бревенчатый помост, имеющий с одной стороны пологий, медленно поднимающийся вверх спуск, а с другой — крутой. У нижнего конца крутого спуска в земле уже вырыта большая яма для укрепления стелы, обложенная крупными плитами камня. Стела, втащенная на помост по отлогому спуску, располагается так, что один ее конец нависает над крутым спуском. При дальнейшем ее продвижении глыба начинает скользить по крутому спуску и конец ее попадает в приготовленное в земле гнездо. Затем, при помощи веревок и примитивных блоков, стелу ставят в вертикальное положение, и нижний конец ее наглухо закрепляется в гнезде, чтобы она не могла потом как-нибудь изменить свое положение.

Неподалеку от работающих над установкой стелы стоит пожилой скульптор, окруженный молодыми помощниками. Он медленно переводит задумчивый взгляд то на стелу, то на развернутый свиток, который он держит в левой руке. На бумаге искусной рукой жреца выведена та надпись, которая должна быть высечена на стеле. Сейчас скульптор обдумывает, как он изобразит на передней стороне стелы победоносного халач-виника Тикаля.

Наблюдая за установкой стелы, мы провели незаметно несколько часов. Солнце уже низко стоит над горизонтом; от пирамид на земле протянулись длинные тени. Пойдемте, побродим еще несколько часов по городу, пока светло: с наступлением сумерек на улицах не увидишь ни одной живой души. Жители Тикаля, как и других поселений майя, рано встают, но зато и рано ложатся спать.

По улицам медленно бредут возвращающиеся с работы на своих полях усталые земледельцы. Придя домой, каждый из них прежде всего примет теплую ванну: жена уже ждет его с нагретой водой, деревянным корытом и чистой одеждой. Чистоплотность — одно из самых насущных условий в жизни майя. Недаром, по старому закону, муж имеет право избить свою жену, если она не приготовит ему теплой воды для купанья ко времени его возвращения с работы.

После купанья и еды люди выходят из дома и направляются к центру города. Все уже знают, что халач-виник назначил сегодня танцы в честь возвратившегося с победой воинского отряда.

Присоединимся к одной из групп горожан и пройдем с ней на центральную площадь Тикаля. Как много собралось здесь народа! Люди плотной массой окружили танцевальную платформу — невысокую, в человеческий рост огромную насыпь, облицованную отесанными плитами камня. Бока ее скошены, и по двум из них на верхнюю площадку идут широкие лестницы. Таких танцевальных платформ в Тикале несколько.

Повелитель Тикаля, након и верховный жрец также уже находятся здесь. Они удобно расположились на верхней площадке соседней пирамиды и будут смотреть на танцы с высоты птичьего полета. Халач-виник при этом думает о своем отце, останки которого покоятся в склепе глубоко внизу, в толще пирамиды. Как он, давний враг Йашчилана, был бы рад услышать о причине сегодняшнего праздника!

Танцы у древних майя не имели того характера, который им присущ в настоящее время. Это были массовые театрализованные зрелища, в которых иногда принимали участие до восьмисот человек. Вот и сейчас на платформе находятся около двухсот юношей, неподвижно ожидаю-

щих начала танцев. Все они одеты в парадные костюмы, тела их щедро раскрашены красной, черной и синей красками, головы украшены разноцветными перьями. У одних в руках — копья, у других — длинные древки с небольшими флажками из ткани, расшитой перьями.

Но вот халач-виник на пирамиде махнул рукой. Это знак к началу танцев. Глухо раздаются удары большого деревянного барабана, вот к нему присоединяется второй, третий, четвертый..., тревожно свистят флейты..., гудят длинные трубы..., музыканты стараются изо всех сил.

Первый ряд юношей делает длинный шаг и замирает. Вторым, третьим и другими рядами повторяют их движения. Удары барабана становятся все более частыми и, повинаясь ритму музыки, движения танцующих также ускоряются... Вот один ряд юношей грозно наступает на другой... Секундная ожесточенная схватка и по-прежнему стройные ряды отступают к краям платформы.

Но это же не танец, скажем мы. Это скорее напоминает какие-то военные упражнения. Да, таков характер танца, называющегося *холкан-окот*. Недаром его танцуют только при случаях, связанных с войной.

Долго длится празднество; звуки музыки время от времени прерываются одобрительными криками зрителей. Но вот солнце, бросив прощальный луч на вершину храма IV, медленно скрывается за отрогами соседних гор. Танец кончается. Усталые участники и довольные зрители не спеша расходятся по домам, обсуждая события сегодняшнего дня.

Скоро в огромном городе все затихает: уставшие за день люди крепко спят. Только из одного здания доносятся громкие печальные крики. Что там случилось?

В этом доме сегодня утром умер один из членов семьи — долго болевший старик. Днем умерших полагается оплакивать молча, и только с наступлением темноты разрешается дать волю своим чувствам.

Медленно плывет по небу луна, освещая своим молочно-сияющим светом уснувший Тикаль. Бодрствуют на вершинах храмов-пирамид только жрецы, занимающиеся изучением небесных светил. Они внимательно наблюдают и записывают расположение планет и звезд, а завтра, пользуясь этими записями, будут делать новые вычисления для календаря.

Литература и источники

- E. M. Shook. *Investigaciones arqueologicas en las ruinas de Tikal*, «Antropologia e Historia de Guatemala», t. 3, № 1, Guatemala, 1951; H. Berlin, *El Templo de las Inscripciones VI de Tikal*, Там же; «The Tikal Project», «University Museum Bulletin», v. 21, № 3, Philadelphia, 1957; W. R. Coe, *Two carved lintels from Tikal*, «Archaeology», v. 11, № 2, Cambridge, 1958; E. M. Shook, *The Temple of the Red Stela*, «Expedition», v. 1, № 1, Philadelphia, 1958; E. M. Shook, *Field Directors Report: the 1956 and 1957 seasons*, «Tikal reports», № 1, Museum Monographs, The University Museum (далее — T. R.), 1958; W. R. Coe and V. L. Broman, *Excavations in the stela 23 group*, T. R., № 2, 1958; L. Satterthwaite, *The problem of abnormal stela placements at Tikal and elsewhere*, T. R., № 3, 1958; L. Satterthwaite, *Five newly discovered carved monuments at Tikal and new data on four others*, T. R., № 4, 1958; R. Castañeda Paganini, *Tikal, Guatemala*, 1958; L. C. Walker, *Maya graffiti as art*, «Art in the South», Lafayette, 1959; L. Satterthwaite and E. K. Ralph, *New radiocarbon dates and the Maya correlation problem*, «American Antiquity», v. 26, № 2, Salt Lake City, 1960; E. M. Shook, *Tikal Stela 29*, «Expedition», v. 2, № 2, 1960; E. M. Shook and W. R. Coe, *Tikal: numeration, terminology, and objectives*, TR, № 5, 1961; W. R. Coe, E. M. Shook, L. Satterthwaite, *The carved wooden lintels of Tikal*, TR, № 6, 1961; R. E. Adams and A. S. Trik, *Temple I (str. 5D—1): Post-constructional activities*, TR, № 7, 1961; L. Satterthwaite, V. L. Broman, W. A. Haviland, *Miscellaneous investigations: Excavation near Fragment I of Stela 17, with observations on Stela P34 and Miscellaneous Stone 25; excavation of Stela 25, Fragment 1; excavation of Stela 27; excavations of Stela 28, Fragment 1*, TR, № 8, 1961; L. Satterthwaite, *The*

mounds and monuments of Xutilha, TR, № 9, 1961; E. M. Shook and A. Kidder II, The painted tomb at Tikal, «Expedition», v. 4, № 1, 1961; R. F. Carr and J. E. Hazard, Map of the ruins of Tikal, TR, № 11, 1961; W. R. Coe, A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala: 1956—1961, «American Antiquity», v. 27, № 4, 1962; W. A. Haviland, A «miniature stela» from Tikal, «Expedition», v. 4, № 3, 1962; H. Moholy-Nagy, A Tlaloc stela from Tikal, «Expedition», v. 4, № 2, 1962; W. D. Laws, An investigation of temple plasters from Tikal, Guatemala, with evidence of the use by the ancient Maya of plant extracts in plaster making, «Wrightia», v. 2, № 5, Renner, 1962; W. R. Coe, Current research (Tikal), «American Antiquity», v. 28, № 3, 1963; P. D. Harrison, A jade pendant from Tikal, «Expedition», v. 5, № 2, 1963; A. S. Trik, The splendid tomb of Temple I at Tikal, «Expedition», v. 6, № 1, 1963; W. R. Coe, A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala, 1962, «Estudios de Cultura Maya», v. III, México, 1963; T. P. Culbert, Ceramic research at Tikal, «Ceramica de Cultura Maya», v. 1, № 2—3, Cambridge, 1963; H. T. Webster, Tikal graffiti, «Expedition», v. 6, № 1, Philadelphia, 1963; T. S. Barthel, Die Stele 31 von Tikal, «Tribus», № 12, Stuttgart, 1963; W. R. Coe, Current research (Tikal), «American Antiquity», v. 29, № 3, 1964; L. Satterthwaite, Dates in a new hieroglyphic text as katun-bactun anniversaries, «Estudios de Cultura Maya», v. IV, 1964; E. M. Shook, Archaeological investigations in Tikal, «Actas y Memorias del XXXV Congreso Internacional de Americanistas», v. 1, México, 1964; M. Foncerrada de Molina, Fechas de radiocarbono en el área Maya, «Estudios de Cultura Maya», v. IV, 1964; W. A. Haviland, Prehistoric settlement at Tikal, «Expedition», v. 7, № 3, 1965; D. E. Puleston, The chultuns of Tikal, Там же, стр. 24—29; W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya civilization, «Science», v. 147, № 3664, Washington, 1965; W. R. Coe, Tikal: ten years of study of a Maya ruin in the lowlands of Guatemala, «Expedition», v. 8, № 1, 1965; H. Moholy-Nagy, Mosaic figures from Tikal, «Archaeology», v. 19, № 2, New York, 1966; W. R. Coe, Tikal caches 1—56, TR, № 13, 1966.

III ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ФИЛОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

В 1958 г. советские ученые, занимающиеся Древним Востоком, по инициативе В. В. Струве собрались на свою первую научную всесоюзную конференцию, и с тех пор регулярно собираются раз в четыре года¹.

3—8 февраля 1966 г. в Москве состоялась III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока, посвященная памяти выдающегося советского востоковеда В. В. Струве. На первом пленарном заседании был зачитан его доклад «Две стереометрические задачи Московского математического папируса».

После вступительного слова Б. Г. Гафурова с докладами о значении работ В. В. Струве для развития исторической науки выступили М. А. Коростовцев («Жизнь и труды акад. В. В. Струве»), Б. Б. Пиотровский («Акад. В. В. Струве и изучение Урарту»), Д. Г. Редер («Труды акад. В. В. Струве по шумерологии и их значение»), Д. П. Каллистов («Акад. В. В. Струве и история античности»).

Второе пленарное заседание 8 февраля открылось докладом Б. В. Андрианова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Современные исследования и проблема происхождения ирригационного земледелия». Как отметил докладчик, в работах многих исследователей — ботаников, археологов, этнографов уделено большое внимание выявлению естественно-географических предпосылок возникновения орошаемого земледелия в аридной зоне и формирования древнейших хозяйственно-культурных типов. Особенно велики заслуги выдающегося советского ботаника Н. И. Вавилова, разработавшего учение о центрах древнейших земледельческих культур. Уже в мезолите и раннем неолите люди (так называемые «сборщики урожая») накопили первичный опыт в использовании, а затем и культивации некоторых пищевых растений, научились управлять их ростом и т. д. Большую роль в формировании ирригационного земледелия, имевшего как в Новом, так и в Старом Свете полицентрический характер, играли физико-географические условия (наличие очагов дикорастущих полезных растений, а также, возможно, циклические изменения климата). Решающее значение в развитии ирригационной техники и превращении ирригационного земледелия в хозяйственную базу древнейших государств Востока имело появление металлических землеройных и земледельческих орудий. Создание и поддержание оросительных систем, регулирование паводков крупнейших рек Древнего Востока было важнейшей отраслью общественного производства. Развитие ирригации было тесно связано с возникновением в густонаселенных речных долинах централизованных деспотических государственных образований. На материалах главным образом Древнего Хорезма докладчик рассказал о возникновении и развитии ирригационного земледелия. Он подверг критике вульгарно-географические гипотезы о причинах расцвета и запустения древних оазисов. Б. В. Андрианов привлек большой иллюстративный материал (в том числе картографический) по истории земледелия.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступил с докладом «Что может дать этнография для понимания характера древневосточной общины». Проблема общины, отметил докладчик, решается ныне по-новому как этнографами, так и историками древности. Некоторые советские этнографы пришли к выводу, что основной ячейкой доклассового общества является не род, а община. Историки древности, со своей стороны, показали, что община в древнем мире была не пережитком, как думали раньше, а жизнеспособным социальным организмом. Такое изменение во взглядах на общину привлекло к ней внимание, создало общность интересов и потребность в объединении усилий исследователей, работающих в этих областях. По мнению докладчика, древневосточная община занимает промежуточное положение между родовой и сельской общинами: она состоит из нескольких домовых или большесемейных

¹ Первая Всесоюзная конференция состоялась в Ленинграде 12—17 мая 1958 г. См. «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1959, № 1, стр. 207—212. Вторая Всесоюзная конференция также проводилась в Ленинграде 14—19 мая 1962 г. См. ВДИ, 1963, № 1, стр. 166—195.

общин; в ней имеются две формы общинной собственности (собственность общины в целом и собственность домовых общин); существует родовая организация, причем каждый род состоит из нескольких частей, расселенных в разных деревнях. Учитывая все эти признаки, Н. А. Бутинов приходит к выводу, что древневосточная община была семейно-родовой. В докладе были приведены этнографические материалы по народам Америки, Африки, Юго-Восточной Азии, Океании, свидетельствующие о том, что семейно-родовая община существовала не только на Древнем Востоке, но и у многих других народов, и представляет собой закономерный этап в развитии общинной организации.

И. А. Стучевский (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) большую часть своего доклада «Первичные классовые формации и проблема азиатского способа производства»² посвятил анализу эволюции взглядов В. В. Струве на характер древневосточного общества. Докладчик считает, что рабовладение и феодализм являются не двумя последовательными стадиями развития общества, а двумя укладами, которые, переплетаясь друг с другом, сосуществовали на протяжении длительного периода истории в ряде стран, например Древнем Египте. По его мнению, основным, господствующим был феодальный уклад, рабовладение же играло второстепенную роль. Докладчик высказал предположение, что такое переплетение этих двух укладов, может быть, и есть азиатский способ производства.

Доклад Ю. М. Кобишанова (Ин-т Африки, Москва) «„Феодализм“, „рабство“ и „азиатский способ производства“» носил характер схемы, совершенно не подкрепленной фактическим материалом. Так, считая все формулировки основного закона феодализма неудовлетворительными, Ю. М. Кобишанов в общем не выдвинул своего позитивного предложения как по этому, так и по другим вопросам³.

На заседании был также зачитан сокращенный текст доклада Г. А. Меликишвили (Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, Тбилиси) «К вопросу о характере древнейших классовых обществ»⁴.

4, 5 и 7 февраля на конференции работали пять секций: египтологии; ассириологии и семитологии; хеттологии и урартоведения; Среднего Востока и Индии; Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, на которых было заслушано около 90 докладов. Мы остановимся лишь на тех из них, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес для этнографов.

Ряд докладов был посвящен проблемам этногенеза и этнической истории народов Востока. Н. Н. Чебоксаров (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) прочитал доклад «К вопросу о происхождении китайцев в свете данных антропологии». Основываясь на большом антропологическом материале, в значительной мере собранном самим докладчиком в СССР и КНР в течение более чем 30 лет, Н. Н. Чебоксаров пришел к выводу, что китайский народ, как и все другие крупные народы мира, в расовом отношении очень неоднороден. В формировании его антропологического состава приняли участие все три большие расы: монголоиды, европеоиды (на северо-западе) и негро-австралоиды (на юге). Монголоиды представлены в Китае двумя группами: северо-западной, или континентальной, и юго-восточной, или тихоокеанской. Различия между этими группами не меньше, чем между северными (светлыми) и южными (темными) европеоидами. Палеоантропологические материалы дают возможность предполагать, что предки китайцев были расово неоднородными уже в III тысячелетии до н. э. в период неолитической культуры Яншао. Краниологические серии из бассейна р. Вэй, связанные с этой культурой, обнаруживают наличие южномонголонидных компонентов, переходных к экваториальным расовым типам. В то же время в северо-западных сериях того же периода (с территории провинции Ганьсу) выступают европеоидные компоненты, проникшие сюда с запада, скорее всего из Средней Азии или Южной Сибири. Особенно сложна антропологическая структура населения южных провинций современного Китая, где как среди национальных меньшинств, так и среди самих китайцев сильно выражены негро-австралоидные (экваториальные) расовые особенности. Нет сомнения, что коренное население южных провинций не только не было китайским по языку, но и антропологически сильно отличалось от насельников бассейна Хуанхэ.

Е. В. Иванова (Ин-т этнографии, АН СССР, Ленинград) в своем докладе «Этнический состав населения первых государств на территории Таиланда», используя

² Основные положения доклада разработаны И. А. Стучевским совместно с Л. С. Васильевым. См. их статью «Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ», «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 77—90.

³ Многие из тезисов доклада Ю. М. Кобишанова были изложены им 27 июня 1965 г. в выступлении на дискуссии в Институте народов Азии АН СССР. См. сборник «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)», М., 1966, стр. 42—47.

⁴ Полный текст доклада Г. А. Меликишвили опубликован в журнале «Вопросы истории», 1966, № 1.1, стр. 65—80.

письменные источники, памятники архитектуры и скульптуры и другие материалы, убедительно показала, что в течение всего I тысячелетия н. э. территория центрального и северного Таиланда была населена монами и родственными им лава. В северо-востоке Таиланда проходила граница между областями с монским и кхмерским влиянием. В северной части Малаккского полуострова соприкасались области с монским и малайским населением. Вторжение в конце I тысячелетия н. э. кхмеров в центральный Таиланд не сопровождалось существенными изменениями в этническом составе населения этого района. Коренное изменение этнического облика населения северного и центрального Таиланда произошло в результате миграции тайских народов, затронувшей северный Таиланд уже в середине I тысячелетия, а к концу I тысячелетия коснувшейся и центрального Таиланда.

Оживленные прения вызвал доклад А. М. Решетова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Этнический состав Ханьского Китая».

М. А. Дандамаев (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) проанализировал данные позднеавиловских документов о саках (среднеазиатских скифах).

Доклад С. А. Маретин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) был посвящен раннегосударственным образованиям на территории Ассам. Ранняя история народов, населяющих современный Ассам, изучена недостаточно. Однако, по мнению докладчицы, и те скудные материалы, которые имеются, позволяют говорить о том, что здесь в начале II тысячелетия нашей эры существовали раннеклассовые государства, достигшие высокого уровня развития. Создателями этих государств были народы бодо тибетобирманской группы (качари, чхутия, кочхи, типпера). О древности обитания народов бодо на этой территории свидетельствуют данные топонимии. Первое государство возникло около XIII в. у качари. В докладе был приведен интересный материал о превращении некоторых родов качари в группы сословно-иерархического характера, о сложении к XVI в. сословно- профессиональной иерархии кастового типа. Разгром к концу XVI в. государства качари ахомами привел к ассимиляции феодальной верхушки качари; основная же масса населения была отнесена в труднодоступные горные районы, где продолжала изолированное существование. Аналогичные раннеклассовые государства были созданы и другими народами этой группы — чхутия, кочхами, типпера, но на несколько столетий позже — XV—XVI вв. — уже под влиянием индуизма. Интересна для этнографа дальнейшая судьба этих народов: высшие их слои, принявшие индуизм, вошли в качестве одного из компонентов в состав ассамской народности; то же произошло и с некоторыми группами рядовых земледельцев, кочхи и чхутии образовали касты; лишь гаро и димаса, населявшие наиболее удаленные районы, сохранили свою этническую самостоятельность и черты первобытной демократии. По мнению автора, становление ранних государств у горных народов Ассам — в первую очередь государства качари — происходило в ходе разложения общины, на базе превращения старых родов в сословия и группы кастового типа и было результатом самостоятельного развития общества бодо, так как процессы индуизации стали давать себя знать лишь с конца XVI в. При наличии рабовладения как уклада здесь складывались отношения раннефеодалного характера.

Ю. В. Маретин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступил с докладом «Первые государства Индонезии и их характер (II—VII вв.)». Во вводной части докладчик остановился на некоторых общих вопросах древней истории Индонезии. По его мнению, имеющиеся данные позволяют сделать вывод о самостоятельном развитии государственности в древней Индонезии. Признавая огромное влияние древней индийской культуры на развитие Индонезии и других государств Юго-Восточной Азии, Ю. В. Маретин вместе с тем выразил несогласие с теориями, объясняющими развитие индонезийского общества только — или преимущественно — «индийской колонизацией». Такие теории докладчик считает неверными ни с методологической, ни с фактической стороны, хотя учитывать внешние влияния безусловно следует, иначе картина исторического развития будет искаженной. Первые индонезийские государства складывались на базе разложения родовой общины и имели тенденцию к развитию по феодальному пути. Автономные общины (не только соседского типа, но и сохранявшие сильные пережитки родовых отношений общины соседско-большесемейного типа) были основой экономической структуры этих государств. Верховным собственником на обрабатываемую землю выступало государство в лице своего главы, частная собственность на землю отсутствовала. Рабовладение носило характер уклада, не являясь определяющим моментом в производстве. Эти первые государства по своей социально-экономической структуре значительно отличались друг от друга. Одни из них могут быть отнесены к государствам, в которых господствовали отношения, пока условно обозначаемые термином «азиатский способ производства», т. е. к деспотиям; другие же могут быть охарактеризованы как раннефеодалные. Интересна попытка классификации древних индонезийских государств, сделанная докладчиком. Он выделил следующие типы государств: деспотические империи, основывавшие свою экономику либо на земледелии (труд свободных общинников), либо на широкой морской торговле; небольшие государства типа княжеств, также основанные либо на земледелии с использованием труд свободных общинников, либо на морской торговле (при этом такие государства выступали

нали в качестве пассивного контрагента в торговле, в отличие от государств первого типа, ведших самостоятельные морские операции); раннегосударственные образования в виде союзов автономных общин, где родовые отношения уступали место территориальным, а ранние сословия переходили в классы; наконец, союзы племен.

Доклад Ю. В. Ионовой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) был посвящен социально-экономическому строю древнекорейских государств Когурё, Пэкче и Силла. Этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным. Ю. В. Ионовна отметила большую роль общины в образованиях древнекорейских государств. Согласно письменным источникам, государства Когурё и Силла образовались на базе объединения пяти общин-поселений Когурё и шести общин-поселений Силла. Процесс внутриобщинного расслоения у корейцев к I в. нашей эры зашел настолько далеко, что общество уже делилось на простых общинников «хахо» и чиновничью аристократию «га», которая вышла из общины и жила в городе. Образование древнекорейских государств на основе объединения общин и внутриобщинного расслоения определило характер социально-экономического строя древнекорейских государств, основными признаками которых были: государственная собственность на землю и эксплуатация общинников чиновниками, не имеющими права частной собственности на землю. Рабы в экономике этих государств играли незначительную роль. Отсутствие частной собственности на землю и эксплуатация общинников позволяют, как полагает докладчик, сделать вывод о существовании в Когурё, Пэкче и Силла азиатского способа производства.

В докладе Л. Л. Викторовой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) рассматривался вопрос о социальной организации у древних монголов. По ее мнению, «на рубеже нашей эры у древнемонгольских племен (ухуань и сяньби) существовала родовая община: землевладение было общинным и родовым, землепользование — родовым и посемейным; скот находился в собственности отдельных семей». В докладе подчеркнута большая роль семьи. Каждый из супругов имел свои права и обязанности, свою собственность. Старшие дети выделялись при жизни родителей, неразделенное имущество наследовал младший сын, который был обязан содержать старых родителей. Во главе общины стоял выборный старейшина, в обязанности которого входили: организация защиты земель общины от нападений извне, рассмотрение споров внутри общины, организация облавных охот, наблюдение за правильным использованием пастбищных и других земель. Различалось родство по кости (отцовское) и по крови (материнское), но жертвоприношения совершались предками по отцовской линии. Периодические родичи по кости собирались для совершения обрядов, связанных с родовыми культами, которые отправляли старейшие в роде. Однако ряд положений докладчика, очевидно, нуждается в уточнении. В частности, при столь значительной роли семьи, посемейном землепользовании и наличии собственности на скот у отдельных семей, вряд ли можно говорить о родовой общине. Правильнее было бы считать ее патриархальной, домашней, или семейно-родовой общиной.

М. В. Крюков (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) выступил с докладом «Принципы дешифровки иньских надписей и так называемые „термины рабства“ эпохи Инь». В общих и специальных работах по истории иньского общества (XIV—XI вв. до н. э.) нередко встречаются упоминания о терминах рабства. Однако в последние годы высказывались сомнения в правильности дешифровки этих терминов. В сообщении сделана попытка рассмотреть все «термины рабства» в свете общих критериев дешифровки иньских надписей. Считая, что основным принципом интерпретации социальных терминов должен быть принцип контекста, докладчик рассматривает термины с этой точки зрения и приходит к выводу, что рассматриваемые знаки представляют собой не термины рабства, а являются собственными именами: наименованиями крупных территориально-родственных групп, входивших в иньскую коалицию.

Ряд докладов был посвящен изучению преимущественно конкретных вопросов социально-экономической истории стран Древнего Востока. Так, М. Л. Гельцер (Педагогический институт, Вильнюс) выступил с интересным, весьма аргументированным фактами, докладом «Органы общинного самоуправления и их функции в Угарите»; А. Г. Лундин (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) с докладом «Сабейский совет старейшин»; Е. М. Медведев (Ин-т восточных языков, МГУ) — «К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии»; А. Г. Периханян (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «Сасанидское частное целевое имущество и происхождение вакфа»; И. Ф. Фихман (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «Данные о рабах позднеримского Египта и новейших папирологических публикациях» и т. д.

В докладе Э. М. Яншиной (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) «Боги и „чиновники“ (по материалам древнекитайских памятников)» рассматривались случаи совпадения имен богов и лиц, облеченных общественными обязанностями, традиционно называемых чиновниками. В частности, анализировались термины хоуцзи, сыминь, сымэн, цинши, мэйши. Рассмотренные случаи совпадения не представляли собой столь частую в древнекитайской традиции наивно-рационалистическую трактовку старинных богов, а отражали действительно имевшее место «дублирование» имен богов названиями должностных лиц, наделенных жреческими, хозяйственно-административными и дру-

гими функциями. Исходным моментом подобного «дублирования», по мнению докладчика, был теофорный характер рассмотренных знаний, ведущих, как она полагает, свое происхождение от «фамилий» потомственной знати, выступавшей первоначально в качестве жреческой знати.

Интересному сюжету из истории Японии был посвящен доклад С. А. Арутюнова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Был ли поход Дзимму-Тэнно?». Докладчик доказывал, что мифическое сказание о походе первого «императора» Японии Дзимму из западных областей Японии в центральные имеет под собой реальную почву, но описываемое событие относится не к VII в. до н. э., как это утверждает сказание, а к концу III — началу IV в. н. э., т. е. почти на тысячу лет позже. Конечно, это не был «тэнно» (император) в нынешнем смысле этого слова, может быть, его не звали Дзимму, но событие это имело место. Археологически оно связано с переходом от двух различных бронзовых культур Японии — западной «культуры мечей» и центральной «культуры колоколов» к единой раннежелезной курганной культуре, отразившей становление первого общенационального государства Ямато. Основной смысл доклада был в сопоставлении данных четырех источников: китайских сведений о Японии в «Вэйчжи», вышеуказанных археологических выводов, сведений о падении царства У и об эмиграции успев в Японию в 237 г. и главное — сведений корейской летописи «Самкук Саги» о силланско-японских отношениях в III—IV вв. н. э. С. А. Арутюнов делает вывод, что события, связываемые легендой с именем Дзимму, произошли в 295—300 гг. н. э. Это был шестилетний военный поход, в результате которого военно-племенная знать Северного Кюсю, завоевав центральные области Японии, перенесла сюда свою ставку. С этого момента можно считать начало японской государственности и сложения общеперской культуры.

Доклады Р. Ш. Джарылгасиновой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Китайские источники по истории древнего Чосона» и Р. В. Вяткина (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) «„Бэнь-Цзи“ Сымая Цяня как исторический источник» носили историкоисследовательский характер.

Большое место в работе конференции заняли вопросы идеологии древнего общества. В. А. Рубин (Фундаментальная б-ка общественных наук, Москва) в докладе «Пolemика Мэн-цзы с легистами» убедительно показал, что Мэн-цзы полемизировал не только с моистами, но и с легистами, выступая против деспотизма. Идея гуманного управления разработана им именно в полемике с легистами.

Л. С. Переломов (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) прочитал доклад «Политическая программа Шан Яна и ее роль в становлении деспотического государства в Китае». Л. С. Васильев (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) в докладе «Конфуцианство и легизм в древнем Китае (опыт социологической оценки)» подчеркнул, что, хотя с падением империи Цинь конфуцианство формально восторжествовало, легизм в Китае не исчез окончательно, напротив, многие его положения были фактически восприняты конфуцианской администрацией. Л. Д. Позднеева (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) выступила с докладом «К вопросу о переоценке национального наследия в Китае».

Б. Я. Волчок (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) посвятила свой доклад анализу некоторых сюжетных изображений на печатях и амулетах, обнаруженных при археологических раскопках древних городов долины р. Инд — Мохенджо-Даро, Харалпа, Чанку-Даро и других, менее крупных поселений. Исследование этих сюжетов, сопоставление их с иконографическим материалом более поздних религий Индии позволяют истолковать их как космогонические. По-видимому, космогонические представления буддизма и индуизма восходят в значительной мере к протоиндийским. Например, докладчик считает возможным пересмотреть принятое в научной литературе толкование известного изображения трехликого бога на печати из Мохенджо-Даро. Трехликий бог, сидящий на троне, в окружении зверей, обычно отождествляется с индуистским Шивой в образе Пашупати — «владыка зверей». Б. Я. Волчок приводит ряд аргументов в пользу истолкования этого персонажа протоиндийского пантеона как «Владыки мира».

Г. Г. Стратанович (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) прочитал доклад на тему «Ктенический культ у народов Индокитая». Исследователи обычно обращают основное внимание на мировые религии, представленные в этом регионе, и гораздо меньше — на древние народные верования. В докладе на широком материале по бирманцам, кхонтам, лао, вьет, мыонг, ва, палаун, кхмерам и другим народам прслеживаются два из трех основных аспектов древнего культа матери-прародительницы («Мать-прародительница как посредник между природой и человеческим коллективом» и «стимулятор изобилия»). Докладчик также рассмотрел стадияльно общие религиозные представления народов соседних крупных областей. Значительные пережитки этих представлений сохраняются в народных верованиях Индокитая и в наши дни. Можно с уверенностью сказать, что они не только находят отражение в мировых религиях, но в значительной мере определяют специфику местных форм этих религиозных систем.

С интересом были приняты доклады Ю. А. Зуева (Ин-т истории, археологии и этнографии КазССР) «Тотемизм и этнонимическое калькирование у древних народов

Азии» и И. Д. Амусина (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «К мессинским воззрениям кумранской общины»⁵.

Широкий круг вопросов был поднят в докладе С. В. Иванова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Орнаментальный комплекс эпохи энеолита и бронзы в искусстве современных народов Средней Азии и Казахстана». Советские этнографы и археологи не раз обращали внимание на сходство некоторых мотивов современного орнамента народов Средней Азии и Казахстана с мотивами древнего и средневекового орнамента, усматривая в этом сходстве результат исторической преемственности искусства или культурных связей, имевших место на протяжении многих столетий. Накопленный к настоящему времени материал — этнографический и археологический — позволяет сравнивать современный орнамент с древним не только по линии отдельных мотивов, но и целых их комплексов. С этой точки зрения заслуживает внимания простейший строго геометрический орнамент, сохранившийся в художественном наследии всех современных народов Средней Азии, как ирано-, так и тюркоязычных. В состав этого орнамента входят треугольники (простые или заштрихованные), квадраты (простые и перекрещенные), наклонные линии, крючки, восьмиконечные звезды, сетка (простая и шахматная), зигзаг и другие узоры. Некоторые исследователи видят в этом комплексе влияние орнамента эпохи бронзы. Изучение комплекса, с привлечением сравнительного материала по искусству различных эпох, подтверждает эту мысль, но в то же время позволяет утверждать, что истоки его лежат глубже и уходят в эпоху энеолита, по крайней мере на территории самой Средней Азии. Этот комплекс хорошо представлен крашеной керамикой южных районов Средней Азии, прежде всего керамикой Южной Туркмении. Для Казахстана и Киргизии древнейшим является комплекс эпохи бронзы (андроновский орнамент). Орнаментальный комплекс эпохи энеолита и бронзы прослеживается в Средней Азии и в античный, и в средневековый периоды. Узоры его встречаются в сакском, савроматском и сарматском, в аланском и огузском орнаментах, в орнаменте согдийцев и различных тюркоязычных племен, в том числе кыпчаков. Все эти народы, как известно, принимали то или иное участие в этногенезе современных народов Средней Азии, что подкрепляет выводы о преемственности современного орнамента Средней Азии от орнамента народов древности и средневековья.

Вопросам истории культуры были посвящены доклады Н. А. Иофан (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «О становлении японского искусства древности и раннего средневековья» и М. В. Воробьева (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «Западноазиатские и центральноазиатские элементы в культуре и искусстве Японии VIII в.». М. В. Воробьев исходит из того бесспорного исторического факта, что в японском искусстве и культуре имеются элементы и предметы сасанидского, византийского, центральноазиатского и индийского происхождения. Вместе с различными предметами из этих районов в Японию проникали новая техника, материалы, сюжеты, мотивы, особенно иранские. Проникновение сюжетов и мотивов относится к VII—VIII вв. н. э., причем оно шло опосредствованно, через Китай. В дальнейшем многие пришлые элементы исчезают, некоторые же органически вошли в японское искусство, например, элементы и сюжеты орнамента. Фольклор народов Древнего Востока рассматривался в докладах В. К. Афанасьевой (Государственный Эрмитаж, Ленинград) «Шумерский эпос и фольклор (к вопросу о происхождении героического эпоса)» и Е. Н. Максимова (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «Море и волшебный остров в древнеегипетской сказке о потерпевшем кораблекрушение».

Из докладов, посвященных древневосточным языкам, назовем наиболее интересные: доклад Г. Ш. Шарбатова (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «Следы коптской грамматики и лексики в современном арабском диалекте египетского языка» и Ю. Н. Завадовского (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «О языковых связях Древнего Египта с Магрибом».

III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока продемонстрировала успехи советских ученых. Важное место в их исследованиях занимают проблемы социально-экономической истории стран Востока, специфики развития разных государств. Однако желательно было бы закрепить положительный опыт II конференции, во время которой состоялся целенаправленный обмен мнениями по проблеме родовой и сельской общины на Древнем Востоке⁶. Представляется полезным во время конференций обмениваться мнениями по наиболее актуальным дискуссионным вопросам древней истории стран Востока, заранее предусмотрев программу такого творческого обсуждения. Отрадно, что конференция особо отметила как положительный факт активное участие в ее работе этнографов, выразив надежду на продолжение и развитие плодотворных контактов этнографов и востоковедов в разработке проблем истории и культуры Древнего Востока. Доклады сотрудников Института этнографии АН СССР

⁵ Доклад И. Д. Амусина под названием «„Избранник бога“ в кумранских текстах» опубликован в ВДИ, 1966, № 1.

⁶ См. ВДИ, 1963, № 1, стр. 179—195.

вызвали большой интерес. Показательно, что позднее на читательской конференции журнала «Вестник древней истории», состоявшейся 30 мая — 1 июня 1966 г., ораторы призывали к контактам с этнографами и археологами, вспоминая опыт именно III Всесоюзной конференции по истории, культуре и филологии Древнего Востока⁷.

Хотя явно усилилось внимание к изучению проблем идеологии и культуры, докладов на эти темы было мало и порой им не доставало необходимой глубины. Достоинством было то, что в работе конференции было много докладов лингвистов — специалистов по древневосточным языкам, особенно стран Дальнего Востока. Слабо разрабатываются проблемы хозяйства и материальной культуры древних народов. Во всяком случае, на конференции был только один доклад по этой проблематике — Е. В. Черезова (Черновицкий ун-т) о способах запряжки быков в Древнем Египте. По непонятным причинам не состоялся ряд объявленных в программе конференции докладов, допускались произвольные замены тем, не были заранее отпечатаны тезисы докладов.

Однако, несмотря на эти и другие недостатки, конференция явилась важным событием в жизни советской науки.

⁷ См. ВДИ, 1966, № 4, стр. 207.

⁸ К сожалению, все эти изменения в программе конференции оказались неизвестными Н. Е. Семпер, автору обзора «Третья Всесоюзная конференция по истории культуры и филологии Древнего Востока» (ВДИ, 1966, № 4, стр. 225—230). Поэтому автор написала как о прочитанных о докладах В. Р. Кабо и А. И. Мухлинова, на самом деле не состоявшихся; не обратила внимания на замену тем докладов Л. С. Васильева и Г. Г. Стратановича; с опечатками, как и в программе, привела фамилии Б. В. Андринова и А. М. Решетова. Н. Е. Семпер весьма неточно изложила содержание докладов Ю. В. Маретина. Так, на стр. 229 отчета она пишет, что докладчик «подробно осветил социально-экономическую историю» древних государств Индонезии. Однако докладчик подчеркивал противоположный тезис, указывая, что в распоряжении специалистов мало данных для того, чтобы восстановить все стороны социально-экономической жизни этих государств. В обзоре далее утверждается, что, по мнению докладчика, все эти государства «носили раннефеодальный характер», чего Ю. В. Маретин не утверждал в той же безоговорочной форме. Наконец, оборванная на середине фраза привела к появлению особого, непонятного типа государства — «автономного государства».

А. М. Решетов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Сессия, посвященная проблеме этногенеза осетин, была организована Северо-Осетинским и Юго-Осетинским научно-исследовательскими институтами и проходила с 6 по 9 октября 1966 г. в г. Орджоникидзе. В ее работе участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Ростова, Ставрополя, Одессы, Кишинева и других городов, ученые Грузии, Абхазии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. На сессии присутствовали партийные и советские руководители Северо-Осетинской АССР во главе с первым секретарем обкома КПСС Б. Е. Кабалоевым, а также представители общественности г. Орджоникидзе.

Сессию открыл известный лингвист В. И. Абаев (Москва). Он отметил, что вопросами происхождения народов ученые занимались и до Великой Октябрьской социалистической революции, о чем свидетельствует значительная литература по этногенетическим проблемам. Однако особенно возрос интерес к этим проблемам в советское время, главным образом в послевоенный период. Уже работали сессии по этногенезу татар, марийцев, мордвы, киргизов, карачаево-балкарцев и др. Характерной для этих сессий была, по мнению В. И. Абаева попытка решить проблему этногенеза комплексно, с участием специалистов смежных дисциплин, а также многочисленных местных исследователей. Трудности, возникающие при разработке проблем этногенеза, «проистекают из того, что общая теория методологии исследований пока не разработана... поиски ведутся наощупь. Эта проблема,— отметил он,— сложная, комплексная, подлежащая ведению не одной, а многих наук: истории, этнографии, языкознания, антропологии. Здесь никакого определенного рецепта не может быть, каждый народ требует своего индивидуального подхода».

Главным вопросом, обсуждавшимся на сессии, был вопрос о роли основных компонентов — местного и иранского — в этногенезе осетин.

С докладом «Этногенез осетин по данным языка» выступил В. И. Абаев. Он изложил свои соображения о происхождении осетин, высказанные им ранее в ряде публикаций¹. Иранская основа осетинского языка, неопровержимо доказанная в работах еще дореволюционных исследователей-лингвистов, позволила, по его мнению, «установить генетическую связь осетин с ираноязычными племенами, населявшими в прошлом юг России и известными под названием скифов, сарматов, алан, роксолан и др.» Проведенное в советское время дальнейшее углубленное изучение «лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса осетинского языка выявило в нем глубокие отклонения из кавказских языков, которые не могут рассматриваться как внешнее заимствование». Данные языка, — заявил он, — свидетельствуют о большом участии кавказского субстрата в формировании осетинского народа.

Доклад Е. И. Крупнова (Москва) посвящен «Проблеме происхождения осетин по археологическим данным». Е. И. Крупнов говорил о большой роли в этногенезе осетин местного кавказского субстрата, прослеживаемого им по памятникам кобанской и скифо-сармато-аланской культур. «Материальная и даже духовная культура осетинского народа, — отмечал он, — своими корнями уходит в глубь веков и, прежде всего, в недра богатой и своеобразной кобанской культуры I-го тысячелетия до нашей эры» и «ее формирование происходило в основном на местной кавказской почве».

Не отрицая роли иранского компонента в этногенезе осетин, Е. И. Крупнов подчеркнул «доминантное значение местной кавказской среды».

В докладе В. А. Кузнецова (г. Орджоникидзе) «Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии» рассматривалась территория расселения основных племен осетинского народа — иронцев и дигорцев и их генетические связи с сарматскими племенами — аорсами и сираками, причем, по мнению автора, современные осетины-иронцы происходят от аорсов, а осетины-дигорцы от сираков, «осевших в Предкавказье задолго до аорсов». Признавая значение кавказского субстрата в этногенезе осетин, автор в то же время отмечает «огромную роль, которую

¹ См., например: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М., 1949; его же, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1960, и др.

сыграли в этом процессе сармато-аланские племена», переселившиеся с севера в течение ряда веков.

Один из тезисов доклада Ю. С. Гаглюева (г. Цхинвали) «Этногенез осетин по данным письменных источников» сводился к тому, что происхождение осетин «это прежде всего результат длительного внутреннего развития скифо-сарматских племен Северного Кавказа, так как именно они явились здесь распространителями иранской речи». Наряду с этим докладчик признал и участие кавказского субстрата в этногенезе осетин, оставившего «свой след не только в языке, но и в фольклоре, этнографии, физическом облике осетин». Главным в этногенезе осетин автор считает все же иранский, скифо-сармато-аланский компонент.

В докладе Б. А. Калоева (Москва) «Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин» подчеркивалось, что в материальной и духовной культуре осетин в их верованиях, обычаях, нравах и т. д. в одинаковой мере проявляются черты древнекавказского и иранского (скифо-сармато-аланского) компонентов. Основной вывод доклада сводится к следующему: древнейший этнический пласт осетинского народа составили местные кавказские элементы; «следующим слоем были ираноязычные племена (скифы, сарматы, аланы), принявшие активное участие в формировании осетинской народности и отчасти ряда соседних народов».

Доклад М. Г. Абдушелишвили (г. Тбилиси) был посвящен «Генезису горнокавказских групп в свете данных антропологии». По мнению докладчика, племена, проживавшие в высокогорных районах Главного Кавказского хребта, характеризуются наибольшим числом черт, отличающих их от других кавказских групп. Этот антропологический тип получил наименование кавкасионского и «сложился на основании местных антропологических типов, претерпевших существенные изменения вследствие закономерных процессов эпохальной трансформации южноевропеоидных антропологических типов, усиленных факторами изоляции в отличающейся от прочих высокогорной географической среде».

В. П. Алексеев (Москва) в докладе «Антропологические данные к происхождению осетинского народа» отметил, что повторное исследование всех старых и ряда новых коллекций по осетинам, дало ему возможность убедиться в «своеобразии кавкасионского типа». При этом, по мнению докладчика, наиболее четко особенности этого типа «выражены у южных осетин-гуалцев». Вопреки точке зрения других антропологов (Г. Ф. Дебед, Н. Н. Миклашевская) он отрицает участие восточно-европейских элементов с территории Северной русской равнины в формировании кавкасионского типа. В докладе подчеркивается необходимость изучения палеоантропологических данных из центральной части Северного Кавказа не только средневекового периода, по которому в настоящее время накопился большой материал, но и более отдаленных эпох.

Материалы основных докладов были дополнены многочисленными сообщениями ученых. Вопросам кавказской антропологии были посвящены два сообщения З. Н. Джавахишвили (г. Тбилиси) «Материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа» и Л. Пшарашидзе (г. Тбилиси) «Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чеченского народов». В первом была дана характеристика серии черепов из с. Сиони Теанетского района, относящихся к разным периодам (VII—X, XII—XIII, XVII—XVIII вв.), и указывающих, по мнению автора, на существование современного кавкасионского типа уже в X—XIII вв. Во втором — отмечалось антропологическое сходство и различия между чечено-ингушскими народами и осетинами. Интересные сведения содержались в сообщении Ш. Д. Инал-Ипа (г. Сухуми) «К абхазо-осетинским этно-культурным связям». Он доказывал большое сходство в материальной и духовной культуре, в верованиях, обычаях, нравах и т. д. абхазов и осетин, и объяснил это сходство близким соседством алан и абхазов в период до монгольского завоевания. О близких этнографических параллелях чечено-ингушей и осетин говорил И. Саидов (г. Грозный). Интересные фольклорные и письменные данные о происхождении осетин приводились и в сообщениях А. Х. Бязрова (г. Цхинвали) и Г. Д. Тогошвили (г. Тбилиси). А. Дз. Цагаева (г. Орджоникидзе) в своем сообщении характеризовала языковое многообразие северо-осетинской топонимики, что позволило использовать ее как источник для этногенеза осетин. О важности более глубокого изучения кавказского субстрата в осетинском языке говорил К. Е. Гагкаев (Одесса). По его мнению, исследователи пока не располагают достаточными данными об этом субстрате. В зачитанном на сессии сообщении У. Б. Алиева, Ш. Х. Акбаева, М. А. Хабичева и др. (Карачаево-Балкария) «О тюркском элементе в этногенезе осетин» утверждалось, что некоторая часть алан, ставшая преками современных балкарцев и карачаевцев, являлась якобы тюркоязычной. В докладательство этого ими расшифровывался при помощи тюркского языка ряд известных алано-осетинских топонимических названий, а также Зеленчукская надпись. Значительное число сообщений было представлено археологами: В. Б. Виноградовы (г. Грозный), Л. Н. Нечаевой (г. Ленинград), Л. Н. Соловьевым (г. Сухуми), Е. Г. Котовичем (г. Махачкала). В них говорилось о роли двух компонентов — кавказского и иранского в этногенезе осетин. В. Б. Виноградов, например, гов

рил об оседании в равнинной и, частично, в горной полосе центральной части Северного Кавказа скифо-сарматов в период колонизации ими этого края, Л. Г. Нечаева отметила генетические связи северо-кавказских склепов с аланскими катакомбами, что является новой и, на наш взгляд, интересной точкой зрения. К такому выводу автор пришел после обстоятельного изучения этих памятников в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и частично в Чечено-Ингушетии.

Главным предметом дискуссии был по существу один вопрос: какому из двух компонентов — кавказскому или иранскому — принадлежит доминирующая роль в этногенезе осетин. Прения открылись выступлением Г. Ф. Турчанинова (г. Ленинград). Он подверг критике выступление карачаевских лингвистов, пытавшихся известную Зеленчукскую надпись на осетинском языке прочесть как тюркскую. Т. Ф. Турчанинов призвал изучать ономастику и диалекты осетинского языка, что поможет в разработке проблемы этногенеза осетин. В своем выступлении С. Ш. Габараев (г. Цхинвали) отметил, что некоторые антропологи преувеличивают значение своей науки в определении этноса, в частности, в выяснении этногенеза осетин. Признавая, что осетинский народ образовался путем слияния абorigенов с пришлыми ираноязычными племенами и последние в силу своего численного превосходства ассимилировали первых, С. Ш. Габараев совершенно правильно указал, что победа эта явилась результатом превосходства скифов, сарматов и алан над местными кавказскими племенами во всех отношениях. Наряду с этим он придает большое значение кавказскому субстрату в этногенезе осетин.

Н. Х. Кулаев (г. Орджоникидзе) отметил как большое достижение в работе сессии то обстоятельство, что всеми выступавшими признается участие в этногенезе осетин двух компонентов — древнекавказского и иранского. Спор идет, по его мнению, по частному вопросу — какому из этих компонентов отдать предпочтение. Он отметил также, что, хотя кавказский субстрат пока слабо изучен, наличие его в осетинском языке блестяще подтверждается трудами В. И. Абаева. О важной роли иранского компонента в процессе формирования осетинского народа говорил М. С. Тотоев (г. Орджоникидзе). Критикуя антропологов М. Г. Абдушелишвили и В. П. Алексеева, он отметил, что ими не учитываются миграции племен и народов. Е. П. Алексеева (г. Черкесск) назвала главным в этногенезе осетин кавказский компонент, отмечая в то же время большое значение и иранского компонента. Возражая лингвистам Карачая, она отметила, что нет никаких данных, подтверждающих наличие тюркоязычных алан. По ее мнению, скифские поселения охватывали лишь Среднюю Кубань и современную Чечено-Ингушетию. Т. Л. Гуриев (г. Орджоникидзе), касаясь в своем выступлении истории развития диалектов осетинского языка, отметил, что субстратом этого языка «был какой-то местный, кавказский иранский язык». Им правильно определяется время становления осетинской народности — XIII в. (до монгольских завоеваний). Д. Атаев (г. Махачкала) отметил, что во всех выступлениях кавказский субстрат носит якобы «декларативный характер», не признается главным фактором в этногенезе осетин. З. Л. Анчабадзе (г. Тбилиси) утверждал, что «осетинский народ является типичным кавказским народом» и входит в кавказскую историко-этническую общность, от которой нельзя его оторвать. А. И. Робакидзе (г. Тбилиси) дал высокую оценку приведенным в докладах материалам, которые, по его словам, показывают большое значение кавказской местной среды в формировании осетинского народа. Он отметил также некоторые общие черты материальной культуры народов горного Кавказа, в том числе осетин, подчеркнув, что наряду с этими общими чертами в культуре осетин имеются свои специфические особенности. И. М. Чеченов (Нальчик) посвятил выступление аланской проблеме. В. К. Гарданов (г. Москва) высказал мнение, что нет никаких особых противоречий в основных положениях докладов В. И. Абаева и Е. И. Крупнова, на которые часто ссылались выступающие для определения своих позиций в этом вопросе. Все выступавшие признают, что осетины образовались в результате взаимодействия кавказского элемента со скифо-сарматскими и аланскими элементами. По его мнению, язык не является единственным и решающим фактором при решении проблемы этногенеза, что для этого должны быть привлечены также данные смежных дисциплин, прежде всего, археологии, антропологии и этнографии. В. Н. Гамрекели (Тбилиси) говорил о необходимости правильно использовать при разработке вопроса о происхождении осетин данные древних авторов.

Затем вновь выступили докладчики. В. П. Алексеев, отвечая на критические замечания, сделанные в его адрес, сказал, что данные антропологии не выделяют среди осетин племенные группы (дигорцев, иранцев и туалыцев), а наоборот, объединяют их.

М. Г. Абдушелишвили также отметил, что осетины в антропологическом отношении представляют собой единый, входящий в кавкасионский, тип.

Б. А. Калоев заявил, что этнографические данные для определения этногенеза народа должны быть увязаны с данными смежных дисциплин, прежде всего языкознания, к чему он и стремился в своем докладе.

Ю. С. Гаглов, полемизируя с выступающими по его докладу, обосновывал положение о наличии в прошлом скифов на всей территории осетин. Он указал также на тождество сарматского племени аосов и алан. Е. И. Крупнов вновь аргументировал свои вывод о большой роли кавказского субстрата в этногенезе осетин, причем подчеркнул, что никогда не говорил о массовом оседании скифов в VII—VI вв. до н. э. на Северном Кавказе и особенно в его горной полосе.

В. И. Абаев, подводя итоги сессии, отметил, что работа ее прошла успешно. Сессия способствовала сближению точек зрения этнографов, лингвистов, антропологов, археологов по проблеме происхождения осетин. Учеными доказано, что в формировании осетинского народа участвовали кавказские элементы, явившиеся субстратом, и сармато-аланские, которые определили не только язык, но и многие черты материальной и духовной культуры. По мнению Абаева, не научно ставить вопрос о степени участия кавказского или иранского элементов в формировании осетин. «Нет таких весов,— сказал он,— на которых можно было бы взвесить долю участия этих компонентов». Поэтому разногласия, которые были по данному вопросу, он не считает принципиальными.

В. И. Абаев остановился также на докладах антропологов. По его мнению, привлекательный ими материал «не отразил бесспорных передвижений племен и народов, происшедших на Северном Кавказе, начиная от древнейших времен до монгольского нашествия». Антропологам,— сказал он,— следовало бы использовать большой антропологический материал по Осетии, опубликованный дореволюционными и советскими исследователями. Он отметил, что такие крупные ученые, как В. В. Бунак и Г. Ф. Дебец, постоянно используют работы дореволюционных антропологов.

Закрывая сессию, В. И. Абаев выразил глубокое сожаление, что на ней из-за болезни не мог присутствовать крупнейший осетиновед Г. С. Ахваледиани. От имени оргкомитета сессии он поблагодарил всех, кто принял активное участие в ее работе и проявил к ней живой интерес.

Сессия приняла резолюцию, подводящую итоги проведенной работы и содержащую рекомендации издать материалы сессии, а также продолжать дальнейшее исследование рассматриваемой проблемы.

Б. А. Капоев

ПОЕЗДКА В ЮГОСЛАВИЮ

По приглашению Союза обществ фольклористов Югославии группа советских специалистов приняла участие в работе очередного, XIII конгресса югославских фольклористов. На этот раз он был созван в Македонии, в Старом Дойране — городке на югославно-греческой границе. Кроме советской делегации, на конгресс приехали фольклористы ряда других стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, ФРГ, Чехословакии. Это представительное научное собрание открылось в торжественной обстановке. Председатель Союза фольклористов Югославии Г. Паликрушева в своей речи отметила роль Македонии в освободительном движении славянских народов и объяснила выбор места проведения конгресса тем, что разрушенный и восстанавливаемый Старый Дойран символизирует трагическое прошлое Македонии, ее волю к борьбе за свою национальную независимость и оптимистические перспективы ее развития в социалистической Югославии. Участников конгресса приветствовал заместитель Председателя Исполнительного вече Македонии и председатель Джевджелийской общины (в состав которой входит Старый Дойран), представители республиканских обществ фольклористов и Этнологического общества Югославии, а также представители всех зарубежных делегаций.

Программа конгресса оказалась очень насыщенной — в повестке дня было объявлено 87 докладов (по разным причинам 10 из них не состоялось, но были прочитаны несколько других, не предусмотренных программой). Их удалось прослушать и обсудить благодаря строгой регламентации работы.

Конгресс был посвящен трем проблемам: 1) развитие фольклора в Македонии; 2) народное творчество в условиях развития современного общества; 3) мифологическое народное творчество, особенно народное творчество в связи с рождением ребенка.

Директор Института фольклора Македонии К. Камилев охарактеризовал общее состояние изучения народного творчества в республике и высказал принципиальные соображения о предмете фольклористики как науки и об основных проблемах, стоящих перед македонскими специалистами. Пафос доклада К. Камилева состоял в утверждении марксистской методологии и в критике буржуазных теорий; он ссылаясь на авторитет советской науки, а в качестве первоочередной выдвинул задачу изучения революционного и рабочего фольклора.

Проблемам македонского фольклора было посвящено около половины всех докладов. Македонский фольклор представляет большой интерес для выяснения сложных процессов генезиса и исторического развития фольклора южных славян, а также взаимодействия фольклорных традиций как родственных народов (болгар, сербов, македонцев), так и этнические далеких (македонцев, греков, турок, албанцев). Поэтому столь значительное внимание, какое конгресс уделил этим проблемам, представляется закономерным и научно целесообразным. И хотя во взглядах разных ученых на сущность и характер македонской культуры были известные расхождения, обсуждение докладов по этой проблеме носило научный характер. Если в прошлом, в буржуазной науке, существование македонского фольклора как самостоятельной области славянской культуры ставилось под сомнение или даже вовсе отрицалось, то теперь в социалистической Югославии, как показал конгресс, созданы благоприятные возможности для объективного изучения специфики народного творчества Македонии. И в этом смысле положительное значение XIII конгресса фольклористов Югославии состояло в том, что он продемонстрировал успехи в изучении фольклора Македонии и дал конкретное представление о его месте в общем комплексе славянской культуры.

Характерно, что на конгрессе о своеобразии македонского фольклора говорили не только сами македонцы, но и сербский ученый Р. Меденица, и болгарский музыковед Н. Кауфман, и немецкие исследователи Г. Пойкерт (ГДР) и А. Шмаусс (ФРГ). Правда, в ряде случаев обнаружился разный подход к проблеме. Если, например, А. Шмаусс искал специфику в архаических чертах македонской эпики и это привело его к выводу, что изучение македонского эпоса позволяет установить древнейшую форму южнославянского эпоса в целом, то Г. Пойкерт обратил внимание на весьма своеобразный, реалистический характер позднейшей македонской лирики.

Стремление выявить особенности македонского фольклора создавало атмосферу единства научных интересов участников конгресса. Тот факт, что македонской проблематике были посвящены и доклады советских делегатов (Н. Н. Велеской — о святочных играх в Македонии. Б. Н. Пutilова — о типологическом сходстве русских и

македонских эпических песен), вызвал удовлетворение и организаторов конгресса слушателей.

Особенно важно то, что в работе конгресса значительное внимание было уделено национально-освободительному и революционному фольклору Македонии. Общую якую характеристику этого фольклора содержал доклад декана философского факультета университета в Скопье К. Пенушлицкого; песням Илинденского восстания 1903 г. был посвящен доклад ассистента этого же университета — молодого фольклориста Г. Саздова; о македонских партизанских песнях периода второй мировой войны говорили Л. Манчевский и К. Солунский. К этому циклу примыкал доклад В. Е. Гусева «Символика македонской революционной песни».

Небольшой цикл докладов был посвящен роли фольклора в становлении и развитии македонской литературы и национального языка, а также вкладу писателей изучения македонского фольклора (Р. Ристовский, Ж. Йованович, К. Камило А. Джуневский). Особенно интересным в этой группе был доклад известного македонского критика Д. Митрева, который подчеркнул, что фольклор остается живым составным элементом современной социалистической культуры, предохраняя писателей от болезненных увлечений буржуазным модернизмом.

Обращало на себя внимание стремление многих македонских фольклористов ограничиваться рамками национального фольклора, но изучать и фольклор национальных меньшинств Македонии, особенно турок и албанцев (доклады Г. Паликрушев И. Эмина, М. Джуканович). В нескольких докладах речь также шла о роли русских ученых и писателей в пробуждении научного интереса к македонскому фольклору (К. Камилов, В. Органджиева). В этот ряд может быть поставлено прочитанное в программы конгресса сообщение В. Г. Базанова об архивных материалах Д. А. Рвинского, как исследователя Черногории.

Большой интерес для советских фольклористов представляет проблема судеб народного творчества в социалистическом обществе — проблема, которая уже не впервые стоит в центре дискуссий на конгрессах фольклористов Югославии¹. И на этот раз ей было посвящено около 20 докладов, что свидетельствует о живой заинтересованности югославских коллег в развитии народного искусства и об их стремлении связать фольклористику с современными задачами культурного строительства в Югославии. Наряду с общеметодологическим докладом Д. Недельковича «Народное творчество в условиях развития современного общества» здесь следует отметить цикл выступлений, для которых была характерна новизна тематики: Д. Антониевича («Печать как условие развития народного творчества») И. Лазаревич («Элементы народного творчества в современном оформлении сувениров»), А. Назора («Преподавание и наука как условие развития народного творчества»), Д. Девича («Специальная обработка народных мелодий как условие дальнейшего развития народного творчества»), Н. Кнежевич («Народные промыслы как условие развития народного творчества»), И. Малинкова («Фольклор и его значение в развитии туризма»). Общей тенденцией этих докладов было стремление найти новые аспекты в изучении современной народной культуры, преодолеть традиционное представление о фольклоре как стихийно развивающемся искусстве и открыть новые стимулы в развитии народного творчества в новых условиях общественной и культурной жизни масс (радио, печать, образование, эстрада, туризм и т. п.). Естественно, что полемические по самой своей сути эти доклады содержали и спорные положения, в особенности в той части, где их авторы невольно отождествляли фольклор как особую область народного творчества со всей сферой народного творчества вообще, но в целом попытка рассмотреть фольклор как развивающееся явление, находящееся во все более усиливающемся взаимодействии с другими формами современной культуры, имеет безусловно прогрессивное значение и может благотворно сказаться на роли фольклористики в общественной и научной жизни. Этот опыт югославских фольклористов должен быть внимательно изучен и критически использован в советской науке. К указанным докладом югославских ученых примыкали и доклады фольклористов других социалистических стран, раскрывшие разные тенденции в современном состоянии фольклора народов этих стран — Е. Стоин и Г. Джиджева (Болгария), Ф. Бонуша (Чехословакия), А. Амзулеску, Р. Вуйича и Е. Сулециану (Румыния). К сожалению, Советский Союз не был представлен специальным докладом по этой проблеме, хотя у нас ведется большая и плодотворная работа по изучению современного фольклора.

Большое место в программе конгресса занимали музыковедческие доклады (они составили более трети всего количества докладов). В югославской фольклористике вообще роль музыковедов очень велика. Одни музыковедческие доклады читались в связи с основными проблемами конгресса (некоторые из этих докладов назывались выше), другие же были сгруппированы в две специальные секции (песенную и хореогра-

¹ См. В. Е. Гусев и Б. Н. Путилов, *Конгрессы фольклористов Югославии*, «Советское славяноведение», 1965, № 0.

фическую), где рассматривались вопросы специфики народных песен и танцев, народной инструментальной музыки, анализировались метрические и тональные основы музыкального фольклора, обсуждалась проблема соотношений и взаимодействий между мелодией и текстом народных песен. В этой связи необходимо назвать в первую очередь доклады о многоголосии в македонских песнях (болгарского фольклориста Н. Кауфмана и македонского фольклориста Д. Смокварского), доклады о соотношении метрики и ритмики (Р. Хроватина, Словения и И. Манкен, ФРГ). Интересно прозвучал доклад белградского музыковеда П. Венгулаца, подвергнувшего остроумной критике профанацию и опошление фольклора в некоторых радиопередачах, а также отрицательные последствия этих радиопередач для репертуара самих народных певцов.

В программе каждого конгресса фольклористов Югославии наряду с проблемами региональной этнографии и фольклора той области, где проходит данный конгресс, и актуальными проблемами современного народного творчества непременно присутствует тематика, связанная с архаическими формами быта, верований, искусства. На этот раз соответствующую часть программы составили доклады о мифах и обрядах, связанных с рождением ребенка (С. Драгин, М. Матич, М. Хаджипецова, С. Зечевич, Б. Влахович, М. Кнежевич, Р. Фабиянич), в частности, с появлением на свет внебрачного ребенка (П. Влахович, А. Наметак), а также о соответствующих мотивах в разных жанрах фольклора (К. Пенушлиски, Ц. Романска, Р. Требешнянин, Д. Джорджевич, Н. Бонифачич).

В дни работы конгресса перед его участниками выступил местный молодежный фольклорный ансамбль, показавший народные танцы, исполняющиеся во время зимнего обряда «русалий», вечером демонстрировались этнографические фильмы; состоялась также экскурсия в Новый Дойран для ознакомления с особенностями местного рыбного промысла (здесь до сих пор практикуется специфический лов на архаического типа суднах с помощью специально обученных птиц).

После завершения конгресса была организована поездка по Македонии, участники которой имели возможность увидеть некоторые старые центры славянской культуры (Прилеп, Охрид) и посетить места, с которыми связаны как произведения классического южнославянского фольклора (эпос о Марко Краевиче), так и партизанский фольклор (с волнением мы спустили на землю, где фашистами было расстреляно тринадцать детей и где теперь стоит памятник юным героям, а в памяти оживала македонская партизанская песня, сложенная в их честь — «Ми заплакало селото, село Ваташа»)... Яркое впечатление оставил карнавал в Кавадарцах, посвященный сбору винограда — по улицам городка, заполненным толпами, проехали открытые машины с ряжеными; прошли группы музыкантов, играющих на народных инструментах — на зурлах, гайдах, кавалах, бубнах и барабанах; промелькнула цепочка плясунгов в пестрых народных нарядах; там и сям возникали живописные группы танцующих македонское «оро»; на горячих конях, с криками и песнями проскакала цыганская свадьба — уже не карнавальная, а настоящая...

Вообще надо сказать, что нам не однажды привелось наблюдать живые картины народного быта на улицах городов и сел Македонии, Косово и Метохии, Черногории. Народ здесь любит свои песни и танцы, действительно прекрасные, и поет и пляшет с большим искусством. Фольклор существует в повседневном быту, и это немало способствует активной и весьма широкой фольклористической деятельности, в которой принимают участие не только специалисты, но и писатели и музыканты, работники музеев и библиотек, учителя и даже священники, люди старшего поколения и молодежь.

После конгресса членам советской делегации была предоставлена возможность в течение недели, в соответствии с их индивидуальными интересами, ознакомиться с достопримечательностями, научными учреждениями и памятниками культуры южной части Югославии.

В Скопле я посетил Институт фольклора, Институт истории Македонии и кафедру славистики университета, осмотрел музеи и обсуждал с коллегами вопросы, связанные с перспективами македонской фольклористики. В университете большое внимание уделяется преподаванию фольклора (в частности, русского), где эту работу энергично ведут К. Пенушлиски, Э. Органджиева и Т. Саздов. Особенно радует обстоятельство, что в Македонии уже на протяжении нескольких лет существует самостоятельный Институт фольклора, который работает в тесном контакте с этнографическими и музыковедческими учреждениями республики. И хотя среди македонских специалистов, как, впрочем, и у нас, существуют различные суждения о взаимоотношениях между фольклористикой, литературоведением и этнографией, хочется надеяться, что прогрессивная тенденция обособления фольклористики в особую научную отрасль возрастает.

Трудное положение с фольклористикой сложилось в Черногории, как об этом рассказывали нам коллеги в Титограде и Цетинье. Здесь нет ни одного специального научного учреждения. Между тем в этих городах живут и успешно работают энтузиасты, которые совмещают исследования фольклора с другими профессиональными занятиями.

ми — директор этнографического музея И. Вукманович, директор Нарсдой библиотеки в Цетинье Н.-С. Мартинович (опубликовавший большое количество научных работ), работник черногорского Радиокомитета музыкант Дж. Радович, поэт и директор музея П. Негораш, П. Джонович. С Черногорией также тесно связан живущий в г. Нише В. Джакович, выпустивший два сборника новых черногорских причитаний. Сейчас в Цетинье под ред. Н. Мартиновича готовится издание собрания сочинений Ровинского, относящихся к Черногории. И вообще интерес коллег к изучению русско-черногорских этнографических и фольклористических связей очень велик и они выражали надежду, что в этой области усилится сотрудничество между югославскими и советскими учеными.

В Институте этнографии и Музыковедческом институте Сербской Академии наук активно работает большой отряд фольклористов. Руководитель отдела фольклора Института этнографии, избранный на XIII конгрессе новым председателем Союза фольклористов Югославии, — Д. Неделькович и его многочисленные сотрудники, а также фольклористы-музыковеды высказали предложение, чтобы сотрудничество между фольклористами СССР и Югославии развивалось в ближайшем будущем по следующим научным проблемам: 1) марксистско-ленинская методология изучения народного искусства; 2) антифашистский фольклор славянских народов; 3) взаимодействие в области эпического народного творчества; 4) научные связи между русскими и южно-славянскими фольклористами XIX — начала XX века.

Югославские коллеги неизменно проявляли большой интерес и уважение к советской фольклористике и к деятельности наших ученых, а также подлинно дружеское отношение и щедрое гостеприимство, за что я приношу сердечную признательность от имени всей советской делегации.

В. Е. Гусев

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ПРОТОИНДИЙСКИХ НАДПИСЕЙ

Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Всесоюзный Институт научной и технической информации АН СССР, Институт этнографии АН СССР. М., 1965, 74 стр. (Сборник статей) ¹.

Надписи на печатах, найденных в долине Инда, стали известны исследователям задолго до того, как были открыты города — центры так называемой протоиндийской культуры. Первые находки печатей относятся еще к началу XIX в. В 1875 г. А. Канпингхем, изучавший образцы древнеиндийской письменности брахми, опубликовал печать, найденную в 1872 г. в Хараппе, и попытался прочесть надпись, считая письмена на печати ранней формой алфавита брахми, а язык определив как один из пракритов ².

Интерес к протоиндийской письменности значительно возрос после того, как в ходе раскопок Мохенджо-Даро и Хараппы выяснилось, что она связана с совершенно особой, чрезвычайно высокой культурой, значительно расширяющей хронологические рамки индийской цивилизации и меняющей всю картину ее истории.

Проблему протоиндийской письменности пытались разрешить в 1920—1930 гг. многие ученые — историки, археологи, лингвисты. Делались самые разнообразные попытки определить систему письма, как на основании его внутренней структуры, так и по внешнему сходству с известными уже письменностями, или разгадать содержание надписей путем априорного отождествления их языка с каким-либо из известных языков.

Среди письменностей, привлекавшихся для сопоставления с протоиндийской, можно назвать шумерское иероглифическое письмо (Л. Уэдделл) ³, древнеегипетское (Ф. Петри) ⁴, письменность о-ва Пасхи (В. Хевеши) ⁵, древнеиндийское письмо брахми (Дж. Р. Хантер ⁶, Пран Натх ⁷), хеттское иероглифическое письмо (Б. Грозный) ⁸, так называемый «тантрический код» — систему графических символов, употребляющихся некоторыми индийскими сектами для обозначения культовых понятий (Иран Натх, Б. М. Баруа ⁹, С. Шанкарананда ¹⁰). Некоторые ученые находили в протоиндийском письме сходство одновременно с несколькими письменностями. Б. Грозный, например,

¹ Авторы выражают свою глубокую признательность научным сотрудникам Ин-та этнографии АН СССР Ю. В. Кнорзову и Б. Я. Волчок, ознакомившим их с некоторыми еще не опубликованными материалами.

² См. «Archaeological survey of India. Report for 1872/1873», v. 5, стр. 108, pl. 33; «Corpus Inscriptionum Indicarum», т. I, Inscriptions of Asoka, pl. 28.

³ L. A. Waddell, The Indo-Sumerian seals deciphered, London, 1925.

⁴ Fl. Petrie, Mohenjo-Daro, «Ancient Egypt», pt. 2, 1932.

⁵ G. de Hevesy, Sur une écriture océanique paraissant d'origine néolithique, «Bulletin de la Société préhistorique française», XXX, Paris, 1933.

⁶ G. R. Hunter, Script of Harappa and Mohenjo-Daro, London, 1934.

⁷ D. Pran Nath, The script of Indus valley, «Journal of the Royal Asiatic society», pt. I, London, 1931; ето же, The script of Indus valley seals, «India Historical Quarterly», v. VIII, Calcutta, 1931; ето же, The decipherment of the inscriptions of Harappa and Mohenjo-Daro. The discovery of bilingual inscriptions, Benares, 1946.

⁸ B. Hрозный, Inschriften und Kultur der Proto-Indier von Mohenjo-Daro und Harappa, «Archiv Orientalni», т. XII, 1941; т. XIII, 1942, стр. 1—102.

⁹ B. M. Barua, The Indus script and the Tantric code, «Indo-Iranica», т. I, Calcutta, 1946.

¹⁰ S. Sankarananda, The Rigvedic culture of the prehistoric Indus, Calcutta, 1943—1944.

помимо хеттского иероглифического письма, использовал для чтения отдельных знаков египетские и шумерские иероглифы, критское письмо «А», финикийский алфавит, сабейское письмо и др. Аналогичский характер носят сопоставления, сделанные Хантером.

Столь же далеки один от другого и языки, принимавшиеся в качестве основы для чтения надписей. Б. Грозный считал язык обитателей долины Инда индоевропейским, близким к хеттскому; Г. Д. Гэдд и С. Лэнгдон¹¹ определяли его как некую раннюю форму санскрита; той же точки зрения придерживались индийские ученые «тантрической школы». С другой стороны, акад. В. В. Струве¹² считал, что собственные имена на печатях являются хурритскими. Испанский исследователь Э. Эрас в своих многочисленных работах¹³, посвященных протоиндийской письменности, доказывал, что население долины Инда было дравидийским, и на этом основании «читал» надписи на языке, близком к литературному тамильскому.

Не было единства среди исследователей и в вопросе о характере письма. Некоторые (Ф. Петри, Э. Эрас, П. Мериджи¹⁴) считали протоиндийское письмо чисто идеографическим, допуская в отдельных случаях наличие некоторых детерминативов и грамматических показателей; другие (Б. Грозный) склонялись к мнению о том, что оно имеет смешанный, иероглифический характер; наконец, третьи (Дж. Р. Хантер, Пран Натх, Б. М. Баруа) рассматривали его как чисто силлабическое.

Первые шаги в области систематизации данных самой протоиндийской письменности — каталогизация знаков, выявление аллографов, общее определение направления письма — были сделаны в начале 1930-х гг. С. Смитом, С. Лэнгдоном и Г. Д. Гэддом, сотрудниками Дж. Маршалла, руководившего раскопками в Мохенджо-Даро и Хараппе. В дальнейшем их работа была продолжена Дж. Р. Хантером.

Однако ни одна из попыток дешифровки протоиндийского письма не дала сколько-нибудь ощутимых положительных результатов. Исследование протоиндийского письма затруднялось прежде всего рядом объективных факторов — отсутствием какой бы то ни было билингвы, малым объемом текстов (как правило, не более 10 знаков) и специфическим характером надписей (по-видимому, культовые формулы, товарная номенклатура и т. п.), а также недостаточностью данных об этническом составе населения Мохенджо-Даро и Хараппы и, следовательно, о характере языка надписей. С другой стороны, сама методика дешифровки в то время оказывалась бессильной при решении подобной задачи. Отсюда столь характерное для исследователей протоиндийского письма «чтение» отдельных надписей в отрыве от анализа структуры письма в целом, случайное сопоставление отдельных знаков со знаками известных письменностей, случайный выбор предполагаемого языка.

Энтузиазм, с которым исследователи 20—30-х гг. взялись за дешифровку письменности Мохенджо-Даро, в 40—50-е годы резко ослабевает. В последнее время отношение большинства ученых к этой проблеме определялось, пожалуй, точнее всего скептическими словами И. Фридриха: «Для каждой дешифровки нужны опорные точки. При их отсутствии ничего не расшифруешь. Там, где нет ни одной опорной точки, как в письменах Мохенджо-Даро или острова Пасхи, надеяться на успех может только фантаст или дилетант»¹⁵.

Новый подход к дешифровке протоиндийского письма стал возможным лишь с появлением точных методов изучения языка. Первым и весьма важным шагом на этом пути является сборник статей «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», недавно опубликованный группой ленинградских и московских ученых, сотрудников ВИНТИ АН СССР и ИЭ АН СССР, работавших под руководством Ю. В. Кнорзова.

Первый этап работы включал в себя всесторонний палеографический анализ протоиндийских надписей.

Статья Г. В. Алексеева, освещающая эту стадию исследования, вносит много нового в характеристику протоиндийского письма. От предшествующих трудов работы Г. В. Алексеева отличается тем, что в ней надписи впервые подвергнуты анализу, отвечающему требованиям научной палеографии. Уточнение списка знаков, установление аллографов, определение направления письма, пополнение каталога новыми

¹¹ J. Marshall, Mohenjo-Daro and the Indus civilisation, т. II, London, 1931.

¹² В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских письмен, «Вестник АН СССР», 1947, № 8, стр. 51—58; его же, Протоиндийские надписи, «Индийский сборник», М., 1948, стр. 113, сл.

¹³ См. например, Н. Негас, Mohenjo-Daro, the people and the land, «Indian Culture», v. III, № 4, 1937; его же, Two Proto-Indian inscriptions from Chanhudaro, «Journal of the Behar and Orissa Research Society», т. XXII, 1936; его же, Tree worship in Mohenjo-Daro, «The Anthropological Society of Bombay», юбил. том (1937), Bombay, 1938; его же, Studies in Proto-Indo-Mediterranean culture, Bombay, 1953.

¹⁴ P. von Meriggi, Zum Indus Schrift, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 12(87), Leipzig, 1934, стр. 198, сл.

¹⁵ J. Friedrich, Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift, Stuttgart, 1939, стр. 4.

знаками, либо отсутствовавшими в предшествующих списках, либо ошибочно причислявшимися к графическим вариантам, осуществлено не на основании каких-либо априорных суждений и чисто субъективных впечатлений, а путем строгого и внимательного наблюдения над степенью каллиграфической завершенности отдельных знаков, над расположением строки и знаков в строке. В итоге палеографическая характеристика протоиндийского письма получает небывалую прежде доказательность и законченность.

Уточненный и пополненный список знаков и окончательное выяснение направления письма в каждом конкретном случае дали возможность надлежащим образом подготовить тексты к машинной обработке. Математический аппарат и общий ход статистического анализа показаны в статьях М. А. Пробста и А. М. Кондратова.

Для определения системы письма была исследована зависимость между длиной текста (общим числом знаков) и количеством различных знаков, встречающихся на отрезке данной длины. После обработки ряда текстов, представляющих разные системы письма, были получены данные, свидетельствующие о морфемном (иероглифическом) характере протоиндийской письменности.

После того как характер письма был таким образом точно установлен, протоиндийские тексты были сопоставлены с египетскими иероглифическими текстами. При этом А. М. Кондратов исходил из того, что абсолютная частота знаков определенным образом соответствует референтам в языке, что наиболее распространенным сочетанием знаков (полиграммам) большей частью соответствуют определенные языковые единицы (морфемы и сочетания морфем, словосочетания и предложения). Полученные количественные характеристики подтвердили универсальность статистических закономерностей, определяющих характер отражения языка письмом одинакового типа. Их анализ дал возможность разделить протоиндийский текст на блоки и среди знаков выделить три класса — устойчивые, переменные, полупеременные, отличающиеся друг от друга частотностью и дистрибуцией. Позиционно-статистические данные, характеризующие каждый из перечисленных классов, позволили составить общее представление о грамматической структуре языка протоиндийских текстов.

Как и все прочие опыты применения точных методов и вычислительной техники к изучению недешифрованных письменностей, исследование письменности долины Инда заменило чисто эмпирические гипотезы относительно характера письма и языка научным обоснованными данными. Обращение к этим методам позволило ученым найти путь к выходу из начерченного И. Фридрихом заколдованного круга.

Лингвистическая интерпретация результатов статистического анализа, данная в статье Ю. В. Кнорозова, отличается четкостью и убедительностью.

Не вызывает возражения отождествление переменных знаков с грамматическими аффиксами, полупеременных первой группы — с зависимым компонентом атрибутивной синтагмы и полупеременных второй группы — со словообразующими суффиксами.

Столь же убедительным кажется предложенное в статье решение вопроса о родстве протоиндийского языка с той или иной языковой семьей. Данные о структуре этого языка были последовательно наложены на структуры тех языков, наличие которых в долине Инда в период существования хараппской культуры по тем или иным причинам представлялось возможным (индоевропейские языки — хеттский, санскрит; языки шумерский, хурритский, эламский, дравидийские языки, языки мунда). Проведенный с необходимой точностью сопоставительный анализ позволил прийти к исключительно важному для культурной и лингвистической истории Индии выводу, что язык надписей Мохенджо-Даро и Хараппы близок по своему грамматическому строю к языкам дравидийской семьи.

Гипотеза о дравидийском этносе северо-западной Индии (и в том числе городов долины Инда) вошла в научный обиход довольно давно. В защиту ее приводилось множество самых разнообразных аргументов — историко-культурных, этнографических, лингвистических¹⁶. Теперь эта гипотеза получает новое, весьма солидное подтверждение с помощью позиционной статистики.

Отмеченные в статьях Ю. В. Кнорозова и И. К. Федоровой¹⁷ морфосинтаксические параллели охватывают самые существенные и наиболее специфические черты грамма-

¹⁶ Следует напомнить, что в последнее время дравидийские заимствования были обнаружены в наиболее ранних памятниках древнеиндийского языка, в частности, в Ригведе (X, 10, 145). См. М. R. E m e n e a u, *Linguistic prehistory of India*, «Proceedings of the American Philological Society», v. 98, № 4, 1954, стр. 286—287; T. B u r g o w, *Sanskrit and the Pre-Aryan tribes and languages*, «Bulletin of the Ramakrishna Mission Institute of Culture», Feb., 1958.

¹⁷ К сожалению, собранный в статье И. К. Федоровой дравидийский материал не свободен от ошибок. Ошибочно, в частности, определение языковой принадлежности приводимых примеров: фразы, названные в статье тамильскими или телугу, на деле таковыми не являются. И. К. Федорова опирается в данном случае на совершенно произвольное членение дравидийских языков на диалекты, принятое Ст. Коновым («Linguistic Survey of India», т. IV; «Munda and Dravidian languages», Calcutta, 1906).

тического строя дравидийских языков (препозиция определения в синтагме, инициальное положение корневой морфемы в словоформе, структурное тождество словоформы и атрибутивного словосочетания и т. д.¹⁸) и полностью подтверждают мнение автора о типологической близости «харапского» языка к языкам дравидийским. О том же свидетельствуют и некоторые дополнительные данные — как приведенные в рассматриваемом сборнике, так и содержащиеся в самом протоиндийском материале.

Полуперемежные знаки первой группы, интерпретируемые как определения к последующим, устойчивым знакам, сочетаются с ними, не присоединяя при этом переменных знаков второй группы — грамматических показателей. Это означает, что определения (прилагательные), судя по всему, не согласуются с определяемым словом. Для большинства дравидийских языков характерно наличие неизменяемых прилагательных¹⁹. Терминация прилагательных в брахуи и некоторых языках центральной дравидийской группы объясняется, по всей вероятности, взаимодействием с индоарийскими языками.

Сочетание в одном блоке знаков с предположительно одинаковым значением, а также повторы некоторых переменных (такие, как указанное в статье А. М. Кодратова сочетание 66—66) следует, как нам кажется, сопоставить с весьма распространенными в дравидийских языках плеонастическими комбинациями некоторых аффиксов (числа, рода, косвенного падежа и т. п.). Можно указать для примера плеонастическое употребление аффиксов множественного числа в старом канна: (puruṣa-g-ir, puruṣa-g-ka! «люди, мужи»; paṇḍita-g-ka! «пандиты, ученые», dēvi-ga! «богини», tande-d-ir-ka!, tande-v-ir-ka «отцы»), а также на изредка встречающиеся в этом же языке повторы этих показателей (muvaṇ-d-ir-ir «трое (людей)», ma-k-ka! ga! «дети») ²⁰.

В дравидийских языках количественные определители (числительные, собирательные местоимения), в отличие от качественных определителей, образуют с именем не только атрибутивные, но и аппозитивные сочетания²¹. Это явление наблюдается в большинстве дравидийских языков и должно быть отнесено к числу наиболее характерных явлений дравидийского синтаксиса. (Ср. там. eṭṭu-p-pirāmaṇa-g-ka! «восемь брахманов» — piṇṇamaṇa-g-ka! eṭṭu-d-ṇeṇ «восемь человек брахманов» (досл.: «брахманы восемь человек»); mūṇṇo marattil — marattuṇṇil «в трех деревьях»; мал. āpiravaṇa piṇṇamaṇaḥ «пятирх брахманов» (надпись XI в.) — iṇṇaṇṇa āiṇṇaṇṇa «они пятеро» (надпись X в.); кан. sāyira peṇḍir «тысяча женщин» — vaṇuṣa ṇiṇṇa «сто лет»; тел. oka dēṣaṇi — dēṣaṇokaḥ «одна страна»; кур. kuṇṇiṇi kōḍi-koḍinga tiṇṇa «три коровы»; кур. oṇḍ gōhola aḍḍo «одна упряжка быков» — gōhola eṇḍ aḍḍo «две упряжки быков», «быки две упряжки») ²². В протоиндийских надписях цифровые знаки, как правило, помещаются перед сочетающимися с ними устойчивыми знаками 96, 97, 175 и др.; в ряде случаев, однако, цифровые показатели следуют за «определяемым словом» (ср. по каталогу Лэнгдона подписи М 3, 82, 120, 179, 325, 347, 387, 402, 422, X 89 с надписями М 29, 108, 129, 303, 414, 539, X 150, 154, 254, 271; также по каталогу Хантера надписи X 19, 93, 100, 106, 114, 121, 143, 156 с надписями X 1, 2, 9, 10, 11, 17, 20, 26,

¹⁸ J. Bloch, The grammatical structure of Dravidian languages, Poona, 1954, стр. 1—2, 12—21, 99—109; F. B. J. Kuiper, Note on Dravidian morphology, «Acta Orientalia», Leiden, 1948; A. М. Мерварт, Грамматика тамильского разговорного языка. JL, 1929, стр. 221—228. Ср. также: Т. Р. Меенакшисундарап, A history of Tamil language, Poona, 1965, стр. 21—22, 27—35; М. С. Андронов, Дравидийские языки, М., 1965.

¹⁹ R. Caldwell, A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages, London, 1856, стр. 251—259; J. Bloch, Указ. раб., стр. 106—109.

²⁰ F. Kittel, A grammar of the Kannada language, Mangalore, 1903, стр. 49, 51—53. Ср. также тамильские «комбинированные» суффиксы множественного числа (-a)rkā!, mārkā! (ācīriya-g-ka! «учителя», takappaṇṇa-mā-g-ka! «отцы»). См. об этом: J. Bloch, Указ. раб., стр. 9—10.

²¹ Аппозитивные сочетания числительных с существительными в дравидийских языках кратко охарактеризованы Ж. Блоком: J. Bloch, The grammatical structure, стр. 103—105.

²² См. Н. Beythān, Praktische Grammatik der Tamilsprache, Leipzig, 1943, стр. 141—142; A. S. Sekhar, Evolution of Malayalam, Poona, 1963, стр. 101; F. Kittel, A grammar of the Kannada language, стр. 255; W. W. Winfield, A grammar of the Kui language, Calcutta, 1924, анн. 37; Fr. Hahn, Kurukh grammar, Calcutta, 1900, стр. 67. В грамматиках брахуи упоминается лишь о препозитивном присоединении числительных к определяемому, однако проводимые Д. Бреем примеры — da iṇṇaḥ ṇiṇṇā charaṇā e «этот хлеб принадлежит вам четверым» (досл. «вас четырех»), haṇṇē biṇṇāṅgāk bassuno batano «те 20 человек (досл. «они двадцатеро») пришли или нет?» — указывают на то, что постпозиция количественных определений в ряде случаев возможна и в этом языке. См. Sir Denys Brau, The Brahui language, r. I, Calcutta 1909, стр. 71—72.

27, 31, 32, 36, 37, 43, 47, 49, 50—52, 54, 60, 66, 67, 73, 75, 79—83, 91, 94, 117, 152, 155—157, 160)²³. Вариативная позиция цифр в составе блока лишней раз подтверждает, на наш взгляд, существенную близость структуры «хараппского» языка к дравидийскому типу.

Проблема дешифровки протоиндийской письменности приобретает таким образом исключительное значение не только для дравидийского, но и для общего языкознания. По данным, которыми располагает в настоящее время сравнительная дравидология, период существования хараппской цивилизации (IV—II тысячелетия до н. э.) хронологически совпадает с периодом, предшествовавшим распаду дравидийской языковой общности, или же — с периодом вычленения из дравидийского праязыка диалекта северной группы²⁴. Если надписи, найденные в городах долины Инда, будут когда-либо прочтены, высказывавшиеся до сих пор предположения о характере фонологического состава и грамматического строя протодравидийского языка смогут быть проверены на конкретных фактах. Естественно и очевидно, что язык обитателей Мохенджо-Даро и Хараппы от протодравидийского языка в нашем понимании этого слова должен отличаться так же сильно, как отличался бы, скажем, вновь открытый латинский язык от гипотетически реконструированного праязыка романской семьи.

Основываясь на данных позиционно-статистического анализа, учитывая одновременно предполагаемое содержание текстов, Ю. В. Кнорозов сопоставляет некоторые (переменные) знаки протоиндийского письма с морфемами дравидийского именного склонения. Знак 87, являющийся, по мнению Ю. В. Кнорозова²⁵, стилизованным изображением дерева ашваттха (*Ficus religiosa* L.), отождествляется таким образом с морфемой падежа, -t²⁶. Предложенная идентификация заслуживает, как нам кажется, самого пристального внимания лингвистов-дравидологов. Позиционно-статистические данные знака 87 (финальная позиция в блоке, исключительная частотность, широкая сочетаемость как с переменными, так и с устойчивыми знаками) в основном соответствуют морфосинтаксической характеристике дравидийского косвенно-атрибутивного падежа. Частое появление этого знака в конце надписи можно объяснить особыми случаями инверсии или эллипсиса, специфически обусловленными содержанием текста²⁷. Возможно, впрочем, и другое объяснение: как известно, в литературном тамильском языке один из аффиксов атрибутивного падежа -atu омонимичен показателю среднего рода, присоединяемому к различным формам именного и глагольного предиката. Можно предположить, что и в данном случае имеет место аналогичное совпадение. Следует отметить, что аффикс -atu зарегистрирован в качестве морфемы косвенно-атрибутивного падежа в самом раннем из известных нам письменных памятников дравидов — грамматике тамильского языка «Толькаппиям» (II—IV вв. н. э.)²⁸.

Предложенная Ю. В. Кнорозовым идентификация знака 87 не только является, с нашей точки зрения, вполне приемлемой, но и дает возможности произвести некоторые дополнительные сопоставления. Можно, в частности (разумеется, в самом предварительном порядке), сопоставить знак 182 (фигура мужчины), который в каталоге Лэнгдона встречается 16 раз, из них 10 раз в конце надписи и 9 раз после знака 87, а в каталоге Хантера отмечен 28 раз, в том числе 13 раз в финале и столько же — в сочетании со знаком 87²⁹, с протодравидийским *aI/āḍ «мужчина, человек» (ср. там aI «мужчина, человек, слуга»; āḍ, āḍaḍ «существо мужского пола»; too-ḥ «человек (из

²³ J. Marshall, Указ. раб., т. II, стр. 110—117; G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 162—163, табл. XXXVI.

²⁴ K. Zvelebil, Comparative study of the Dravidian family of languages, «Archiv Orientalni», 3, 1965, стр. 375; ср. также М. С. Андронов, Лексикостатистический анализ и факты истории о хронологии распада протодравидийского языка, сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, стр. 62—79.

²⁵ Позиционная характеристика знака 87, ясно указывающая на его служебную функцию, заставляла и прежде некоторых исследователей выделять этот знак в качестве формального показателя. (См. G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 55—58; P. von Meriggi, Zum Indus Schrift, стр. 215—218). Идеографически этот знак трактовался, однако, чаще всего как «сосуд с ручками» (G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 210; ср. также A. H. Dani, Indian Paleography, Oxford, 1963, unps. 1, a, 1, e).

²⁶ Сводку данных о распространении морфемы *-t- в современных дравидийских языках см.: Bh. Khishnamurti, Telugu verbal bases, Berkeley, 1961, стр. 259; ср. также, J. Bloch, Указ. раб., стр. 14—17.

²⁷ Следует учитывать при этом, что в дравидийских языках (в частности, в старом тамильском) часто встречаются случаи эллипсиса падежной морфемы, присоединенной к косвенно-атрибутивным аффиксам *-t- (там. -(t)attu). См. например, P. S. Subramanya Sastri, Historical Tamil reader, Annamalai, 1943, стр. 12, 13, 16, 17.

²⁸ См. T. R. Meenakshisundaran, Указ. раб., стр. 100, где отмечены случаи присоединения падежных аффиксов к морфеме -atu. Ср. также R. Caldwell, Указ. раб., стр. 232—233.

²⁹ J. Marshall, Указ. раб., т. II, стр. 438.

племени тода)»; кан. āṇ, āḷ «мужчина, человек»; ту. āṇuḍi «мужчина»; код. а. ṇi, а. ṇa. ḷi «мужчина, человек»; кур. āḷ «мужчина, муж, возлюбленный»³⁰. Еще Р. Колдуэлл высказал в свое время предположение о том, что слово *āṇ генетически связано с распространённым в дравидийских языках показателем мужского рода (там. -āṇ, -aṇ)³¹. Не стараясь выяснять здесь, насколько справедливо в целом это утверждение Колдуэлла (на наш взгляд, оно косвенно подтверждается наличием в тамильском языке таких слов, как riṅāṇ «господин, владыка, бог», piṅāṇ «госпожа, богиня» — из руги «большой великий» и āṇ «мужчина», āṇṇi «женщина»), и оставляя в стороне вопрос о характере и причинах чередования *-ṇ/*-ṇ в данном конкретном случае³², мы в то же время можем предположить, что в протоиндийской письменности знак 182 использовался для омофонического изображения аффикса мужского рода. Показателем мужского рода в дравидийских языках снабжены, как правило, имена собственные, названия жителей определенной местности, названия лиц по профессии, по принадлежности к тому или иному клану, касте и т. п., т. е. как раз та группа лексики, наличие которой в протоиндийских надписях представляется весьма вероятным. В этих именах родовые показатели часто присоединяются к форме косвенно-атрибутивного падежа³³. Следует особо подчеркнуть, что речь идет пока еще не о каком-либо конкретном отождествлении протоиндийского знака с определенным фонетическим комплексом, а лишь об указании на некое морфосемантическое соответствие, на еще одну возможную аналогию между языком надписей долины Инда и дравидийскими языками³⁴.

Более спорным представляется, на наш взгляд, предложение Ю. В. Кнорозовым объяснение знака 124 как аффикса местного падежа, идентичного со старотамильским -kaṇ. Позиция, занимаемая этим знаком в надписях, близко совпадает с позицией знака 87. В то же время совпадения в окружении этих знаков крайне редки: большей частью устойчивые и переменные, сочетающиеся со знаком 87, не сочетаются со знаком 124 и наоборот. Не следует ли в этом случае согласиться с мнением Дж. Р. Хантера³⁵ и рассматривать знаки 124 и 87 как алломорфы? (Знак 124 можно было бы сопоставить, например, с дравидийской морфемой косвенного падежа *-i.)

Весьма интересными и перспективными в отношении дальнейшего исследования представляются предположения авторов сборника по поводу лексического состава протоиндийских надписей. Им удалось, например, разгадать идеографический смысл знака 96 (ранее рассматривавшегося как изображение дерева) и определить его значение как исходной единицы измерения жидкостей (санскр. graṣṭi «пригоршня»). Столь же убедительна интерпретация устойчивых сочетаний 15—183 («Великая Богиня»), 15—175 («Великая Рыба»), VI—175 («Плеяды»).

Привлечение дополнительного дравидийского и общеиндийского культурно-исторического материала позволит, по нашему мнению, существенно расширить круг «опознанных» полиграмм и отдельных знаков. В частности, диаграмму VII-175 (X.36) возможно было бы интерпретировать по аналогии с тамильским elu-mṇ («Семь рыб (звезд), Большая Медведица»). Заманчивым кажется также сопоставление триграммы XII-233—233 с санскритским dvādaśādityāḥ «двенадцать солнц, двенадцать месяцев (года)».

Последняя статья сборника освещает некоторые результаты исследования изображений на объектах с протоиндийскими надписями.

Интерпретация хотя бы некоторых изображений, по справедливому мнению авторов сборника, должна способствовать нахождению реальных лексических эквивалентов для тех последователей знаков, которые соответствуют «корневым морфемам» надписей, и в дальнейшем может послужить ключом к прочтению текстов.

³⁰ T. Burrow, M. B. Emeneau, A. Dravidian etymological dictionary, Oxford, 1916, 342-a.

³¹ R. Caldwell, Указ. раб., стр. 178.

³² О чередовании ретрофлексных и альвеолярных (зубных) согласных см. Bh. Krishnamurti, Telugu verbal bases, стр. 37—38, 40—41.

³³ R. Caldwell, Указ. раб., стр. 175. Ср. имена вроде nikāmā-t-or, nikāā-t-ar «горожане; купцы», отмеченные в тамильских надписях на брахми III в. до н. э. (K. Zvelebil, The Brahmi Hybrid Tamil inscriptions, «Archiv Orientalis», v. 32, 1964, стр. 569—576).

³⁴ Для знака 182 (условно отождествленного с протоиндийским *āṇ) можно найти и еще одно морфологическое соответствие — аффикс *-āṇ со значением местного (или инструментально-отложительного) падежа. В старотамильском языке этот аффикс образует наречия места, например, iṇaḥ «здесь» (см. T. P. Meenakshisundaran, Указ. раб., стр. 102; P. S. Subramasya Sastri, Historical Tamil reader, стр. 18), а также, по мнению Ж. Блока (J. Bloch, Указ. раб., стр. 21), входит в состав показателя местного падежа -kaṇ (из *-k-aṇ). Некоторые показатели инструментального и отложительного падежей в современных дравидийских языках, возможно, генетически связаны с этим суффиксом: инстр.— старотам. āṇ; ?то. -end; клм.-(n)āḍā, брах. -aṇ, отложит.— пдж. -ar; ?куи-ṭai; гонди-āḷ; брах. -āṇ.

³⁵ G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 56—57, 116—117.

Так как дравидийские письменные памятники отсутствуют вплоть до начала нашей эры, пока приходится обращаться не только и даже не столько к данным дравидийских языков, сколько к санскритским источникам.

Из отраженного в санскритских памятниках общиндийского культурного наследия автор статьи Б. Я. Волчок пытается выделить те бытовые реалии и мифологические представления, которые не были принесены извне индоарийскими племенами и могли соответствовать протондийским изображениям, выявляя в санскрите древние дравидийские заимствования и кальки.

Естественно, что при таком подходе работа Б. Я. Волчок выходит за рамки только вспомогательных рассуждений и приобретает самостоятельную ценность культурно-исторического исследования.

Отождествление отдельных человеческих фигур с персонажами индийской мифологии проводилось во многих работах, посвященных материальной культуре древней Индии (в частности, в труде Э. Маккея³⁶; из сравнительно недавних можно назвать книгу Д. Гордона³⁷). Однако следует отметить, что определение изображений фактически не продвинулось вперед за последние 20—25 лет, что объясняется отсутствием такого стимула, как этническая соотнесенность изучаемого материала.

В свете новых данных сборника получают убедительное подтверждение толкования известных мужских и женских фигур как изображений главных божеств индийского пантеона — богини-матери (санскр. Дурга, Деви и т. д.) и ее супруга (Шива, Шанкара и т. д.). Здесь весьма уместен собранный Б. Я. Волчок из различных специальных исследований богатый материал, связанный с древними мифами, а также современными народными мифологическими представлениями и культами («мировое дерево» ашваттха, убийство буйвола, культ змей, обряд надевания браслетов и т. п.). Очень интересно наблюдение автора над стилизацией изображений дерева ашваттха, позволившее ей обнаружить первоначальный символический смысл «арки», обрамляющей пляшущего Шиву в традиционных южноиндийских скульптурах.

Предположение Б. Я. Волчок о связи изображенных на печатях животных со странами света представляется вполне вероятным. Боги — хранители стран света (первоначально зооморфные) — чрезвычайно существенный элемент древнеиндийской модели мира. Идея этих хранителей полностью отсутствует в Ригведе, что с очевидностью свидетельствует о неиндоевропейском ее происхождении. Интересно, что предположение о «заведующих» странами света существовало в древнем Вавилоне³⁸.

Обращает на себя внимание догадка Б. Я. Волчок о причине, по которой в дошедшей до нас индийской традиции отсутствует носорог как вахана («возящий» или «сидение») того или иного божества. Автор считает, что в санскрите «носорог» заменен «мужжиной» в результате частичного калькирования дравидийского слова, имевшего оба эти значения. Конечно, в данном конкретном случае нельзя с полной уверенностью присоединиться к мнению автора, однако сам путь рассуждений кажется интересным и плодотворным.

Вопрос о реальном прообразе семи (или шести) богинь, сопровождающих главное женское божество, важен как для перспектив чтения текстов, так и с этнографической точки зрения. Б. Я. Волчок делает вывод, что это — семь сестер богини-матери (в различных частях Индии — богини плодородия, воды, охоты, эпидемических болезней и т. п.). Сходные предположения делались и раньше (например, Маккей упоминает в этой связи бенгальскую богиню — демона оспы Шиталу-Деви и ее семь сестер), однако не в таком широком контексте, как в данной статье. Заслужив Б. Я. Волчок является также привлечение к толкованию этого сюжета мотива о семи матерях (сестрах, женах) Шивы. Можно было бы напомнить в этой связи о «матерях» бога войны, одного из излюбленных южноиндийских божеств (санскр. Сканды, Картиккейя). Эти, по санскритскому варианту мифа, «приемные матери» олицетворяли созвездие Плеяды. В древней и средневековой тамильской литературе (прежде всего — в памятниках религиозно-мифологического содержания) один из самых распространенных эпитетов Сканды (Муругана) — «сын (возлюбленный?) шести звезд» (aiu-mṇu-kāṭalaḍḍ).

Однако каков бы ни был первоначальный источник этой семерки. — Большая Медведица, в районе которой проходит «мировая ось», число дней недели или что-либо другое, — представляется маловероятной связью ее с реками Панджаба. Семерка рек упоминается не только в ведической литературе, но и в Авесте (V.1.18), что позволяет считать ее воспоминанием о древнем общем местобитании индоиранских племен (скорее всего, бассейна Аму-Дарьи). В дальнейшем, по мере продвижения ариев на восток и ознакомления с важнейшими реками Индии, семерка охватывала и некоторые реки Панджаба, и Ганг с его притоками, и даже главные реки Южной Индии³⁹.

³⁶ Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, стр. 67—75.

³⁷ D. H. Gordon, The pre-historical background of Indian culture, Bombay, 1960 (см. например, стр. 68, сл.).

³⁸ W. Kirfel, Die Kosmographie der Inder, Bonn, Leipzig, 1920, стр. 34*.

³⁹ J. Dawson, A classical dictionary of hindu mythology and religion, geography, history and literature, London, 1879, стр. 81.

Трудно сказать сейчас, какой из возможных аспектов дальнейших исследований может оказаться наиболее перспективным. Судя по всему, работа по изучению протоиндийского письма должна вестись комплексно, одновременно в нескольких направлениях. Хочется привлечь внимание авторов к одному из этих направлений. Оно может как нам кажется, сыграть определенную роль в разрешении поставленной задачи. Мы имеем в виду более углубленное изучение вопроса о соотношении протоиндийского письма с различными видами письменностей и пиктографических систем существовавших в Индии после арийского завоевания, в частности — с алфавитом брахми. Если утверждение о том, что письмо брахми непосредственно восходит к письменности Мохенджо-Даро и Хараппы, представляется сейчас весьма сомнительным по целому ряду причин, то априорное отрицание какой бы то ни было взаимосвязи между этими двумя видами письма кажется по меньшей мере нецелесообразным. Особенно интересным, с нашей точки зрения, является вопрос о происхождении цифр брахми. Некоторые из них (цифры 10, 50, 90, 100)⁴⁰ близко напоминают знаки протоиндийского письма. Наиболее схожи протоиндийский знак 60 и знак брахми для числа 10 (ср., например, написание знака 60 в надписи М 420). Отметим, что знак 379 часто комбинируется с цифрами I, ???, IV и т. д. Совпадение цифровых знаков протоиндийского письма и алфавита брахми в принципе кажется вполне возможным, поскольку цифры могут сохраняться даже при изменении системы письма, могут заимствоваться друг у друга народами, обладающими разной письменностью, и т. д. Много ценной информации может быть получено в результате дальнейшего формального анализа протоиндийских текстов, всестороннего изучения их лексического состава. После того как в итоге всей этой работы содержание надписей будет установлено более точно, было бы целесообразно, по нашему мнению, провести сопоставительный морфемный анализ текстов из Мохенджо-Даро и Хараппы с текстами на дравидийских языках. Дравидийский материал мог бы быть представлен лучше всего выборкой из ранних средневековых надписей на языках тамильском, телугу и каннада (V—X вв.).

В истории изучения протоиндийской письменности, в истории изучения всей культуры долины Инда исследование ленинградских и московских ученых — математиков, лингвистов, этнографов — знаменует начало нового, существенно важного этапа. Прежде всего, это исследование впервые открывает реальную возможность дешифровки протоиндийского письма. Нет необходимости говорить о том, какое значение эта дешифровка имела бы для мировой науки. Следует только еще раз подчеркнуть, что результаты, достигнутые уже в начале исследования, проливают новый свет на историю народов Индии и индийской культуры.

Н. В. Гуров, Т. Е. Катенина

⁴⁰ См. G. Bühler, *On the origin of the Indian Brāhmi alphabet*, Strassburg, 1898, pl. III. Нуль был введен в индийскую цифровую систему лишь около IV в. н. э. До этого времени для каждого десятка и для числа «сто» имелось особое цифровое обозначение.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The Anthropologist Looks at Myth. Compiled by Melville Jacobs. Edited by John Greenway. Published for the American Folklore Society by the University of Texas Press, Austin—London, 1966 (статьи W. A. Lessa, D. R. Sceels, D. V. Hart и H. C. Hart, J. L. Fischer, W. La. Barre, G. R. Horner, K. Luomala, R. M. Berndt, C. H. Berndt, R. F. Spencer).

Рецензируемый труд представляет собой сборник статей на фольклорные темы ряда известных современных этнографов («антропологов» или «этнологов» по принятой в англо-американской науке терминологии), в основном американских (исключение — австралийские ученые — супруги Берндт). Составитель книги Мелвилл Джейкобс¹, опубликовавший семь лет назад очень интересную монографию о стилистических моделях в фольклоре североамериканских индейцев, и большинство авторов, например, Катарина Луомала², Уильям Лесса³, сделавшие много для сравнительного изучения океанийского фольклора, и другие являются выдающимися знатоками именно в области фольклора.

¹ M. Jacobs, *The Content and Style of an Oral Literature*. Clackamas Chinook Myths and Tales, Chicago, 1959.

² K. Luomala, *Maui of a Thousand Tricks*, 1949 и др. работы по фольклору Океании.

³ W. A. Lessa, *Tales of Ulithi Atoll*, 1961.

Слово «миф» в заглавии книги не совсем точно определяет ее предмет. Благодаря известному «синкретизму» архаического фольклора миф часто трудно в нем отделить от сказки. Статьи сборника фактически посвящены не только мифам, а самым разнообразным жанровым разновидностям повествовательного фольклора коренных народов Австралии и Океании, частично Америки и тропической Африки. Только две статьи (Спенсера — о бирманской жатаке и в особенности Скилза — о средневековом романе) выходят за пределы фольклора и указанного круга народов, что оговорено и в предисловии. Мы в дальнейшем этих двух статей касаться не будем.

Рецензируемый сборник чрезвычайно привлекателен для непредубежденного читателя, по крайней мере, по двум причинам. Первая: авторы подходят к духовной культуре народов, изучаемой, как правило, исключительно этнографами, во всеоружии не только этнографической, но и фольклористической исследовательской методики; они ясно осознают, что перед ними народная поэзия, изучения которой требует специфического подхода. И вторая причина: сборник очень богат фактическим материалом, почерпнутым из «полевых» наблюдений авторов; в качестве образца для анализа всякий раз выбираются отдельные конкретные «тексты». Исследования носят явно недогматический характер. И вместе с тем авторы объединяют именно теоретические поиски, особенно в сфере самой методики изучения фольклора. Это, разумеется, не значит, что поиски всякий раз плодотворны или что авторы полностью свободны от воздействия тех или иных модных методологических концепций. Но доминантой в каждом «анализе» остается эмпирический материал и его «индивидуальная» интерпретация, а не общая оценка мифа с точки зрения той или иной теории, как например, в другом, по своему также весьма содержательном коллективном труде, изданном американским фольклорным обществом — *Myth. A symposium* (1955, 1958).

Главная проблема, поставленная в статьях рецензируемого сборника (проблема, которую давно разрабатывают и советские фольклористы) — специфика отражения быта и особенно архаической социальной структуры в мифах и сказках.

В. Лесса в статье «Открыватель Солнца. Мифология как отражение культуры», дав анализ одного из популярных в Микронезии фольклорных сюжетов в сравнительном плане и в контексте культуры атолла Улити, затем делает ряд важных наблюдений по поводу целого ряда «расхождений» между мотивами сказки и фактами действительной жизни. В сказках часто фигурирует выпешдая из употребления охота на птиц, особое внимание уделяется определенным деревьям (не обязательно имеющим первостепенное хозяйственное или «магическое» значение). В сказках очень часто упоминаются «мужские» и «женские» (для изоляции девушек, достигших половой зрелости) «дома», причем в них происходят танцы и любовные встречи, воспитываются дети, чего сейчас нет в быту. Сказки описывают неприятное теперь похищение женщин, весьма терпимы к инцесту, вызывающему в жизни ужас, изображают дурное обращение с детьми (изгнание в трудное время, их убийство за нарушение табу, преследование пасынков), которое строго осуждается в быту. В некоторых мотивах В. Лесса видит не отражение действительных фактов, хотя бы уже пережиточных, а нарочито выставление подлости для осуждения обществом, например, в случае убийства или преследования детей. По этому поводу можно заметить, что убийство детей в голодное время во многих местах Океании (пусть не на атолле Улити) безусловно практиковалось. Кроме того, дурное обращение с сиротами со стороны сестер, матери, жен дяди и т. п. (сказочная тема, популярная в Микронезии и еще больше — в Меланезии) сигнализирует об укреплении малой семьи, о некотором, пусть еще незначительном ослаблении родовых связей. Заслуживает внимания мнение Дж. Л. Фишера о том, что некоторые мотивы в сказках — не прямолинейное отражение, но и не «перевертывание» действительных фактов, а их известная «экзажерация», т. е. преувеличение, усиление тех или иных акцентов. Трактуя инцестуальный мотив в сказке, записанной на одном из Каролинских островов («Сказка об Эдипе на Понапе»), Фишер отдает дань неотрейдизму, но тут же, в отличие от «ортодоксальных» психоаналитиков, ищет корни мифа в местной структуре рода: сестра отца (соблазнившая героя в сказке) классифицируется как «мать» и связь с нею преступна, но брак с ее дочерью и тем более другими женщинами рода отца возможен. Конфликт отца и сына Фишер объясняет несоответствием «обязанностей» отца перед женой и детьми и его «прав» из-за матрилинейной фiliationи.

Интересен подход к той же проблеме у В. Ла Барра в статье о небольшой народности аймара, живущих в Андах в районе оз. Титикака. Он призывает учитывать историю, о которой, по его словам, обычно забывают этнографы-«функционалисты» и человеческую индивидуальность, о которой не думают «диффузионисты». С этими требованиями нельзя не согласиться; историзм особенно высоко ценится советской этнографической школой. Однако предлагаемая Ла Барром «историческая» методика носит ограниченный, односторонний характер. Он считает, что описание голода, взаимного поедания, мотивы убийства детей друг у друга, жестокой мести в сказках о животных и других — все это плод не только тяжелых природных условий, но результат тесной замкнутости экзогамных родовых групп (айялю), их взаимной враждебности при наличии брачного «обмена». К этому присоединилось подчинение далекой, «внешней» власти в виде господства инков, а впоследствии феодальной власти, королю

и т. д. Поэтому всякая враждебность находила выход вовне, за пределами своего «общества».

В наблюдениях Ла Барра много справедливого, но приводимые им сказки о животных, сведения об апатропаической (белой) магии, особенности экзогамных групп — все это широко встречается у многих других племен и не является какой-то неповторимой исторической спецификой аймара. Иными словами, здесь надо скорее говорить об отражении определенной исторической ступени, а не особой судьбы народа. Дж. К. Хорнер, анализируя одну из сказок булу (Африка, Камерун), связывает ее сюжет (злочлечения героя, отказавшегося взять имя отца и вызвавшего гнев духов предков, а затем спасенного отцом ради интересов рода) с особенностями социальной организации булу (патрилинейные семейные поселения, видимо, типа «больших семей») и соответствующего ей культа предков. Рональд М. Берндт в содержательной статье «Песенный цикл Вурадилагу на северо-востоке земли Арнхема» (примыкающий к его известным книгам о культах Кунапи и радужного змея) признает отражение в повествовательных песнях о вурадилагу (духах-предках) общественных отношений «сексуальной дихотомии», т. е. дислокального брака, затем разделения мужчин в ритуальных поединках и объединения их в устройстве жилищ и т. д., но основным считает гармонию с природой и переход от «личного» социального мира к безличному социуму, баланс одушевленных и неодушевленных объектов. Природные феномены рисуются в анализируемом цикле как результат действия живых существ (щелки из вырезанных мужчинами копьев образуют облака; девушки-вурдилагу, покрытые корой, сопровождалась птицами — предвестники южного ветра) и это нельзя свести к одному тотемизму. Особый интерес представляет собой исследование Катарины Луомала о типах океанийских сказок о «глупых» племенах, родах, фратриях, селениях и т. п. и исторических корнях этого «жанра». Оказывается, что некоторые группы, фигурирующие в фольклоре в роли «глупцов», в обыденной жизни могут занимать и часто занимают даже привилегированное положение на своем острове, в племенном союзе и т. д. Яркий пример — аонука на Гильбертовых островах. Их «мужской дом» является центром общественной жизни в селении Текаман, символизирует единство живущих здесь племенных групп. Привилегированное положение и известное уважение к аонуку уравнивается насмешками в фольклоре, имеющими односторонний («асимметрический») характер, что, однако, не принимается за обиду представителями аонука, тем более что анекдоты представляют их не в чисто отрицательном свете; «глупость» в ряде случаев сближается с «безрассудной отвагой». Подобные анекдоты имеются на всех островах Микронезии, на каждом острове есть свое племя «глупцов»; почти такая же картина — в Меланезии; в Полинезии явление это встречается реже. Если племя «глупцов» живет дальше от носителей анекдотической традиции или вообще отнесено к прошлому, то насмешки грубей и беспощадней. Вслед за Радклиф-Брауном и П. Б. Хаммондом, Катарина Луомала связывает анекдоты о глупцах с различными типами шутивно-враждебных отношений между определенными категориями родственников или между фратриями («не только назидание, но формализованные модели шутливости между группами»), видит здесь социально-упорядоченную, «нормированную» фамильярность, выражения враждебности, эмоционального «катарсиса» и т. п., в конечном счете — средство ослабления антагонизма. Наблюдения Катарины Луомалы интересно сопоставить с теорией «карнавального» характера народного комизма у советского литературоведа М. М. Бахтина в его книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (М., 1965, ср. толкование циклов о трикстерах как сатире, легализованной за счет отнесения к доисторическому времени в книге автора настоящей рецензии «Происхождение героического эпоса», М., 1963).

Статья Катарины Луомалы сочетает рассмотрение одного из аспектов темы «фольклор и действительность» с характеристикой оригинального фольклорного жанра и форм его бытования. Ценные сведения (собранные во время полевой этнографической работы) о различных жанрах в архайском фольклоре тех или иных этнических групп, об их стилистических особенностях, о функции этих жанров в общественной жизни, об отношении к ним слушателей и т. п. содержатся почти во всех статьях сборника. В этом плане очень интересен в работе Катарины Берндт анализ особой категории сказок (Kinihera) в фольклоре пауасов, дающих некое назидание на негативном примере и одновременно сохраняющих некоторую связь с садовой магией в начале дождливого сезона. Тема этих сказок — отношения родителей и детей, сильных и слабых, живых и мертвых (специально разбирается сказка о духе мертвого мужа, увлекшем за собой свою жену). Заслуживает внимания характеристика песенного мифического цикла в упоминавшейся выше статье Рональда Берндта, цикла мифов и сказок о великане Мака-андог (предок, культурный герой и трикстер) на Филиппинах (в работе Д. В. Харт и Н. С. Харт), сказок о животных у аймара (В. Ла Барр), некоторых категорий микронезийских мифов (Дж. Л. Фишер).

В статьях Катарины Берндт и особенно Джона Фишера содержатся также интересные поиски методики анализа морфологической структуры сказок (вероятно, не без влияния известных работ Клода Леви-Стросса).

Джон Фишер⁴ сопоставляет четыре «семантических решетки»: время, пространство, персонажи, эпизоды (последовательность конфликтов — их разрешение). На одном конкретном примере Фишер демонстрирует сегментацию текста по четырем указанным признакам и анализирует сложные соотношения между полученными рядами, т. е. в конечном счете — между четырьмя «решетками». Пространственные фрагменты обычно оказываются больше временных, причем в отличие от временных, они часто повторяются. Повторение обязательно и в структуре персонажей, которую Фишер в отличие от пространственно временной структуры повествования сравнивает с контрапунктом в противоположность мелодии. К сожалению, Фишер так же, как и К. Берндт, совершенно не использует методики морфологического анализа, разработанную советским ученым В. Я. Проплом и получившую в настоящее время широкое признание на Западе. Для того чтобы по-настоящему оценить перспективы фишеровской методики, необходимо проверить ее не на одном тексте, а на большом материале.

Нет возможности в рамках настоящей рецензии останавливаться на других аспектах рецензируемого труда. В заключение следует только отметить, что данный труд, написанный рядом выдающихся этнографов, счастливо сочетающих богатый опыт полевой работы с теоретическими поисками, при всей дискуссионности отдельных положений — своего рода вежа в изучении фольклора коренных народов Океании, Америки, Африки. К сожалению, эта интереснейшая область как на Западе, так и у нас до сих пор явно воспринимается как периферия и этнографии, и фольклористики.

Е. М. Мелетинский

⁴ Ср. его более раннюю статью: J. L. Fischer, *Sequence and Structure in Folktales*, в кн. «Men and Cultures», edited by F. G. Wallace, Philadelphia, 1960, стр. 442—446.

НАРОДЫ СССР

М. Г. Абдушелишвили. Краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966, 133 стр.

М. Г. Абдушелишвили издал в 1964 г. обширную сводку материалов по антропологии Грузии, Армении и Северного Кавказа, собранных им и его сотрудниками во время многочисленных экспедиций, начиная с 1950 г. В этой работе, явившейся первым монографическим трудом, посвященным Кавказу в целом и заполнившим пробел в советской антропологической литературе, были опубликованы также собранные им палеоантропологические и краниологические данные. Однако данные эти были изданы лишь в виде таблиц и не были подвергнуты сколько-нибудь полному анализу, очевидно, из-за недостатка места. Рецензируемая книга восполняет этот пробел, давая широкое сравнительное освещение всем материалам по палеоантропологии Грузии. Для сопоставления привлечены как многочисленные данные советских исследований по палеоантропологии Северного Кавказа и Закавказья, так и зарубежные публикации по палеоантропологии Передней Азии.

Автор первым ввел в научный оборот палеоантропологические коллекции, собранные при раскопках известного Самтаврского могильника в Мцхете. Они были описаны в специальной монографии, опубликованной в 1954 г. и успешно защищенной автором в качестве кандидатской диссертации. С тех пор палеоантропологический материал из Самтаврского могильника непрерывно пополнялся в ходе новых раскопок. Одновременно с этим уточнялась его датировка и разбивка по периодам. Некоторые предварительные результаты повторного исследования были освещены М. Г. Абдушелишвили в нескольких предварительных сообщениях. Кроме разновременных серий из Самтаврского могильника, в книге описаны также сосредоточенные в Тбилиси коллекции, полученные при раскопках других могильников, но, правда, немногочисленные.

М. Г. Абдушелишвили развернуто излагает в рецензируемой книге свою концепцию расогенеза и расовой динамики на Кавказе, которую он уже высказал и частично аргументировал в предварительных публикациях и в книге 1964 г. Основное звено этой концепции — попытка вывести генезис автохтонного на Центральном Кавказе кавкасионского типа из древних типов, характерных для населения, хоронившего своих покойников в Самтаврском могильнике. Современные кавкасионцы, как известно, широколицы и круглолобые, древние люди Мцхеты — узколицы и длиннолобы. Различия в форме черепной коробки обычны при сравнении древнего и современного населения и легко могут быть объяснены брахицефализацией. Но для изменений ширины лица объяснение действием грацилизации — изменением во времени признаков, отражающих массивность черепа, неудовлетворительно, так как лицевой скелет более поздних черепов обычно уже, чем у более ранних, а не наоборот. Поэтому М. Г. Абдушелишвили пред-

положил, что в горах Центрального Кавказа изменение ширины лица во времени происходит не так, как на других территориях Советского Союза и эйкумены — лицо становится в более поздние эпохи не уже, а шире. Это положение аргументировалось с помощью сравнения последовательных во времени палеоантропологических серий разных эпох с краниологическими материалами по близкому к современности населению, которые также были собраны и описаны М. Г. Абдушелишвили. Вывод этот вносит новые чрезвычайно плодотворные точки зрения в теоретическое расоведение и, по мнению рецензента, заслуживает серьезнейшего внимания.

В нашей литературе укоренилось представление, согласно которому изменение признаков во времени идет в одном направлении, носит, так сказать, однозначный характер. Против этого представления неоднократно восставал В. В. Бунак, аргументируя свою позицию палеоантропологическими данными об изменении признаков у древнего населения Западной и Центральной Европы. М. Г. Абдушелишвили аргументирует аналогичный взгляд на явление временной динамики признаков, приводя ему свежее фактическое обоснование, опирающееся на новые материалы. Оно тем более заслуживает внимания, что аналогичный факт постоянства или даже некоторого увеличения ширины лица выявляется при сравнении населения эпохи бронзы Армении с современными армянами.

При всей высокой оценке гипотезы М. Г. Абдушелишвили для теории расоведения и плодотворности постулируемого ею подхода к временной изменчивости рецензент высказал о ней некоторые критические соображения, которые сохраняют, как ему кажется, свое значение и сейчас, после публикации полных материалов по палеоантропологии Грузии. Первое соображение — умозрительное, и заключается оно в том, что данные, полученные при изучении одного могильника в центральной Картли, по-видимому, неправомерно экстраполировать на все древнее население Грузии, где всегда было много самостоятельных этнических групп и где отдельные районы, особенно высокогорные, характеризуются большой географической спецификой. Неправомерность эта находит известное подтверждение и в историко-археологических данных, рисующих Мцхету как поселок городского типа, а Самтаврский могильник — как городское кладбище, может быть даже кладбище княжеской дружины и городских ремесленников, т. е. населения со специфической выборкой.

Второе — недооценка морфологического критерия. Разница в сантиметр в скуловой ширине не может не считаться у современного человека очень большой, практически она вмещает или почти вмещает межгрупповые размахи в пределах монголоидного и европеоидного стволов. Допуская перестройку в таких масштабах, мы вынуждены закрыть глаза на многие убедительно доказанные случаи стабильности антропологических типов во времени. При сравнении близких по времени серий из Самтаврского могильника разница между ними по ширине лица статистически нереальна и приобретает статистическую достоверность только при сравнении серий эпохи бронзы и близких к современности, т. е. в том случае, когда преемственность между ними нуждается в специальных и очень серьезных доказательствах. Наконец, необъясненным остается и различие в ширине лица между современным населением равнинных и горных районов Грузии. Древнее население Мцхеты, трансформировавшись, превратилось в современных кавказянцев и было отнесено в горы? Население равнинных районов имеет иное происхождение? Для объяснения этого нужны дополнительные гипотезы, требующие, в свою очередь, специального обоснования.

В качестве приложения к книге напечатана большая статья Э. Н. Джавахишвили «Сионская краниологическая серия (материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа)» (стр. 89—133). В статье описан очень обширный краниологический материал из многоярусного могильника у Сиони, на месте Сионского водохранилища. Весь материал может быть подразделен на три серии, относящиеся к разным хронологическим периодам — VII—X вв., XII—XIII вв. (в таблице сохранности материала на стр. 91—X—XIII вв., но это, очевидно, опечатка) и XVII—XVIII вв. Наиболее многочисленна серия XII—XIII вв. (больше сотни наблюдений), но и остальные также пригодны для сравнительного анализа: в серии VII—X вв. — около 20 черепов, в серии XVII—XVIII вв. — около 30. Могильник расположен довольно высоко над уровнем моря, и поэтому происходящие из него коллекции имеют непосредственное отношение к обсуждению тех вопросов трансформации антропологических типов во времени, которые поставлены М. Г. Абдушелишвили.

Э. Н. Джавахишвили не очень четко формулирует выводы, вытекающие из изучения находившихся в ее распоряжении краниологических материалов, но все же склоняется к признанию некоторого расширения лица во времени. Представленные ею данные, строго говоря, не подтверждают этого заключения. Скуловая ширина увеличивается в женских группах, но уменьшается в мужских, средняя ширина лица увеличивается, наоборот, в мужских группах, но уменьшается в женских. Верхняя ширина лица, правда, расширяется и на мужских, и на женских черепах, но на женских черепах расширение заметно только при сопоставлении серий VIII—X и XII—XIII вв. Абсолютное приращение размера невелико. Кроме того, не нужно забывать, что верхняя ширина лицевого скелета теснее связана морфологической зависимостью с шириной

черепной коробки, чем другие измерения ширины лица, а ширина черепной коробки увеличена в поздней серии по сравнению с ранней в связи с брахицефализацией. Единственное, что позволяет объективно констатировать опубликованный материал — это стабильность в ширине и пропорциях лицевого скелета, начиная с эпохи раннего средневековья и кончая XVIII в. Этот факт согласуется с представлением о консервации протоморфного типа в горах Центрального Кавказа в большей степени, чем с противоположной точкой зрения о расширении лица в поздние эпохи по сравнению с ранними на Северном Кавказе и в Закавказье.

Кстати сказать, Э. Н. Джавахишвили не вполне точно излагает разницу между точками зрения М. Г. Абдушелишвили и рецензента. Разница не в том, что М. Г. Абдушелишвили признает трансформацию кавкасионского типа во времени, а В. П. Алексеев отрицает ее (брахицефализация — тоже трансформация, а отрицание ее на Кавказе граничит с отсутствием здравого смысла), разница в понимании ведущего направления изменения. Для М. Г. Абдушелишвили ведущим является расширение лицевого скелета от эпохи к эпохе по мере приближения к современности, для меня главное в формировании кавкасионского типа — стабильность во времени основных признаков на протяжении тысячелетий.

Сделанный обзор содержания рецензируемой книги и высказанные критические замечания иллюстрируют важность обсуждаемых в ней проблем для теории расоведения и высокое качество использованных палеоантропологических материалов. Критическое обсуждение затронутых М. Г. Абдушелишвили вопросов показывает, что многие кардинальные темы кавказской антропологии не допускают пока однозначного решения из-за состояния фактических данных. Смелая постановка этих вопросов сейчас, несомненно, стимулирует дальнейшие исследования в этой области. Но уже и в настоящее время достигнутый уровень разработок антропологии Кавказа позволяет оценить новую книгу М. Г. Абдушелишвили как значительный вклад в литературу по антропологии СССР.

В. П. Алексеев

Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М., 1966, 210 стр.

Среди курдологических работ последнего времени рецензируемый труд Т. Ф. Аристовой безусловно привлечет к себе внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. На первый взгляд, эта книга посвящена сравнительно узкой теме. В самом деле, в советском Закавказье проживает менее 1% всех курдов (59 тыс. по переписи 1959 г.). Примерно таким же, видимо, будет соотношение курдов с коренным населением Армянской и Азербайджанской ССР, где они в основном проживают. Казалось, изучение курдов СССР не сулит значительных перспектив для курдоведения и этнографии.

Книга Т. Ф. Аристовой доказывает обратное. Приведенный в ней материал, хотя и относится к весьма малочисленной этнической группе, позволяет сделать важные обобщения не только историко-этнографического, но и политического характера. Главной удачей автора является правдивый показ социальных и материальных условий жизни закавказских курдов в социалистическом обществе. Современная жизнь их, всесторонние достижения в области быта и культуры отображены достаточно полно и дают богатую пищу для сравнений. Пример советских курдов выглядит особенно убедительным, если вспомнить, как живут их соотечественники за рубежом.

Книга Т. Ф. Аристовой является первым сводным трудом в области этнографии советских курдов. Предшествующие работы, в том числе и самой Т. Ф. Аристовой, касались лишь частных вопросов или же были далеки от этнографической тематики¹. Автору удалось умело обобщить все основные литературные данные по курдам. Однако при всем значении этих данных, не они определяют познавательную ценность рецензируемой книги. В основе исследования лежит собранный автором во время экспедиций полевой материал, с помощью которого автор не только с большой полнотой характеризует быт и материальную культуру современных закавказских курдов, но и много дает для понимания их прошлого. Благодаря наличию материалов непосредственного наблюдения, работа Т. Ф. Аристовой сама может стать источником для последующей разработки указанной темы.

Метод исследования, который выбрал автор, — сравнительно-исторический (что стражено и в подзаголовке книги). В одних случаях материал исследуется в строго хронологической последовательности, в других — прошлое привлекается автором только для сравнения. Однако и в том, и в другом случае, сравнивая прошлое с настоящим, автор смог показать достижения закавказских курдов в области материальной и духовной культуры и быта на всех основных этапах развития советского общества.

¹ Из последних хочется выделить работу Х. М. Чатоева «Курды советской Армении. Исторический очерк (1920—1940)», Ереван, 1965. Однако в этой книге собственно этнографического материала почти нет. К тому же автор ограничил свою задачу узкими локальными и хронологическими рамками.

Если учесть, что курды были одним из самых отсталых в культурном и социальном отношении национальных меньшинств царской России, преследуемым и беспощадно эксплуатируемым царскими колонизаторами, а советские курды за истекшие десятилетия преодолели отсталость и сравнялись в экономическом и культурном отношении с другими народами нашей страны, то станет несомненной плодотворность примененного Т. Ф. Аристовой метода исследования. Этот метод может и должен быть употреблен при изучении других «малых», в дореволюционном прошлом дискриминируемых народов СССР.

Правда, этот сам по себе правильный подход к теме выглядит далеко не всегда убедительно при работе автора с конкретным материалом. Так, более чем наивно обоснование необходимости подачи материала в двух планах — хронологическом и сравнительном: «неравномерное расселение курдов в различных районах и географических зонах Закавказья (высокогорных, предгорных, низменных) не дало возможности автору осветить всесторонне быт и культуру курдов» (стр. 13). Думается, что при современных средствах сообщения это не должно было служить препятствием для полных работ этнографа. Явно преждевременным выглядит утверждение о том, что еще к концу XIX в. Курдистан стал «выгодной сферой приложения» капитала европейских держав и что курдский народ оказался под «тройным игом — местных вождей племен, турецких, иракских и иранских властей и иностранных империалистов» (стр. 26). Во-первых, иракских властей в то время еще не существовало, поскольку Ирак сам входил в состав Османской империи, во-вторых, иностранный капитал тогда еще не проявлял никакого интереса к стране курдов. Речь могла идти только о военно-политической экспансии. Нечетко определен социально-экономический базис курдских племен дореволюционного Закавказья. В одном месте говорится о проникновении феодальных отношений в курдскую деревню (стр. 50), в другом, — что курдский народ оставался «по-прежнему в полуфеодальной зависимости» (стр. 51). Видимо в применении к пореформенному Закавказью, где развивался капитализм в уродливой форме колониальной модификации, говорить о феодальных, равно как и о полуфеодальных отношениях, можно только как о пережиточных категориях. Для курдских же племен стадия феодализации оказалась искусственно прерванной вторжением российского капитализма.

Сказанное относится к вводной главе, содержащей краткие сведения об истории закавказских курдов и о социально-экономических отношениях у них в дооктябрьский период и не претендующей на самостоятельное научное значение. Однако и в основных главах книги автору не всегда удается логично совместить материал исторический и современный. Так, говоря об этнографических различиях между курдами Армении и Азербайджана (стр. 79, 81 и др.) в дореволюционный период, автор не учитывает, что тогда административное деление Закавказья было совсем иное, и границы Эриванской, Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской и Бакинской губерний вовсе не совпадали с границами нынешних Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР. Да и применительно к современности вряд ли можно столь безоговорочно делить курдов на армянских и азербайджанских, проживающих часто чересполосно, желательны какие-то оговорки и уточнения.

Предложенная автором периодизация — дооктябрьский период, 20-е годы, 30-е годы, 40—60-е годы (стр. 13) — в общем не вызывает возражений, однако к этнографическим реалиям применяется она порой догматически. Например, следуя своей схеме, Т. Ф. Аристова выделяет в историческом развитии жилища курдов этап с 1920-х годов до начала коллективизации (стр. 87), но не приводит материала, обосновывающего выделение этого этапа. Напротив, из дальнейшего изложения следует, что курдское жилище до начала коллективизации не претерпело никаких изменений по сравнению с дореволюционным временем. Загадочным для читателя остается также вопрос о том, какие конкретные изменения внесла коллективизация в быт бедняков (стр. 135).

С другой стороны, при характеристике современных быта и культуры курдов Закавказья нередко отсутствуют приметы времени. В одном месте справедливо утверждается, что «основная масса советских курдов отошла от религии» (стр. 21), в другом — захоронение курдов на азербайджанских кладбищах в наше время объясняется «общей религиозной принадлежностью курдов и азербайджанцев» (стр. 87). Описывается общераспространенный у курдов обычай гостеприимства (по источникам 60—70-летней давности), но не указывается, какой отпечаток наложило на этот обычай советское время (стр. 131—132). Между тем прославленное курдское гостеприимство, порожденное родо-племенными отношениями со всеми их достоинствами и недостатками, в прежние времена нередко оборачивалось самым коварным вероломством, как только гость удалялся на достаточное расстояние от дома хозяина. Вряд ли сейчас происходит то же. Дается описание конно-спортивных игр у курдов по Г. Ф. Грязнову (1896 г.) со ссылкой на то, что «старое поколение любит о них вспоминать» (стр. 185—187), но остается неизвестным, сохранились ли эти игры у нынешних курдов. В разделе о курдском фольклоре нет и намека на советскую действительность; трудно поверить, что полевые исследования не дали автору никакого фольклорного материала (стр. 189—

193). Касаясь песенного творчества, Т. Ф. Аристова пишет: «В настоящее время наряду с минорными существуют песни мажорные. В отличие от прошлого народ стал исполнять и песни коллективные» (стр. 200). Думается, что в данном вопросе нет достаточных оснований искать качественное отличие настоящего от прошлого.

Может быть, одной из причин того, что автору не всегда правильно и убедительно удается увязать материал исторический и современный, является недостаточная разработанность проблемы о пережиточных формах и институтах у курдов. О пережитках в книге говорится часто, но как правило, в общей форме, без анализа их сущности. Создается впечатление, что автор не всегда представляет себе, насколько укоренились пережиточные формы у современных закавказских курдов, какую роль они играют и каковы перспективы их исчезновения. Эта проблема, актуальная и для других в прошлом отсталых народов нашей страны, нуждается в дальнейшей разработке.

Хочется сделать Т. Ф. Аристовой еще один упрек, очевидно, косвенно связанный с вышесказанным. Он относится главным образом к двум последним главам, трагующим вопросы социального и культурного прогресса советских курдов. Автор отобрал выразительный материал, характеризующий замечательные достижения советских курдов в этих областях. Это хорошо. Worse, что в указанных главах автор часто сбивается на панегирическое перечисление фактов без попыток какого бы то ни было анализа. В книге правильно показано, что при советском строе курды сохранили свои национальные черты, приумножили накопленные веками духовные ценности. Это, однако, не освобождает исследователя от необходимости сравнивать, а также отмечать имеющиеся теневые стороны в их быте и сознании. К сожалению, и в рецензируемой книге заметно влияние неверной традиции рисовать современный быт народов нашей страны только розовой краской.

Не свободна книга от некоторых трюизмов и наивных пассажей. Приведем ряд примеров:

«Среди пещерных жилищ можно выделить пещеры искусственные и естественные. Искусственные пещеры либо создавались в мягких горных породах, либо выкапывались в толще лёсса. К естественным пещерам принадлежали большие по размерам глубокие пустоты» (стр. 88). Это звучит весьма «научно», но пригодно скорее для толкового словаря.

«...Некоторые традиционные обрядовые действия во время различных семейных праздников... могут стать составной частью развлечений молодежи во время советских праздников» (стр. 177). Если это рекомендация, то хотелось бы знать, следует ли ей сама курдская молодежь.

«Свободное время колхозники проводят в сельских клубах, избах-читальнях, где обсуждают насущные вопросы общественной жизни. В клубах односельчане собираются реже — во время комсомольских свадеб, колхозных заседаний..., больших праздников» (стр. 187—188). Неясно, во-первых, различие между клубами и сельскими клубами, а, во-вторых, все ли колхозники именно так проводят свое свободное время, как констатирует автор, или, может быть, часть из них посвящают свой досуг отдыху или домашним делам. Можно найти в книге и другие неудачные или неточные выражения и примеры.

В заключение необходимо подчеркнуть, что перечисленные недостатки и погрешности (некоторые из них в какой-то степени характерны и для других работ на сходную тему) не умаляют положительную оценку рецензируемой книги. Следует учесть, что автору первой советской сводной этнографической работы по закавказским курдам пришлось преодолевать значительные трудности и часто идти неизведанными путями. Не вызывая сомнений, что Т. Ф. Аристова, несмотря на известные недочеты, в конечном итоге добилась успеха. Особо надо отметить отличное внешнее оформление книги, повышающее интерес читателя к ней. Хочется надеяться, что монография Т. Ф. Аристовой «Курды Закавказья», представляющая собой вклад в курдоведение и в этнографическую науку вообще, послужит основой для дальнейшей разработки темы.

М. С. Лазарев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

П. И. Борисковский. *Первобытное прошлое Вьетнама*. М.—Л., 1966.

Книга известного исследователя палеолита и древнейшего прошлого человечества, П. И. Борисковского, посвященная первобытным культурам Вьетнама, вышла в свет в те дни, когда взоры людей во всем мире обращены к народу Вьетнама, к его борьбе против американского империализма.

В ней раскрываются замечательные страницы прошлого этого народа и его страны, отчетливо вырисовывается вклад обитателей Вьетнама в мировую культуру и всемирную историю человечества. Автор книги выступает при этом не как беспристрастный

свидетель прошлого, но и как искренний друг вьетнамцев. Страницы и главы, в которых рассказывается о далеком прошлом, о мертвых археологических памятниках былой истории Вьетнама, перемежаются с живыми рассказами о современном Вьетнаме.

Особенность книги П. И. Борисковского в том, что написана она не только по литературным источникам, но и по собственным полевым наблюдениям. Автору книги посчастливилось провести более года во Вьетнаме и активно участвовать не только в археологических исследованиях, но и в воспитании национальных кадров молодых археологов нового социалистического Вьетнама. Его ученики продолжают теперь свою работу по изучению прошлого Вьетнама, используя щедро переданный им их советским учителем научно-методический и методологический опыт советской археологической школы.

Значение этой книги состоит еще и в том, что до сих пор в нашем распоряжении не было обобщающего труда, в котором можно было бы получить полное представление о первобытной истории этой страны, где издавна протекал сложный и насыщенный важными историческими событиями культурно-исторический процесс, где сталкивались друг с другом различные по происхождению культуры, где вызревали самобытные культурные очаги: недаром Вьетнам лежит между Восточной и Южной Азией, на морском пути из Индии в Китай, из глубин азиатского материка в страны Южных морей — в Индонезию и Полинезию, а также в далекую Австралию.

Характерной чертой советской археологии на современном этапе ее развития является, на мой взгляд, укрепление контактов с другими науками, прежде всего с этнографией и антропологией, а также с естественными науками. И вторая характерная черта — все возрастающий интерес к культурам других стран, как далеких, так и близких, резкое расширение географического и культурно-исторического кругозора нашей науки в целом. Этой потребности в знании того, что происходило в мире далекого прошлого всего земного шара, удовлетворяет и книга П. И. Борисковского. Редактор ее, Г. Г. Стратанович, справедливо пишет в своем вступительном слове, что читатель-специалист в области истории Юго-Восточной Азии получает с выходом в свет книги П. И. Борисковского первый на русском языке обзор основных достижений в археологии каменного века всей этой обширной историко-этнографической области. Можно только добавить, что книга эта интересна не только для специалиста в области истории и археологии, но и для широкого круга советских читателей: она насыщена интереснейшими фактами, написана простым и живым языком, в полной мере заслуживает названия научно-популярной книги. Достоинством книги с этой точки зрения является не только ее простой и доходчивый язык, не только живость изложения — особенно в тех местах, где автор делится с читателем повседневными зарисовками своей вьетнамской жизни и работы с вьетнамскими коллегами. Не менее важен тот широкий общий фон, на котором развертывается основное повествование о древних культурах этой замечательной страны.

Книга начинается рассказом о природной среде Вьетнама. Описание страны и ее природы находится в определенном соответствии с историей культуры. Нельзя не согласиться, в частности, с мыслью автора о том особом значении для развития техники племен каменного века на территории Вьетнама, которое имел здесь бамбук и, отчасти, обилие раковин. Мысль эта не нова, ее так или иначе высказывали и другие авторы, в том числе и автор данной рецензии — в связи с особенностями каменного инвентаря неолитических и более поздних поселений нашего Приморья. Но П. И. Борисковский развил это положение наиболее систематично и широко. Он вполне справедливо подчеркивает также, что наряду с бамбуком весьма важную роль в технике первобытного населения Юго-Восточной Азии играли и другие древесные породы, отличающиеся повышенной твердостью и плотностью, а вместе с ними и ротанг, лианообразная пальма, гибкие и прочные стебли которой в расплюсненном виде с успехом служили для скрепления.

Далее следует обстоятельный очерк истории археологических исследований на территории Вьетнама, начиная с народных представлений о «громовых стрелах» и отдельных сведениях из летописей династий Ли (XIII в.), Ле (XVII—XVIII вв.) и Нгуен (XIX в.).

Особое внимание автор уделяет, по вполне понятным причинам, тому разделу истории археологических исследований во Вьетнаме, который посвящен работам молодой национальной археологической школы, пользующейся щедрой поддержкой государства и народа и строящей свои исследования на идейной основе марксизма-ленинизма.

В третьей главе рассматривается вопрос о палеолите. В центре ее — описание интереснейших находок на горе До, своеобразным вступлением к анализу которых служит рассказ о жизни вьетнамской деревни, о бытовом распорядке живого свайного поселка нашего времени в джунглях. На склонах этой горы, возвышающейся над рисовыми полями, обнаружено более 1500 кусков базальта, расколотых древними людьми. Как полагает П. И. Борисковский, эти изделия принадлежат весьма раннему времени — эпохе нижнего палеолита, следы которой впервые констатируются для Вьетнама. Среди них, кроме 1500 отщепов, имеется два ручных рубила (оба они изображены на

превосходных рисунках, помещенных в книге), свыше 10 грубых рубящих орудий, более 20 топоровидных орудий, свыше 40 нуклеусов. Как отмечает П. И. Борисковский, находки каменных изделий на горе До резко выделяются на фоне всех остальных памятников каменного века Вьетнама и соседних областей Юго-Восточной Азии своей примитивностью. Они существенно отличны, в частности, от находок на неолитической мастерской Донг-Кхой, расположенной всего лишь в 4 км от горы До, где материалом для изготовления каменных орудий также служил базальт. Однако датировка комплекса базальтовых изделий с горы До осложняется тем, что они собраны на поверхности, среди «огромного количества глыб, кусков и осколков базальта, не носящих следов обработки». Здесь нет древней фауны, которая имеет решающее значение для определения истинного возраста изделий из камня. Выраженная и бесспорная архаичность основного материала из этого комплекса отщепов может объясняться тем, что здесь производилась заготовка первичного сырья для дальнейшей обработки, а также грубостью самого минерального сырья. Базальт — далеко не первоклассное сырье для работы мастеров каменного века. Что же касается типологического облика нуклеусов и рубил, то относить их к шелльскому времени (по западным типологическим нормам) затруднительно. Особенно необычны «грубые рубящие орудия». Да и самих этих изделий слишком мало для того, чтобы строить на них общий окончательный вывод о столь глубокой древности этого интересного памятника. При всем том остается бесспорным общий вывод, что на горе До обнаружен весьма древний памятник. Вероятно, дальнейшие исследования помогут окончательно выяснить проблему его датировки. Существенно и то, как показано на стр. 71, что на территории Вьетнама имеется «зияющий разрыв» между предполагаемым нижним палеолитом горы До и мезолитом, представленным яркими и многочисленными памятниками. Не исключено, что и находки на горе До принадлежат времени, предшествующему мезолиту и, в таком случае, в них и следует искать истоки своеобразного вьетнамского мезолита. Это будет в полной мере соответствовать утверждению самого П. И. Борисковского о том, что здесь не было резких переломов в развитии первобытной техники.

Эта мысль, кстати, напоминает нам и о том, что такой же постепенный переход от палеолита к более поздним ступеням каменного века наблюдается в Сибири. И нечто подобное мы видим также в Центральной Азии, в Монголии, где очевидно прямая преемственность от весьма ранних памятников каменного века к более поздним: в основе такой преемственной связи там лежит традиция леваллуазской техники, с одной стороны, а с другой — галечной техники, чопперов и чоппингов.

Весьма детально и тщательно изложены П. И. Борисковским данные по мезолиту Вьетнама, описаны памятники характерно вьетнамской культуры Хоабинь, многочисленные пещеры (свыше 70), расположенные в известняковых массивах. Читатель может получить из раздела, посвященного хоабиньским культурам, наиболее полное представление о типологии оригинальных каменных изделий этого времени, а также о способе их употребления древним человеком. П. И. Борисковский впервые широко применил к анализу этих вещей разработанный в нашей науке способ определения их функций трассеологическим путем, изучением следов употребления при помощи бинокулярной лупы. Это были, как он пишет, орудия, необходимые жителям первобытного леса, чтобы прорубаться сквозь чащу, рубить и обрабатывать бамбук, дерево, лианы, выделывать орудия труда и домашнюю утварь. Однако следы употребления на хоабиньских орудиях заметны слабо. Отсюда следует вывод, что каменные рубящие орудия использовались не очень интенсивно. Конкурентами их были изделия из бамбука, а кроме того, при изобилии галек люди не очень дорожили сделанными из них орудиями и выбрасывали их без сожаления. Как бы то ни было, сам по себе факт широкого употребления галечных орудий в хоабиньской культуре замечателен: галечная техника и галечный инвентарь составляют весьма бросающуюся и определяющую черту этой культуры: ни в какой другой культуре мезолитического времени других больших культурно-исторических ареалов, например, Европы или Африки, оббитые изделия из галек в таком количестве и в таких своеобразных формах не встречаются.

Здесь можно провести аналогию с нашим Дальним Востоком, где в мезолите и в начале раннего неолита обнаруживается такое же изобилие каменных крупных орудий, изготовленных из целых речных галек. Более того, эти орудия даже по форме и технике обработки нередко ближайшим образом напоминают отесанные гальки из хоабиньских пещер. Таковы, например, десятки подобных изделий из поселений на берегу Амура вблизи Хабаровска и, пожалуй, даже еще более многочисленные загадочные орудия, найденные в неолитическом поселении в устье р. Громатухи, притока р. Зеи. Громатухинская культура на р. Зее и та культура, которая представлена родственными находками у Хабаровска, представляют в этом отношении удивительную аналогию хоабиньской культуре Вьетнама. И столь же интересно совпадение между теми образцами древнейшего искусства Вьетнама, которые представлены «гравированными изображениями человеческих лиц» на стене хоабиньского грота Донг-ной, опубликованными Колани, с одной стороны и, с другой, петроглифами Амура. Кто знает, не были ли связаны в каменном веке древнейшие культуры Вьетнама и нашего Приамурья какими-то еще неизвестными нам культурно-историческими контактами?

Столь же тщательно и подробно изложены далее материалы по неолиту Вьетнама. Это, прежде всего, та культура, которая считается самой ранней здесь неолитической культурой, названная по горному массиву Бакшон. Речь идет о двух важнейших памятниках бакшонской культуры, пещерах Фо Бинь-зя и гроте Кео-фай, широко известных в археологической литературе. Дана общая характеристика каменных изделий и керамики (кстати сказать, вовсе не столь архаичной, чтобы ее можно было считать, подлинно первобытной и изначальной). Весьма интересна оригинальная интерпретация так называемых «бакшонских знаков», предложенная С. А. Семеновым, который видит в них не полировальники для орудий, а абразивы, на которых затачивали небольшие желобчатые долотца из кости.

Следующий этап культурной истории Вьетнама представлен раковинными кучами, которые оставлены уже не охотниками и собирателями, а неолитическими земледельцами, о чем свидетельствуют найденные в таких раковинных кучах зернотерки. Если эти кучи принадлежат по классификации автора еще раннему неолиту, то другие памятники, в том числе уже упоминавшаяся выше мастерская для изготовления каменных орудий (Донг-кхой), дает представление о «среднем неолите». Обширную и богатую группу памятников каменного века Вьетнама представляют поздненеолитические поселения, в том числе пещерные и раковинные кучи. Теперь исчезают прежние галечные орудия и широко распространяются превосходно отшлифованные каменные тесла и топоры — прямоугольные, трапециевидные и треугольные по очертаниям. Особенно интересны здесь характерные топоры или мотыжки с плечиками. Они, как справедливо отмечает П. И. Борисковский, характерны для всего неолита Юго-Восточной Азии. И можно добавить — для более северных областей Азии, вплоть до нашего Приморья и долины Уссури, где последним пунктом, в котором они представлены в изобилии, является село Казакевичево, неподалеку от Хабаровска. Не менее интересно, что «особенностью позднего неолита и энеолита Вьетнама является редкость обыкновенных нешлифованных каменных орудий-пластинок, ножей, скребков, проколов, топориков, кинжалов, наконечников копий и стрел». Эта особенность в значительной мере характерна и для поздних этапов дальневосточного неолита, где широко распространяются взамен оббитых кремневых изделий шлифованные из шифера: кульминационным моментом этого процесса является у нас на Дальнем Востоке время культуры раковинных куч или, как в последнее время мы условились называть ее — сидеминской культуры. Что касается последней, то чем дальше идет развитие культуры на территории Вьетнама, тем больше находим мы в ней общих черт с нашим Дальним Востоком.

Как показано в сводке П. И. Борисковского, в таком интереснейшем местонахождении, как раковинная куча Бау Чо, имеются шлифованные топоры прямоугольных или трапециевидных очертаний, а также топоры с плечиками. Их сопровождают сосуды, украшенные полосами, нанесенными краской, охрой. Там же встречаются обломки сосудов типа кубков на высокой ножке. Со временем, в «энеолите», такие сосуды с поддонами распространяются еще больше — они становятся обычными в материале стоянок. Очень интересно и появление «миниатюрного, тщательно отшлифованного каменного кинжала с черешком», представляющего имитацию бронзового оригинала. Украшения в это время представлены «браслетами» и цилиндрическими бусами — пронизками из камня.

В заключение описывается одно из самых знаменитых в археологической литературе по древнейшим памятникам области поселение Сомрон-Сен. Интересно, что в богатой керамике этого поселения, явно лежащего уже в пределах того времени, когда население Вьетнама, по-видимому, достаточно широко знало металл, имеются новые орнаментальные мотивы: меандр в различных и весьма сложных уже его вариациях, спирали, крестовидные фигуры. И опять-таки весь этот характерный набор каменных изделий, формы и узоры на глиняных сосудах памятников типа Бау Чо и Сомрон-Сен совершенно очевидным образом «переключаются» с материалами позднейших поселений нашего Приморья, содержащих орудия из камня типа раковинных куч.

Последняя глава книги посвящена проблемам древней этнической истории Вьетнама. В ней критически рассматриваются широко известные построения французских исследователей, а также крупнейшего исследователя древних культур Юго-Восточной Азии, Гейнс-Гельдерна, «широкие построения» которого «произвели сильное впечатление и оказали влияние на многих исследователей». П. И. Борисковский, несомненно прав, когда вполне обоснованно критикует схемы Гейнс-Гельдерна за их умозрительный характер и считает, что главная задача в области изучения древнейшей истории Юго-Восточной Азии заключается в более глубоком анализе конкретной исторической обстановки — техники, хозяйства, этнических общностей прошлого. Вместе с тем очевидно и то, что более глубокое понимание культурно-исторического процесса должно способствовать выяснению конкретного взаимодействия древних этнических групп — в том числе культурных контактов, влияний и перемещений древних племен и народностей — «политической истории» того времени. И тогда, очевидно, станут более ясными и те совпадения между древними культурами далекой Юго-Восточной Азии и нашего Дальнего Востока, о которых говорилось выше. Во всяком случае, ясно, что культурно-исторический путь этих областей Азии был весьма сложным, значительно

более богатым, чем это казалось полвека назад тому же Гейне-Гельдерну, пионеру в изучении этнической истории юго-востока азиатского материка и соседних стран южных морей.

Следует заметить, что ценность превосходной новой сводки П. И. Борисковского еще более увеличивается приложенной к ней таблицей хронологии каменного века Вьетнама, транскрипцией названий вьетнамских географических пунктов и районов и археологических памятников, а также имен вьетнамских исследователей. Эти приложения послужат руководящими указаниями для всех, кто так или иначе будет затрагивать проблемы вьетнамской археологии. К работе приложена также интересная статья С. А. Семенова о назначении каменных орудий из Вьетнама и список литературы; в последнем, кроме первой в нашей литературе статьи по археологии Вьетнама, написанной С. А. Семеновым, упомянуты также и две работы самого П. И. Борисковского, изданные в Ханое на вьетнамском языке — это признание его заслуг перед молодой вьетнамской археологической наукой.

В целом же нужно признать, что наша археологическая литература обогатилась новой ценной книгой, удачно сочетающей качества научного труда с популярной в лучшем смысле этого слова формой. Книга П. И. Борисковского станет настольной книгой для каждого, кого интересует прошлое народов Юго-Восточной Азии и всемирной археологии.

А. П. Окладников

НАРОДЫ АМЕРИКИ

James Van-Stone. The Changing Culture of the Snowdrift Chipewyan. «National Museum of Canada», Bulletin, № 209, Ottawa, 1965, стр. 133.

За последние 10—15 лет все большее число исследований этнографов США и Канады посвящается изучению изменений, происшедших в жизни и культуре американских индейцев под воздействием капитализма. Эти изменения в американской этнографической литературе именуются процессами аккультурации. В работах этноисториков они прослеживаются с наибольшей исторической глубиной, охватывая период с колониальной эпохи до наших дней. Такие исследования выгодно отличаются от монографических описаний отдельных племен и групп племен представителями исторической школы в американской этнографии, пытавшимися, как известно, реконструировать на основе лишь непосредственных этнографических наблюдений древний «аборигенный» образ жизни индейцев. Естественным следствием их подхода были статичность и презентизм в толковании наблюдаемых явлений. В этих монографиях игнорировался тот основной факт, что индейцы XIX—XX вв. были уже составной частью капиталистического общества. В них либо игнорировались, либо архаизировались современные черты и особенности в жизни индейцев, сложившиеся под воздействием капиталистических производственных отношений.

Рецензируемая книга американского ученого Дж. Ван-Стоуна принадлежит к первому типу исследований. Она является обобщением результатов стационарного изучения автором одной из общин атапаскского племени чипевайев, расселенного в районе бассейна р. Макензи к юго-востоку от Большого Невольничьего Озера на севере Канады. Работа Дж. Ван-Стоуна выполнена в соответствии с программой исследований изменений в быту индейцев звероловов-охотников канадской тайги, осуществляемой Торонтским университетом. В этом же плане изучали индейские общины племени невольников Дж. Хелм, Н. Лури, Дж. Хонигманн.

Их работы показали различную степень проникновения элементов капиталистической культуры в быт индейцев в зависимости от истории колонизации отдельных районов американского Севера. Одни индейские общины подверглись более глубоким влияниям развивающихся на их землях горной промышленности и коммерческого рыболовства. Другие, оказавшись в некоторой изоляции, продолжали вести ставшее уже традиционным промыслово-охотничье хозяйство, имея «меньший доступ,— по словам автора,— к образованию и другим аспектам городской культуры» (стр. XIII). Изучавшаяся Дж. Ван-Стоуном чипевайская деревня Сноудрифт на юго-восточном берегу Большого Невольничьего Озера характеризуется им как типичная община второго типа, т. е. как община, наиболее изолированная в бассейне р. Макензи — Большого Невольничьего Озера. Автор прожил в этой деревне 28 недель в 1960—1962 гг. и собрал интересные материалы о современной жизни индейцев и о сущности их общины.

Работа его состоит из восьми глав и заключения. Две первые главы посвящены географии района и истории расселения чипевайев. Приводимый автором материал говорит о движении этой группы атапасков с запада и сравнительно позднем (конед XVIII—XIX вв.) появлении их в районе к востоку от р. Макензи, характеризовавшемся в прежних этнографических описаниях как исконный район обитания чипевайев. Автор убедительно показывает рост зависимости расселения индейцев от локализации торго-

вых пунктов, скупавших меха. В частности, открытие такого пункта Компанией Гудзонова залива (К° Г. З.) на месте современного селения Сноудрифт в 1925 г. привлекло сюда из других районов различные охотничьи группы индейцев. В течение 35 лет они периодически посещали этот пункт для обмена мехов на нужные им товары. Оседлое же поселение индейцев возникло здесь лишь в 1950-х гг.

Из описания этого «самого изолированного» и «наименее подвергнувшегося влиянию белых» индейского селения мы видим, что в нем в 1960 г., кроме 26 индейских бревенчатых домов, в которых жили 150 человек, был (в центре селения) комплекс зданий К°Г. З., состоящий из магазина, склада, жилого дома и здания с электродвигателем. Вблизи этого комплекса была оборудована пристань для выгрузки барж и приема гидросамолетов. По берегу озера стояли несколько принадлежащих канадцу из Торонто домов для туристов и горно-разведывательных партий. Имелось также несколько правительственных зданий, используемых персоналом департаментов леса и рыболовства и конной канадской полиции во время их посещений деревни. В 1951 г. здесь было построено здание католической миссии, а в 1960 г. — школа, жилой дом для учителя и помещения для электродвигателя. В деревне есть склад-холодильник, содержащийся правительством якобы для нужд индейцев. Белое население деревни поддерживает постоянную связь по радио с центром района городом Иеллоунайф. Мы позволили себе эти подробности, чтобы ярче охарактеризовать обстановку в «изолированной» индейской деревне. Нельзя не согласиться с автором, что понятие изолированности индейских общин весьма относительное.

В третьей и четвертой главах автор подробно описывает материальные условия жизни индейцев Сноудрифта. Анализируя экономику индейской общины, Ван-Стоун показывает значение в ней охоты и рыболовства, носящих натуральный характер, годоварного промысла пушнины, работы по найму и нетрудовых доходов в бюджете индейской семьи. Как пишет автор, индейцы большую часть года посвящают промыслу пушиного зверя, не имеющему продовольственного значения. В период трапперства они питаются мясом, добытым охотой на карibu и лося, а также купленными продуктами. Рыба является наиболее устойчивым видом пищи. Индейцы подчеркивали, что кредит, выдаваемый им Компанией под пушнину, настолько мал, что не обеспечивает их питания даже на сезон промысла пушнины, поэтому охота на оленя и лося жизненно важна для них, неудачи в ней вызывали голодовки. Промысел пушнины, как утверждает автор, становится «непопулярным» среди индейцев. Слишком тяжелы его условия и слишком малы и неустойчивы доходы. Дж. Ван-Стоун убедительно показывает почти полную зависимость индейского хозяйства от купленных товаров (одежды, охотничьего снаряжения и т. д.), их все возрастающие потребности в этих товарах и чрезвычайно низкий уровень доходов. Например, моторная лодка стала необходимостью в индейском хозяйстве, но не все могут ее купить.

Из приводимых им данных очевидна полная зависимость индейцев от эксплуатирующей их К° Г. З. По словам Ван-Стоуна, индейцы хорошо сознают, что Компания платит им очень низкие цены за меха и продает им товары по очень дорогой цене, пользуясь тем, что в деревне только одна их лавка. В других селениях, где она не монопольна, цены на меха выше. Индейцы знают, что в городах к югу цены на меха высокие и хотели бы продавать свою пушнину там. Но канадское правительство установило пошлину на вывоз мехов из северо-восточных территорий в другие части Канады, и индейцы, желающие продавать свою пушнину в более южных городах страны, обязаны платить пошлину за каждую шкурку. Очевидно, что пошлины эти ограждают интересы не добывающих пушнину индейцев, а К° Г. З., облегчая ей грабеж звероловов. Примечательно, что приводя сведения о фактическом ограблении индейцев Компанией, автор говорит лишь от имени индейцев, не высказывая своего мнения.

В пятой главе подробно описываются обычаи и обряды индейцев, связанные с рождением и воспитанием детей, со становлением личности индейца в различные периоды его жизни. Освещение материала в этой главе выгодно отличается от работ этносихологов, пытающихся выявить в семейной жизни индейцев фрейдистский эдипов комплекс.

Большой интерес представляет материал шестой главы, посвященной характеристике социальной жизни индейской общины. В специальном разделе автор пытается определить ее родственную структуру. Прежде всего он обращает внимание на терминологию родства чипевайев. Отмечая отсутствие в ней различия между перекрестными и параллельными кузенами и относя ее поэтому к «эскимосскому» типу терминологии родства (к которой Дж. Р. Мёрдок, как известно, относит и современную систему родства в США), автор в то же время допускает, что чипевай некогда имели ирокезского типа терминологию и утратили ее вследствие аккультурации.

Автор принимает допущение Ф. Эггана и Е. С. Куртиса о существовании в прошлом у чипевайев патрилатерального перекрестно-кузенного брака в сочетании с матрилокальностью. Однако приводимые им термины родства чипевайев, при всей их фрагментарности, позволяют усомниться в правомерности этого допущения.

Как известно, так называемый патрилатеральный перекрестно-кузенный брак предполагает предпочтительный брак с дочерью сестры отца и запрет вступления в брак с

дочерью брата матери. При таком браке сестра отца и мать жены были бы одним лицом, что должно было бы найти отражение и в терминологии родства. Однако у чипевайев сестра отца и мать жены обозначаются разными терминами, а термин для тещи близок к термину бабка. Б то же время при предпочтительном браке на дочери брата матери (обозначаемом «матрилатеральным» перекрестно-кузенным браком) тесть и брат матери — одно лицо и обозначаются они одним термином в большинстве терминологий родства турано-ганованского типа. Характерно, что это нашло свое отражение и в терминологии родства чипевайев, у которых тесть и брат матери обозначаются одним термином. Наличие же в их терминологии родства одного термина, обозначающего сестру отца и жену брата матери (стр. 70), а также обозначение мужчиной одним и тем же термином жены брата и сестры жены, а женщиной — мужа сестры и брата мужа, жены брата и сестры мужа, может служить указанием на существование у чипевайев в прошлом двухстороннего или симметричного перекрестно-кузенного брака, когда два рода, а позднее две семьи состояли во взаимнобрачных отношениях.

Материал этой главы убедительно рисует малую семью как основную экономическую единицу чипевайев Сноудрифта. Отец распоряжается заработком неженатых детей. После женитьбы брачная пара стремится выделиться как только постройт жилище. Вследствие эндогамности, все семьи селения родственны друг другу, на этом основании Ван-Стоун, следуя Мёрдоку, считает возможным охарактеризовать общину, как «дем». Но, как известно, Мёрдок определяет «дем» как промежуточную группу между индивидуальной семьей и общиной¹ и рассматривает его как этап развития от малой семьи к общине, которая со временем может превратиться и в род¹. Насколько Дж. Ван-Стоун принимает это понимание эволюции социальных форм, не совсем ясно.

Недостаточно четки и представления автора о прежнем социальном устройстве чипевайев. Он называет «аборигенной социальной структурой... доконтактные объединения отдельных семей или групп семей... основанные на лидерстве опытных охотников» (стр. 112). По-видимому, речь идет о большесемейных общинах чипевайев, аналогичных описанным Дж. Хелм у невольников. Однако отнесение Ван-Стоуном «начальных контактов», вместе с которыми начались и изменения в жизни и культуре индейцев, к концу XVIII в. (стр. 112), позволяет заключить, что «аборигенный», «доконтактный» период длился, по мнению автора, почти до конца XVIII в. Вряд ли с этим можно согласиться. Даже материалы самого автора по истории расселения чипевайев свидетельствуют о значительно более раннем их вовлечении в меховую торговлю и, следовательно, о значительно более раннем начале влияния этой торговли на их социально-экономический уклад. Ценным является в то же время вывод автора, что пушной промысел уже с конца XVIII в. вел к индивидуализации экономической деятельности индейцев и к росту значения личной инициативы, следствием чего был распад прежних большесемейных коллективов.

Данный автором анализ экономической жизни индейцев рисует Сноудрифт 1960-х годов как селение мелких производителей, сохранивших, однако, общинную собственность на уголья и обычный общинного распределения мяса убитого лося и оленя. Общинный характер носили также два их ежегодные празднества.

«Обычные же отношения взаимопомощи,—пишет Ван-Стоун,—которые можно ожидать в селении, состоящем из родственников друг другу людей, распались, уступив место отношениям купли-продажи... Многие,—пишет он далее,—стремятся выиграть за счет других и даже за счет ближайших родственников» (стр. 74). Яркие примеры этому дают сведения автора о товарном собаководстве в деревне, а также отмеченное им отсутствие какой-либо взаимопомощи даже между ближайшими родственниками, например при постройке домов. Товарно-денежные отношения в общине зашли настолько далеко, что, например, при постройке дома брат брату продает ненужные ему бревна. Все это говорит о глубоком проникновении в индейскую общину капиталистических отношений, которые породили и индивидуализм индейцев. Данные автора убедительно свидетельствуют против теорий об извечности индивидуализма северных охотников.

В главе седьмой приводятся сведения об организации школьного обучения индейцев, медицинской помощи, а также об алкоголизме и курении, индейском стереотипе.

Последнюю восьмую главу Дж. Ван-Стоун посвящает анализу своих наблюдений в области религиозных представлений жителей Сноудрифта. Он признает ограниченность сведений по этому вопросу и подчеркивает трудность сбора материалов. По его мнению, «религиозные представления этого народа никогда не были развитыми и в основном исчезли раньше, чем началось этнографическое изучение района» (стр. 104). В то же время автор пишет о множестве поверий, связанных с охотой, промыслом пушного зверя, рыболовством; об употреблении индейцами разного рода амулетов и соблюдении множества табу для обеспечения успеха в экономической деятельности. Все эти сведения несомненно говорят о существовании у индейцев промыслово-охотничьего культа, который не смогла вытеснить более чем вековая деятельность миссионеров. Хотя индейцы внешне и соблюдают христианские обряды и приспособили к

¹ G. Murdock, Social Structure, New York, 1949, стр. 57.

рождеству свой древний праздник, однако, как пишет автор, «религия не имеет важного значения в жизни индейцев». Характерно, что об этой же «безрелигиозности» писала и Дж. Хелм, изучавшая соседей чипевайев — племя «невольников»². Однако, как нам представляется, этот вывод исследователей справедлив лишь в отношении христианства, идеи которого действительно поверхностно воспринимаются индейцами и, как пишет Дж. Ван-Стоун, «по крайней мере некоторые индейцы считают католическую религию чуждой индейскому образу жизни» (стр. 108). Автор убедился в том, что индейцы не считают церковь составной частью их общинной жизни и справедливо оценивают ее как один из навязанных им извне институтов вместе с правительственными чиновниками, торговцами и др. (стр. 107—108).

Большой интерес представляет заключение автора, в котором он излагает некоторые соображения о путях развития индейского населения Канады и США. Дж. Ван-Стоун отмечает, что его наблюдения подтверждают общий вывод Е. Спайсера (в сборнике статей американских этнографов) о путях и перспективах развития индейцев Америки³, о сходстве процессов изменений (процессов аккультурации) в современных индейских общинах Канады и США. Вместе с тем он соглашается с исследователями (например, В. Джеймсом), отмечаящими, что эти процессы носят двойкий характер, что наряду с процессами аккультурации (когда элементы индейской культуры замещаются элементами современной евро-канадской культуры), в некоторых индейских общинах идет процесс «декультурации», т. е. утраты элементов аборигенной культуры, не возмещаемой элементами современной культуры. Именно процесс декультурации, по мнению автора, и характерен для чипевайев Сноудрифта. «Можно с уверенностью сказать, — пишет он, — что очень мало специфично чипевайского сохранилось в современной жизни Сноудрифта». Но утраченные элементы самобытной культуры не были возмещены их современными эквивалентами, особенно в экономической жизни. Автор считает, что, например, «переход к экономике, ориентированной на промысел пушнины, можно считать декультуративным, потому что трапезство в какой-то степени заменило традиционную охоту как способ добывания средств к существованию, не обеспечив индейцев ни необходимым количеством пищи, ни доходом, на который можно было бы купить эту пищу. В то же время вовлечение индейцев во внешние экономические связи, способствуя отживанию традиционного натурального хозяйства, создавало все большую потребность в покупных товарах и зависимость от них; но эта потребность не всегда могла быть адекватно удовлетворена доходами от промысла пушнины» (стр. 111). Результатом всех этих изменений является низкий, по существу нищенский уровень жизни индейцев.

Сноудрифт, по мнению автора, типичная северная община, являющаяся частью канадского общества. Происходящие в ней процессы характерны для всех индейских групп Северной Канады, и общим их последствием является декультурация и исчезновение этнических различий между индейцами. Политика канадского правительства оценивается автором как политика насильственной ассимиляции.

Дж. Ван-Стоун специально останавливается на вопросе о будущем индейцев. Представляется оно ему в довольно мрачных тонах. Подчеркивая, что промысел пушнины не обеспечивает индейцев даже самым необходимым, автор пишет о важности для них работы по найму, но возможности для этого представляются ему весьма ограниченными — и в смысле наличия работы, и в связи с расовыми предрассудками, которые очень сказываются, как отмечает он, при найме на работу индейцев. По мнению автора, открытие лесопильного завода в Сноудрифте, субсидируемого правительством, могло бы кардинально решить вопрос о занятости индейского населения.

Исследования современных индейских общин Канадской тайги, подобные рецензируемой работе, имеют огромный теоретический интерес. Они развенчивают созданный этнографами американо-индейской исторической школы миф о крайнем примитивизме индейцев этого района, как о сохранившихся якобы до наших дней представителях каменного века.

Эти исследования характеризуют современную общину северных атапасков как объединение отдельных семей, свидетельствуя в то же время о том, что сложилась она сравнительно недавно под воздействием капитализма. Тем самым выбивается почва из-под теорий, видевших в этих общинах самую раннюю форму человеческого общежития.

Ю. П. Аверкиева

² J. Helm, Linx Point People: The Dynamics of a Northern Athapaskan Band, «National Museum of Canada, Bulletin 176», Ottawa, 1961, стр. 16.

³ E. Spicer (ed.), Perspectives in American Indian Culture Change, Chicago, 1961.

НАРОДЫ АФРИКИ

Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары, т. II. Арабские источники X—XII ввек. М.—Л., 1965, 453 стр.

В названной серии, издаваемой Институтом этнографии АН СССР, рецензируемая книга составляет второй том, посвященный арабским источникам; первый том, охватывающий источники VII—X вв., вышел в 1960 г. Структура издания, естественно, сохранилась прежней: его корпус составляют фрагменты из источников, приводимые в арабском тексте и русском переводе и располагаемые в хронологическом порядке по датам появления памятников или основным датам жизни авторов; фрагмент, или группа фрагментов предваряется вступительной статьей об авторе и его труде (или трудах); том открывается «Введением» и завершается справочным аппаратом. Подготовка текстов и переводы осуществлены В. В. Матвеевым и Л. Е. Куббелем, ответственные редакторы В. И. Беляев и Д. А. Ольдерогге.

Нынешнее состояние изученности средневековой арабской литературы не дает возможности уверенно судить о полноте привлеченного материала. Все же состав тома не вызывает возражений, в нем нет ничего лишнего, в него вошли, по-видимому, если и не исчерпывающие, то все важнейшие материалы из главных арабских историко-географических сочинений рассматриваемого периода. Том включает фрагменты из 23 произведений, принадлежащих 17 авторам. Как оговаривает В. В. Матвеев во «Введении» (стр. 5), подготовители тома остались недоступным сочинение христианского автора XI в., врача Ибн Бутлана, а отрывки из сочинений представителей арабской математической географии X—XII вв., уже подготовленные к печати, в этот том не включены.

Охватываемый томом период в истории арабской историко-географической литературы характеризуется и разнообразием жанров, и оригинальностью теоретических построений, и широтой кругозора, и богатством фактического содержания. Соответственно весьма внушительно выглядит извлеченный из сочинений этого периода материал по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары; очевидно, он вызовет большой интерес у специалистов и удовлетворит различные их запросы.

Каждый из трех веков представлен одним крупным географом. На первом месте, хронологически и по значению, следует назвать величайшего путешественника и географа X в. Ибн Хаукала, чей труд «Книга облика Земли» (в более ранней и краткой редакции «Книга путей и государств») намного богаче сведениями об Африке и ее населении, чем аналогичный труд его непосредственного предшественника ал-Истахри и сочинения других арабоязычных авторов. В особенности это относится к описанию северо-западных областей Африки, которые Ибн Хаукал имел возможность непосредственно наблюдать во время своих путешествий. Большой интерес представляют его рассказы о транссахарской торговле, с подробными описаниями маршрутов, перечнем предметов торговли и сопоставлением цен на них и т. п. Ибн Хаукал не пренебрегал, видимо, и рассказами других очевидцев, а также отдал дань литературной традиции, используя материалы своих предшественников, что особенно заметно в описании областей Северо-Восточной Африки. Как это часто бывает в средневековой арабской литературе, Ибн Хаукал передал при этом сведения и не дошедших до нас источников.

Среди авторов XI в. полнотой и значительностью материалов об Африке выделяется крупный арабско-испанский географ ал-Баكري. Он не выезжал за пределы Испании и писал географические труды, целиком основываясь на письменных материалах. Однако будучи широко образованным и добросовестным ученым, ал-Баكري воспользовался богатейшими библиотеками и архивами Кордовы и других крупных центров мусульманской Испании. Привлечение документальных источников придало его сообщениям о политических событиях в Северо-Западной Африке и экономическом положении ее областей убедительную четкость и фактическую достоверность. При описании более отдаленных областей Африки, как Гана, Мали и др., ал-Баكري привлекал, по-видимому, и устные свидетельства различных информаторов.

Наконец, для XII в. центральное место принадлежит отрывкам из «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси — «лучшего географического трактата в средние века и для Востока, и для Запада» (М. Амар). Как справедливо замечено во вступительной статье, «эту характеристику труд ал-Идриси заслуживает благодаря большому количеству сохраненных им известий, часто первостепенного значения, во многих случаях полученных непосредственно от очевидцев» (стр. 227). Разбросанные в разных частях труда ал-Идриси сведения об Африке повествуют почти обо всех известных арабоязычной литературе областях и народах (племенах) этого материка — недаром извлечения из этого труда вместе с отрывками из «Краткой редакции ал-Идриси» (возможно, также восходящей к самому автору) занимают добрую четверть настоящего тома. Характер приводимых ал-Идриси сведений эклектичен и неравноценен: указываются географическое и политическое положение каждой страны, упоминаются ее достопримечательности, рассказывается о ее торговле, населении и его обычаях, о городах и т. п.

Менее половины тома приходится на отрывки из сочинений остальных 14 авторов. Среди них наиболее значительны извлечения из «Книги начала [мира] и хронологии» ал-Мутаххара б. Тахира ал-Макдиси, географического сочинения ал-Мукаддаси «Лучшее разделение для познания климатов», из «Жизнеописания отцов патриархов» Севера б. ал-Мукаффа, из шести трудов знаменитого ал-Бируни и «Географии» аз-Захри (или «алмерийского анонима»).

Совсем малы по объему выдержки из книг Омара ал-Кинди, Ибн ан-Надима, Ибн Зулака, Ибн Сины, Абу-л-Касима Саида ал-Андалуси, Маухуба б. Мансура б. Муфраха, Тахира ал-Марвази, а также из «Краткой редакции Ибн Хаукала». Однако иные из этих небольших отрывков содержат весьма ценные и оригинальные дополнения к данным других источников; такова, например, сравнительная характеристика африканцев и тюрок в «Природе животных» ал-Марвази.

Составителям тома не понадобилось выступать пионерами в издании текстов, отбор фрагментов производился по существующим публикациям. Однако это не значит, что подготовители и редактор В. И. Беляев отказались от самостоятельной текстологической работы; им приходилось сопоставлять разные издания, учитывать разночтения в критическом аппарате изданий, а иногда прибегать к конъектурам, добиваясь удовлетворительного истолкования текста. Результат этой работы отразился в подстрочных примечаниях к тексту и переводу.

Арабский текст тщательно выверен и откорректирован, кажется, вовсе лишен опечаток. Переводы, в подавляющем большинстве осуществленные на русский язык впервые, стоят на высоком филологическом уровне. Мне не удалось обнаружить в них прямых смысловых расхождений с подлинником; можно было бы поспорить лишь о стилистической точности русской передачи отдельных слов или фраз. Последовательно выдержана и система транскрипции терминов, имен собственных, географических и этнических названий, за редкими исключениями (например, неудачно: Омейяды).

Вступительные статьи к текстам и переводам фрагментов содержат необходимые сведения об авторах, историко-литературную характеристику привлекаемых источников и попытку определить сравнительную ценность заключенного в них фактического материала по данной теме. Статьи завершаются перечнем литературы, т. е. указаниями на издания и переводы соответствующих памятников, на основные исследования по ним и на важнейшие справочные пособия. Библиография составлена тщательно, со строгим отбором и без заметных упущений, а в конце тома сведена в один общий список.

Справочный аппарат к тому, помимо упомянутой сводной библиографии, включает четыре указателя, которые по мере необходимости аннотированы и снабжены ссылками на научную литературу, а именно — указатели имен собственных, названий сочинений, географических и этнических названий, предметный. Эти указатели, составленные В. В. Матвеевым и проверенные Д. А. Ольдерогге (факт, заслуживающий быть отмеченным на титульном листе, а это в томе упущено), не только помогают ориентироваться в разнородном материале тома, но и заменяют в значительной мере комментарий; отдельные статьи указателей вырастают в объеме почти до целого столбца петитом либо за счет сводки полезных справочных данных, либо благодаря самостоятельным экскурсам филологического, историко-этнографического или историко-географического характера.

Настоящий, второй том «Арабских источников» выгодно отличается от первого — при полном внешнем сходстве — буквально по всем линиям, но прежде всего безупречной подготовкой текста и точностью перевода. Сделать это сравнение тем более необходимо, что мне пришлось высказать суровое мнение о первом томе, предъявив серьезные упреки к качеству его подготовки¹. Возросшая строгость изложения во вступительных статьях ко второму тому, четкость формулировок в аннотациях и примечаниях, большая добросовестность и тщательность, отличающие весь том, делают его надежным орудием исследования для этнографов и историков, полезным пособием для африканистов и арабистов. Следовательно, рецензируемое издание отвечает своим научным целям.

А. Б. Халидов

¹ «Сов. этнография», 1961, № 6, стр. 137—141.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО НАРОДАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Абетеков А. К. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине реки Чу. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 107, 1966, с. 122—126.

Абжанов М. Казахские народные загадки. Алма-Ата, 1966. 19 с. (Каз. гос. пед. ин-т им. Абая). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филолог. наук.

Абжанов М. М. Казахские народные загадки. Алма-Ата, «Мектеп», 1966. 67 с. На каз. яз.

Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э. Ташкент, «Фан», 1966. 17 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Адамбаева Ж. Казахские народные загадки. «Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук», 1966, № 1, с. 68—77. Резюме на рус. яз.

Алимухамедов А. Обрядность в исламе и ее социальная сущность. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 3, с. 16—21. Резюме на узб. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Алланазаров Т. Каракалпакский советский театр. Истоки и формирование. Ташкент, «Фан», 1966. 180 с. с илл. (АН УзССР. Ин-т истории, языка и литературы Каракалп. филиала АН УзССР). Библиогр.: с. 178—179.

Альбаум Л. И. Городище Дальверзинтепа. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, с. 47—65 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Аманжолов А. С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань). «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966, № 5, с. 79—96 с илл. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Аминов А. Производительные силы Средней Азии и проблемы народонаселения. [Краткое содержание доклада на Всесоюз. межвузовской науч. конференции, посвящ. проблемам народонаселения Средней Азии.] «Науч. докл. высш. школы. Экон. науки», 1966, № 1, с. 30—35.

Аминова Р. Х. и Ахунова М. А. О задачах исторической науки в Узбекистане в свете решений XXIII съезда КПСС. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 6, с. 3—7.

Асанов Г. Размещение сельского населения северной части Ферганской долины. «Ученые записки Ташк. гос. пед. ин-та», т. 57, 1966, с. 57—65. Библиогр.: 5 назв.

Атагарриев Е. и Нурбердыев К. К вопросу о водоснабжении средневекового города Шехр-Ислама и орошении его окрестностей. (IX—XIV вв. По археол. данным). «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 2, с. 81—85. Библиогр.: 11 назв.

Атагарриев Е. Новые данные по истории Шехр-Ислама. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 3, с. 32—38 с илл. Библиогр.: 15 назв.

Атаев К. Некоторые сведения об общественной организации у туркмен али-эли в конце XIX—начале XX в. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 2, с. 79—81. Библиогр.: 5 назв.

Атаев К. Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX—начале XX в. (Ист.-этногр. очерк). М., 1966. 20 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Ахмадов Р. [Рец.]: Важное исследование по обрядовому фольклору таджиков. (Р. Кадыров. Дореволюционный обрядовый фольклор таджиков долины р. Кашка-Дарьи. Душанбе, 1963). «Изв. АН ТаджССР. Отд.-ние обществ. наук», 1966, № 2 (44), с. 79—82. На тадж. яз.

Ахмедов Б. Махмуд Ибн Вали. (Историк, путешественник, поэт). «Ташкент, Объединен. изд-во ЦК КП Узбекистана», 1966. 27 с. (Беседы о науке. № 22). На узбек. яз.

Ахраров И. Керамика Ферганы IX—XII вв. Ташкент, «Фан», 1966. 14 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Список работ авт. в конце текста. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Ахраров И. и Темиргалиев Г. З. Клад серебряных украшений из Сиджака. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 119—121. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, с. 125—133 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Байпаков К. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966, № 2, с. 72—84. с илл. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Байпаков К. М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Алма-Ата, 1966. 20 с. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Батыров Ш. Б. Формирование и дальнейшее развитие социалистических наций. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 1, с. 3—23. Библиогр.: 25 назв.

Бегжанов Т. Термины родства в муйнакском говоре каракалпакского языка. «Вопросы диалектологии тюркских яз.», т. 4, 1966, с. 189—194.

Бекмуратова А. Взаимоотношения в каракалпакской семье прежде и теперь. «Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР», 1966, № 1, с. 53—56.

Бекмуратова А. Т. Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпак за годы советской власти. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 101—108. Библиогр. в подстроч. примеч.

Бердигуратов М. О духовном облике современного колхозника. «Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР», 1966, № 2, с. 9—12.

Борисенков П., Киселева Г. и Ширяева Е. Растет интерес к проблемам народонаселения. [По материалам Всесоюз. межвузовской конференции по проблемам народонаселения республик Сред. Азии, Ташкент, 1966]. «Науч. докл. высш. школы. Экон. науки», 1966, № 3, с. 130—133.

Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 91—120 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Булатова В. А. Жилой комплекс VII в. в Куве. (Результаты работ 1964 г.). «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, с. 82—90 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Виноградов А. В. Тысячелетия, погребенные пустыней. Рассказы о древнем Хорезме и о Хорезмской экспедиции. М., «Просвещение», 1966. 186 с. с илл. и карт. Всесоюзная научная конференция по проблемам народонаселения Средней Азии. (Ташкент. Сентябрь 1965). «Вестн. статистики», 1966, № 1, с. 78—80. Подпись: Р. Д.

Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Кызылкумская бирюза (из истории добычи и разработки). «Сов. этнография», 1965, № 2, с. 114—135.

Ганиева С. и Захидов И. Жемчужина среднеазиатского изобразительного искусства. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 8, с. 31—37 с илл. Резюме на рус. яз.

Гражданкина Н. С. Глазурованные изразцы в декоре памятников XIV—XVII вв. как датирующий материал. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, с. 168—175 с илл.

Грязнов М. П. О чернолощенной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 108, 1966, с. 31—34.

Гулямов Я. Г. Из истории водоснабжения древнего Пайкенда. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7, Ташкент, 1966, с. 43—46 с карт.

Гулямов Я. Г., Исламов У. и Аскаров А. Первобытовая культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Под общ. ред. Я. Г. Гулямова. Ташкент, «Фан», 1966. 267 с. с илл. и карт.; 3 л. илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии. Труды Махан-дарьин. отряда Узбекист. археол. экспедиции АН УзССР. Кн. 1). Библиогр.: с. 257—265.

Далиев М. Критика культа святых в исламе и значение борьбы с ним в современных условиях Узбекистана. Ташкент, «Фан», 1966. 24 с. (АН УзССР. Ин-т философии и права).

Дахшлейгер Г. Р. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства). «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 3—23. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Джарылгасинова Р. Ш. К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами (традиционное и новое в хозяйстве и материальной культуре). «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 3—15.

Древняя культура Центрального Казахстана. Под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, «Наука», 1966. 435 с. с илл. и карт.; 4 л. илл. и карт. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Перед загл. авт.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орабаев.

Дустмухамедов З. А. Старые обряды ислама и пути борьбы с ними. «Изв. АН ТаджССР. Отд.-ние обществ. наук», 1966, № 1, с. 16—25. Резюме на тадж. яз.

Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Сузак. «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966, № 3, с. 66—69. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ерзакович Л. Б. Оседлая культура Южного Казахстана XIII—XVIII вв. По материалам городищ Чуйской и Таласской долин, сев. склонов Каратау. (Ист.-археол. очерк). Л., 1966. 15 с. (АН СССР. Ин-т археологии. Ленингр. отд.-ние). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Ерзакович Л. Б. Песенная культура казахского народа. Муз.-ист. исследование.

Алма-Ата, «Наука», 1966. 401 с. с нот. (АН КазССР. Ин-т литературы и искусства им. М. О. Ауэзова).

Ерзакович Б. Г. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестн. АН КазССР», 1966, № 5, с. 78—81.

Жанпейсова К. Антирелигиозные мотивы в казахском фольклоре. Алма-Ата, «Казахстан», 1966. 68 с. (О-во «Знание» КазССР). На каз. яз.

Жилина А. Н. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 121—145 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Жуванмардыев А. Земельно-водные отношения Ферганы XVI—XIX веков. Ташкент, «Наука», 1965. 182 с. (АН УзССР. Ин-т востоковедения им. Абу Рейхана Бируни). Библиогр.: с. 176—181. На узбек. яз.

Зелинский А. Н. Древние памятники в Вахане. Докл. по этнографии (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 1 (4), 1965, с. 41—50.

Зехни Ф. Свадебный обряд в Гиссаре и Варзобе. «Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук», 1966, № 2 (44), с. 67—78. Резюме на рус. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ибрагимов Р. Праздники, обычаи, традиции. (Роль клубных учреждений УзССР в пропаганде и внедрении новых праздников и обрядов). «Культ.-просвет. работа», 1966, № 6, с. 26—28.

Иомудская Д. Г. Отражение органа зрения и его заболевания в туркменском фольклоре. «Труды Туркм. науч.-исслед. трахоматозного ин-та», т. 9, 1966, с. 223—247.

Иосьюк М. И. Некоторые закономерности сближения наций СССР. (По материалам отношений белорус. и узб. наций). Минск, 1966. 19 с. (Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Кафедра истории философии и логики). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук.

Ирбутаев И. Религиозные пережитки и некоторые вопросы улучшения научно-атеистической пропаганды. «Коммунист Узбекистана», 1966, № 5, с. 67—73.

Историко-этнографический очерк колхоза им. Карла Маркса (Сузакского района). Под ред. Д. Айтмамбетова. Фрунзе, «Илим», 1965. 165 с. с илл. (АН Кирг. ССР. Ин-т истории). На киргиз. яз.

История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. [Сб. статей]. Отв. ред. В. А. Шишкин. Ташкент, «Фан», 1966. 186 с. с илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

История советского рабочего класса Киргизстана. Ред. коллегия: А. А. Алтымышбаев и др. Фрунзе, «Илим», 1966. 488 с. (АН Кирг. ССР. Ин-т истории). Библиогр. обзор: с. 5—16.

Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. (По данным археол. раскопок в зоне Чим-Курганского водохранилища в 1955—1957 гг.). «Сов. археология», 1966, № 3, с. 52—66 с карт.

Камбаров Н. Н. Брак и семья при социализме. (На примере КазССР). Алма-Ата, 1966. 22 с. (Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук.

Караев О. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляция ими местных племен в XIII—XV вв. [По поводу работ К. И. Петрова]. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 100—107. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Караханов М. Актуальные проблемы развития народонаселения Средней Азии. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 2, с. 3—10.

Караханов М. К. Всесоюзная научная конференция по проблемам народонаселения Средней Азии. Ташкент. Сентябрь 1965 г. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 161—166.

Караханов М. Опыт организации исследования некоторых социологических проблем народонаселения Средней Азии. «Труды Ташк. ун-та», вып. 274, 1966, с. 122—125.

Каррыев С. Некоторые туркменские дестаны и литература народов Советского Востока. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 3, с. 76—84. Библиогр.: 10 назв. На туркм. яз.

Касабов Г. А. Некоторые вопросы правового регулирования расторжения брака в связи с новой кодификацией брачно-семейного законодательства Туркменской ССР. «Изв. ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 3, с. 45—53. Библиогр.: 16 назв.

Касабов Г. А. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в дореволюционном Туркменистане. «Ученые записки Туркм. гос. ун-та», № 39, 1966, с. 7—31. Библиогр. в подстроч. примеч.

Касимов В. Говоры таджиков Фариша. Душанбе, 1966. 28 с. (Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филологич. наук.

Касимов В. Фонетические особенности говора таджиков Фариша. «Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук», 1966, № 1 (43), с. 69—75. Резюме на рус. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Киргизские танцы. Вып. 3. [Автор вып.] Бегалиев А. Фрунзе, 1966. 63 с. с илл. и нот. (М-во культуры КиргССР. Респ. дом нар. творчества).

Кожоналиев С. К. Виды налогов, поборов и повинностей в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX вв. «Труды юрид. фак. Кирг. ун-та», вып. 3, 1966, с. 62—68.

Кисляков Н. А. Сайробские таджики. «Сов. этнография», 1965, № 2, с. 17—28.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. (По данным функционального анализа). Л., 1966. 22 с. (АН СССР. Ин-т археологии. Ленингр. отд-ние). Список работ авт.: с. 21—22. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Кулыев А. О терминах родства в туркменском языке (термины, обозначающие «мать»). «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 3, с. 61—67. Библиогр. 30 назв.

Курбангалиева Р. Быт и культура рабочих узбеков шелковой промышленности гор. Маргилана. (Ист.-этногр. очерк). Ташкент, 1966. 24 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Курмангалиев А. З. О вреде обрядов ислама. Алма-Ата, «Казахстан», 1966. 36 с. (О-во «Знание» КазССР). На каз. яз.

Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 45—90 с илл.; 1 л. схем. и 1 л. цвет. илл.

Лекарственные растения Киргизии. (1940—1964 гг.). Библиогр. указатель. Сост. А. В. Калачев, Л. И. Смирнов. Под ред. и с предисл. И. Ш. Забирова. Фрунзе, 1965. 25 с. (М-во здравоохранения КиргизССР. Респ. науч. мед. 6-ка).

Лисицина Г. Н. Изучение геоскюрской оросительной сети в Южной Туркмении в 1964 г. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 108, 1966, с. 96—100. Библиогр. в подстроч. примеч.

Литвинский Б. А. и Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. (По археол. данным). «Вестн. древней истории», 1966, № 3, с. 36—52 с табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. (К проблеме эволюции лука на Востоке). «Сов. археология», 1966, № 4, с. 51—69. Библиогр. в подстроч. примеч.

Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки — халаты). «Сов. этнография», 1965, № 6, с. 34—50.

Лукин Б. В. Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1964 году. Сост. Б. В. Лукин. «Обществ. науки в Узбекистане», 1965, № 12, с. 31—57.

Лукин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан (Иван) Ибрагимов. [1841—1891]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 7, с. 38—49. Резюме на узб. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Маджидов Р. М. Условия формирования научно-атеистического мировоззрения крестьян в период строительства коммунизма. «Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук, 1966, № 2 (44), с. 13—23. Резюме на тадж. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Мамбеталиев С. Мусульманская секта в Киргизии. Фрунзе, «Кыргызстан», 1966. 131 с. На кирг. яз.

Мандельштам А. М. К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения Северной Бактрии. «Сообщения госуд. респ. объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств», вып. 4. Душанбе, 1966, с. 22—28.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.—Л., «Наука» (Ленингр. отд-ние), 1966. 232 с. с илл.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. № 136. Труды Тадж. археол. экспедиции Ин-та археологии АН СССР и Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР. Т. 5).

Маньлов Ю. П. К изучению городища Кят. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 2, с. 49—56.

Масанов Э. А. Новые сведения о В. Н. Плотникове. «Сов. этнография», 1965, № 2, с. 157—162.

Масанов Э. А. Выдающийся ученый казахского народа Ч. Ч. Валиханов. «Сов. этнография», 1965, № 6, с. 57—74.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, «Наука», 1966. 322 с. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Библиогр. обзоры в тексте.

Масанов Эдиге Айдарбекович (некролог). «Сов. этнография», 1965, № 6, с. 143—145.

Массон В. М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. [По данным археол. раскопок в ТуркмССР]. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 108, 1966, с. 39—44. Библиогр. в подстроч. примеч.

Массон М. Е. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 1, с. 55—62; 2 л. илл. Библиогр.: 10 назв.

Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. (В пределах ТуркмССР). Ашхабад, «Туркменистан», 1966. 298 с. с илл. и карт.; 10 л. илл. и карт. (АН ТуркмССР. «Труды Южн.-Туркменистанской археол. комплексной экспедиции». Т. 13). Библиогр. в примеч.: с. 157—273. Библиогр.: с. 274—280.

Материалы по истории Средней Азии. Отв. ред. А. М. Ташмухамедов. Ташкент, «Наука», 1966. 110 с. (М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Науч. труды. Вып. 281).

Материалы по истории Узбекистана. Сб. статей. Отв. ред. Л. М. Ланда. Ташкент, «Фан», 1966. 191 с. с илл. (М-во культуры УзССР. Музей истории народов Узбекистана).

Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. Сб. статей. Отв. ред. Н. А. Кисляков и М. Г. Воробьева. М., «Наука», 1966. 172 с. с илл.; 2 л. илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Молдаханов А. М. О. Ауэзов как ученый-фольклорист. Алма-Ата, 1966. 19 с. (Каз. гос. пед. ин-т им. Абая). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филолог. наук.

Моногарова Л. Ф. Современные этнические процессы на Западном Памире. «Сов. этнография», 1965, № 6, с. 23—34.

Музапаров Ш. О быте рабочих-нефтяников Ферганы. (На этнографических материалах). «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 2, с. 42—45.

Мулладжанов И. Р. Население Узбекистана за 100 лет. Ташкент, «Фан», 1966. 41 с. На узб. яз.

Мулладжанов И. Р. О сущности социалистического закона народонаселения. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 5, с. 7—13. Резюме на узб. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Мусабаев Г. Г. и Айдаров Г. Сыр-Дарьинская надпись. (Анализ древнетюркской надписи I—II вв. до н. э.). «Вестн. АН КазССР», 1966, № 6, с. 85—86.

Мухамеджанов А. Р. Древние гидротехнические сооружения и орошение новых земель «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 9, с. 32—39. Резюме на узб. яз.

Мухамеджанов А. Р. Изучение древнего водохранилища Гиштбанд в Джоме. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, с. 162—167 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Мухитдинова Ф. П. Поселение выходцев из Средней Азии в Астрахани в XVIII в. В кн.: Материалы по Востоку. Ташкент, 1966, с. 101—110.

Наджафов М. Наскальные рисунки (Кобыстана). «Творчество», 1960, № 6, с. 15.

Негматов Н. К истории музыкального искусства таджиков в IX—X вв. «Сообщения гос. респ. объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств», вып. 4. Душанбе, 1966, с. 141—149.

Непомнин В. Я. К вопросу об исторических условиях возникновения и развития дружбы между народами Средней Азии, Казахстана и России. «Труды Ташк. ун-та», вып. 278, 1966, с. 110—125.

Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. (По материалам Беркут-калин. оазиса). М., «Наука», 1966. 155 с. с илл.; 2 л. карт. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр. обзор: с. 3—7.

Никольская Г. Б. Некоторые данные по истории и этнографии уйгуров Южного Туркменистана. (К вопросу о сближении наций). «Труды Ташк. ун-та», вып. 281 (Материалы по истории Средней Азии), 1966, с. 104—109.

Нурджанов Н. Х. Развлечения и народный театр таджиков Каратегина и Дарваза. (С прил. текстов на тадж. яз.). «Искусство тадж. народа», вып. 3. Душанбе, 1965, с. 113—173.

Оранский И. М. Научная командировка в долины Гиссара и Сурхан-Дарья. [Изучение индоязычной группы парья]. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 127—129.

Орозалиев К. 40 лет Киргизской ССР. (Историч. очерк). Фрунзе, «Кыргызстан», 1966. 216 с.; 6 л. илл.

Очерки географии Средней Азии. (Природа и хозяйство). Глав. ред. П. Баратов. Ташкент, «Фан», 1966. 97 с. с диагр. и карт. (М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Ташк. пед. ин-т им. Низами. Учен. записки. Т. 59). Библиогр.: с. 22—23. На узб. яз.

Первая сессия обществоведов. [30 ноября—2 декабря 1965 г. Алма-Ата. Сессия секции обществ. наук Президиума АН СССР, посвященная актуальным проблемам развития обществ. наук в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении, Узбекистане]. «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966, № 1, с. 2—27.

Пиркулиева А. Н. Ковровое ткачество туркмен долины средней Аму-Дарьи. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 146—170 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Плоских В. М. Динамика численности населения Киргизии за сто лет. «Изв. АН КиргССР», 1966, № 1, с. 20—26.

Повелицына П. Ф. Реакционная сущность шариата и адата. Возникновение советского законодательства об ответственности за воспрепятствование осуществлению равноправия женщин. «Уч. зап. Туркм. ун-та», № 39, 1966, с. 69—81.

Покровский В. А. Развитие городов и их место в территориальной организации Киргизии. «Труды юрид. фак. Кирг. ун-та», вып. 3, 1966, с. 41—61.

Проблемы сближения социалистических наций в период строительства коммунизма. Сб. статей. Посвящается 40-летию образования КиргССР и создания Ком. партии Киргизии. Ред. коллегия: А. Т. Табалдиев (отв. ред.) и др. Фрунзе, «Мектеп», 1966. 178 с. (М-во нар. образования КиргССР. Кирг. гос. ун-т. Кафедра философии).

Программа по туркменскому народному творчеству. (Для туркм. высш. учеб. заведений). Сост.: У. Абдуллаев, Р. Алиев, Н. Аширов и др. Ашхабад, «Туркменистан», 1966. 16 с. (М-во нар. образования ТуркмССР. Туркм. гос. ун-т им. А. М. Горького). На туркм. яз.

Пугаченкова Г. А. Халчаян, К проблеме худож. культуры Сев. Бактрии. Ташкент, «Фан», 1966. 287 с. с илл.; 3 л. илл. и карт. (М-во культуры УзССР. Ин-т искусствознания им. Хамзы). Библиогр. в примеч.: с. 269—285.

Ранов В. А. и Гурский А. В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР.—Сов. этнография, 1966, № 2, с. 110—119 с илл. и карт. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ранов В. А. Шлифованные топоры из Таджикистана. «Сов. археология», 1966, № 4, с. 168—172.

Рахманов А. Бахши човдуров. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 2, с. 49—57. Библиогр.: 14 назв. На туркм. яз.

Резьба по дереву в долине Зеравшана. (Альбом средневековых орнаментов). Подгот. к изд. и предисл. А. Мухтарова. Рис. Н. Дрига. М., «Наука», 1966. 72 с. с илл. (АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша).

Рузиева М. К исторической топографии Ташкента. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 6, с. 66—69 со схем. Библиогр. в подстроч. примеч.

Садыхов А. С. Крестьянское движение в Хиве конца XIX — начала XX века. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 7, с. 69—72.

Садыхов А. С. О ремесленниках Хивинского ханства в конце XIX — начале XX века.—«Труды Ташк. ун-та», вып. 281, 1966, с. 35—42.

Садыхов М. О деятельности партийных и общественных организаций по утверждению передовых традиций и обычаев. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 4, с. 52—54. На узб. яз.

Сайдбаев Т. Чему учит Коран? «Наука и религия», 1966, № 2, с. 26—28; № 4, с. 48—52; № 5, с. 20—23; № 6, с. 14—17.

Сайдкаримов С. Некоторые вопросы географии населения на примере богарной зоны Правобережья Зарафшана Узбекской ССР. «Уч. зап. Ташк. пед. ин-та», т. 57, 1966, с. 49—56.

Салимов Х. Изменения численности, плотности и национального состава населения Узбекистана и их территориальные особенности. (В период между двумя переписями 1939—1959 гг.).—Научн. зап. Ташк. ин-та нар. хозяйства», вып. 22, 1965, с. 181—187.

Сарсенбаев Н. Обычаи и традиции [народов СССР] в развитии. Алма-Ата, «Казахстан», 1965. 326 с. Библиогр.: с. 322—325.

Сарсенбаев Н. С. Обычаи и традиции в развитии. (Нар. обычаи, традиции и коммун. воспитание трудящихся). Алма-Ата, 1966. 44 с. (АН КазССР. Объединен. учен. совет по обществ. наукам). Список работ автора: 20 назв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филос. наук.

Сарыбаев К. Из истории аграрных отношений в Каракалпакии (конец XIX — начало XX века). Ташкент, 1966. 20 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Сейдаханов К. Всесоюзное совещание по фольклористике в Улан-Удэ. «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966, № 1, с. 92—94. На каз. яз.

Сенигова Т. Н. Основные пути формирования топографии раннесредневекового Тараза (V—IX вв.). «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966, № 5, с. 69—78. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на казах. яз.

Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Отв. ред. В. М. Массон. М.—Л., «Наука» (Ленингр. отд-ние), 1966. 290 с. с илл.; 8 л. илл. (АН СССР. Ин-т археологии). Библиогр. (сост. Т. Н. Заднепровская): с. 266—286.

Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. (Из истории раскопок Кара-тет — буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе). Докл. по этнографии (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 1 (4), 1965, с. 28—40.

Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. (Поздннефед. город и его население). М., «Наука», 1966. 328 с. с илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Сухарева О. А. О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии (ку, махалла, гузар). (Из цикла «Материалы по терминологии исторических источников»). «Народы Азии и Африки», 1965, № 6, с. 101—104.

Тактаев А. А. К вопросу об ирригации и водопользовании в Туркестанском крае. (Конец XIX — начало XX вв.). «Труды Ташк. ун-та», вып. 287, 1966, с. 76—82. Библиогр.: 13 назв.

Ташкенбаев Н. Х. Наскальные изображения Коронгурсая и Сармыша. — История материальной культуры Узбекистана, вып. 7. Ташкент, 1966, с. 36—39 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Темирбекова К. З. Песенное творчество казахов Семиречья. (Муз.-теорет. исследование). М., 1966. 16 с. (Ин-т истории искусств). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. искусств. наук.

Толстов С. П. и Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи. По материалам Тагискена. (Из работ Хорезмской археол. экспедиции). «Сов. археология», 1966, № 2, с. 151—175. Библиогр. в подстроч. примеч.

Толстова Л. С. К вопросу о закавказско-переднеазиатских связях в этногенезе каракалпаков (мюитены). «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 3, с. 22—27. Резюме на узб. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Трапезников Г. Е. Материалы по этнографии сельского населения Калан-Хумбского и Рошканинского районов Горно-Бадахшанской автономной области ТаджССР. Наблюдения этногр. разведки. Докл. по этнографии (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 1 (4), 1965, с. 51—59.

Умаров М. и Хамидов П. Критика нравственных поучений Корана. Ташкент, Объединен. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1966. 36 с. (О-во «Знание» УзССР. № 14). На узб. яз.

Умурзакова О. П. К проблеме формирования новых национальных традиций. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 7, с. 17—22. Резюме на узб. яз.

Урунходжаев С. Культура колхозного кишлака. (Колхоз «Москва» Ходжент. район Тадж. ССР). «Агитатор», 1966, № 7, с. 52—54.

Усманова З. И. Арчевые строительные балки античного времени из раскопок на городище Старого Мерва. «Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук», 1966, № 1, с. 89—93. Библиогр.: 17 назв.

Формозов А. А. О наскальных изображениях Зараут-камара в ущелье Зараутсай. «Сов. археология», 1966, № 4, с. 14—26.

Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 29—44 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Хайтун Давид Ефимович (некролог). «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 159—162.

Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1965. 20 с. (Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Хамидов Н. М. Деятельность партийных организаций Узбекистана по преодолению религиозных пережитков в период строительства коммунизма (1959—1964 гг.). Ташкент, 1966. 17 с. (Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. историч. наук.

Хамидов Н. О махалле и ее влиянии. [Отклик на статью И. Ирбутаева «В махалле Янги-хаят» в журн. «Наука и религия», 1965, № 12]. «Наука и религия», 1966, № 6, с. 53—54.

Хамидов Х. О языке «каракалпакских присяг». «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 2, с. 67—72.

Хелалай-Гарыл. Дастан. Предисл. и подгот. к печати С. Аннануровой. Ашхабад, «Туркменистан», 1966. 64 с. (Ин-т языка и литературы им. Махтумкули. АН ТуркмССР). На туркм. яз.

Хлопин И. Н. Орнаментальный геоксюрский крест. (К вопросу об ирано-месо-потамском влиянии в юго-вост. Туркменин). «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 108, 1966, с. 45—48.

Ходжаев К. и Халматов Х. Культура лекарственных растений в Узбекистане. Ташкент, «Наука», 1965. 88 с. с илл. (АН УзССР. Ташк. фармацевтич. ин-т. Ботан. сад). Библиогр.: с. 78—80.

Хромов А. Л. Ягнобские тексты. II. (Материалы по исторической этнографии ягнобцев). «Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук», 1966, № 1, с. 60—68. Резюме на тадж. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Чабров Г. Н. Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII — первой пол. XIX вв. Ташкент, 1966. 36 с. (Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина). Список работ автора: 11 назв. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора искусств. наук.

Черняк В. А. и Каппаров Д. К. Из опыта исследования отношения к рели-

гии членов производственного коллектива. [В КазССР]. «Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук», 1966, № 5, с. 38—47. Резюме на каз. яз.

Шага́лов Е. С. Первое научное общество Таджикистана и иранских народностей за его пределами. [К 40-летию основания]. Отв. ред. В. А. Козачковский. Душанбе, «Дониш», 1966. 32 с. с портр. (АН ТаджССР).

Ша́лекенов У. Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв. Ташкент, «Фан», 1966. 336 с. с илл.; 2 л. схем. (АН УзССР. Ин-т истории, языка и литературы Каракалп. филиала). Библиогр.: с. 325—335.

Шацки́й Г. В. Редкие сюжеты на петроглифах Охны.—История материальной культуры Узбекистана, вып. 7. Ташкент, 1966, с. 40—42 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Шибаета́ Ю. А. Некоторые религиозно-бытовые пережитки у киргизов Восточного Памира. «Труды Тадж. ун-та. Серия ист. наук», вып. 2, 1966, с. 300—331. Библиогр.: 65 назв.

Шибикеев С. Элементы атеизма в киргизском устном народном творчестве. Фрунзе, «Кыргызстан», 1966. 58 с. (Б-чка атеиста).

Эффендиев М. Культ святых в исламе. (По материалам канд. дисс. И. А. Макатова «Преодоление пережитков культа святых в процессе атеистического воспитания»). «Наука и религия», 1966, № 2, с. 95.

Юдин В. П. [Рец.]: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., «Наука», главная ред. вост. лит., 1965. 191 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии. АН УзССР. Ин-т востоковедения). «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1966. № 2, с. 85—89.

Юдин В. П. Известия «Зийа'ал-кулуб» Мухаммад Аваза о казахах XVI века. «Вестн. АН КазССР», 1966, № 5, с. 71—76.

Юнусов Х. Т. Некоторые особенности развития культуры на селе в период строительства социализма. (На материалах Узбекистана). Ташкент, «Фан», 1966. 29 с. (АН УзССР. Ин-т философии и права). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук.

Якубов Б. Народные праздники и национальные обычаи. Ташкент, Объединен. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1965, 48 с. с илл. (О-во «Знание» УзССР, № 45). На узбек. яз.

Составитель Р. В. Каменецкая

Письма в редакцию

К ПОПЫТКЕ ЧТЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ НАДПИСИ

Обломок песчаника с загадочными знаками, привезенный мною из Майкопа, я показывал в Ленинграде специалистам по древним письменностям — Ю. В. Кнорозову и А. А. Вайман, а также археологам и этнографам. У них сложилось общее мнение, что, во-первых, знаки эти являются, очевидно, письменами, во-вторых, что камень нельзя считать фрагментом несохранившегося более крупного памятника, так как в противном случае знаки не заходили бы на сколотые плоскости у неровных краев камня и, наконец, в-третьих, что знаки, будучи уникальными, вряд ли могут быть растолкованы в ближайшее время. Г. Ф. Турчанинов, которому я тоже показал этот камень, согласился лишь с двумя первыми выводами и выступил затем с заявлением, что знаки Майкопского камня датируются XIII—XII вв. до н. э. и являются древнейшей в СССР надписью, сделанной библскими буквами и хеттскими детерминативами на абхазском языке¹.

В настоящее время Е. И. Крупнов и П. У. Аутлев доказали, что нет оснований для отнесения Майкопского камня к XIII—XII вв. до н. э.², а И. М. Дьяконов подверг убедительной критике попытку сопоставить знаки Майкопского камня со знаками библской письменности³.

Прибавим несколько других соображений, которые заставляют критически отнестись к гипотезе Г. Ф. Турчанинова, столь широко и преждевременно рекламированной в СССР и за границей.

Вызывает удивление, что для торжественной царской надписи о строительстве города не нашлось достаточно массивного камня с отесанными краями и с выглаженной поверхностью. Всякий, кто имел дело с эпиграфическими памятниками, знает, что строительные надписи любых эпох обычно не встречаются на необработанных, грубых обломках, подобных Майкопскому камню.

Известно, что в районе нынешнего гор. Майкопа не находили следов древнего города, хотя этот район неплохо изучен археологами. Поэтому естественно настораживает заявление Г. Ф. Турчанинова о том, что в Майкопской надписи будто бы говорится о «городе Ах» или «А (и) а», который находился в районе Майкопа и «имел важное торговое и стратегическое значение»⁴. Наша настороженность в данном случае оправдывается памятью об «открытии» Г. Ф. Турчаниновым древнего «города Пантикопы» в районе нынешнего города Черкесска. Г. Ф. Турчанинов прочел о Пантикопе в якобы «кабардинской» надписи VI—VII вв., написанной греческим алфавитом⁵. Вскоре после опубликования Г. Ф. Турчаниновым этой надписи, он рассказал автору этой статьи, что надпись оказалась поддельной. В печати ссылались на «открытие» Г. Ф. Турчаниновым «кабардинской» письменности VI—VII вв.⁶, но за 20 лет, прошедшие со времени выхода в свет указанной его работы, он, к сожалению, не собрался заявить в печати о допущенной им ошибке.

¹ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1965, № 3 и 1966, № 2; G. Tourtchaninov, Les révélations de la pierre inserite de Maïkop, «Archeologia», Paris, 1966, № 12.

² Е. И. Крупнов, О загадочной Майкопской надписи, «Вопросы истории», 1964, № 8; его же, Ответ Г. Ф. Турчанинову, «Вопросы истории», 1965, № 4; П. У. Аутлев, 32 ли века Майкопской плите?, газ. «Адыгейская правда», 1965, № 56; его же, К вопросу о возрасте Майкопской плиты, ВДИ, 1966, № 2.

³ И. М. Дьяконов, Майкопские письмена, ВДИ, 1966, № 2.

⁴ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 95.

⁵ Г. Турчанинов, Письменные памятники средневековой Кабарды, газ. «Кабардинская правда», 1946, № 169.

⁶ П. Г. Акритас, Древнейшее название горы Бештау, «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик, 1954, стр. 212; И. Тресков, Творческое содружество, Нальчик, 1956, стр. 7, 8; его же, Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963, стр. 256.

Нельзя согласиться с Г. Ф. Турчаниновым, будто район Майкопа в XIII до н. э. входил в состав Колхидского государства. Во-первых, не доказано, что такое государство в ту пору существовало. Во-вторых, известия о Колхиде единогласно помещают ее в Закавказье. В-третьих, следовало бы помнить, что до присоединения Кавказа к России ни одному государственному образованию не удавалось утвердиться на обоих склонах снежной части Кавказского хребта.

Как историк, не могу согласиться с утверждением Г. Ф. Турчанинова, будто этническая территория абхазов задолго до начала нашей эры включала часть Северного Кавказа и даже часть Крыма⁷. Свой вывод он обосновывает сопоставлениями прикубанских и крымских топонимов со сходными абхазскими терминами. Замечу, что абхазо-абазинские следы в топонимике Краснодарского края были известны кавказоведам и до Г. Ф. Турчанинова⁸. Возражения вызывают неубедительные факты, взятые им для подобных сопоставлений и предложенная им датировка появления абхазо-абазинских топонимов на территории Краснодарского края.

Насколько вольно обращается Г. Ф. Турчанинов с лингвистическими фактами, продемонстрирую двумя примерами. Первый из них относится к объяснению «Антикитос», одного из древнегреческих названий р. Кубани. Г. Ф. Турчанинов утверждает, что задолго до начала нашей эры абхазы будто бы обитали на берегах р. Кубани и будто бы называли ее Адзгыта. Такое неизвестное в абхазском языке название Г. Ф. Турчанинов реконструировал из абхазского «адзгы» — «быстрая река»⁹ и аффикса «та», непонятного абхазам, но, предположительно, означавшего «место» (подобно «эти», показателю местности и страны в современном грузинском языке). Позже, по уверению Г. Ф. Турчанинова, на берегах р. Кубани абхазов сменили адыги, переделавшие «Адзгыта» в «Адыге-та». Последний термин состоит из адыгского этнического самоназвания и уже известного нам «абхазского» аффикса «та». Из «места быстрой реки» став «адыгским местом», это «адыго-абхазское» наименование Кубани «воспринималось как «река адыгов» и потом было переделано греками в «Антикитос»¹⁰. Столь сложную историю образования последнего термина Г. Ф. Турчанинов, к сожалению, ничем не подтвердил, и она осталась голословной декларацией.

Не менее показателен пример с объяснением названия древнего племени синдов. В нем он видит упомянутый выше аффикс «та» и реконструированное «шын», которым древние абхазы, по его мнению, называли «море»¹¹. Такое объяснение этнонима «синд» нельзя признать убедительным и лучшим из существующих (которые Г. Ф. Турчаниновым даже не упомянуты), но автор опирается на него и считает возможным говорить о «синдах-абхазах», как о твердо установленном факте¹², хотя в другой статье, тоже недавно изданной, он столь же определенно заявлял, что синды — это адыги¹³.

Что касается историко-лингвистических построений Г. Ф. Турчанинова, замечу лишь, что для объяснения конечного «т» в этно- и топонимике района Таманского полуострова античного времени логичнее ссылаться не на современную абхазскую речь, а на относящиеся к той же античной эпохе и территориально близкие меото-сарматские этнонимы с таким же конечным «т»: тореты, керкеты, меоты, яксаматы, сарматы, масагеты и др. Г. Ф. Турчанинову, конечно, известны существующие гипотезы о происхождении этого окончания и, если он не согласен с указанными гипотезами, то ему сначала следовало бы показать их несостоятельность и лишь после этого декларировать новую точку зрения.

К какому же времени нужно отнести появление в нынешнем Краснодарском крае (но, конечно, не в Крыму) абхазо-абазинской топонимики? Реальные условия для этого

⁷ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 95—98; его же, *Les révélations de la pierre inscrite de Maïkop*, стр. 52.

⁸ Х. С. Бгажба, Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии, «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа», XXVII, Сухуми, 1956, стр. 289—303; Л. И. Лавров, Обезы русских летописей, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 163, 164; его же, Адыги в раннем средневековье «Сборник статей по истории Кабарды», вып. IV, Нальчик, 1955, стр. 41.

⁹ Чтобы не усложнять набор, абхазские и греческие термины приведены здесь в приближенном русском написании.

¹⁰ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 96.

¹¹ Возможно по аналогии с «шин» — «вода» в даргинском и лакском языках. «Море» по-абхазски называется «амшын».

¹² Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 97.

¹³ Г. Ф. Турчанинов, Древнейшая III в. н. э. адыгская (-меото-синдская) надпись на гемме из Краснодарского историко-краеведческого музея, «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та», т. XIX, Нальчик, 1963, стр. 209, 215, 216.

воздались только в средние века, точнее, после разгрома монголами алан в XIII в., когда часть адыгов переселилась на освободившиеся земли на востоке и образовала нынешнюю Кабарду, а другая временно заняла степи между реками Кубанью и Доном (где в конце XV в. адыгов застал Г. Интериано). На земли, освободившиеся тогда в Адыгее, переселились абазины. Позже, когда абазины подверглись интенсивному влиянию адыгской культуры и значительная их часть потеряла родной язык, образовавшиеся перед этим абазинские географические названия оказались на территории распространения адыгской речи.

Говорить об абхазах на Северном Кавказе до средних веков, тем более в XIII в. до н. э., нет никаких оснований, и это одна из немаловажных причин нашего критического отношения к возможности читать по-абхазски загадочные знаки Майкопского камня.

Известно, что языки подвержены изменениям и темпы этих изменений таковы, что русским людям уже через 800 лет понадобятся переводы «Слова о полку Игореве» на современный язык. Поэтому нужно должным образом оценить признание Г. Ф. Турчанинова, что «абхазский» язык Майкопской надписи, несмотря на прошедшие три с лишним тысячи лет, «не настолько отделен от современного, чтобы его при некотором усилии нельзя было понять»¹⁴. А Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-Ипа и М. М. Трапш, будучи природными абхазами, авторитетно свидетельствуют, что «абхазский» текст Майкопской надписи в чтении Г. Ф. Турчанинова является «вполне доступным пониманию современных абхазцев»¹⁵. Это еще один довод против предложенного Г. Ф. Турчаниновым объяснения загадочных знаков Майкопского камня.

Г. Ф. Турчанинову принадлежат попытки чтения разнохарактерных эпиграфических памятников, которые, согласно его заявлениям, охватывают почти трехтысячелетний период (от XIII в. до н. э. до XVI в. н. э. включительно), представляет пять систем письменности («библско-хеттскую», «пехлевийскую», руническую, сирийско-несторианскую и греческую) и написаны на пяти языках (абхазском, адыгейском, кабардинском, осетинском и древнерусском). Уважение к эрудиции автора указанных трудов не может заслонить нашего глубокого убеждения, что дешифровщика-универсала неизбежно подстерегают ошибки, подобные сенсационному «открытию» «абхазской» надписи, «древнейшей в СССР».

Л. И. Лавров

¹⁴ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 88.

¹⁵ «Майкопская находка», «Литературная газета», 1963, № 152.

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Пименов (Москва). О некоторых закономерностях в развитии народной культуры	3
Н. П. Лобачева (Москва). О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана	15
В. П. Кобычев (Москва), А. И. Робакидзе (Тбилиси). Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (<i>Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу</i>)	26
С. И. Вайнштейн (Москва). Орнамент в народном искусстве тувинцев	45
М. А. Итина (Москва). О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы	62
И. М. Семашко (Москва). Происхождение и этническая история бхилор (<i>К постановке проблемы</i>)	80
Честер С. Чард (Мадисон). Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии	94

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов (Москва). О понятии этнической общности	100
В. В. Седов (Москва). К происхождению белорусов (<i>Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов</i>)	112

Сообщения

А. Е. Панян (Москва). Новый быт колхозников села Мргаван Арташатского района Армянской ССР	130
Н. А. Брегадзе (Тбилиси). Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев	140

Поиски, факты, гипотезы

Р. В. Кинжалов (Ленинград). День в древнем городе майя	145
--	-----

Научная жизнь

А. М. Решетов (Ленинград). III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока	156
Б. А. Калоев (Москва). Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа	163
В. Е. Гусев (Ленинград). Поездка в Югославию	167

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. В. Гуров, Т. Е. Катенина (Ленинград). Новый этап в изучении протоиндийских надписей	171
--	-----

Общая этнография

Е. М. Мелетинский (Москва). The Anthropologist Looks of Myth	178
--	-----

Народы СССР

В. П. Алексеев (Москва). М. Г. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа	181
М. С. Лазарев (Москва). Т. Ф. Аристов. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк)	183

Народы зарубежной Азии

А. П. Окладников (Новосибирск). П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама	185
--	-----

Народы Америки

- Ю. П. Аверкиева (Москва). *James Van-Stone. The Changing Culture of the Snowdrift Chipewyan* 189

Народы Африки

- А. Б. Халидов (Ленинград). Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары, т. II. Арабские источники X—XII вв. 193

- Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана 195

Письма в редакцию

- Л. И. Лавров (Ленинград). К попытке чтения Майкопской надписи 203

На первой странице обложки: Табунщик Ассаналы Тугузбаев (Киргизская ССР) пьет кумыс из кожаной фляги. Такие фляги, украшенные красивым тисненным орнаментом, восходящим к культуре древних кочевников степей Евразии, до сих пор сохранились в быту чабанов от Тувы до Киргизии (фото Э. Вильчинского, АПН)

SOMMAIRE

- V. V. Piménov (Moscou). Sur quelques lois de l'évolution de la culture populaire 3
 N. P. Lobatchiova (Moscou). De la formation d'un nouveau rituel de nocés chez les peuples de l'Ouzbékistan 15
 V. P. Kobitchév (Moscou), A. I. Robakidzé (Tbilissi). Les bases de typologie et de cartographie de l'habitat des peuples du Caucase (Matériaux à un Atlas historico-ethnographique) 26
 S. I. Vaïnchteïn (Moscou). L'ornement dans l'art populaire des habitants de Touva 45
 M. A. Itina (Moscou). Sur la place de la culture de Tazabaghiab parmi les civilisations de bronze des steppes 62
 I. M. Semachko (Moscou). L'éthnogenèse des Bhils (mise au point du problème) 80
 Chester C. Chard (Madison). Quelques problèmes de la chronologie préhistorique au Nord-Est de l'Asie 94

Discussions et délibérations

- V. I. Kozlov (Moscou). Sur la notion de la communauté ethnique 100
 V. V. Sedov (Moscou). Sur l'origine des Bielorusses (Le problème du substrat Balte dans l'éthnogenèse des Bielorusses) 112

Communications

- A. Ye. Panian (Moscou). Nouvelles traites du mode de vie des kolkhoziens du village Mrgavan de l'arrondissement d'Artachat, R. S. S. d'Arménie 130
 N. A. Brégadzé (Tbilissi). Les bases rationnelles de certains usages des cultivateurs géorgiens 140

Recherches, faits, hypothèses

- R. V. Kinjalov (Léningrad). Un jour dans une ancienne ville des Maya 145

Vie scientifique

- A. M. Réchétov (Léningrad). III-e Conférence pour l'histoire, la culture et la philologie de l'Ancien Orient 156
 B. A. Kaloïév (Moscou). Session scientifique sur la problème des origines du peuple ossète 163
 V. Ye. Goussév (Léningrad). Voyage en Yougoslavie 167

Critique et bibliographie**Articles et revues de critique**

- N. V. Gourov, T. Ye. Katenina (Léningrad). Une nouvelle étape d'étude des inscriptions protoindiennes 171

Ethnographie générale

- Ye. M. Meletinski (Moscou). The Anthropologist Looks at Myth 178

Peuples de l'U. R. S. S.

- V. P. Aléxéiev (Moscou). M. G. Abdouchélichvili. Contribution à la craniologie des populations anciennes et modernes du Caucase 181

- M. S. Lazarév (Moscou). T. F. Aristova. Les Kurdes de la Transcaucasie (Essai historico-ethnologique) 183

Peuples d'Asie étrangère

- A. P. Okladnikov (Novossibirsk). P. I. Boriskovski. Le passé préhistorique du Vietnam 185

Peuples d'Amérique

- Yu. P. Averkieva (Moscou). James Van-Stone. The Changing Culture of the Snowdrift Chipewyan 189

Peuples d'Afrique

- A. B. Khalidov (Léningrad). Sources anciennes et médiévales sur l'ethnographie et histoire des peuples d'Afrique au sud du Sahara 193

- Nouveaux livres sur les peuples de l'Asie Centrale et du Kazakhstan 195

Lettre à la rédaction

- L. I. Lavrov (Léningrad). D'une tentative de lecture de l'inscription de Maïkop 203

Sur la couverture: Assanly Tougouzbaiev, gardien de chevanx (Kirghizie), boit le koumys d'une gourde en cuir. Telles gourdes ornées de dessins estampés qui remonte à la culture des nomades anciens de steppes d'Eurasie, sont conservées jusqu'à nos jours chez les tchabans (bergers) à partix de la Tauva jusqu'à la Kirghizie (photo de E. Viltchinsky, APN)

Редакционная коллегия

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян, Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора), Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова, С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. глав. редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 14/1-1967 г. Т-06206 Подписано к печати 18/IV-1967 г. Тираж 1965 экз.
Зак. 6564 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 18,2 Бум. л. 6¹/₂ Уч.-изд. листов 20,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10